ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
2021

STATE
ACADEMIC UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL COURIER

2021 (3 / 4)

Four issues published twice a year

Founded in January, 2019
Moscow

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЙ КУРЬЕР

2021 (3 / 4)

Журнал выходит четыре раза в год в двух сдвоенных номерах

Основан в январе 2019 года
Москва

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 — 77287 от 25 ноября 2019 г.
ISSN: 2686-8431

Периодическое издание,
Рецензируемый научный журнал

Журнал издается под руководством:
Государственный академический университет
Гуманитарных наук (ГАУГН)
Институт востоковедения Российской академии наук
(ИВ РАН)

E-mail: oriental-courier@jes.su
URL: https://oriental-courier.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, г. Москва, Мароновский переулок, 26, комн. 222

Periodical,
Peer-reviewed journal

The journal is published under the supervision of:
State Academic University for the Humanities
(GAUGN)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(IOS RAS)

E-mail: oriental-courier@jes.su
URL: https://oriental-courier.ru

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS), 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

State University for the Humanities (GAUGN).
26, Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049, 119, room 222

Восточный курьер. No. 3 / 4. — М.: ГАУГН, ИВ РАН, 2021. — 288 с.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ГАУГН, ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Макет и верстка — Н. В. Бусыгин
В оформлении обложки использованы рисунки © Ю. А. Молоканова
На обложке: Крышка коробки для бетеля. Вьетнам, конец XIX – начало XX в. Дерево, металл, инкрустация перламутром, гравировка. Собрание ГМВ, инв. № 15568/1–3 I

© ГАУГН, 2021
© ФБГУН ИВ РАН, 2021
© Редакция журнала «Восточный курьер» (составитель), 2021

Редакционно-издательский совет

А. К. Аликберов
В. Я. Белокреницкий
В. В. Наумкин
А. Л. Рябинин
Д. В. Фомин-Нилов

Главный редактор

Д. В. Дубровская

Редакционная коллегия

И. Г. Актамов
Л. Б. Алаев
А. С. Балахванцев
Е. Ю. Ванина
М. В. Грачев
А. Ю. Другов
Д. Н. Замятин
М. С. Круглова
М. И. Крупянко
В. А. Кузнецов
Е. В. Кузнецова
П. А. Куценков
Д. В. Микульский
А. А. Столяров
Т. Л. Шаумян
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

Редакция

А. И. Василенко
(ответственный секретарь)
М. А. Терехова
(научный редактор)

Editorial Advisory Board

Alikber K. Alikberov
Vyacheslav Ya. Belokrenitskiy
Vitaly V. Naumkin
Aleksey L. Ryabinin
Denis V. Fomin-Nilov

Editor-in-Chief

Dinara V. Dubrovskaya

Editorial Board

Innokenty G. Aktamov
Leonid B. Alaev
Archil S. Balakhvantsev
Evgeniya Yu. Vanina
Maxim V. Grachyov
Alexey Yu. Drugov
Dmitry N. Zamyatin
Maria S. Kruglova
Mikhail I. Krupyanko
Vasily A. Kuznetsov
Evgeniya V. Kuznetsova
Pyotr A. Kutsenkov
Dimitry V. Mikulsky
Alexander A. Stolyarov
Tatiana L. Shaumyan
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

Editorial Group

Anastasiya I. Vasilenko
(Executive Editor)
Maria A. Terekhova
(Academic Editor)

Содержание

12 От редакции

VIVAT ACADEMIA!

13 Дубровская Д. В. Альбом на память. К восьмидесятилетию Вячеслава Яковлевича Белокреницкого

ВОСТОЧНОЕ ЧАЕПИТИЕ

21 Седов А. В., Стародубцева М. В. Александр Седов: «Мы рассказываем людям об их культуре»

39 Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении. Часть I

ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА

57 Рябинин А. Л. Восток, Запад и всемирная история

69 Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая

ВОСТОК: ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ

85 Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке

95 Стародубровская И. В. Двуликий Янус радикализации. Еретические мысли. По мотивам работы д-ра Арне Зайферта

109 Чиркова К. Д. Что ждет фондовую биржу Гонконга после 2047 года?

122 Шалупкин В. В. Технологии в образовании: EdTech в странах ССАГПЗ и вызовы COVID-19

АРАБСКИЙ МИР

138 Микульский Д. В. Южнойеменский историк Ахмад Фадл ал-‘Абдали (1881–1943) о родной стране (по материалам исторического сочинения *Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан*)

146 Матросов В. А., Кривошеева М. В. Как засолить дракона: классический арабо-античный рецепт

TURKISH DELIGHT

158 Сибгатуллина А. Т. Трапезундская операция глазами турецких историков

ЧИТАЯ ИСТОЧНИКИ

166 Грачев М. В. Дворцовые пиршества в эпоху Хэйан Истоки. Часть 1

180 Мадхопури Б., Бочковская А. В. Боль разбитого зеркала (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»)

ЗОЛОТОЙ ФОНД

190 Брентьес Б. «Пра-мандала» Дашлы-3: как воплотить идею о всемирном владыке в архитектурной форме

ВОСТОЧНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

209 Раванди-Фадаи Л. М. Искусство, любовь и драгоценности. Сокровища иранских шахов в балете «Шахерезада»

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

220 Столяров А. А. Нирмахал — жемчужина Трипуры

230 Круглова М. С. Бурятская мозаика: от нерп к буузам

MEMORABILIA

242 Яковлев А. И. «Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института Востоковедения РАН (1956–1977 гг.)

ЕВРОПЕЙЦЫ В АЗИИ

257 Лебеденко А. А. Гималайский Институт научных исследований «Урусвати»: история и современность

ВОСТОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА

275 Сафонова Н. В. Особенности стрит-арта в странах Ближнего Востока

Contents

12 Editorial

VIVAT ACADEMIA!

13 Dubrovskaya Dinara V. Memory Album. To the 80th Anniversary of Vyacheslav Y. Belokrenitsky

ASIAN TEA PARTY

21 Sedov Alexander V., Starodubtseva Marina V. Alexander Sedov: "We Tell People about Their Culture"

39 Mikhailov Stanislav V. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies. Part I

THEORY AND ANALYTICS

57 Ryabinin Alexei L. The East, the West, and the World History

69 Nepomnin Oleg E. The Foreign Policy Doctrine of Traditional China

EAST: PRESSING MATTERS

85 Akhmedov Vladimir M. The Philosophy of the Civil-Military Relations in the Middle East

95 Starodubrovskaya Irina V. The Two-Faced Janus of Radicalization. Heretical Thoughts. Based on the Work of Dr. Arne Seifert

109 Chirkova Christina D. What Will Happen with the Hong Kong Stock Exchange After 2047?

122 Shalupkin Vadim V. Technology in Education: EdTech in GCC states and COVID-19 challenges

ARABIAN WORLD

138 Mikulskyi Dimitry V. South Yemeni Historian Ahmad Fadl al-'Abdali (1881–1943) on His Native Land (Based on the Historical Work *Khadiyat az-Zaman fi Akhbar Muluk Lahj wa 'Adan*)

146 Matrosov Valeriy A., Krivosheeva Maria V. How to Pickle a Dragon: Classic Arabo-Antique Recipe

TURKISH DELIGHT

158 Sibgatullina Alfina T. The Trebizond Operation through the Eyes of Turkish Historians

READING HISTORICAL SOURCES

166 Grachyov Maxim V. Palace Banquet in the Heian Japan. The Origins. Part 1

180 Madhopuri Balbir, Bochkovskaya Anna V. *Tikḍe šīše kī vyathā / The Tale of the Cracked Mirror* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*)

GOLDEN RESERVE

190 Burchard Brentjes. The "Proto-Mandala" of Daschly-3: How to Embody the Idea of the World Lord in Architectural Form

EASTERN TREASURY

209 Ravandi-Fadai Lana M. Art, Love and Jewels
Treasure of the Iranian Shahs in the "Shahrazad" Ballet

ACADEMIC JOURNEY

220 Stolyarov Alexander A.
Neermahal — the Jem of Tripura

230 Kruglova Maria S. Buryat Mosaic:
From the Seals to the Buuz

MEMORABILIA

242 Yakovlev Alexander I. "He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild":
On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977)

WESTERNERS IN THE EAST

257 Lebedenko Anatoly A. Himalayan Institute of Academic Research 'Urusvati':
History and Modernity

ORIENT: AN ARTISTIC VIEW

275 Safonova Natalia V. Specific Features of Middle Eastern Street-Art

ОТ РЕДАКЦИИ:

В этом номере много интересного. Посудите сами:

«То ли горючая смесь воспламенилась внутри змея, то ли он раскрыл пасть, пытаясь выплюнуть проглоченное, а люди швырнули в эту пасть источник пламени, то ли *тиннина* стошнило, и железные крюки разодрали изнутри его желудок и глотку, но дракон был повержен, а люди и остров освободились от ига».

«Вечером учитель Закона Будды и ритуала Сайдзэн провел во дворце чтения буддийских сутр. Потом случилось беспредельное погружение в омут пьянства. Довольно быстро дошло до безрассудных речей».

«Главный символ власти персидских властителей — трон Надира. Этот величественный трон, инкрустированный 26 733 драгоценными камнями, создали иранские мастера по указу Фетх Али-шаха».

«Трое святых-*садху* в тюрбанах с павлиньими перьями — такие обычно носили астрологи — ходили от дома к дому с пением про Гауараджу».

«Остров, на котором стоит дворец, соединен с берегом мостом длиной чуть более 50 м».

«Тибет славился и уникальными масляными скульптурами, сооружавшимися, как и песчаные мандалы, исключительно в культовых целях».

И это малая толика богатств, принесенных Восточным курьером в конце трудного, но плодотворного 2021 года.

А пока — берегите себя и читайте «Восточный курьер».

DOI: 10.18254/S268684310017996-3

Альбом на память

К восьмидесятилетию Вячеслава Яковлевича Белокреницкого

Memory Album

To the 80th Anniversary of Vyacheslav Y. Belokrenitsky

5 ноября 2021 г. свой 80-летний юбилей отметил выдающийся российский востоковед, доктор исторических наук, профессор, организатор науки, руководитель Центра Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН Вячеслав Яковлевич Белокреницкий. Работы ученого по истории и социальному развитию Пакистана, Индии, Ближнего и Среднего Востока, по проблемам демографии, ислама, международным отношениям и общим проблемам социально-политического развития стран Южной Азии и Среднего Востока в XX веке заслуженно считаются классическими. Многие из них были переведены на английский и другие европейские и восточные языки и получили заслуженное признание за рубежом, а такие книги, как «Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации» (М., 1982) и «Восток в мирополитических процессах» (М., 2010) вошли в золотой фонд мировой науки. Редакция «Восточного курьера» от души по-

здравляет Вячеслава Яковлевича с юбилеем и желает неиссякаемого здоровья, вдохновения и новых блестящих исследований[1].

Ключевые слова: история науки, устная история, пакистановедение, В. Я. Белокреницкий, ИВ РАН

Для цитирования: Дубровская Д. В. Альбом на память. К восьмидесятилетию Вячеслава Яковлевича Белокреницкого. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 13–20. DOI: 10.18254/S268684310017996-3

On November 5, 2021, Vyacheslav Y. Belokrenitsky, an outstanding Russian orientalist, doctor of historical sciences, professor, organizer of science, head of the Center for Middle East Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, celebrated his 80th birthday. The works of the scholar on the history and social development of Pakistan, India, the Middle East, on the problems of demography, Islam, international relations and general problems of the socio-political development of the countries of South Asia and the Middle East in the twentieth century are deservedly considered classic. Many of them have been translated into English and other European and Eastern languages and have received well-deserved recognition abroad, while such books as “Pakistan. Features and Problems of Urbanization” (Moscow, 1982) and “The East in World Political Processes” (Moscow, 2010) entered the golden fund of world academic research. The editorial group of *Oriental Courier* congratulate Vyacheslav Yakovlevich on his birthday and wish him inexhaustible health, inspiration and new brilliant research.

Keywords: history of science, oral history, Pakistani studies, IOS RAS, Vyacheslav Y. Belokrenitsky

For citation: Dinara V. Dubrovskaya. Memory Album. To the 80th Anniversary of Vyacheslav Y. Belokrenitsky. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 13–20. DOI: 10.18254/S268684310017996-3

5 ноября 2021 г. отметил юбилей член Редакционно-издательского совета «Восточного курьера», доктор исторических наук, историк и экономист профессор Вячеслав Яковлевич Белокреницкий — выдающийся специалист по истории и культуре стран Ближнего и Среднего Востока, знаток широкого круга проблем мировой экономики и политики и руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока.

Говорить о Вячеславе Яковлевиче легко и трудно: легко, потому что он являет собой редкий пример человека, которому хочется во всем подражать — мудрый и доброжелательный, обладающий энциклопедическими знаниями и скромный, великий труженик и человек, всегда имеющий время на любимую семью, друзей и сотрудников, генератор идей и критически мыслящий ученый, дипломат и радушный хозяин, один из столпов Института востоковедения и театрал, знаток музыки, поэзии, литературы. Трудно, потому что Вячеслав Яковлевич не любит говорить о себе и всегда готов обсудить чаяния и проблемы человека, который к нему пришел. Если вам нужен совет — по проблемам науки или в непростой жизненной ситуации — Вячеслав Яковлевич не пожалеет для вас ни времени, ни душевных сил, а вот сам даже и не подумает о том, чтобы попросить помощи, — не из гордости, а потому что относится к людям не только мысли, но и действия. Знаток людей,

1 Составила © 2021 Д. В. Дубровская, кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; distan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9372-6553.
Compiled by © 2021 Dinara V. Dubrovskaya, PhD (History), Assistant Professor, Department of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; distan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9372-6553.

В. Я. всегда ставит во главу угла добро и поощрение, видит потенциал человека, добиваясь двойного эффекта: поддержки ученого и реального научного результата.

При этом автору довелось быть свидетелем редкого, но характерного случая, когда В. Я. достаточно жестко (пусть и крайне корректно) указал докладчику на одной представительной конференции упущения в элементарных знаниях, необходимых для проведенного «исследования», и эта способность — без экивоков и околичностей обозначить базовый периметр научной эрудиции — неотъемлемая черта настоящего ученого, владеющего пониманием основ профессии

Краткая биография и основные труды Вячеслава Яковлевича Белокреницкого

Вячеслав Яковлевич — коренной москвич, но, как и многие дети войны, родился в эвакуации, в Казани, куда его семья выехала из столицы в начале войны. Родители будущего ученого работали в системе Госбанка СССР, а склонность к изучению экономики у Вячеслава Яковлевича развилась, судя по всему, под влиянием отца Якова Михайловича, опубликовавшего ряд работ по банковским и финансовым вопросам.

Уже в Москве Вячеслав Яковлевич в 1959 г. окончил первую в Москве школу с преподаванием ряда предметов на английском языке (а английским он владеет блестяще и периодически на нем публикуется) и поступил в Институт восточных языков при МГУ (ныне ИСАА МГУ), из которого выпустился в 1965 г. по специальности «история Индии» со знанием хинди и урду. После года работы в ТАСС Вячеслав Яковлевич в 1966 г. поступил в очную аспирантуру Института народов Азии АН СССР (ныне Институт востоковедения РАН), где сфокусировался на исследовании экономики Пакистана. По окончании аспирантуры в 1969 г., защитив кандидатскую диссертацию в 1970 г. (о проблемах мелкого промышленного производства в Пакистане), он становится младшим, а с 1979 г. — старшим научным сотрудником института. Параллельно в 1974–1977 гг. В. Я. Белокреницкий работал редактором отделения Агентства печати новости (АПН) в Карачи (Пакистан), выполняя обязанности вице-консула.

В 1990 г. за диссертацию по социально-экономической истории Пакистана Вячеславу Яковлевичу Белокреницкому была присвоена степень доктора исторических наук, а в 2003 г. — ученое звание профессора. До начала девяностых исследования В. Я. Белокреницкого касались в основном экономики развивающихся стран на примере Пакистана, его социально-экономической и политической истории, которым он посвятил немало публикаций — как монографий, так и статей: [Белокреницкий, 1972; 1982; 1988].

С 1987 г. по настоящее время Вячеслав Яковлевич — заведующий Отделом стран Ближнего и Среднего Востока (с 2010 г. — Центр изучения стран БСВ). С 2009 г. В. Я. Белокреницкий — бессменный член дирекции ИВ РАН, член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН).

Уже в 1981 г. в издательстве «Мысль» вышла выпущенная массовым тиражом небольшая книга, посвященная социально-экономическим проблемам Пакистана и написанная совместно с В. Н. Москаленко [Белокреницкий, Москаленко, 1981], через десять лет в Индии на английском языке вышло дополненное издание монографии о пакистанском капитализме [Belokrenitsky, 1991].

С приходом девяностых годов научные интересы В. Я. Белокреницкого смещаются в сторону международных отношений и политологии. В 1992 г. в качестве приглашенного профессора он читает курсы лекций по этим дисциплинам в Университете Вилланова (США, Пенсильвания), а в 1993–1994 гг. — в Университете Хосэй в Токио. С 1996 г. В. Я. Белокреницкий — профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (МГИМО Университета) МИД РФ, ведущий курсы, посвященные внешней политике Индии и других стран Южной Азии, роли Востока в мировой политике, регионоведению, проблематике современного исламского мира и исламского радикализма.

Вячеслав Яковлевич — автор более 300 научных трудов, научно-аналитических и научно-публицистических работ, его перу принадлежит более полутора десятков монографий на русском и английском языках, он выступил составителем и ответственным редактором более двадцати коллективных монографий и сборников статей, подготовил более десяти кандидатов и докторов наук. В 1999 и 2001 гг. была издана программа его лекций «Восток в международных отношениях и мировой политике», в 2009 г. Восточный университет выпустил курс лекций под таким же названием, а в 2010 г. под грифом Института востоковедения РАН вышла блестящая монография «Восток в мирополитических процессах».

Фокус внимания В. Я. Белокреницкого как специалиста в области международных отношений сосредоточен на ситуации в Южной и Центральной Азии, которой посвящен ряд статей, опубликованных в журналах *Asian Survey*, *Pakistan Horizon*, *Pro et Contra*, «Центральная Азия и Кавказ». В 1999 г. вышла в свет подготовленная под редакцией и при участии В. Я. Белокреницкого коллективная монография [Белокреницкий, 1999], а в 2003 г. — написанная совместно с В. Н. Москаленко и Т. Л. Шаумян книга [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003]. Помимо внешней политики Пакистана автор уделил особое внимание проблеме пуштунских племен и наличию общего пуштунского ареала.

В центре научно-организационной деятельности В. Я. Белокреницкого с конца 1980-х гг. находится проблематика ислама на Ближнем и Среднем Востоке, унаследованная им от его учителя — профессора Ю. В. Ганковского (1921–2001), основателя расширенного Отдела стран БСВ, включившего сектор Пакистана и сектор курдоведения. Так, в 1999 г. прошла первая конференция на тему ислама и политики в обширном регионе, включившем, помимо Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана и этнического Курдистана страны Центральной Азии и Арабского Востока. В 2001 г. вышел первый сборник статей «Зеленой серии» под редакцией В. Я. Белокреницкого, подготовленный им совместно с коллегами [*Ислам и политика*, 2001]. За ним последовали и другие: [Белокреницкий, 2001; 2004; 2005; 2010; 2011]. Основу сборников составили доклады, прочитанные на проводимых раз в два года широких научных конференциях с участием специалистов ИВ РАН, из научно-образовательных учреждений Москвы, других городов России и из-за рубежа.

Демографические процессы на Востоке — еще один живой научный интерес В. Я. Белокреницкого, пробудившийся у ученого со времен работы междотдельской группы по демографии, в конце 1970-х гг. созданой и возглавленной в ИВ АН СССР профессором Я. Н. Гузеватым. В постсоветское время в центре внимания В. Я. Белокреницкого оказались не столько экономические, сколько политические аспекты демографической проблематики. В журналах «Восток / Oriens», «Вестник Института востоковедения РАН» и других изданиях вышел ряд его статей на тему мировой демографии и мировой политики. Особо отметил ученый феномен взрывного роста мусульманского населения планеты.

В центре внимания В. Я. Белокреницкого постоянно остается комплексное изучение Пакистана, которому он посвятил большинство научных и научно-публицистических работ, а их количество превышает триста. Многие из этих работ были написаны совместно с другом и коллегой В. Я. — профессором В. Н. Москаленко. В 2008 г. вышла в свет их совместная монография «История Пакистана. XX век», дополненная, переработанная и переведенная на английский язык версия которой была выпущена пакистанским отделением издательства *Oxford University Press*.

Одно из значительный достижений В. Я. Белокреницкого — активное участие в работе редколлегии шеститомной «Истории Востока», где он совместно с академиком РАН В. В. Наумкиным выступил в качестве ответственного редактора шестого тома, посвященного новейшему периоду — 1945–2000 гг., написав к нему завершающую главу и заключение.

Более 20 статей и две книги Вячеслава Яковлевича опубликованы за рубежом на английском, французском и китайском языках. В. Я. Белокреницкий —

один из авторов и ответственных редакторов ряда коллективных работ Института востоковедения РАН, в том числе упомянутая выше работа «Ислам и политика», «Ислам и общественное развитие в начале XXI века» (2005 г.), «История Востока. Т. VI» (2008 г.), «Россия и исламский мир» (2010 г.).

Вячеслав Яковлевич — выдающийся ученый, знаток истории, экономики, общественно-политической проблематики Востока и тонкий стилист — недаром он многие годы возглавляет Редакционно-издательский совет Института востоковедения РАН, беспристрастно оценивая труды коллег и давая им — и трудам и коллегам — дорогу в жизнь.

Редакция «Восточного курьера» желает Вячеславу Яковлевичу самых интересных тем для исследования, творческого окружения и новых научных достижений!

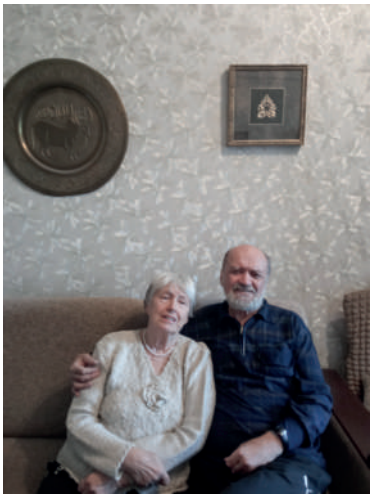
В президиуме общего собрания коллектива Института востоковедения
Все голосуют «за», а у Вячеслава Яковлевича есть предложение
Фото © из архива Института востоковедения РАН

Встречи с зарубежными учеными и политиками, совещания, конференции и заседания — обычная научная жизнь
С коллегами по Центру изучения истории стран Ближнего и Среднего Востока
Ниной Михайловной Мамедовой, Натальей Юрьевной Ульченко, Ульченко, Сергеем Наумовичем
Каменевым, нынешним директором Аликбером Калабековичем Аликберовым и зарубежными гостями
Фото © из архива Института востоковедения РАН

С коллегой, специалистом по экономике стран Востока Ириной Владимировной Дерюгиной
Фото © из архива Института востоковедения РАН

Заседание, посвященное памяти историка-арабиста профессора Ирины Михайловны Смилянской (1925–2019). В президиуме Виталий Вячеславович Наумкин, Вячеслав Яковлевич Белокреницкий, Наталья Геннадиевна Романова и Елена Борисовна Смилянская
Фото © из архива Института востоковедения РАН

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий в работе и размышлениях
Фото © из архива Института востоковедения РАНа



С супругой Вероникой Александровной
Фото © Дарья Моева

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий с автором-составителем юбилейного издания «200 лет Институту востоковедения РАН. Прошлое и настоящее» Д. Дубровской, редактором Т. Аникеевой и бильд-редактором Д. Моевой
Фото © Мидия Озманян

Список литературы / References

Белокреницкий В. Я. *Восток в международных отношениях и мировой политике. Курс лекций.* М.: Восточный университет, 2009. — 292 с. [Belokrenitsky V. Y. *The East in International Relations and World Politics*. Lecture Course. Moscow: Vostochyi Universitet, 2009. — 292 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Восток в мирополитических процессах*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. — 320 с. [Belokrenitsky V. Y. *The East in World Political Processes.* Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2010. — 320 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития*. М.: Наука, 1988 [Belokrenitsky V. Y. *Capitalism in Pakistan. The History of Socio-Economic Development*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Мелкое производство в экономике Пакистана*. М.: Наука, 1972 [Belokrenitsky V. Y. *Small Industries in the Pakistani Economy.* Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Пакистан: особенности и проблемы урбанизации*. М.: Наука, 1982 [Belokrenitsky V. Y. *Pakistan: Peculiarities and Problems of Urbanization*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг*. М.: ИВ РАН, 2016. — 712 с.

[Belokrenitsky V. Y. *Pakistan: South Asia, Islamic World, the East. Selected Works of 2008–2016*. Moscow: IOS RAS, 2016. — 712 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Егорин А. З. (ред). *Ислам и политика. (Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии)*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001. — 420 с. [Belokrenitsky V. Y., Egorin A. Z. (Eds.) *Islam and Politics. (Interconnection of Islam and Politics in the Countries of the Near and Middle East, in the Caucasus and in Central Asia)*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2001. — 420 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Егорин А. З. (ред). *Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии.* М.:, 2004. — 439 с. [Belokrenitsky V. Y., Egorin A. Z. (Eds.) *Islam in the Modern East. Near and Middle Eastern Countries.* Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2004. — 439 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Егорин А. З. (ред.) *Мусульманские страны у границ СНГ*. М.: ИВ РАН, 2001. — 336 с. [Belokrenitsky V. Y., Egorin A. Z. (Eds.) *Muslim States near CIS's Borders.* Moscow: IOS RAS, 2001. — 336 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Егорин А. З., Ульченко Н. Ю. (ред). *Ислам и общественное развитие в начале XXI в.* М.: ИВ РАН, Крафт+, 2005. — 496 с. [Belokrenitsky V. Y., Egorin A. Z., Ulchenko N. Yu. *Islam and Social Development at the beginning of the XXI Century*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2005. — 496 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Зайцев И. В., Ульченко Н. Ю. (ред.) *Исламский фактор в истории и современности*. М.: Востлит, 2011. — 607 с. [Belokrenitsky V. Y., Zaitsev I. V., Ulchenko N. Yu. (Eds.) *Islamic Factor in History and Modernity*. Moscow: Vostlit, 2011. — 607 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Зайцев И. В., Ульченко Н. Ю. (ред.) *Россия и мусульманский мир. Историческая ретроспектива и современные тенденции.* М.: ИВ РАН, Крафт+ 2010. — 480 с. [Belokrenitsky V. Y., Zaitsev I. V., Ulchenko N. Yu. (Eds.) *Russia and Islamic World. Historical Retrospect and Modern Tendencies*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2010. — 480 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. —576 с. [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. 20th Century.* Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2008. — 576 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *Южная Азия: конфликты и геополитика.* М.: ИВ РАН, 1999. —173 p. [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *South Asia: Conflicts and Geopolitics*. Moscow: IOS RAS, 1999. — 173 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М.: Международные отношения, 2003. — 368 с. [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N., Shaumyan T. L. *South Asia in World Politics.* Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2003. — 368 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. *Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана.* М.: ИВ РАН, 2013. — 176 с. [Belokrenitsky V. Y., Sikoev R. R. *The Authoritarian Rule and Democracy in Afghanistan and Pakistan*. Moscow: IOS RAS, 2013. — 176 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я.: Сикоев Р. Р. *Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана*. М.: ИВ РАН, 2014. — 218 с. [Belokrenitsky V. Y., Sikoev R. R. *The Taliban Movement and the Prospects of Afghanistan and Pakistan*. Moscow: IOS RAS, 2014. — 218 p. (in Russian)].

Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *A Political History of Pakistan, 1947–2007.* Karachi: Oxford University Press, 2013. — 520 p.

Belokrenitsky V. Y. *Capitalism in Pakistan. A History of Socio-economic Development*. New Delhi: Patriot Publishers, 1991. — 370 p.

DOI: 10.18254/S268684310017997-4

Александр Седов: «Мы рассказываем людям об их культуре»

Alexander Sedov: "We Tell People about Their Culture"

© 2021 **Александр Всеволодович Седов**

доктор исторических наук, Генеральный директор Государственного музея Востока, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва
asedov@orientmuseum.ru; ORCID ID: 0000-0001-8303-5599

Alexander V. Sedov

DSc (History), Director-General of The State Museum of Oriental Art, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; asedov@orientmuseum.ru
ORCID ID: 0000-0001-8303-5599

Марина Витальевна Стародубцева

магистрант Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия; marina.starodubcev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Marina V. Starodubtseva

Post-graduate Student, European University Saint-Petersburg, Russia; marina.starodubcev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Интервью с Генеральным директором Государственного музея Востока, доктором исторических наук Александром Всеволодовичем Седовым приурочено к запуску осенью 2021 года новой магистерской программы Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и Отдела истории Востока Института востоковедения РАН «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии»[1], которую А. В. Седов возглавляет как научный руководитель (руководитель программы — заведующая Отделом истории Востока ИВ РАН Д. В. Дубровская). Интервью фокусируется на притягательности культуры и искусства Востока, их трансляции широкому зрителю через выставки музея, выходит на уровень обсуждения проблематики сохранения культурного наследия и непростых вопросов целесообразности и уместности музеефикации археологических памятников (на примере Пальмиры в Сирии, памятников Омана и Йемена).

Ключевые слова: Государственный музей Востока, А. В. Седов, интервью, история востоковедения, культурное наследие, Хакасия, археология Йемена, устная история, Пальмира, храм Бела, Оман, Баракиш, храм Накраха, Хор Рори

Для цитирования: Седов А. В., Стародубцева М. В. Александр Седов: «Мы рассказываем людям об их культуре». *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 21–38. DOI 10.18254/S268684310017997-4

An interview with Alexander V. Sedov, the Director-General of The State Museum of Oriental Art devoted to the launch of the new master's program of the Faculty of Oriental Studies of the State Academic University for the Humanities (GAUGN) and the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences "Socio-Cultural Development of East Asian Countries", which is headed by Alexander Sedov as an academic curator (Dinara V. Dubrovskaya, the head of the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies RAS, is the supervisor of the program). The interview focused on the attractiveness of the Eastern art and culture and their broadcasting to a wider audience through the exhibitions of the Oriental museum, reaching the level of discussion of the problems of preserving cultural heritage, questions of the feasibility and relevance of museumification of archaeological sites such as Palmyra in Syria, monuments in Oman and Yemen.

Keywords: The State Museum of Oriental Art, Alexander V. Sedov, interview, history of Oriental studies, cultural heritage, Yemen archeology, Palmyra, Temple of Bel, Oman, Baraqish, Temple of Nakrah, Khor Rori

For citation: Sedov Alexander V., Starodubtseva Marina V. Alexander Sedov: "We Tell People about Their Culture". *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 21–38. DOI 10.18254/S268684310017997-4

Фото для альбома

— М. С.: *На протяжении уже многих лет вы руководите Государственным музеем Востока и именно музей выступает площадкой для формирования представлений о Востоке среди широкой публики. Открываются новые образовательные программы — недавно вы возглавили в качестве куратора новую программу Восточного факультета Государственного университета гуманитарных наук (ГАУГН) «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии». Чувствуете ли вы в последние годы повышение интереса к Востоку?*

— А. С.: Почему только в последние годы? По-моему, интерес к Востоку существовал всегда. Да вообще-то и наша цивилизация возникла

1 Социально-культурное развитие стран Восточной Азии. Магистерская программа Восточного факультета ГАУГН. *Государственный академический университет гуманитарных наук.* URL: http://helium.global/gaugn/master-culture (accessed 29.10.2021).

Доверительная беседа в директорском кабинете
Фото © Д. Дубровская

и во многом сформировалась на Востоке, в Месопотамии (т. е. на территории современного Ирака), в Египете, в Иране, в Индии, в Китае. Все это восточные страны. В XVIII веке Европу, и Россию также, «накрыла» волна ***шинуазри***, дословно *китайщины* — это использование мотивов китайского, либо более широко — дальневосточного искусства в архитектуре, живописи, декоративно-прикладном искусстве, украшении интерьера, костюме и многом другом. Еще в начале XX века во многих московских и санкт-петербургских гостиных на видном месте лежали **альбомы японских студийных постановочных черно-белых фотографий**, раскрашенных акварелью. Они до сих пор являются предметом собирательства и несколько лет назад в нашем музее с успехом прошла выставка такой коллекции («Зерцало вкуса в сезон перемен», 2011 г.). Так что интерес к Востоку, причем не только к Дальнему, существовал всегда.

В XIX веке добавился интерес к Востоку Ближнему, а, например, уже в наше время — возник широкий интерес к индийскому кинематографу, к предметам индийского ремесла, не говоря уже об интересе к искусству восточных единоборств. Флером таинственности всегда была окутана Средняя Азия с ее минаретами, куполами мечетей и гробниц с небесно-голубыми изразцами, с мелодичным чтением Корана. А интерес к Шамбале, к Тибету не прекращался никогда. Таинственный, одухотворенный и мистический Восток, отличающийся от приземленного материалистического Запада, — так он воспринимался всегда.

— М. С.: *Мне кажется, что когда на Западе настает кризис идей, там повышается интерес к Востоку. Сейчас все больше людей обращаются к эзотерике и мистическим учениям. Получается, что поиск новых ориентиров снова направлен на Восток.*

— А. С.: Но и это отнюдь не тенденция только последних лет. Например, многие мои знакомые в свое время отдали дань йогическим практикам. Подозреваю, что мой интерес к Востоку был предопределен местом рождения — **родители строили ГЭС в Азербайджане, я родился в Мингечауре**. В Институт стран Азии и Африки при МГУ (в мое время он назывался Институтом восточных языков) всегда было не поступить, это было элитарное заведение. Попасть на работу в Институт востоковедения считалось счастьем, большой удачей. А уж выехать на работу в восточную страну — счастье совсем великое.

«Поворот на Восток» и некоторые вопросы советской археологии

— М. С.: *И все же откуда пошел ваш профессиональный интерес к культуре Востока?*

— А. С.: В 1968 году после первого курса университета у нас была обязательная архео-

Подписание договора о сотрудничестве между Восточным факультетом ГАУГН и Государственным музеем Востока в связи с открытием магистерской программы «Социокультурное развитие стран Восточной Азии»: заместитель декана Востфака ГАУГН Е. В. Кузнецова, А. В. Седов и Д. В. Дубровская
Фото © М. Стародубцева

логическая практика. Студенты истфака были распределены по группам и одна половина курса поехала в Новгород, а вторая — на «Чайку» в Евпатории[2]. Наша группа — видимо, по воле случая — оказалась откомандирована **в Хакасию, в Абакан, в Южную Сибирь**. Я поступал на истфак, потому что занимался в школе в археологическом кружке. Но тогда был в моде интерес к современной истории и все хотели идти на кафедру Нового и Новейшего времени чтобы изучать современную Англию или США, и я не был исключением.

На практику в Абакан мы ехали на поезде три с половиной дня и когда на утро третьего дня пути я открыл глаза, то увидел в окне пейзаж потрясающей красоты — это была Хакасия. И вместо одного месяца я провел там почти два, а когда вернулся в Москву (это было начало второго курса), пошел на кафедру археологии и сказал, что хочу специализироваться на изучении археологии Сибири. Сибирь ведь это тоже Восток. С тех пор я каждый год ездил туда в экспедиции, а в 1972 году, после университета, мой профессор Леонид Романович Кызласов рекомендовал меня на работу в Институт востоковедения[3].

Тогда там формировался новый сектор, который возглавил **Борис Анатольевич Литвинский**, и была организована археологическая экспедиция в Таджикистан[4]. Меня взяли в институт на должность старшего научно-технического сотрудника, иными словами старшего лаборанта, и пять-шесть месяцев в году я находился на раскопках. Моя кандидатская диссертация была посвящена археологическим памятникам Таджикистана. А в 1983 году начался **Йемен**. Первоначально это было чистое любопытство, и я совмещал поездки в Йемен с поездками в Таджикистан. Но очарование страны на Аравийском полуострове затягивало все больше и больше, и в конце-концов я полностью переключился на доисламскую археологию Аравии [*Институт востоковедения РАН*… 2018, с. 218–

2 Греко-скифское городище в Крыму в районе Евпатории. См. подробнее: Городище «Чайка». Сельскохозяйственная фактория Керкинитиды. *WayBack Machine*. URL: https://web.archive.org/web/20090130033431/http://evpatoriya-history.info/history/begin/chayka.php (accessed 28.10.2021).

3 Страница А. В. Седова на сайте Института востоковедения со списком основных публикаций ученого. Александр Всеволодович Седов. *Институт востоковедения РАН*. URL: https://www.ivran.ru/persons/165 (accessed 29.10.2021).

4 См. Подробнее в этом же номере: [Михайлов, 2021].

219]. Получается, что практиччески вся моя сознательная жизнь и работа были так или иначе связаны с Востоком, правда я перемещался по Евразийскому континенту с северо-востока на юго-запад.

— М. С.: *У вас было понимание того, почему вы все это делаете?*

— А. С.: Потому что интересно. Мне повезло — мое хобби всегда совпадало с моей работой. Работа никогда не велась по принуждению. Наверное, какую-то роль играл и просветительский или, скорее, образовательский фактор. В экспедициях у нас всегда работали студенты, и в Хакасии, и в Таджикистане. Студентов истфака душанбинского университета отправляли собирать хлопок, а руководство экспедиции договаривалось с деканатом и мы часть студентов брали с собой в археологическую экспедицию в качестве рабочих. У них была и работа, и практика, и лекции. Что мы тут делаем, зачем копаем, что все это значит, рассказывали мы и местным жителям из соседних селений, которые также работали у нас на раскопках.

— М. С.: *А что вообще значило в Советском Союзе быть археологом?*

— А. С.: В первую очередь это означало маленькую зарплату. Правда, в добавление к этому были романтика, поездки, интересная работа, хотя, как многие считают, довольно однообразная и кропотливая — не все же находят гробницу Тутанхамона.

Буддийское святилище в Узбекистане и археология Центральной Азии и Ближнего Востока

— М. С.: *Что стало вашим самым большим открытием?*

— А. С.: Наверное, не самым большим, а самым запоминающимся. В 1975 году на раннесредневековом городище Калаи-Кафирниган в Таджикистане на том участке, где я был руководителем раскопок, нам посчастливилось найти руины буддийского святилища с остатками настенных росписей и глиняной скульптуры. Когда буквально на второй день после начала работ **из-под лопаты студента выскакивает обломок сырцового кирпича, на поверхности которого видны полосы краски, и ты кричишь ему «Остановись!»**, а потом реставраторы осторожно расчищают тот участок стены, от которой откололся кирпич, и открывается фреска с изображением сидящего Будды и процессии донаторов, — ты испытываешь неповторимые и ни с чем не сравнимые эмоции, ведь ты видишь произведение, которое создал безвестный художник почти полторы тысячи лет назад!

— М. С.: *Ныне превалирует критическое отношение к работе Советского Союза в этом регионе. То, что одни называют его модернизацией, другие объявляют проявлением колониализма.*

— А. С.: На мой взгляд, это больше игра в слова, жонглирование терминами. **На раскопках не думаешь ни о «модернизации», ни о «проявлениях колониализма», а изучаешь древнюю культуру.** Конечно, вхождение Средней Азии сначала в состав Российской Империи, а затем Советского Союза способствовало не только экономическому развитию.

Однажды, несколько лет назад, я возвращался в Москву из какой-то страны Юго-Восточной Азии и самолет пролетал над территорией Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Южного Узбекистана. Было удивительно чистое небо, внизу прекрасно виднелась извивающаяся лента Амударьи. И разительный контраст: **к северу от Амударьи, там где Таджикистан и Узбекистан, — сады, поля, система оросительных каналов, все зеленое, все возделано, а на афганской стороне — серая однотонная пустыня**.

Конечно, вхождение в Российскую Империю и Советский Союз повлияло на экономическое развитие Средней Азии, но и на культурное развитие тоже. В 1920-е – 1930-е годы там закладывались основы современного изобразительного искусства, а переезд в 1920 году группы ученых и преподавателей из Москвы в Ташкент положил начало созданию легендарного **Среднеазиатского государственного университета**

На открытии выставки, посвященной 200-летию Института востоковедения РАН. 2018 г.
Фото © Дарья Моева

(САГУ). В 1940-е годы во время эвакуации там преподавали профессора Московского университета, а его археологическая школа мало в чем уступала Москве и Ленинграду. В послевоенные годы и позднее из нее вышла целая плеяда великолепных специалистов, да и сегодня выпускники Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека высоко котируются.

— М. С.: *А в каком состоянии находится археология в этих странах сейчас? Что изменилось?*

— А. С.: Если использовать выражение из известной детской сказки, то «пациент скорее жив, чем мертв». Продолжаются масштабные археологические работы, совершаются новые открытия, проводятся научные конференции. Конечно, кое-что было утрачено, ведь произошел отток специалистов, иногда значительный, как, например, из Таджикистана, несколько сократился общий объем научных исследований. Но виной тому и «естественные причины» — смена поколений, уход в мир иной послевоенного поколения ученых, ученых-энциклопедистов.

Кардинальные изменения произошли для российских археологов, работавших в Средней Азии и Казахстане, в Закавказье. С провозглашением независимости центральноазиатских и закавказских республик экспедиции в эти регионы автоматически приобрели статус иностранных или международных. Соответственно, выстраиваются другие взаимоотношения. Часто для того чтобы организовать экспедицию, теперь нужно межправительственное соглашение. Да и деньги для проведения таких экспедиций нужны совсем другие. Наиболее оптимальным вариантом в этой ситуации является организация совместных экспедиций с нашими зарубежными коллегами. **Именно такая экспедиция организована нами сейчас в Хорезме — вместе с Институтом востоковедения РАН и Институтом гуманитарных исследований Каракалпакского филиала АН Узбекистана**.

Еще одна проблема — отсутствие возможности пополнения собрания музея артефактами, находимыми при наших раскопках. **Если раньше, до 1991 года, когда мы работали, например, в Узбекистане, мы могли привозить в Россию часть найденных предметов, то сейчас это исключено**. Это существенное изменение, вынуждающее нас работать преимущественно в пределах границ Российской Федерации.

— М. С.: *В Узбекистане с приходом нового руководства изменилась политика в отношении*

Вид Пальмиры и храма Бела (на заднем плане) до разрушения
По: URL: https://www.khanacademy.org/humanities/ancient-art-civilizations/palmyra2/ancientpalmyra/a/temple-of-bel-palmyra

культурного наследия, делается ставка на туристическую привлекательность памятников культуры. Как вы относитесь к такому подходу?

— А. С.: Узбекистан всегда был очень привлекателен с туристической точки зрения, и можно только приветствовать тот факт, что его туристическая отрасль получила новый импульс. Помимо Министерства культуры теперь созданы новые структуры, например, Министерство туризма и спорта, в ведение которого перешли некоторые крупные музеи (например, музей им. И. Савицкого в Нукусе) и такие всемирно известные памятники культуры, как комплекс Регистан в Самарканде, Ичан-кала в Хиве и другие. Под патронажем Шавката Мирзиёева, президента Узбекистана, работает Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана. Проводятся крупные международные конгрессы, на которых ученые со всего мира обсуждают вопросы изучения и популяризации культурного наследия Узбекистана, его роль в становлении и развитии мировой цивилизации. Регулярным событием стало проведение Недели культурного наследия Узбекистана (в этом году она прошла в сентябре в Ташкенте, Хиве и Нукусе и включала в себя проведение V Международного конгресса «Культурное наследие Узбекистана — фундамент Нового Ренессанса»). В рамках крупного мультимедийного проекта издаются альбомы «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Заявлено, что опубликовано и подготовлено к печати 50 томов этой серии, а ее первый том посвящен коллекции нашего музея.

Впечатляет размах реставрационных работ на памятниках Узбекистана. В принципе, в реставрации памятников есть две тенденции: либо стараться **сохранить только то, что осталось, проводя преимущественно консервацию, либо, опираясь на научные изыскания, осуществлять хотя бы частичное восстановление, воссоздание памятника.** Последний подход, скажем, более туристический, с успехом используется, например, в Турции, в Иордании, в Сирии. Не всем туристам интересно бродить в руинах, в развалинах, многим все-таки интересно посмотреть «как это было на самом деле».

В качестве примера можно привести знаменитую **Пальмиру**, где параллельно с раскопками были проведены значительные работы по музеефикации объектов, включавшие в себя и воссоздание древних сооружений. Эти работы начались еще в 30-е годы XX века, когда была частично восстановлена монументальная арка. В 1970-е и 1980-е годы масштабные работы по

реконструкции коллонад вдоль улиц древнего города, античного театра, **храмов Бела[5] и Баалшамина** были проведены сирийскими специалистами. Пальмира стала одной из туристических жемчужин Сирии. К сожалению, многое из восстановленного и реставрированного было разрушено террористами. Пальмира сейчас опять лежит в руинах.

Руины или Диснейленд: как музеефицировать археологические памятники

— М. С.: *Но не превращаются ли таким образом древние города в продукт для туристического потребления?*

— А. С.: А чем плохо то, что вы называете «туристическим потреблением»? В конце-концов, и реставрация, и музеефикация делаются для туристов, для того чтобы люди приезжали и знакомились с памятниками. Как я уже говорил, кому-то интересно походить по развалинам, а кому-то интереснее представить, как выглядели сооружения, когда они еще не были развалинами. Главное — пытаться соблюсти баланс между подлинными частями и тем, что восстановлено или воссоздано, чтобы памятник не выглядел как отстроенный новодел, но в то же время не оставался руинами, в которых ничего не понятно, да и жить там или использовать их невозможно.

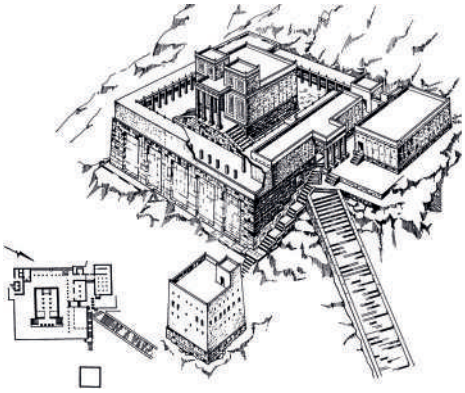
Не надо забывать о том, что многие памятники продолжают оставаться обитаемыми, как, например, старый город в Баку или потрясающий по выразительности город глиняных небоскребов Шибам в Хадрамауте в Йемене. Конечно, после реставрационных работ «шарм старины» часто теряется, пусть частично, однако даже такая прозаическая вещь, как появившиеся коммунальные удобства делают быт местных жителей значительно комфортнее.

— М. С.: *Арабские монархии уделяют ныне большое внимание традициям, культуре. Как вы объясняете этот процесс? Связан ли он с необходимостью выстраивания национальной идентичности, вопрос о которой сегодня весьма актуален?*

— А. С.: Почему только монархии? На Ближнем и Среднем Востоке много и демократических государств, с парламентами, избираемыми депутатами и президентами, да и вопрос поиска национальной идентичности вряд ли напрямую зависит от политического устройства либо географического положения страны. Что касается аравийских государств побережья Персидского залива, то практически до начала 1960-х годов это были весьма бедные малонаселенные территории, а нефтяной бум сделал из них государства необычайно богатые.

Существовало несколько путей развития, несколько направлений, на которые они могли тратить «свалившиеся» на них деньги. Один из них — милитаризация экономики, сознания и всей жизни, другой — повышение благосостояния населения, реализация инфраструктурных проектов. Был выбран второй путь, тем более что территория относительно небольшая и населения не очень много. Огромные средства были вложены в подъем культурно-образовательного уровня коренного населения: появилась возможность получения образования не только в создаваемых в стране учебных заведениях, но и в престижных вузах за рубежом, создание современной инфраструктуры, развитие туристических услуг с помощью привлечения квалифицированных иностранцев, открытие музеев, проведение книжных ярмарок, всевозможных международных форумов, приглашение зарубежных специалистов для изучения их прошлого и настоящего, — все это привело к повышению культурного уровня населения.

5 Или храм Баала, посвященный верховному богу Пальмиры. Храм входил в состав археологического комплекса и представлял собой главную святыню города. Разрушен в 2015 г. боевиками радикальной террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в России), практически полностью уничтожившими его взрывом. — *Ред.* См. подробнее: Becker J. A. Temple of Bel, Palmyra. *Khan Academy*. URL: https://www.khanacademy.org/humanities/ancient-art-civilizations/palmyra2/ancientpalmyra/a/temple-of-bel-palmyra (accessed 28.10.2021).



Республика Йемен, Хадрамаут, древний оазис Райбун. Раскопки остатков жилого дома VIII–VI вв. до н. э. на городище и реконструкция храма Сайина зу-Майфа'ан (VIII–I вв. до н. э.)
Фото и рисунок © из личного архива А. В. Седова

Исходя из ресурсов и ментальности в странах Залива была сделана ставка на строительство крупнейших музеев: если в Катаре организуется Музей исламского искусства, значит, он будет самым большим в мире и на аукционах **без торга будут скупаться оставшиеся шедевры древнего и средневекового искусства.** Конечно, они живут на нефтяных и газовых озерах и это позволяет им сосредоточивать у себя гигантские денежные потоки. Что представлял собой, например, Дубай всего два поколения назад? Это была рыбацкая деревня. Сейчас же это один из крупнейших логистических центров всего мира. Страны Залива намерены создавать не только транспортные, но и культурные хабы и надо признать, многое у них получается.

Йемен между Химьяритской империей и гражданской войной

— М. С.: *При этом они активно поддерживают изменения в разных точках Ближнего Востока: можно вспомнить, как активно на Аль-Джазире шла поддержка Арабской весны. Однако в некоторых местах эти изменения привели к плачевным последствиям. Входит ли новый курс нефтяных монархий и распространение их влияния в противоречие с развитием других стран на Ближнем Востоке?*

— А. С.: Вообще-то, этот вопрос не по адресу. Я не политолог и не специалист по новейшей истории Ближнего Востока и могу высказывать свои суждения только как дилетант или, если хотите, как наблюдатель, волей случая оказавшийся свидетелем событий, происходивших в одной из стран юга Аравийского полуострова. Йемен, по-моему, — единственная страна на полуострове, являющаяся демократической по своему политическому устройству. Это не монархия. В Йемене есть (или по крайней мере были до самого последнего времени) парламент и избираемый президент. Раньше существовали два государства: Йеменская Арабская Республика и Народно-Демократическая Республика Йемен, а после объединения в 1990 г. — **Республика Йемен**.

На протяжении тридцати лет, с 1983 по 2013 годы, мне посчастливилось практически ежегодно по несколько месяцев работать в этой стране, а лучше сказать — странах, в составе сначала Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР, а потом, после 1991 года, в составе Российской археологической миссии ИВ РАН в Республике Йемен. К сожалению, внутренние противоречия привели к тому, что сейчас она находится в состоянии гражданской войны. На мой взгляд — подчеркиваю, на взгляд неспециалиста — это результат трайбализации

общества, изначально присущей Йемену и не преодоленной. И я не уверен возможно ли ее преодолеть вообще. Помимо этого, возможно, сыграли роль и религиозные противоречия, ведь то, что называлось Северным Йеменом, в течении длительного времени было зейдитским[6] имаматом, тогда как остальная территория, включая крупнейшую провинцию Хадрамаут, — это суннитские области. Территория Йемена никогда, за редким исключением глубокой древности (в IV–V вв. здесь существовала мо- гущественная **Химьяритская империя**), не составляла единого государства. До объединения это были два независимых государства, а еще раньше — небольшие разрозненные эмираты и султанаты, существовавшие под чьим-либо протекторатом, либо провинции более могущественных государств.

Не будем забывать, что всего-навсего чуть более столетия назад практически весь Ближний Восток был объединен в рамках единой Османской империи. Национальные образования, появившиеся на карте мира, — Сирия, Ирак, Ливан, Йемен, Иордания, — результат ее распада. Как нас учили, с одной стороны это результат национально-освободительных движений, а с другой — результат раздела этих территорий «проклятыми империалистами», которые «нарезали» территории этих новых государств так, как им представлялось удобным, без учета племенных, этнических, историко-географических границ. В результате получилось, например, что Сирия и Ирак были созданы, а курдское государство нет.

Является ли «арабская весна» чем-то принесенным извне или это все-таки результат внутреннего развития — вопрос дискуссионный. Вряд ли справедливо говорить, например, что восстание в Тунисе, приведшее к смене президента, произошло исключительно из-за давления извне. Вероятно, все-таки были какие-то ошибки и в политическом, и в экономическом развитии тунисского общества. Это справедливо и для Сирии. На мой взгляд, существовал, да и сейчас существует, целый комплекс проблем. Нельзя однозначно говорить, что во всем виноваты американцы или, например, иранцы. Все значительно сложнее.

— М. С.: *Вы специалист по древней культуре Йемена. Как получилось, что вы попали в эту страну?*

— А. С.: Это произошло в 1983 году, я приехал в составе Советско-Йеменской комплексной экспедиции Академии наук СССР. **Это была, наверное, крупнейшая зарубежная гуманитарная научная миссия за всю историю Академии.** В ее состав входили археологи, этнографы, антропологи, лингвисты, ученые других специальностей. Районом работ экспедиции была выбрана историко-культурная область Хадрамаут и связанные с ней области Махра и **остров Сокотра**. Это современные одноименные провинции Йемена.

Ближний Восток: открытия и разрушения

— М. С.: *У вас очень богатый опыт работы на Ближнем Востоке. Чем работа в Йемене отличалась от работы в других ближневосточных странах?*

— А. С.: На самом деле, я работал только в двух странах — в Йемене и в Омане, а в остальных побывал, правда не по одному разу, только в качестве визитера. Разница довольно существенная, обусловленная в первую очередь экономическим развитием государств. В Йемене работы нашей экспедиции рассматривались местными чиновниками, да и советскими официальными лицами как своеобразная гуманитарная помощь этой стране. Большое внимание экспедиции уделяло советское, потом российское посольство, но поддержка была исключительно организационной и моральной, а не материальной. В Омане все совсем по-другому. **Изучение истории Омана, в том числе доисламской истории, — государственное дело.** Выделяются значительные

6 Зейдиты — приверженцы одного из «умеренных» шиитских течений в исламе, образовавшихся в VIII в. в Арабском халифате. — *Ред.*

С научным руководителем Института востоковедения академиком РАН В. В. Наумкиным во время работы экспедиции на острове Сокотра (раскопки руин церкви VII–XII вв. на городище Хаджря)
Фото © из личного архива А. В. Сарабьева

ресурсы, строятся большие интересные музеи. В Маскате в университете была открыта кафедра археологии, ежегодно выпускавшая археологов. Потом, правда, ее закрыли, потому что поняли, что наблюдается перепроизводство археологов для такой небольшой страны.

Я работал в составе IMTO — Итальянской миссии в Омане, с коллегами из Пизанского университета. Объектом работ был **древний город Сумхурам в лагуне Хор Рори[7], — одно из самых крупных и хорошо сохранившихся городищ в Омане. За более чем двадцать лет мы раскопали и музеефицировали его практически полностью, примерно на 80 процентов, создав один из лучших в Омане туристических объектов.** В отличие от Йемена, в Омане туризм значительно более развит: его пытаются превратить в современную индустрию. У них и ресурсов несравнимо больше, есть и понимание того, как это нужно делать, то есть, чтобы получить какую-то прибыль, нужно много вложить. Они не жалеют денег ни на раскопки, ни на консервацию, ни на музеефикацию объектов, ни на музейную инфраструктуру (кафе, сувенирные киоски и пр.).

— М. С.: *А с чем было связано внимание Советского Союза именно к Йемену?*

— А. С.: С конца 1950-х годов на юге Аравийского полуострова существовала федерация арабских княжеств, называвшаяся Федерацией Южной Аравии. После изгнания англичан 30 ноября 1967 года была провозглашена Народная Республика Южного Йемена, переименованная в 1970 году в Народную Демократическую Республику Йемен. Созданная в 1978 году правящая Йеменская социалистическая партия стала ориентироваться на коммунистическую партию Советского Союза, провозгласив в качестве цели развития страны построение социалистического общества. И Советский Союз стал оказывать посильную помощь в развитии этого государства, в воспитании новой партийной и государственной элиты.

— М. С.: *Почему это так хорошо легло на местную почву, в отличие, например, от Афганистана, где у Советского Союза были существенные проблемы?*

— А. С.: Трудно сказать. Наверное, Афганистан — более сложная страна, хотя бы географически. Населения значительно больше, может быть, больше свободолюбия. Хотя в Южном Йемене удалось консолидировать общество и создать — не без нашей помощи — вполне работоспособное государство. На определенном этапе это государство довольно успешно развивалось. У йеменцев было, да и сейчас осталось, прекрасное отношение к Советскому Союзу.

7 См. подробнее: Khor Rori. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khor_Rori. *Wikipedia* (accessed 28.10.2021).

С первым заместителем генерального директора Музея Востока Татьяной Христофоровной Метаксой на открытии выставки «Александр Тихомиров. Восточные мотивы», 2012 г.
© 2021 Фонд наследия художника А. Д. Тихомирова
По: URL: http://tikhomirovfond.com/выставка-в-музее-востока/
(accessed 11.11.2021)

До сих пор они с ностальгией вспоминают то время, свое народно-демократическое прошлое и Советский Союз.

Мы всегда старались брать количеством, посылали своих советников в армию и промышленность, строили крупные промышленные объекты. В Йемене например, жили и работали сотни советских специалистов, инженеров, рабочих, члены их семей. Страны Запада — Франция, Германия — выбирали иные области для влияния, создавали гуманитарные институты, пытались, и небезуспешно, объединить франко- или германофилов. Иными словами использовали «мягкую силу». У нас тоже существовали культурные центры. Но, во-первых, они располагали очень небольшим бюджетом и их деятельность была значительно более скромной, чем деятельность коллег и «заклятых друзей» из стран Запада. Очень большое влияние оказывалось через студенческую молодежь, через стипендии для обучения в вузах. У нас также существовали такие программы, но мы, как водится, пытались брать количеством. А французы и немцы — качеством. **Даже в Южном Йемене понимали, что поехать учиться гуманитарным специальностям, таким, как, например, археология или этнография, в Германию или во Францию престижнее.**

— М. С.: *Работа археологической миссии — это выстраивание диалога с властями, с различными структурами, с людьми, проживающими в этих местах, с местными жителями. Как все это осуществлялось, когда вы работали в Йемене? Насколько сложная это работа? Вдобавок последние годы отмечены разрушениями многих памятников — в Афганистане, в Йемене, в Сирии. Как вы относитесь к этому, будучи специалистом, принимавшим участие в экспедициях на Ближнем Востоке?*

— А. С.: Разрушаются знаковые памятники. Будды Бамиана[8], взорванные в Афганистане, с художественной точки зрения может быть не являлись скульптурными шедеврами, но их древность, раз-

8 Две статуи Будды (55 и 37 м), входившие в комплекс буддийских монастырей в Бамианской долине Афганистана, были разрушены талибами в 2001 г. — *Ред.*

Будды Бамиана
Рисунок Александра Бёрнса, 1832 г.
По: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бамианские_статуи_Будды (accessed 11.11.2021)

меры, мастерство изготовления выделяли их из массы буддийских памятников Центральной Азии.

Я только что получил от итальянских коллег двухтомное издание — **результаты раскопок итальянской экспедиции в Баракише**, одном из самых впечатляющих и хорошо сохранившихся памятников Йемена. Город был основан в VIII–VII веках до нашей эры, и его древние слои хорошо сохранились, из-за того что **в средневековье в пределах стен древнего города продолжало существовать поселение, в котором жизнь не замирала практически вплоть до недавнего времени.** Средневековые слои как бы законсервировали слои древние. Великолепно сохранились постройки, древние храмы, например, **храм Накраха**, раскопанный и восстановленный итальянскими археологами. Он очень хорошо сохранился, от подножия до перекрытия, и был воссоздан итальянскими специалистами, став изумительным туристическим объектом. К сожалению, Баракиш расположен в районе, волей случая оказавшимся ареной противостояния в гражданской войне, в вооруженном конфликте с хуситами. **Авиация коалиции разбомбила памятник, до основания разрушив восстановленный храм**, а заодно и расположенный рядом, за пределами стен древнего города и уже покинутый к тому времени лагерь экспедиции. Зачем? К сожалению, это не единственный памятник, безвозвратно утраченный во время вооруженного конфликта в Йемене, достаточно вспомнить уютный археологический музей в Замаре, средневековые постройки цитадели Таиза и изумительные по красоте жилые дома старого города в Сане.

— М. С.: *Мы знаем, что не только военные операции, но и сами археологи могут стать причиной разрушения памятника. Отношение к археологии амбивалентно — с одной стороны, ты работаешь для сохранения культуры, с другой — для того чтобы что-то открыть, всегда необходимо что-то разрушить.*

— А. С.: К сожалению, это так; **раскопки всегда разрушение. Когда копаешь, безвозвратно разрушаешь культурный слой.** Поэтому многое зависит от умения и, если хотите, порядочности самого археолога, от того, насколько хорошо и тщательно ты фиксируешь то, что раскапываешь. Ведь если ты не зафиксировал что-то, то оно исчезло навсегда, а ты не можешь знать, насколько важны эти упущенные детали, даже мельчайшие. Иногда случается, что позднее, при написании отчета либо подготовке публикации, думаешь — «вот дурак, в поле что-

На Всероссийском съезде востоковедов в Элисте. 2021 г.
Фото © Дарья Моева

то не досмотрел». Поэтому археология — это всегда палка о двух концах.

В окрестностях Пекина есть императорский некрополь, где расположены гробницы китайских императоров династии Мин (XV–XVII вв.). **Три гробницы были вскрыты и исследованы археологами, но при этом оказались утрачены многие артефакты — они просто рассыпались при соприкосновении с воздухом.** Было принято решение о прекращении археологических изысканий до лучших времен, когда технологии позволят сохранять эти ценные предметы.

Директор Абаканского музея в Хакасии рассказывал мне, что они практически перестали раскапывать древние курганы и исследуют теперь только то, что оказывается на территории будущего строительства и будет так или иначе все равно разрушено, **проводят так называемые «спасательные раскопки». Это всегда тяжелый выбор — копать или не копать.** Но надо понимать, что когда ты копаешь — ты разрушаешь, и **если можно обойтись без раскопок, то лучше обойтись без них.** Правда, разрушений памятников хватает и без археологов. Это в первую очередь хозяйственная деятельность человека, войны и вооруженные конфликты, не щадящие человеческие жизни, а уж какие-то древние памятники и подавно.

Культура в опасности

— М. С.: *Эти вопросы как-то поднимаются на международном уровне?*

— А. С.: Конечно. И неоднократно. Проводится множество конференций и мероприятий, в том числе под эгидой ЮНЕСКО. В 2016 году прошла акция «Неделя йеменского культурного наследия: музеи мира в поддержку Йемена», в которой приняли участие крупнейшие музеи: Государственный Эрмитаж, музей Метрополитен, Художественная галерея Фрира / галерея Саклера Смитсониевского института, Ашмолеанский и Британский музеи, Художественный музей Уолтерса, Лувр, Итальянский Национальный музей восточного искусства, Кунсткамера. В рамках этой акции в нашем музее с 26 апреля по 3 мая 2016 года состоялась выставка «На земле “Царицы Савской”».

В 1935 году наш соотечественник Николай Рерих добился принятия «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», известного как **Пакт Рериха[9]. Его подписали свыше двадцати стран Северной и Южной Америки, а в 1948 году одобрила Индия. Многие идеи Пакта вошли в Конвенцию 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта**

9 Пакт Рериха (*Pax Cultura, The Roerich Pact*), или Договор об охране художественных и научных учреждений и

В Пакистане в июне 2019 г. после подписания Соглашения о сотрудничестве между Государственным музеем Востока и Пешаварским музеем
Фото © 2019 ГМВ
По: URL: https://www.orientmuseum.ru/news/2019/06/soglashenie/index.php (accessed 11.11.2021)

(**так называемую Гаагскую конвенцию**) и в Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. Однако все равно проблема сохранения памятников культуры продолжает оставаться актуальной. **Основной вопрос — как заставить участников вооруженных конфликтов соблюдать эти международные договоры.**

В июле этого года в Национальном музее Дамаска состоялся российско-сирийский круглый стол под названием «Культура в опасности». А после него — поездка в Пальмиру для мониторинга состояния памятника. Вопросы реставрации и восстановления разрушенного исламскими террористами очень заботят сирийцев. **Многое из того, что было разрушено в других районах страны, уже восстановлено, в Дамаске вновь открылся Национальный музей.** Однако приступить к восстановлению разрушенных объектов древней Пальмиры и музея в современном городе Тадмор[10] пока не получается. Существует договоренность о проведении таких работ под эгидой ЮНЕСКО в сотрудничестве с фондом Ага-хана[11] и участием учреждений культуры и благотворительных организаций из разных стран, в том числе Государственного Эрмитажа и нашего музея. **Идея восстановления Пальмиры остается важной**.

— М. С.: *Какое участие в восстановлении памятников Сирии принимает Россия?*

— А. С.: Подписаны соглашения между Департаментом древностей и музеев Сирии и Государственным Эрмитажем, а также Институтом истории материальной культуры РАН, расположенном в Санкт-Петербурге. Российские археологи создали трехмерную модель древнего памятника, что должно существенно помочь в его восстановлении. Однако для начала масштабных работ нужна детально разработанная программа, согласованная со всеми заинтере-

исторических памятников, или Вашингтонский Пакт (*Washington Pact*) — первый в истории международный договор о защите культурного наследия, установивший преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью, подписанный в Вашингтоне представителями двадцати одной страны Северной и Южной Америки 15 апреля 1935 года. — *Ред.*

10 Город в центральной Сирии в провинции Хомс, на окраине которого расположена Пальмира. — *Ред.*

11 *The Aga Khan Fund for the Economic Development* (AKFED) — международное агентство по развитию, посвященное поддержке предпринимательства и строительству экономически устойчивых предприятий в развивающихся странах. — *Ред.* См.: AKDN: About us. *AKDN*. URL: https://www.akdn.org/our-agencies/aga-khan-fund-economic-development (accessed 28.10.2021).

сованными сторонами. Есть понимание, что процесс восстановления в форме международной кооперации должен идти через ЮНЕСКО. Конечно, это означает, что будет много бюрократии, много чиновников и вообще все будет не так просто. Но все это неизбежно, особенно когда дело касается выдающихся памятников, составляющих культурного наследие человечества. Имеющийся успешный опыт работ подобного рода, также проводившихся под эгидой ЮНЕСКО, внушает оптимизм. Я имею в виду и **работы в зоне затопления озера Насера при строительстве Большой Асуанской плотины, и работы по сохранению руин Мохенджо Даро, и реставрацию храмового комплекса Боробудур, и многое другое.**

— М. С.: *А в чем отличие между присутствием Советского Союза на Ближнем Востоке и России? Насколько нам вообще необходимо там присутствовать?*

— А. С.: Опять вы задаете вопросы, находящиеся вне моей компетенции. Могу только сказать, что если мы не хотим скатиться на уровень региональной державы, мы должны участвовать в делах не только Ближнего Востока, но и других точек земного шара. Не секрет, что уход с Ближнего Востока был не только добровольным, но и вынужденным — вспомним высылку из Египта наших военных советников. Надеюсь, что в будущем такое не повторится.

Спорят ли о вкусах, устраивая выставки?

— М. С.: *Вы директор музея Востока и оказываете решающее влияние на определение направления работы музея. Насколько для вас важно чтобы ваша работа влияла на людей, формировала отношение к другой культуре как к ценности?*

— А. С.: Вы очень точно сформулировали **цель нашей работы как музея — формирование отношения к другой культуре как к ценности.** Все, что мы делаем, мы делаем для посетителей. Может быть, не всегда это получается так, как нам бы хотелось, но повторяю — мы работаем для публики и нам в первую очередь нужно получать отклик от нее. **Если ты сделал выставку, которая тебе как специалисту кажется важной и интересной, но ее посетили пять человек, то ее вряд ли можно назвать удачной,** даже если с научной точки зрения она сделана безукоризненно. Конечно, мы ориентируемся на собственный вкус, который считаем чуть более высоким, чем вкус, скажем так, «усредненной» публики. Мы пытаемся «подтягивать» наших посетителей.

— М. С.: *Какая выставка за последние годы прозвучала громче всего и вызвала у вас удовлетворение?*

— А. С.: До сих пор вспоминается выставка оружия и доспехов самураев из частной коллекции, проходившая у нас в музее лет двенадцать назад. В 2011 году состоялась прекрасная выставка **«Русский Китай»**, где экспонировались предметы из коллекции известного историка моды Александра Васильева и нашего собрания [Васильев, Кузьменко, 2011]. Кстати, в декабре этого года мы, даст бог, реализуем аналогичный проект под названием **«Русский Стамбул».** На столетие музея в 2018 году мы провели целую серию выставок предметов из нашего собрания — от археологии до современного искусства. С большим успехом прошли выставки о среднеазиатском авангарде **«От голубой розы к золотому гранату. Образ Востока в русском искусстве первой половины XIX века»**[12], «Восток. Другая красота» — как представляли женский идеал красоты в разных странах Востока, «Избранное за полвека. Живопись, графика, скульптура Кавказа и Средней Азии». Из совсем недавних — это **«Роскошь заката. Искусство каджарского Ирана»** весной и в начале лета этого года, очень хорошо принятая публикой. Превзошло наши ожидания **открытие павильона на ВДНХ**. В одной части его выставочного пространства представлена экспозиция

12 См. о выставке: Васянин А. В музейной выставке переосмыслили красоту Востока. *Российская газета*. URL: https://rg.ru/2018/03/15/v-muzejnoj-vystavke-pereosmyslili-krasotu-vostoka.html (accessed 28.10.2021).

На открытии выставки «Роскошь заката. Искусство каджарского Ирана»
Фото © Наталья Стрельцова
ИА REGNUM
По: https://regnum.ru/news/3270754.html

произведений Николая и Святослава Рерихов, а в другой по типу восточного базара выставлены предметы из нашего хранения, которые редко показываются публике. Востребованность этих экспозиций нас приятно удивила. Сейчас павильон закрыт на реэкспозицию и вновь откроется в декабре 2021 года.

— М. С.: *А каких специалистов для работы в музее вы ищете сегодня? Какие навыки особенно важны для работника Музея Востока?*

— А. С.: Прежде всего, нам нужны хранители со знанием восточных языков, а также молодые люди со знанием компьютерных технологий, которые хотели и могли бы посвятить свою жизнь работе в музее. К сожалению, как и в Академии наук, **остро стоит необходимость омоложения кадров**. Но нельзя взять человека с улицы и сделать его хранителем той или иной коллекции. Хранителем человек становится после минимум двухлетнего стажа работы в музее, когда поймет, что это именно его призвание — работа с вещами. У нас появляются молодые сотрудники, но, к сожалению, долго не задерживаются, хотя бывают радостные исключения. Возможностей у нас достаточно. Есть полная свобода в создании выставок — пожалуйста, придумывай. Хочешь — со стороны, из других музеев или частных коллекций, хочешь — из нашего собрания. **Если есть идеи — все в твоих руках**.

— М. С.: *А как в музее относятся к современному искусству? Насколько вам важно развивать современное направление?*

— А. С.: Мы часто устраиваем выставки современного искусства как зарубежных, так и российских художников, связанных с Востоком. И отнюдь не только представителей традиционного, реалистического направления. Часто договариваясь с зарубежными партнерами о выставках, мы просим их привозить работы современных художников, чтобы понять, каковы современные тенденции развития этого вида искусства в той или иной стране Востока и показать их. За последние годы у нас прошла целая серия выставок современных художников из Южной Кореи и Японии. Очень авангардные работы. **Мы не только музей классического восточного искусства, мы обращаем внимание и на современные формы**.

— М. С.: *Благодарю вас за интересную беседу, Александр Всеволодович!*

Список литературы / References

Вяземская К. Т. Лувр Абу-Даби на пересечении цивилизаций. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 196–202 [Vyazemskaya K. T. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 196–202 (in Russian)].

Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт-сост. Д. В. Дубровская; отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2018. — 334 с. [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History*. D. V. Dubrovskaya (comp.), V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2018. — 334 p. (in Russian)].

Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 39–56 [Mikhailov S. V. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* Pp. 39–56 (in Russian)].

Русский Китай. Из коллекций Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока, 2011. — 172 с. [*Russian China. From the Collections of Alexander Vasiliev and State Museum of Oriental Art. Exhibition Catalogue.* Moscow: State Museum of Oriental Art. — 172 pp.].

Электронные источники / Electronic sources

Александр Всеволодович Седов. *Институт востоковедения РАН* [*Alexander Vsevolodovich Sedov. Institute of Oriental Studies, RAS* (in Russian)]. URL: https://www.ivran.ru/persons/165 (accessed 29.10.2021).

Васянин А. В музейной выставке переосмыслили красоту Востока. *Российская газета* [Vasyanin A. Rethinking the Beauty of the East in the Museum Exhibition. *Rossiiskaya Gazeta* (in Russian)]. URL: https://rg.ru/2018/03/15/v-muzejnoj-vystavke-pereosmyslili-krasotu-vostoka.html (accessed 28.10.2021).

Городище «Чайка». Сельскохозяйственная фактория Керкинитиды. *WayBack Machine* [Chaike Archeological Site. Agricultural Factoria of Kerkinitida. *WayBackMachine* (in Russian)]. URL: https://web.archive.org/web/20090130033431/http://evpatoriya-history.info/history/begin/chayka.php (accessed 28.10.2021).

Социально-культурное развитие стран Восточной Азии. Магистерская программа Восточного факультета ГАУГН. *Государственный академический университет гуманитарных наук* [Socio-Cultural Development of the Countries of Eastern Asia. Magister Programe of the Eastern Faculty of GAUGN. *GAUGN* (in Russian)]. URL: http://helium.global/gaugn/master-culture (accessed 29.10.2021).

AKDN: About us. *AKDN*. URL: https://www.akdn.org/our-agencies/aga-khan-fund-economic-development (accessed 28.10.2021).

Becker J. A. Temple of Bel, Palmyra. *Khan Academy*. URL: https://www.khanacademy.org/humanities/ancient-art-civilizations/palmyra2/ancientpalmyra/a/temple-of-bel-palmyra (accessed 28.10.2021).

Khor Rori. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khor_Rori. *Wikipedia* (accessed 28.10.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018023-3

Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении Часть I

Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies Part I

© 2021 **Станислав Владимирович Михайлов**

BA (экономика) университета Торонто, Канада; преподаватель Московского государственного Института международных отношений (МГИМО (Университет)) Москва, Россия; func@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-2830-2687

Stanislav V. Mikhailov

BA (Econ), University of Toronto, Canada; Lecturer of the Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia; func@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-2830-2687

Первая часть интервью[1] с историком-китаеведом, искусствоведом, журналистом и писателем Динарой Викторовной Дубровской, главным редактором журнала «Восточный курьер» и с 2021 года заведующей Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, приурочена к ее юбилею. Беседа касается некоторых вопросов востоковедного образования в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, роли востоковедения в обществе конца XX и начала XXI в., особенностей развития востоковедческой школы в советское и постсоветское время. Интервьюер интересуется наиболее значительными учеными, с которыми пришлось взаимодействовать Д. В. Дубровской, особенностями актуальности востоковедческих исследований, поднимает непростые вопросы «охранительности» специального гуманитарного знания, интересуется проблемами ориентализма и «оксидентализма».

Ключевые слова: история востоковедения, Институт стран Азии и Африки, МГУ, Институт востоковедения РАН, история науки, устная история, интервью, ориентализм, оксидентализм

Для цитирования: Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении. Часть I. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 39–56. DOI 10.18254/S268684310018023-3

This first part of the interview with Dr Dinara V. Dubrovskaya — a Sinologist, art critic, journalist and author, editor-in-chief of the *Oriental Courier* magazine and, since 2021, head of the Department of Oriental History at IOS RAS — is timed to coincide with her 60th anniversary. The conversation touches on questions of education in Asiatic studies at the Institute of Asian and African Countries at the Lomonosov Moscow State University; the role of Oriental studies in society in the late 20th and early 21st centuries; and some peculiarities of the development of Oriental studies in the Soviet and post-Soviet times. The interview talks about the most prominent scholars Dr Dubrovskaya worked with, the special aspects of Oriental studies, and raises some controversial questions of gatekeeping in humanities, as well as the global phenomena of Orientalism and "Occidentalism".

Keywords: History of Oriental studies, Institute of Asian and African Countries, Moscow State University, Institute of Oriental Studies (RAS), history of science, Oral history, Interview, Orientalism, Occidentalism

Для цитирования: Stanislav V. Mikhailov. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies. Part I. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 39–56. DOI 10.18254/S268684310018023-3

Стажировка в Китае. 1990 г.
Фото из личного архива
Д. В. Дубровской

Начало. Два института и столпы востоковедения

— С. М.: *Вы работаете в Институте востоковедения РАН с 1982 года, когда он еще назывался ИВАНом. В будущем году исполнится ровно 40 лет, а это полтора поколения*[2]*. Есть ли у вас ощущение, что проведено много времени на одном месте?*

— Д. Д.: Скорее нет: я параллельно подвизалась в нескольких журналах, преподавала в институтах и даже в средней школе; мы с сыном на четыре года уезжали работать и учиться в Канаду (делала пост-док в Университете Торонто под руководством крупного специалиста по духовной жизни и философии Китая профессора Джулии Цин). Нет ощущения, что я трудилась за одним и тем же столом, не поднимая головы, как на японской фирме. Да и система присутственных дней делает этот срок не таким уж страшным.

— С. М.: *Хорошо, что так: получается здоровое сочетание богатого внешнего опыта с отда-*

1 Редакция искренне благодарит выпускниц Восточного факультета ГАУГН Анну Александровну Осмоловскую и Дарью Витальевну Ситникову за расшифровку интервью.

2 Дубровская Динара Викторовна. *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубровская,_Динара_Викторовна (accessed 19.10.2021).

С коллегами по экспедиции журнала «Вокруг света» в Северной Осетии (2006 г.)
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

чей от основной работы. Какие наиболее яркие моменты первых лет работы в институте вам запомнились?

— Д. Д.: Их, наверное, тысячи. Я пришла в ИВ АН в начале восьмидесятых, когда он только пять лет как обосновался на Рождественке (я не застала институт в Армянском переулке, откуда он в 1977 году переехал на тогдашнюю улицу Жданова)[3]: сначала на преддипломную практику из ИСАА, потом в аспирантуру. И нашим директором (в 1977–1985 годах) тогда был не кто иной как **Евгений Максимович Примаков** (1929–2015). Соответственно, я застала таких персон, как Примаков, **Михаил Степанович Капица** (1921–1995; директор ИВ АН в 1987–1994 гг.), да и всю последующую блестящую плеяду наших директоров. Одно из моих самых ярких первых впечатлений — это как меня, девчонку, лично учтиво приветствовал определявший судьбу моего поступления в аспирантуру зам. директора института, член-корреспондент АН СССР **Георгий Федорович Ким** (он по определенным причинам директором так и не стал, исполняя директорские обязанности в интерегнуме между Примаковым и Капицей).

А в отделе Китая было время великих китаистов, вошедших в историю синологии, **Алексея Анатольевича Бокщанина** (1935–2014), **Льва Петровича Делюсина** (1923–2013; он тогда заведовал Отделом Китая), Леонида Сергеевича Васильева (1930–2016), Олега Ефимовича Непомнина (1935–2020), — гигантов не только нашей науки — таковые продолжают работать у нас и сейчас — но столпов академического интеллектуализма, даже аристократизма. Все это, конечно, со мной осталось.

— С. М.: *Аристократизм, элитарность — болезненные темы для современного общества, легко проецируемые на то [советское] общество, в котором, по идее, торжествовала как раз меритократия: если не брать партийных функционеров, «элита» была именно интеллектуальной. Если бы вас разбудили ночью и попросили назвать имена людей, с которыми вы работали первые 10–15 лет, кого бы вы назвали?*

— Д. Д.: Судьба действительно наградила меня Учителями с большой буквы. И пускай университетских преподавателей не принято называть «учителями», наша наука все равно движется, как в эпоху Возрождения, от учителя к ученику. Мне повезло, потому что первым таким учителем был для меня **Михаил Васильевич Крюков**, «Джомолунгма» китаеведения, российский ученый с мировым именем. На первом курсе мне

3 См. об этом подробнее в [*Институт востоковедения РАН…* 2018, с. 80–81].

Георгий Федорович Ким (1924–1989), в 1985–1987 гг. исполнявший обязанности директора Института востоковедения
Фото © архив Института востоковедения РАН

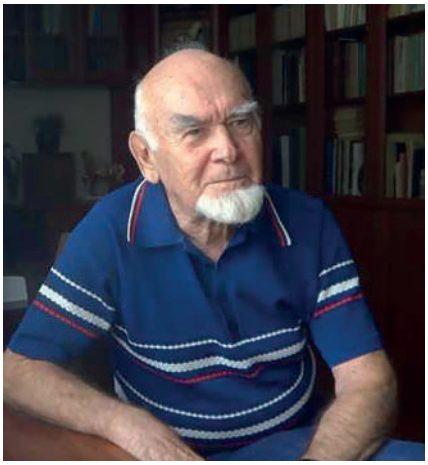
Алексей Анатольевич Бокщанин (1935–2014), заведующий Отделом Китая Института востоковедения в 1990–2011 гг.
Фото © архив Института востоковедения РАН

Алексей Анатольевич Бокщанин и доктор исторических наук, профессор Алексей Леонидович Рябинин
Фото из личного архива М. С. Кругловой

Лев Петрович Делюсин (1923–2013), заведующий Отделом Китая Института востоковедения в 1967–1990 гг.
Фото © архив Института востоковедения РАН

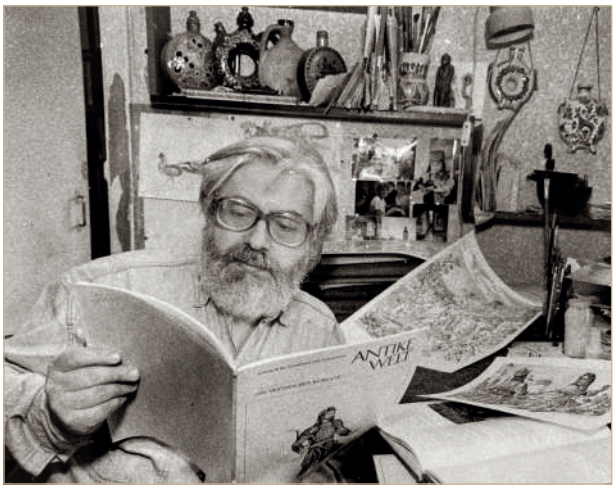
преподавал 27-летний **Владимир Вячеславович Малявин**, ныне тоже фигура международной величины (слава богу, оба они здравствуют).

Вспоминается блестящий специалист по средневековому Китаю, автор учебников и классик отечественной синологии Зинаида Григорьевна Лапина (1934–2018), а под конец института меня взял под крыло **Михаил Филиппович Юрьев** (1918–1990). К сожалению, его сейчас не очень много вспоминают, потому что он занимался проблемами Коммунистической партии Китая и его армией. Вообще же я училась с 77 года по 82-й, то есть в самый разгар эпохи застоя, а ИСАА всегда был политическим вузом и при этом оставался заповедником настоящей науки, высоколобого востоковедения, и эта пара сопряженных институтов — учебного и научного — всегда нами осознавалась: ИСАА и



Патриарх российского китаеведения Михаил Васильевич Крюков
Фото © В. Ц. Головачев

Блестящий синолог Владимир Вячеславович Малявин делает доклад в ИСАА. Конец 70-х гг.
Фото из личного архива Д. В. Дубровской



Михаил Викторович Горелик — художник, реконструктор и историк-монголовед
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

Игорь Всеволодович Можейко, известный всей стране как Кир Булычев (1934–2003)
По: [Институт востоковедения РАН, с. 303]

ИВ РАН (он тогда назывался просто ИВ АНом на радость непосвященным).

Уже позже мне повезло быть близко и долго знакомой — по стажировке и по работе — с **Леонидом Сергеевичем Васильевым**, одним из наших великих китаеведов, теоретиков, независимым мыслителем (о нем мы еще поговорим); с **Михаилом Викторовичем Гореликом** (1946–2015), монголоведом, искусствоведом и художником (о нем мы с А. А. Столяровым написали небольшие воспоминания [Дубровская, Столяров, 2020]); вспоминаю, конечно, незаслуженно рано ушедшего востоковеда по фамилии Можейко, — **Игоря Всеволодовича Можейко** (1934–2003), которого все знают как **Кира Булычева** [Захаров, 2018]. Мы несколько раз общались, он был человеком крайне востребованным, но как-то раз даже подарил мне свою

С Леонидом Сергеевичем Васильевым во время стажировки в Китае (1989 г.)
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

монографию «1185 год» [Можейко, 1989] с подписью. Книга поразительная: И. В. взял один год и сделал горизонтальный исторический срез, проследив важнейшие события, происшедшие в мире в этом году и попытавшись объяснить их взаимосвязь.

Поскольку я сменила за свою карьеру в ИВ РАН три подразделения, на определенном этапе мне довелось работать в одном отделе с академиком **Борисом Анатольевичем Литвинским** (1923–2010), гигантом археологии Центральной Азии и исследователем буддийского искусства Бактрии, вместе с другим выдающимся ученым **Александром Всеволодовичем Седовым**[4]**, ныне генеральным директором Государственного музея искусства народов Востока, копавшим знаменитый монастырь Аджина-Тепа в Таджикистане. Литвинского, кстати, привел в институт не кто иной как Бободжан Гафурович Гафуров** (1908–1977) — один из любимых директоров ИВАНа[5]. Одно время моими соседями были исследователи скифского мира скифологи **Дмитрий Сергеевич Раевский** (1941–2004) и **Эдвин Арвидович Грантовский** (1932–1995), именами которых названа ныне действующая конференция «Древность: историческое знание и специфика источника». Рядом с нами трудился в Отделе Древнего Востока **Владислав Григорьевич Ардзинба** (1945–2010), будущий первый президент Республики Абхазия, один из авторов трудов по «банановому языку» протошумерской цивилизации [*История древнего Востока…* 1988, с. 229]. Потрясающие люди. Не говоря уж о Капице — как бы к нему ни относиться, к тому, почему он «приземлился» у нас в институте, и к прочим его особенностям...

— С. М.: *А чуть подробнее?*

— Д. Д.: Капица был большим политиком, блестящим трибуном, китаеведом, дипломатом сталинских времен и ярким авторитарным руководителем. Любителем женщин. Но когда настали относительно новые времена, именно Капица первым спустился с поднятого над Залом общих собраний подиума со столом президиума и сел на первый зрительский ряд бок о бок с рядовыми сотрудниками института. Со стороны Капицы это был, конечно, популистский жест, но тем не менее весьма показательный...

Я наверняка забыла кого-то упомянуть, но и умышленно не назвала некоторых, с кем пересекалась очень плотно. Впечатления были раз-

4 См. интервью с А. В. Седовом в этом же выпуске: [Стародубцева, 2021].
5 См. о нем в этом же номере: [Яковлев, 2021].

«Ельцин, Шеварднадзе и Ардзинба договорились»
По: Коммерсантъ власть
URL: https://www.kommersant.ru/doc/6601
(accessed 07.11.2021)

ные, и моя внутренняя оценка старших коллег не всегда соотносится с жанром очарованного прошлым мемуара: у людей встречаются разные комбинации качеств ученого и человека, и бывают ситуации, когда ученый великий, а работать с ним не особенно приятно. Да это и нормально, наверное. Однако те, кого я перечислила, — это вершины, откуда ни посмотри. Безусловно, еще одна из этих вершин — **Олег Ефимович Непомнин**… мы как раз организовали в нашем Отделе истории Востока теоретический семинар его памяти (он скончался в 2020 году)[6]. Вот у Олега Ефимовича был потрясающий человеческий радар: он всегда видел хорошее, распознавал исследовательский потенциал, поддерживал словом и советом. Такими качествами располагали далеко не все, конечно.

«До свидания, мальчики»: о политике и гендерном отборе

— С. М.: *Вы сказали, что ИСАА и ИВ АН (ныне ИВ РАН) были весьма политизированными учреждениями, но при этом были и академически сильны. А как проявлялась политизированность? Чего ждали от людей — что они будут на пользу Советского государства работать как консультанты, пойдут в известные органы или организации? Вы занимаетесь китаеведением, Китай всегда был одним из ключевых геополитических игроков. Как менялось отношение к людям, занимающимся китаеведением, — может, и не менялось вовсе? Чего ждали от них тогда, чего ждут сейчас?*

— Д. Д.: И ИСАА, и Институт востоковедения, что называется, «по построению» не могли не быть политизированными, не служить государству. При этом я не могу сказать, что ИСАА в те годы был политизирован избыточно: учили нас нормально и никто не стремился дополнительно промывать мозги... Но имелись определенные нюансы. Например, когда я поступала в ИСАА, туда в первую очередь принимали мальчиков. У юношей и у девушек были даже разные проходные баллы, потому что превалировало решительное мнение: для работы на Востоке нужен мужчина, а не женщина.

— С. М.: *Девушкам назначали более высокие проходные баллы?*

— Д. Д.: Да, девушкам нужно было два лишних балла. Это первое. Второе — от всех требовалась рекомендация от районной комсомольской организации (если мы говорим о Москве) и комсомольский стаж не меньше двух лет. То есть ситуация, в которой некий человек с аттестатом о среднем образовании свободно пришел поступать в вуз, возможно, и существовала в каких-то институтах, но не в ИСАА. Третье —

6 Семинар «Дискуссионные проблемы истории Востока имени Олега Ефимовича Непомнина». *Институт востоковедения РАН.* URL: https://orient.ivran.ru/seminar (accessed 19.10.2021).

Студенческая жизнь ИСАА в 70-е годы: рукоплескания, политические зачеты, День донора, экспедиция в Кызылкум и вручение диплома ректором — Романом Тимофеевичем Ахрамовичем (1923–1989)
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

в ИСАА раз в полгода проходили «**политические зачеты**». Читалась масса курсов, связанных с марксистско-ленинской догматикой (сейчас, конечно, они мне кажутся малоценными). У нас была марксистко-ленинская философия, ист[орический]мат[ериализм], экономика — это вообще слезы: она велась, естественно, по Марксу, и кроме прибавочного продукта и *Das Kapital* там ничего не изучалось. А сколько было потрачено человеко-часов, чтобы изучить в деталях все съезды РКП(б) и КПСС! Но этим занималась от мала до велика вся страна, и если уж говорить о какой-то специфике, то надо вспомнить, что в годы моей учебы в институте началась Афганская война (1979–1989).

Тогда-то всем стало окончательно понятно, почему востоковедению нужны юноши: они отправились в Афганистан дипломатами, советниками, переводчиками. И «восточная экзотика», привлекающая через поколение уже новых молодых людей, в то время оборачивалась совсем другой стороной. У нас была, например, военная кафедра, и выпускались мы как лейтенанты запаса — и девочки, и мальчики (я, к примеру, старший лейтенант). У нас был серьезный двухгодичный курс военного перевода, нас учили проводить пропаганду в среде противника, допрашивать пленных и прочее.

— С. М.: *Военный перевод отличается какой-то спецификой?*

— Д. Д.: Конечно. Мы изучали всякие мотострелковые дивизии капиталистических стран «потенциального противника», сдавали — и нам запечатывали их сургучными печатями — «прошитые тетрадки» с перенумерованными страницами… Это естественно: какая страна, такое и обучение. Важно, повторюсь, что все эти порой весьма интересные, но в целом скорее странные

Журналисты, в числе которых Валерий Ванданович Базаров (1959-2009) (справа), осматривают захваченный склад боеприпасов и оружия в районе Харабали

Выпускник МГИМО В. В. Базаров, отец историка-японист Веры Валерьевны Досовицкой (Базаровой), работал в Афганистане с рядом специалистов, окончивших ИСАА МГУ, — с Андреем Грешковым, Александром Сухопаровым, Александром Трубиным и Владимиром Соловьевым, погибшим при исполнении служебных обязанностей (из личного архива В. В. Досовицкой)

вещи совершенно не мешали тому, что нам великолепно преподавали: историю Китая, начиная с археологии, историю Западной Европы и Востока, у филологов шла история литературы и лингвистика, несравненно велся язык — двумя преподавателями, русскоязычным специалистом по грамматике и носителем языка для развития разговорной речи. И при этом огромные научные силы (хоть и не превалирующие) отвлекались на исследование современного — если говорить о китаеведении — Китая именно в рамках парадигмы победившего коммунизма и оппортунистских отличий маоизма от «правильного» коммунизма.

Вспоминая Михаила Филипповича Юрьева

— Д. Д.: Возвращаясь к людям — **Михаил Филиппович Юрьев** (1918–1990) как раз занимался революционной армией Китая, и в этом, как оказалось, была его трагедия. Это потрясающий человек, выходец из еврейского местечка Теленешты в Бессарабии, прошедший войну с 1939 года (лыжный батальон на Финской войне) и до Манчжурии (откуда демобилизовался только в 1948 году). О нем мне хотелось бы отдельно поговорить, написать воспоминания и вообще ввести в более широкий оборот и как личность, и как исследователя. Михаил Филиппович не таким уж и пожилым умер, в 72 года, и вполне мог бы прожить дольше. По моему глубокому убеждению, когда он вошел в эпоху переоценки ценностей, его надломил огромный внутренний кризис. Могу ошибаться, но мне кажется, он будто убедился в том, что новому времени его исследования внезапно оказались не нужны.

— С. М.: *Как может быть ненужным историческое исследование? Или оно до такой степени*

Михаил Филиппович Юрьев (1918–1990) после Великой Отечественной войны и в 70-е годы, заведующий кафедрой истории Китая ИСАА в 1972–1990 гг.
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

было контаминировано марксистско-ленинским понятийным аппаратом?

— **Д. Д.:** Контаминированы были все наши исследования. Все прекрасно знали, как именно это делалось; я и сама так писала диссертацию. Общеизвестно, что тогда любой исторической работе требовалась некая обложка, крышка, на которой обязательно должно было быть написано, что́ об этом сказали Маркс или Ленин. Если угодно, что-то вроде таблички на двери, войдя в которую уже можно более или менее спокойно заниматься своей проблемой. Правда, не каждой проблемой: заниматься Китаем после сорок девятого года, к примеру, ты не мог вне рамок официальной марксистско-ленинской (обязательно в изводе последнего съезда КПСС!) парадигмы. Зато, когда я занималась XVIII–XIX веками, мне удавалось это делать без реверансов в сторону тогдашнего курса партии, хотя в фокусе находились русско-китайские отношения. Меня, собственно, прицельно взяли в аспирантуру на эту тему, потому что тогда еще были актуальны территориальные претензии Китая к СССР.

Это тоже отдельная история: несколько человек сдали вступительные экзамены на все пятерки, но конкурс в аспирантуру ИВ АН все равно составлял три человека на место. И меня выбрали именно по причине актуальности темы, изначально вовсе не моей: тему под аспирантуру мне предложили как раз Михаил Филиппович Юрьев и мой будущий научный руководитель Борис Павлович Гуревич. Тема была очень далека от того, что меня интересовало в истории Китая, но с католическими миссионерами и Маттео Риччи, о которых существенно позже все же написалась книга, нас никто в Институт востоковедения не взял бы.

— **С. М.:** *То есть Юрьева можно считать во многом архитектором вашей дальнейшей карьеры в Институте востоковедения.*

— **Д. Д.:** Конечно. Он мой крестный отец, он взял меня под крыло, разглядев научный потенциал (стыдно хвастаться, но причина тому была: еще учась на втором курсе, я заняла первое место в конкурсе научных работ, и тезисы того доклада опубликовали в «Вестнике МГУ», что стало чуть ли не разовым прецедентом — обычно такие конкурсы выигрывали пятикурсники). Борису Павловичу Гуревичу, руководившему Группой по изучению Центральной Азии, М. Ф. меня

Руководитель группы по изучению истории международных отношений в Центральной Азии Борис Павлович Гуревич (1919–2004; слева), директор Центрального государственного исторического архива УзССР Нафтула Аронович Халфин (1921–1987; крайний справа) на совещании по подготовке «Региональной истории Средней Азии и Казахстана» Андижан, 23.04.1975.
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

вручил как перспективного специалиста, и они вместе придумали эту тему[7], а я ее разработала.

Подытоживая, политизированность — все же не совсем верное понятие: просто предполагалось, что ты своими исследованиями служишь стране и ее интересам, а уж в чем состояли эти интересы наверное, другой вопрос. Мы обсудили, как обстояло дело в ИСАА; в ИВАНе же этот рычажок надо перевести еще на несколько делений. Там работали уже не неоперившиеся дети, не понимавшие толком, что к чему, а матерые специалисты, которые, естественно, знали все о наших непростых взаимоотношениях со странами Востока и Африки; мы здесь и поныне пишем большое количество аналитических материалов для правительства. Нужно при этом отметить, что как раз наш «профильный» отдел Китая, в отличие от Института Дальнего Востока, скажем, всегда имел в фокусе именно академическую деятельность и никогда рьяно не кидался на Китай с флагами единственно верного ленинизма наперевес. Именно в этом отделе составили, например, великий БКРС (Большой китайско-русский словарь)[8].

Типовой доклад советского китаеведа в Пекине в 1989 году

— С. М.: *Была ли тогда выше степень сближения, стратегического партнерства с Китаем? Ведь обе страны официально входили в*

7 Д. Дубровская не смогла вспомнить точное название темы своей кандидатской диссертации, но на ее основе позже вышла монография [Дубровская, 1998].

8 См.: [БКРС, 1983–1984].

Д. Дубровская получает известия о теме ее грядущего сообщения Китай, 1989
Фото из личного архива Д. В. Дубровской

коммунистический блок. Или, наоборот, по факту было много разночтений одной и той же идеологии, а сейчас все стало прагматичнее и потому проще?

— Д. Д.: Это многослойное и часто противоречивое явление, заслуживающее отдельного изучения; наверное, правильнее будет поделиться впечатлениями, а не некой объективной истиной.

Когда я только пришла в Институт востоковедения, наши отношения с Китаем, как сейчас говорят, практически «стояли на стопе». Я не специалист по новейшему времени, но по моему ощущению это было состояние если не холодной войны, то уверенного неразговаривания друг с другом. Все начало меняться к концу 80-х годов, к 88–89 году, когда мне удалось попасть чуть ли не в первую стажировку Министерства образования в Китай. Эти стажировки продержались всего несколько лет, и тогда, после реформ Дэн Сяопина, настало уже определенное потепление, как раз совпавшее с закатом Советского Союза. Будучи там в восемьдесят девятом году, я в последний раз заплатила комсомольские взносы, в нашем посольстве уже закрывалась комсомольская организация. И когда мы вернулись домой в девяностом году, никакого комсомола уже не было. Но рядовые и университетские китайцы на тот момент все равно воспринимали Советский Союз как большого брата. То есть на уровне простого народа, не политиков, в Китае всегда были очень теплые чувства к Советскому Союзу как к собрату по коммунизму.

Во время той стажировки, когда у нас тут полным ходом шла Перестройка, китайцы вдруг мне говорят: «Приди и расскажи нам что-нибудь про Советский Союз». Я подумала: «О-о, вот сейчас-то я им все и расскажу!», и спрашиваю: «А о чем вам интересно?». Они говорят: «**Расскажи нам про Зою Космодемьянскую и Александра Матросова**». В народном, даже университетском сознании наши отношения остались в тех прекрасных мифологизировавшихся временах, к которым относились общие воспоминания о героях, о самоотверженных строителях коммунизма.

О «фальсификации истории»

— Д. Д.: Этот общий идеологический исток (во многом, конечно, идеализированный) имеет неожиданные проявления. В 2014 году мы с **Дмитрием Дмитриевичем Васильевым** и еще с рядом коллег были в Вашингтоне на Первом международном уйгуроведческом конгрессе. В докладе я пользовалась материалами своей кандидатской диссертации, посвященной Синьцзяну и проблемам, связанным с его повторным завоеванием. И, конечно, сколь радовали, столь и озадачивали комментарии от местных исследователей и студентов в духе: «Какой материал,

Первый уйгуроведческий конгресс в Вашингтоне (2014 г.)
Радушные хозяева, среди которых защитившийся в ИВ РАН Набиджан Турсун — ученый уйгурского происхождения, базирующийся в Вашингтоне, завершают удачный съезд и приветствуют застольем заведующего Отделом истории Востока Дмитрия Дмитриевича Васильева (в центре) и сотрудников отдела Татьяну Аникееву, Юлия Дробышева и других участников конгресса

как это интересно! Можете поделиться?». Но ведь изначально материалы-то прорабатывались на базе, скажем так, госзаказа: объяснить, почему российская оккупация Илийского края (1870–1880) была вызвана конкретными причинами; почему китайские зверства во время этой «реконкисты» были не оправданы, а русские пришли защищать местное население, обратившееся к ним за помощью; почему Синьцзян толком никогда исторически не принадлежал Китаю. (Китайцы же и ныне утверждают, что в Турфанской впадине и вокруг Тянь-Шаня испокон веку были земли Древнего Китая.) То есть передо мной стояла четкая задача.

А у Б. П. Гуревича, возглавлявшего нашу группу по изучению Центральной Азии, была задача бороться за российское видение истории этого региона и всемерно отбиваться от китайских «фальсификаций» и притязаний на наши территории (дипломатически оговорюсь, что оперирую сейчас формулировками того времени) — периодически выпускались сборники, в том числе архивных документов, с названиями вроде «Против фальсификации истории»[9]. Но когда я готовила эту ангажированную, казалось бы, диссертацию, материал-то использовала настоящий: китайские источники, источники наших архивов — Внешней политики России и других; все это было опубликовано[10]. Соответственно, когда в четырнадцатом году (а монография по диссертации вышла в 1998-м [Дубровская, 1998]) я с этим же материалом выступила в Вашингтоне и он вызвал такой живой отклик, стало понятно, что даже если то, что мы тогда наисследовали, сейчас по риторике и концепциям кажется устаревшим, политизи-

9 См., например: [Гуревич, 1982].

10 Во время подготовки интервью к печати был сделан доклад “The Xinjiang Sino-Anglo-Russian Ili Crisis of 1871–1881 According to Russian Archival Sources”(«Англо-русско-китайский Илийский кризис в Синьцзяне (1871–1881) по данным российских архивных источников»). См. ASIAC 2021 yearly conference programme. *ASIAC*. URL: https://www.asiac.net/eventi/asiac-2021-yearly-conference-programme/ (accessed 29.10.2021).

Путешествие по Китаю в 1990 г.
Фото из личного архива
Д. В. Дубровской

рованным, освещенным в рамках марксистско-ленинского подхода к историческому процессу, то само «мясо» исследования вполне достойно. Просто нужно вывести свои наработки за рамки доктрины, очистить от марксистско-ленинских «специй» и посмотреть на суть работы. Тогда на новом витке мы выходим на то, что ко всем этим темам, именно в силу бывшей идеологической востребованности изучавшимся плотно и дотошно, вполне можно возвращаться, просто нужно перенастроить оптику.

О невостоковедах, Саиде и Примакове

— С. М.: *У меня возникли те же мысли. Единственное, что может мешать воспринимать те давние труды как академически значимые, — это подозрение в ангажированности выводов. Но если его снять, оставив именно работу с источниками, останется большая исследовательская ценность. В этом плане, кстати, интересно ваше мнение о роли института и востоковедения вообще в обществе тогда и сейчас. Вы уже сказали, что это было очень престижно, и престижность ИСАА и ИВ РАН сохраняется, но все-таки можно ли сравнить ее в исторической перспективе?*

— Д. Д.: Мое глубокое и подтвержденное многочисленными столкновениями с «нормальными» людьми убеждение состоит в том, что это очень узкая и, прошу прощения, элитарная профессия, о существовании которой большинство не имеет понятия. Можно совершенно спокойно прожить жизнь и не узнать о том, что востоковедение вообще существует, будь то зарубежное или российское, и я не вижу в этом ничего страшного. Нельзя, наверное, прожить жизнь и не узнать, что существуют литературоведение, история, искусствоведение, культурология. Но то, что есть такая отрасль науки, как востоковедение, совершенно не очевидно. Обычному человеку скажешь, что есть востоковедение, он посмеется и скажет: «А западоведение есть?».

Интересно, что именно с этими понятиями наше научное сообщество кувыркается, но никак не может докувыркаться после Саида[11], — что такое это самое «востоковедение», с чем его едят? Что, мы всем Востоком ведаем? И при этом ты, живя в Москве, можешь посмотреть на структуру МГУ, на то, какие факультеты его составляют, и осознать, что *внутри МГУ* есть отдельный институт, — уникальное образование, имеющее статус отдельного института, не факультета. (Когда я училась, ИСАА существовал на правах факультета, хотя сам делился на два факультета — историко-филологический и социально-экономический, а сейчас ИСАА не «*при* МГУ», а «ИСАА МГУ».) Даже учась в МГУ, легко можно не отдавать себе в этом отчета.

— С. М.: *Что такой институт вообще существует?*

— Д. Д.: Да. Во-первых, он «сидит» в центре, на Манежной площади, напротив Кремля, а практически весь МГУ дано уехал из центра на Ленгоры.

11 Эдвард Саид (Edward W. Said), автор нашумевшей книги «Ориентализм» (Orientalism) [Said, 1978].

Памятник Евгению Максимовичу Примакову на Смоленской площади в Москве
По: В Москве открыт памятник Евгению Примакову 29.10.2019 Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4141840 (accessed 07.11.2021)

На Моховой остались журфак и ИСАА. И внутри МГУ всегда было такое особое отношение: «А, ну, ИСАА, вы вообще мажоры!».

Востоковеды всегда были штучным товаром: в мое время очень мало где можно было получить востоковедное образование. Ты мог учить языки в ВИИЯ[12], в МГИМО, в Питере на востфаке СПбГУ (тогда ЛГУ), во Владивостоке и в Новосибирске. Последнее не удивительно, конечно: Новосибирск и Владивосток к Дальнему Востоку явно ближе (например, небезызвестный Илья Лагутенко — франтмен группы «Мумий Тролль» — китаист из Дальневосточного госуниверситета). Но для обычного человека… какая может быть особая роль востоковедения в обществе? Он ее совершенно не замечает, не понимает и не ощущает.

С другой стороны, можно задуматься, например, кем был в начале своей карьеры Примаков, которому недавно поставили памятник напротив МИДа. А был он корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке. И, наверное, не только моему поколению может быть понятно, что такое корреспондент «Правды» — главного советского печатного органа — где-нибудь за границей, а тем более на Ближнем Востоке, понятен уровень важности подобной деятельности. Возвращаясь к исходному вопросу об историческом сравнении, по моим личным ощущениям, важность и нужность востоковедов государству уж точно не снизилась. Да и осведомленность общества о том, что такие научные занятия существуют, хоть и невелика, но выше, чем раньше, хотя бы, потому что сейчас совершенно иначе к ним относятся и молодежь, и родители этой молодежи. Когда я шла в ИСАА в семьдесят седьмом году, невозможно было попасть на японское отделение. Почему, как вы думаете?

— **С. М.:** *Потому что это была, наверное, единственная уверенно капиталистическая страна Востока.*

— **Д. Д.:** Верно, и почему туда люди хотели, почему нельзя было попасть на японское отделение?

— **С. М.:** *Потому что на стажировки можно было поехать в красивую страну и что-нибудь привезти оттуда.*

— **Д. Д.:** Совершенно точно. Нереально было попасть на японский язык, конкурс был невообразимый.

— **С. М.:** *И все понимали причину?*

— **Д. Д.:** Естественно. Но понимали, опять-таки, узкие «элиты» столиц Советского Союза, отдававшие себе полный отчет в том, что происходило, знавшие о существовании, например, *Dolby FM* и о том, что эту систему, — или телевизор, позже видеомагнитофон и прочие эквалайзеры, — можно приобрести именно в Японии. Конечно, современному соотечественнику и в голову не придет, что предметы, ассоциирующиеся с материальным благополучием и разнообразием, нужно физически привезти на собственном горбу из-за границы. Сейчас сту-

12 Военный институт иностранных языков. — *Ред.*

денты приходят на японское отделение, потому что увлекаются аниме, а на корейское — потому что увлекаются *K-pop*'ом. И это тотальное изменение естественно и прекрасно: молодые люди свободно приходят в нашу профессию, потому что их привлекают культура, история, язык, — и получают знания о них.

О стражах врат Востока

— С. М.: *Есть феномен, который ловко прозвали gatekeeping: это привычка морщить нос, когда неофиты любят что-то не так, как надо. У вас нет желания гейткипить «правильную» любовь к Востоку, к Японии, к Китаю? Люди, которые увлекаются японской культурой из-за «Sailor Moon» и в целом манги, не вызывают желания снобски поднять нос и сказать что-нибудь уничижительное?*

— Д. Д.: Еще как вызывают. Конечно, хочется душить поверхностные увлечения в зародыше, но этого нельзя позволять, потому что ясно: совершенно не важно, что именно тебя привело в профессию. Если это что-то заставляет тебя учить язык и разбираться в культуре, и копать, копать и копать дальше, ты не остановишься: пришел с «Sailor Moon», а уйдешь с Хокусаем.

— С. М.: *Так выглядит взаимодействие со студентами?*

— Д. Д.: Да, это так работает, как и любое серьезное увлечение. Оно начинается с точечного, игольного контакта, а потом, естественно, расширяется. Правда, в плане Китая у меня гейткипинг абсолютно в полный рост, и я многие такие увлечения просто не переношу, но, к счастью, нечасто с ними сталкиваюсь.

— С. М.: *А что в китайской культуре вызывает у людей интерес, сходный с интересом к K-pop'у и манге?*

— Д. Д.: Боевые искусства, естественно, чай, каллиграфия и философия. А в Индии, например, Рерихи открыли дверь людям, которые будут упорно рассуждать про космизм, вселенскую энергетику и так далее. Про египтологию и «пирамидиотов» можно вообще не начинать.

— С. М.: *Это действительно очень непростая тема, потому что подобные увлечения часто имеют больше трендовый характер: мы вот сейчас всем Западом поувлекаемся тем-то и тем-то.*

— Д. Д.: В этом плане мне «Сэйлор Мун» милее, чем поиски восточной духовности. Потому что, когда увлекаешься китайской философией, боевыми искусствами, энергией *ци* и фэншуем (хотя вообще-то лучше его не склонять!), очень легко соскочить в невразумительный эзотеризм или в те вещи, в которых и специалисты-то не всегда могут или пытаются разобраться. Вообще признаюсь: я материалист и этого уже не изменить. Могу, конечно, заниматься трансцендентальными материями, пытаться их исследовать, хотя это и не моя специализация, но мне решительно не хочется говорить о них, закатывая глаза и впадая в очарованный транс. Наверное, подобное наблюдается в любой специальности, но в гуманитарных науках материала для трансов гораздо больше, особенно в восточной философии, в восточных духовных практиках, в восточных физических практиках, связанных с духовными, в восточном искусстве…

— С. М.: *У нас действительно есть весьма раздражающий аспект обобщенно-европейской западной культуры, некий стеклянноглазый мистицизм по поводу Востока: «О! Вот они понимают! Знают, как все на самом деле». А обратное есть в восточной культуре? Ей присуще свойство смотреть на Запад и думать: «О! Как глубоко эти люди поняли… что-то»?*

— Д. Д.: Скорее нет. В Вышке мы даже целый курс вместе с японистом-искусствоведом Анной Валентиновной Гусевой читали об оксидентализме, и я писала неоднократно [Dubrovskaya, 2019], что нет, не ищут они «света с Запада». Это в нашей культуре существует формула «ex oriente lux», потому что мы очень быстро осознали: Восток породил древнейшие культуры, уже в XVII–XVIII веках до нас дошло, какая толща, глубина и философии, и социальной истории присутствует на Востоке… Поэтому нет, если у Запада есть все основания для того, чтобы, зака-

тив глаза за горизонт, все эти вещи исследовать, увлекаться ими и пытаться в них разобраться, то Востоку это не свойственно — он изначально ощущает себя древним, мудрым и первоначальным; ощущает себя таковым с полным правом, и ничего с этим не сделаешь, да и не надо.

Подобное самоощущение особенно верно, когда мы говорим о китайцах. Но в этом нет ничего странного: у них за две тысячи лет до нашей эры было написано иероглифической письменностью то, что до сих пор полноправно присутствует в культуре и никуда не девалось. Поэтому оксидентализм, о котором мы обмолвились, — даже не «западоведение», а скорее «западоувлечение» — это тоненькая, как я говорила ранее про востоковедов, элитарная надстройка. Когда кто-то — в моем случае это были манчьжурские императоры Китая, династия Цин, маньчжурский двор, то есть пришлые правители, но *не сами китайцы,* — увлекся другой роскошью, другим визуальным рядом, другими идеями. И понял, что там, на дальнем Западе, появилось какое-то чуждое и непонятное, но притягательное великолепие.

Продолжение интервью
в следующем номере «ВК»

Список литературы / References

[БКРС]. *Большой китайско-русский словарь*. В 4-х томах. Под ред. проф. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983–1984 [BKRS: *The Greater Russian-Chinese Dictionary*. In 4 Vols. Ed. By Prof. I. M. Oshanin. Moscow: Nauka, 1983–1984 (in Russian and Chinese)].

Гуревич Б. П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы. *Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений.* Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Мысль, 1982. С. 423–459 [Gurevich B. P. The History of the “Ili Problem” and Its Chinese Falsifiers. *The Documents Refute. Against Falsification of the History of Russian-Chinese Relations.* Ed. by S. L. Tikhvinsky. Moscow: Mysl, 1982. Pp. 423–459 (in Russian)].

Дубровская Д. В., Столяров А. А. Яррист: Михаил Горелик между кистью и мечом. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 243–252 [Dubrovskaya D. V., Stolyarov A. A. Glamdring: Mikhail Gorelik between a Brush and a Sword. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 243–252 (in Russian)].

Дубровская Д. В. *Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в*. М.: ИВ РАН, КРАФТ+, 1998. — 204 с. [Dubrovskaya D. V. *The Destiny of Xinjiang. China Obtains “The New Frontier” in the End of the 19th Century*. Moscow: IOS RAS, KRAFT+, 1998. — 204 p. (in Russian)].

Захаров А. О. Игорь Можейко и московская школа востоковедения. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. Т. I. № 1 (38). С. 5–23 [Zakharov A. O. Igor Mozheiko (Kir Bulychev) and the Moscow School of Oriental Studies. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2018. Vol. 1. No. 1 (38). Pp. 5–23 (in Russian)].

Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт-сост. Д. В. Дубровская; отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2018 [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History*. D. V. Dubrovskaya (comp.), V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2018 (in Russian)].

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. *Передняя Азия. Египет.* М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — 623 с. [*History of Ancient Orient. The Origin of the Most Ancient Class Societies and the First Centers of the Slave-Owning Civilization*. Part 2. *Middle East. Egypt*. Moscow: Nauka. GRVL, 1988. — 623 p. (in Russian)].

Можейко И. В. *1185 год*. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — 524 с. [Mozheiko I. V. *The Year 1185.* Moscow: Nauka, GRVL, 1989. — 524 p. (in Russian)].

Стародубцева М. В. Александр Седов: «Мы рассказываем людям об их культуре». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 21–38 [Starodubtseva M. V. Alexander Sedov: “We Tell People

about Their Culture". *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 21–38 (in Russian)].

Яковлев А. И. «Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института Востоковедения РАН (1956–1977 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 242–256 [Yakovlev A. I. "He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild": On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 242–256 (in Russian)].

Dubrovskaya D. V. Orientalism and Occidentalism: When the Twain Meet. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 77–83.

Said E. W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Дубровская Динара Викторовна. *Wikipedia*. [Dubrovskaya Dinara Viktorovna. *Wikipedia* (in Russian)]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубровская,_Динара_Викторовна (accessed 19.10.2021).

Семинар «Дискуссионные проблемы истории Востока» имени Олега Ефимовича Непомнина. *Институт востоковедения РАН* [Seminar "Theoretical Problems of the History of the East" named after Oleg E. Nepomnin. Institute of Oriental Studies RAS (in Russian)]. URL: https://orient.ivran.ru/seminar (accessed 19.10.2021).

ASIAC 2021 yearly conference programme. *ASIAC*. URL: https://www.asiac.net/eventi/asiac-2021-yearly-conference-programme/ (accessed 29.10.2021).

DOI: 10.18254/S268684310017999-6

Восток, Запад и Всемирная история

The East, the West, and the World History

© 2021 **Алексей Леонидович Рябинин***

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Истории стран Восточной Азии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН) ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; rjabinin50@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Alexey L. Ryabinin

DSc (History), Professor, Chair of the History of East Asian Countries Department, State Academic University for the Humanities (GAUGN); Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rjabinin50@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Автор посвящает статью важному вопросу развития человеческой цивилизации, рассматривая, какой вклад внес Восток в многовековую эволюцию социума, подчеркивая, что, несмотря на скромное внимание к странам Востока в учебниках Всемирной истории, именно «восточный» путь развития, заложенный великими деспотиям: Древней Месопотамией, Древним Египтом, Древней Индией, Древним Китаем и был магистральным путем развития человечества. Ведь, согласно статье, «западный путь» появился не сразу и в самой Европе: и минойская, и микенская

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Греция развивались по восточному пути, и только в Гомеровской Греции начали зарождаться черты «западного» развития, более четко проявившиеся в архаической Греции. Автор приходит к выводу, что подобный «западный путь» появился в результате исторической случайности — стечения благоприятных обстоятельств. Стремясь доказать эту точку зрения, автор обращается к сходствам восточного и западного путей развития, подкрепляя их примерами из истории Древней Месопотамии, Древнего Египта, Древнего Китая. На древнекитайскую модель государственности автор обращает особое внимание, так как видит в ней особый вид трансформации высшей власти. Многие ученые фиксируют наличие в Древнем Китае в VIII–VII вв. до н. э. социально-политической и политико-административной системы, типологически сходной с той, которая существовала в Западной Европе в XI–XIII вв. Автор задается вопросом: «Почему эта социально-политическая и политико-административная система в Древнем Китае прекратила существование?». К VIII–VII вв. в китайской государственной практике за время противостояния варварам была выработана новая модель политической системы и мобилизационной экономики, не позволявшей китайскому обществу «расслабиться», перестроиться и избежать формата деспотического режима. По мысли автора, понятие «феодализм» в плане отношений внутри господствующего слоя не принадлежит только Западной Европе. «Феодализм» как систему вассально-ленных отношений, например, можно наблюдать и в некоторых областях Индии. Соответственно, уникальность европейского пути развития политических систем заключается не в демократичности, а в чем-то ином. В статье подчеркивается, что эта особенность состоит в приоритете связи с рынком состоятельных людей. Именно эти люди и определяли основное направление развития античного общества и в Классической Греции, и в Республиканском Риме.

Ключевые слова: Восток и Запад, всемирная история, феодализм на Востоке, древнекитайская модель государственности, Древняя Месопотамия, «греческое чудо»

Для цитирования: Рябинин А. Л. Восток, Запад и всемирная история. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 57–68. DOI 10.18254/S268684310017999-6

The author raises in the article an important question of human civilization development: what contribution the East has made to the centuries-long evolution of society. The author emphasizes that, despite the low attention to the countries of the East in the World History books, it was the “Eastern” way that laid down by the great despotisms: Ancient Mesopotamia, Ancient Egypt, Ancient India, Ancient China, and was the main way of human development. Indeed the “Western path” did not appear immediately in Europe itself: both Minoan and Mycenaean Greece developed along the Eastern path, and only in Homeric Greece did the features of “Western” development begin to emerge, more clearly manifested in archaic Greece. The author concludes that such a “Western” emerged as a result of historical coincidence. The author turns to the similarities between the Eastern and Western paths of development, reinforcing them with examples from the history of Ancient Mesopotamia, Ancient Egypt, and Ancient China. The author pays special attention to the ancient Chinese model of statehood as a special kind of transformation of the supreme power. Many scholars record the presence in Ancient China in the 8th–7th centuries B.C. of the socio-political and political-administrative system typologically like the one that existed in Western Europe in the 11th–13th centuries. Ryabinin asks the question: “Why did this socio-political and politico-administrative system in Ancient China cease to exist?”. By the 8th–7th centuries, the Chinese state practice during the time of confrontation with the barbarians developed a new model of the political system and mobilization economy which did not allow the Chinese society to rebuild and avoid the format of a despotic regime. According to the author, the concept of “feudalism” in terms of relations within the ruling stratum does not belong exclusively to

Western Europe. “Feudalism” as a system of vassal-loyal relations, for example, can also be observed in certain areas of India. Accordingly, the uniqueness of the European way of developing political systems lies not in democracy but something else. The paper emphasizes that this peculiarity is the priority of the wealthy people associated primarily with the market. It was those people who determined the main direction of the development of ancient society both in Classical Greece and in Republican Rome.

Keywords: East and West, World history, feudalism in the East, ancient Chinese model of statehood, Ancient Mesopotamia, “the greek miracle”

Для цитирования: Alexey L. Ryabinin. The East, the West, and the World History. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 57–68. DOI 10.18254/S268684310017999-6

Еще совсем недавно историческое развитие Востока воспринималось как некая маргиналия. Подобный подход и в настоящее время зафиксирован в учебниках по Всемирной истории: подробное описание античной Европы, средневековой Европы, централизованных государств Западной Европы (Испании, Португалии, Англии, Франции), отдельно выделяется история Священной Римской империи германской нации, буржуазных революций (нидерландской, английской, французской), национальных государств Западной Европы, потом — Америки. Затем представляется история России (в зависимости от формата издания ей уделяется большее или меньшее место). И наконец, совсем немного внимания уделяется Востоку: Древняя Месопотамия, Древний Египет, Древняя Индии, Древний Китай, затем средневековые страны Востока, колониализм (подвергающийся всемерному поруганию) и, наконец, современный Восток. Истории Востока с древности до наших дней уделяется значительно меньше внимания, чем, например, Франции и при этом весь курс называется «Всемирная история».

Узнать что-либо путное об истории Востока из такого курса невозможно[1]. Если вы хотите расширить представления о Востоке, — пожалуйста, у нас есть отдельные учебники из серии «История стран Азии и Африки» (см., например: [*Новая история стран Азии и Африки*, 2017]). Но это уже не «Всемирная истории», в которой развитие Востока считается, повторяю, маргинальным.

На самом же деле, **именно «восточный» путь развития, заложенный великими деспотиям: Древней Месопотамией, Древним Египтом, Древней Индией, Древним Китаем и был магистральным путем развития человечества**. «Западный путь» появился далеко не сразу и в самой Европе: и минойская, и микенская Греция, т. е. «цивилизации дворцов», развивались по восточному пути, и только в Гомеровской Греции начали зарождаться черты «западного» развития, более четко проявившиеся в архаической Греции (различие между городом-полисом и сельской местностью). Наиболее четко эти черты проявились уже в Классической Греции, давшей миру образцы демократии и структурирования общества по имущественному принципу. Сложение подобного «западного пути» действительно случайность, стечение чрезвычайно благоприятных обстоятельств.

Западу и в дальнейшем очень повезло: по сравнению с Востоком, он развивался в тепличных условиях. Если представить, что нашествие персов под руководством Дария случилось не в начале пятого, а веком раньше, грекам вряд ли удалось бы его отбить, а если бы и удалось, то Солон вряд ли осуществил бы реформы и мир никогда бы не узнал варианта общества, стратифицированного по имущественному принципу, как это произошло в Афинах.

В дальнейшем, после завершения периода античности, после Великого переселения народов и короткого периода борьбы с кочевниками

1 Единственным исключением является последний российский выпуск «Всемирной истории»: [Всемирная история… Т. I, 2011].

(последние из них, мадьярские племена венгров, были разбиты Оттоном I в битве при реке Лех в 955 г.), Западная Европа продолжала эволюционировать в состоянии относительного покоя: она не сталкивалась с крупными «варварскими» вторжениями, с нападениями кочевников, способных стереть с лица земли целые города и страны. В результате именно в Западной Европе, и более нигде, появились свободные города, сам воздух которых делал прежде зависимого крестьянина свободным (через 1 год и 1 день проживания), свободные ремесленные цеха и свободные торговые гильдии, наконец, парламенты с представительством не только феодалов (светских и духовных), но и горожан.

Эволюция стран Востока и Запада: сходства путей развития

Древняя Месопотамия и Древний Египет

Попытаемся все же отыскать в развитии стран Востока некоторые сходства с эволюцией стран Запада. Прежде всего обратим внимание на те варианты развития древних обществ, в которых были заложены возможности «невосточного», то есть, «западного пути» развития. На мой взгляд, это прежде всего, **ном Лагаш в Древней Месопотамии**, где *энси* (жрец) **Энентарзи** соединил земли бога Нингирсу, богини Бабы и их боговдетей Игалины и Шульшаганы, и объединил их в единое целое с «государственными»[2] землями, превратив Энентарзи в фактического собственника более половины всей земли Лагаша.

В результате Энентарзи упразднил должности многих прежних жрецов и управлять храмовыми землями стали новые слуги энси, полностью от него зависимые, которые также взимали подати с прежних мелких жрецов и крестьян, «сидевших» на храмовых землях. В то же время возрос уровень эксплуатации общинников, которые отныне должны были вносить б*о*льшие подати, значительно увеличившиеся в связи с разбуханием «государственного» аппарата. То есть, и уровень «государственной» эксплуатации при правлении Энентарзи, и уровень и политической концентрации (будем называть его **уровнем деспотизации**) власти в Лагаше, значительно увеличились.

Жители Лагаша не могли вынести подобного уровня экономической эксплуатации и политической концентрации. Поэтому через некоторое время после правления преемника Энентарзи по имени **Лугальанда**, свергнутого, по-видимому, народным собранием Лагаша, тем же народным собранием был избран **Уруинимгина**, получивший властные полномочия лугаля (светского правителя). Уруинимгина осуществил контрреформы, цель которых была отмена всех распоряжений Энентарзи и восстановление традиционного уровня государственной экономической эксплуатации и прежний уровень концентрации (деспотизации) власти:

- Земледельческие поля, принадлежавшие божествам Нингирсу, Бабе, Игалине и Шульшагане, теперь входили в государственный земельный фонд, изымались из этого фонда и вновь приписывались к храмам соответствующих божеств
- Отменялись дополнительные поборы, введенные Энентарзи для обеспечения возросшего «государственного» аппарата
- Обеспечивалось материальное положение младшего жречества и некоторой части зависимых в храмовых хозяйствах
- Отменялись долговые сделки.

Контрреформы Уруинимгины встретили серьезное сопротивление: реального изъятия земель храмовых хозяйств четырех божеств из «государственной» собственности так и не произошло; вся новая администрация, учрежденная Энентарзи, так и осталась на местах [*История Востока…* Т. 1, 1997, с. 55]. Хотя контррефор-

2 Слово «государственный» я ставлю в кавычки, так как в полной мере не могу считать такую политию, как Лагаш, государством, ибо должность правителя, как мы увидим далее, носила не формальный, а реально выборный характер.

мы Уруинимгина так и не достигли цели, они имели ярко выраженный «антидеспотический» характер и были задуманы как инструмент, снижающий уровень «государственной» экономической эксплуатации и «деспотизации» власти. Комплекс реформ Энентарзи, контрреформы Уруинимгины, равно как и сопротивление контрреформам серьезно ослабили Лагаш. Не случайно вскоре это сильное государство потерпело **поражение от Лугальзагеси**, правившего остальной частью юга Нижней Месопотамии [*История Востока…* Т. 1, 1997, с. 55–56].

В полной мере о сложившемся государстве в Месопотамии мы можем говорить лишь со времени правления **Саргона Древнего**, фактически завоевавшего Месопотамию, что дало ему возможность относиться к захваченным землям как к военной добыче. Поэтому Саргон смог превратить энси в чиновников, создав тем самым зависящий лично от него государственный аппарат, а представителей знатных родов держал у себя в заложниках [*История Востока…* Т. 1, 1997, с. 58]. Впрочем, Саргон так до конца и не мог подчинить Месопотамию: уже при его жизни городские старейшины поднимали мятежи, а его **наследнику Римушу** пришлось перезавоевывать земли, покоренные отцом, и делал он это с особой жестокостью, уничтожив десятки тысяч жителей Месопотамии. Воспользовавшись террором, развернутым Римушем, его брат Маништуту, стремясь как можно больше увеличить фонд государственных земель, скупал у месопотамских городов земли по принудительно низким ценам [*История Востока…* Т. 1, 1997, с. 58–60].

Саргон и Римуш, с одной стороны, и Маништуту, с другой, решали разные задачи: первые укрепляли государственную власть, продвигая ее к уровню деспотизации и тем самым устанавливая государственную собственность на земли всей Месопотамии, второй же максимально увеличивал фонд непосредственно принадлежащей и управляемой государством земли.

Что касается первой задачи, то при первых саргонидах она так и не была выполнена до конца. Не до конца она была решена и при племяннике (возможно, сыне) Маништуту, **Нарам-Суэне**, который, впрочем, резко продвинулся вперед в уровне деспотизации власти. Перестав употреблять старые обозначения религиозных и светских правителей («энси» и «лугаль»), Нарам-Суэн объявил себя «Царем четырех сторон света», назначая на должности полностью подчиненных городов либо ближайших родственников, либо чиновников.

Мощным наступлением на «гражданское общество» Месопотамии было присвоение Нарам-Суэном еще при жизни статуса бога, чего до него не делал ни один из месопотамских правителей[3]. Но апофеозом деспотизации власти в Месопотамии явилось правление царей **III династии Ура**, создавших государство под названием «Царство Шумера и Аккада» — «наиболее типичное древневосточное бюрократическое государство» [*История Востока…* Т. 1, 1997, с. 63]. Вся территория «Царства Шумера и Аккада» была разделена на округа, возглавляемые чиновниками, по усмотрению центральной администрации назначавшимися в различные места государства. Царской администрации подчинялись, по всей видимости, также и те общинники, ведущие хозяйство вне непосредственно управляемых государственных земель. Сила деспотической власти в государстве III династии Ура была столь велика, что оно могло запретить не только частные земли, но и любую частную деятельность, и контролировать выполнение запрета. Даже купцы превратились в государственных торговых агентов. В стране не функционировали народные собрания, из всех институтов, помимо государственных, сохранился лишь общинный суд [*История Востока…* Т. 1, 1997, с. 64].

Очевидно, степень деспотизации власти правившего в 2236–2200 гг. до н. э. Нарам-Суэна, (тем более, царей III династии Ура; 2111–2003),

3 До Нарам-Суэна саргониды объявлялись богами только после смерти.

приближалась к уровню деспотизации власти фараонов Древнего Царства (XVIII–XXIII вв. до н. э.). То есть процесс деспотизации власти в Месопотамии по сравнению с Древним Египтом запаздывал приблизительно на полтысячелетия лет.

В отличие от Древнего Египта, Древняя Месопотамия дает нам уникально подробный исторический материал для исследования процесса эволюции власти *энси* (жреца) и *лугаля* (светского правителя, военачальника), зависимой от Народного Собрания и Совета Старейшин, в сторону власти значительно более деспотичного гегемона-лугаля, достаточно самовластного правителя при первых саргонидах и, наконец, «царя четырех стран света» при Нарам-Суэне. Процесс деспотизации власти имеет нелинейный характер, сопровождается быстрым «забеганием вперед» и временным «отходом назад», как мы видели из анализа реформы Энентарзи и контрреформы Уруинимгины.

Что же касается **Древнего Египта**, то там фараон-бог, как «черт из табакерки», появляется почти в самом начале письменной истории. Возникновение такого «фараона-бога» с определенной степенью надежности можно отнести ко времени Древнего Царства (XVIII–XXIII вв. до н. э.), а, возможно, даже и Раннего Царства (3000–2800 гг. до н. э.).

Древний Китай

Особый вид трансформации высшей власти представляет собой древнекитайская модель государственности. Во главе **государства Шан-Инь** (около 1300–1027 гг. до н. э.) стоял *ван*, обладавший как высшими жреческими (религиозными), так и высшими светскими полномочиями. При этом с течением времени статус правителя Шан-Инь претерпевал значительные изменения, что отражало эволюцию его властных полномочий. Если до У-дина (1253–1195 гг. до н. э.) храмовые имена шанских правителей обозначались при помощи циклического знака, к которому прибавлялось определения Великий, Малый, Верхний, то, начиная с У-дина к циклическому знаку присовокупляются совсем другие обозначения: «воинственный» (*у*) и «предок» (*цзу*). Что же касается последних двух ванов из династии Шан-Инь, Ди-и (1096–1060 гг. до н. э.) и Ди-Синя (1059–1027), то оба эти правителя, долго правившие Северным Китаем, обозначали себя уже знаком *ди* — Владыка, что в шанских надписях атрибуирует высшее божество.

Российские историки Д. В. Деопик и М. Ю. Ульянов справедливо полагают, что «присвоение этого титула (*ди* — Владыка. — *А. Р.*), возможно, отразило изменение не только формального статуса шанских государей, но и реального содержания их власти» [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 610]. По-видимому, не только знак божества свидетельствует об укреплении власти последних двух шанских правителей. Об этом говорит также и продолжительность правления обоих государей: Ди-и — 37 лет, и Ди-синя — 33 года. Об укреплении власти Ди-и свидетельствует и то, что он сумел посадить на трон младшего сына, а не старшего, то есть, решил вопрос престолонаследия самостоятельно [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 643].

В сменившем правление династии Шан-Инь **государстве Западное Чжоу** (1027–771) в связи со значительным расширением границ этой политии, выходившей далеко за пределы Шан-Инь, правитель-*ван* почти сразу же потерял возможность непосредственного управления территорией страны за пределами собственного «домена» (*бана* Чжоу). При этом статус *вана* в качестве «Сына Неба» манифестировал его сакральную власть, распространяемую в границах так называемой Поднебесной — территории проживания *хуася*, ограниченной средним течением Янцзы, Великой равниной и западной частью Шаньдуна [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 671]. Фактически *ван*, исполнявший религиозные ритуалы и поначалу координировавший отношения между главами «владений» [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 671], эволюционировавших сначала в княжества, а потом и в мощные царства, превратился в «Папу Римского» Древнего

Китая. Сакральная власть *вана* была очень нужна окружающим *бан* Чжоу политиям: недаром она продержалась около 800 лет и закончила существование незадолго до образования первой китайской империи Цинь.

Политическая система, созданная в Восточном Чжоу, и состоящая из «владений» (впоследствии — княжеств и царств), правители которых наделялись титулами знатности (*цзюэ*), «сформировала ***иерархическую модель*** (выделено мной. — *А. Р.*) соподчиненности родовой знати, которую синологи-обществоведы в XIX и даже XX в. несколько прямолинейно сопоставляли с феодализмом в средневековой Европе» [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 671–672].

Действительно, некоторые ученые, такие, как Фань Вэньлань и Цзянь Боцзянь, рассматривали следующий после Западного Чжоу период китайской истории под названием «Чуньцю» (春秋; «Весны и осени»; первая часть Восточного Чжоу; 771 – середина V в.) как «феодальный». При этом «феодализм» они понимали в марксистском духе как социально-экономическую формацию. В советской и российской синологии концепции «феодализма» в Древнем Китае придерживался **Л. С. Васильев**, рассматривавший его не в плане марксистских догм, а как социально-политическую и политико-административную организацию древнекитайского государства. Васильев пишет о появлении в крупнейшем древнекитайском царстве Цзинь в VIII в. до н. э. первых уделов, которые затем возникли также в царствах Ци, Лу и т. д., характеризуя эти уделы как «жесткие структуры феодально-кланового типа, в каждой из которых глава клана, титулованный аристократ (имевший титул *цин*) был всесильным властителем» [Васильев, 1998, с. 182]. Ниже *цинов* стояли *дафу*, которые, в отличие от *цинов*, не имели земельных владений и зарабатывали на жизнь военной службой. Наконец, последнюю ступень в социально-политической иерархии занимали хорошо образованные ***ши***, готовые идти на службу за плату, но не в виде униженной прислуги, а в качестве уважаемого вассала [Васильев, 1998, с. 182–183]. Таким образом, многие ученые фиксируют наличие в Древнем Китае в VIII–VII вв. до н. э. социально-политической и политико-административной системы, типологически сходной с той, которая существовала в Западной Европе в XI–XIII вв.

Почему же описанная социально-политическая и политико-административная система в Древнем Китае прекратила существование? Почему с конца VII в. – начала VI в. до н. э. в древнекитайских царствах перестают жаловать уделы, а вместо них предоставляют «условные должностные владения, исчисляемые точно определенным количеством поселений или дворов-домохозяйств, доход с которых становится жалованием за службу или наградой за подвиги и успехи» [Васильев, 1998, с. 184]? Почему вместо уделов в непосредственно управляемых царских землях правители стали создавать систему уездов, руководить которыми назначались чиновники, полностью зависящие от царской власти? Почему система уездов, начавшаяся создаваться в конце VII в. в царствах Цзинь и Чу, в VI в. получила повсеместное распространение в Древнем Китае? Почему система уездов стала вводиться даже в уделах, да и сами уделы стали расформировываться и превращаться в уезды или группы уездов, всецело подчиненные центральной царской администрации [Васильев, 1998, с. 185]? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Конец процессу феодализации или децентрализации власти в древнекитайских царствах периода Чуньцю был положен в связи с возникшей в середине VII в. до н. э. очень серьезной внешней опасностью для общности «государств *хуася*». В значительной степени именно в связи с этим в 679 г. правитель царства Ци **Хуань-гун** (685–643 гг. до н. э.), искушенный политический деятель, победивший в борьбе за трон брата, пригласил на съезд правителей ряда царств и добился присвоения себе некоторых полномочий чжоуского вана: он получил право созывать на съезд правителей чжоуских царств

и считаться **гегемоном** (*ба*) «чжоуского мира». Важно, что официально были объявлены две задачи, стоявшие перед гегемоном: почитание вана и **отпор «варварам»** [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 774–775].

Если первая задача носили ритуально-комплиментарный характер и являла собой дань уважения к уже давно бессильному и лишь формальному главе чжоуских царств, то вторая цель оказалась чрезвычайно актуальной. Действительно, чжоуский мир готовился к встрече с «варварами», причем как на севере, так и на юге, ибо царство Чу, не входящее в «общность хуася», также воспринималось чжоусцами как варварское.

Хуань-гун стал чжоуским гегемоном очень вовремя. На следующий (678-й) год царство Чу напало на царство Чжэн, и это было только начало. С 60-х гг. VII в. до н. э. в дополнение к атакам с юга (в 666 г. чусцы снова вторглись в Чжэн) на чжоусцев начали нападать северные варвары-номады: в 663 г. по граничащему со Степью царству Янь нанесли удар шаньжуны. Вот тут-то Янь и пригодились союзнические отношения, заключенные с новым гегемоном: яньцы немедленно обратились к царству Ци, и Хуань-гун, оправдывая статус гегемона, напал на *шаньжунов*. Он действовал настолько успешно, что прогнал варваров далеко на север, до территории современного Автономного района Внутренняя Монголии [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 774–776].

В 660 г. до н. э. «варвары»-номады *ди* с северо-запада напали на царства Син и Вэй, полностью разгромив последнее и убив его правителя. В том же году наследник правителя царства Цзинь по имени Шэнь Шэн атаковал варварское племя *чиди*. Через два года в противостояние с кочевниками-жунами вступил правитель царства Го [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 776].

Выполняя функции гегемона, Хуань-гун в том же 658 г. оказал помощь царству Вэй, построил для него новую столицу и посадил туда нового правителя, придал ему охрану, а затем принялся готовить поход на юг против царства Чу. Собирая коалицию античуских государств, Хуань-гун собрал съезд, специально пригласив на него правителей государств, находившихся в приграничной полосе между зонами влияния царства Чу и землями *хуася* в верховьях Хуайхэ [*История Китая с древнейших времен...* 2016, с. 776].

Таким образом, в середине VII в. до н. э. в Древнем Китае сформировалось зона противостояния чжоуского мира, где реальную власть осуществлял гегемон, с одной стороны, южной зоне, в которой все большее влияние приобретал *ван* царства Чу [*История Китая с древнейших времен...* 2016, с. 774–775], а с другой стороны — северной зоне, где обитали кочевники. В такой ситуации, будучи зажатым с двух сторон очень сильными противниками, номадами и чусцами, чжоуским царствам было не до децентрализации и «феодализма». Необходимо было именно централизованным путем собирать силы и создавать мобилизационную экономику. Этот процесс занял более четырех веков и закончился образованием общекитайской империи под управлением династии Цинь.

Китайское государство никогда более не доходило до того уровня «феодализации», который мы наблюдаем в Древнем Китае в VIII–VII вв. до н. э. Ранее этого не происходило даже в периоды распада общекитайских империй, во времена Троецарствия или Темных веков, начавшихся с образования государства Восточная Цзинь и до образования империи Суй, в период поздней империи Тан и до империи Сун, несмотря на существенный уровень децентрализации. Но к VIII–VII вв. в китайской государственной практике за время противостояния варварам уже была выработана модель политической системы и мобилизационной экономики, не позволявшей китайскому обществу «расслабиться», перестроиться и избежать формата деспотического режима.

Феодализм: европейский феномен?

Понятие «феодализм» в плане отношений внутри господствующего слоя (а не между вла-

дельцами земли и крестьянами, «сидящими» на господской земле) не принадлежит только Западной Европе. «Феодализм» как систему вассально-ленных отношений можно наблюдать и в некоторых областях Индии, например, в Раджпутане [*История Востока...* Т. 2, 1995, с. 140–141]. Подобные отношения возникают, когда государство не испытывают мощного внешнего давления, сопоставимого с угрозой существованию общества, или когда некая полития представляет собой военный субъект, активно захватывающий соседние территории и рассаживающий на этих территориях элиту в качестве господствующего слоя — когда государство и общество либо могут «расслабиться», либо пользуются благами завоеванных народов, на территории которых размещают элиту. Как видно, такие ситуации возникают в Древнем Китае VIII–VII вв. до н. э. и через некоторое время претерпевают существенные изменения при появлении чрезвычайной внешней угрозы. Подобные ситуации появляются и при захвате Северной Индии в VIII в. раджпутами, впоследствии рьяно отстаивавшими самостоятельность перед лицом агрессии как со стороны Делийского султаната, так со стороны империи Великих Моголов.

По-видимому, Западной Европе просто повезло: в течение большей части своей истории она развивалась в тепличных условиях, не будучи подверженной серьезному внешнему давлению. Но если хорошо поискать, то некоторые характерные для Западной Европы явления мы можем обнаружить и на других континентах — в Азии и Африке.

В этом смысле на Востоке мы можем обнаружить аналоги такому явлению, как, например, «**греческое чудо**», которое с общеизвестной точки зрения представляет собой «классическую античность». В связи с этим позволю себе обратиться к статье А. В. Коротаева «Горы и демократия: Представление» [Korotaev, 1996]. Опираясь на конкретный исторический материал, А. В. Коротаев соотносит политическую систему древних греков с аналогичными системами древних горцев Йемена, средневековых швейцарцев и басков, современных горных общин Албании и Черногории, вольных обществ Кавказа, некоторых горцев Афганистана, народа апатани в горном Ассаме, общин гумлао в горном бирманском штате Качин, берберов Атласа и ифугао на Филиппинах [Korotaev, 1996, p. 61–62].

«Общим знаменателем» всех этих горных политий Коротаев считает «относительную (по отношению к «равнинным» политиям) «задержку» процессов политической централизации по сравнению с процессами общей культурной эволюции», то есть, «более низкий уровень политической централизации» или «более высокий уровень политической автономии» [Korotaev, 1996, p 62]. Второй важной характеристикой «общего горного знаменателя» Коротаев [1996, p. 62] считает «относительную демократичность горных политий». Он полагает, что в процессе политической эволюции в высокогорьях первобытная демократия не исчезает и не приходит в упадок, а развивается и выходит за пределы «примитивности». В результате в некоторых горных общинах (естественно, не во всех) развиваются политические структуры, напоминающие структуры классического полиса.

Российский этнолог и политический антрополог М. А. Агларов, исследуя политическую организацию крупных общин (джамаатов) в Нагорном Дагестане XVII–XIX вв., приходит к выводу о сходстве их наиболее важных характеристик. Агларов отмечает, что высокогорная «дагестанская община представляла собой .... тип общины, которая спонтанно, самодовлеюще развилась в самоуправляемое микрополитическое образование, являвшееся звеном, а не низшей ячейкой общества. Такая община целиком выстраивала военные, правовые и политические функции, как и классы, включая общинную знать, а иногда и феодальные сословия в единый общинный организм с гражданским самоуправлением... Публичная власть была крайне упрощена, ее отправляли больше как гражданскую повинность (несогласных быть

избранными в правители принуждали, в случае отказа наказывали крупными штрафами), без специальной оплаты, хотя и предоставлялись определенные привилегии (освобождение от общественных работ и т. д.)» [Агларов, 2014, p. 255–258].

Следует отметить, что такие **общины-джамааты**, «вольные общества», были очень сильны. К примеру, **Надир-шах** в 1739 г. совершил знаменитый поход в Индию, во время которого захватил столь огромную добычу, что это позволило ему освободить все население Ирана от налогов на три года. На следующий 1740 г. шах организовал поход в Дагестан против «вольных обществ». Этот поход стал началом конца дотоле непобедимого шаха: в 1740 г. он потерял брата, Ибрагим-хана, разгромленного войсками «вольных обществ». В 1743 г. Надир-шах лично отправился в Нагорный Дагестан, но так же, как и Ибрагим, потерпел поражение [*История Востока…* Т. 2. 1995, p. 442–443].

Типологическое сходство политических систем высокогорных дагестанских политий если не с таким эгейскими полисами, как Афины и Милет, то с более «примитивными» (и гораздо более многочисленными) полисами Аркадии, Фокиды, Локриса, Ахейского союза, дало возможность Коротаеву раскритиковать так называемую «**перевернутую пятичленку**», которая, как он полагает (в отличие от марксистской «пятичленки», настаивавшей на сущностном тождестве развития Востока и Запада) столь же жестко декретировала существенные различия развития Востока и Запада, стараясь не замечать столь же существенных сходств эволюции Востока и Запада [Korotaev, 1996, p. 60–61].

А. В. Коротаев совершенно не согласен с утверждением Л. С. Васильева об уникальности западного пути развития политических систем, то есть, с тем, что возникновение этого пути — социальная мутация, а именно — случайность. И действительно, выше мы рассмотрели примеры того, как и в других частях света возникали «вольные общества», политические режимы демократического характера.

Однако ни в одном из этих демократических режимов общество не структурировалось на основе имущественного ценза, как **в Афинах после реформы Солона**, когда только состоятельные люди (пентакосиомедимны, гиппеи и зевгиты) могли занимать полисные должности, притом, что самые высокие должности — архонтов и казначеев — могли занимать только самые богатые — пентакосиомедимны. Что же касается бедняков-фетов, то они могли лишь участвовать в Народных собраниях и судах. Тот же самый процесс (структурирование общества в соответствии с имущественным цензом) наблюдается и **в Древнем Риме после реформ Сервия Туллия,** когда политическая жизнь определялась самыми богатыми людьми (вне зависимости от их принадлежности к патрициям или плебеям, в том случае, если они голосовали солидарно), составлявшими первый разряд (доход не менее 100 тысяч медных ассов), поскольку именно они выставляли большее количество центурий, чем все остальные разряды.

То есть, уникальность европейского пути развития политических систем заключается не просто в их демократичности, а в том, что в этой демократии приоритет предоставляется богатым и состоятельным людям, связанным прежде всего с рынком. Именно эти люди и определяли основное направление развития античного общества и в Классической Греции, и в Республиканском Риме. Именно они противостояли монархической власти, вырождающейся в деспотию, пока могли это делать.

Об этом и писал Л. С. Васильев: «В европейской рыночно-частновладельческой структуре частная собственность и рынок — основа всего, генеральный фундамент процветания общества и государства. Государство здесь служит рынку и частному собственнику, который уважается в высшем качестве гражданина (не подданного!) и как таковой через систему демократии избирает и контролирует органы власти и администрации. Государство в этой системе и не только является представителем интересов класса частных собственников, огражденных многочисленными

правами и привилегиями. Государство не только не навязывает свою волю гражданам, но и, напротив, гарантирует все веками наработанные гражданские права и свободы, в том числе священное право каждого на частную собственность, на выражение индивидуальности, на свободу деятельности в любой избранной им сфере, вне зависимости от того, одобряется это государством или нет (если не иметь в виду сферу криминального)». И далее: «Так вот, ничего подобного никогда не было ни в одной из неевропейских структур. Не было по той простой причине, что структурно не соответствовало тысячелетиями отработанным традиционно-восточным параметрам. Потому что просто не могло появиться — для этого нужна была социальная мутация, что само по себе редкость, результат уникального стечения обстоятельств. Такое случилось в истории только раз — в античности. И хотя эта мутация сыграла решающую роль в истории, определив в итоге судьбы человечества, генеральным путем долгое время был все же традиционный восточный» [Васильев, 1993, с. 153–154].

Социальной мутацией (если хотите, случайностью!) в европейской античности является не «демократический» характер политического режима. Как видим, такое случалось и в других частях света в самые разные времена. Речь идет о структурировании демократического общества в соответствии с имущественным цензом, с приоритетом в отношении богатых. И это действительно уникальное явление в мировой истории, во многом связанное со случайностью[4]. Подводя итоги, современному историческому востоковедению необходимо пересмотреть устоявшиеся концепции, особенно — российскому востоковедению, во многом еще не изжившему родовую печать «советскости».

Список литературы / References

Агларов М. А. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса)*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. — 290 с. [Aglarov M. A. *Rural Community in Nagorny Sagestan in the 17th–the Beginning of 19th Centuries (Research in the Interconnections of Economy, Social Structures, and Ethnos)*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN Publ, 2014. — 290 p. (in Russian)].

Васильев Л. С. Традиционный Восток и марксистский социализм. *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М.: Наука. Восточная литература, 1993. С. 143–176 [Vasiliev L. S. *Traditional East and Marxist Socialism. The Structure of Power and Management*. Moscow: Nauka. Vostochnaya Literatura, 1993. Pp. 143–176 (in Russian)].

Васильев Л. С. *История Востока*. Т. 1. М.: Высшая школа, 1998. — 495 с. [Vasiliev L. S. *The History of the East*. Vol. 1. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1998. — 495 p. (in Russian)].

Всемирная история в шести томах. А. О. Чубарьян (гл. ред.) Т. 1. *Древний мир*. М.: Наука, 2011. — 877 с. [*World History in Six Volumes*. A. O. Chubarian (Ex. ed.). Vol. 1. *Ancient World*. Moscow: Nauka, 2011. — 877 p. (in Russian)].

История Востока в шести томах. Т. 1. *Восток в древности*. М.: Восточная литература, 1997. — 479 с. [*The History of the East in Six Volumes.* Vol. 1. *The East in the Ancient Rimes.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. — 479 p. (in Russian)].

История Востока в шести томах. Т. 2. *Восток в средние века*. М.: Восточная литература, 1995. — 517 с. [*The History of the East in Six Volumes.* Vol. 2. *The East in the Middle Ages.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. — 517 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 1. *Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н. э*. М.: Наука. Восточная литература, 2016. — 1012 с. [*The History of China from Ancient*

4 Пожалуй, единственным представителем неевропейских политий античного типа является североафриканский Карфаген, который управлялся олигархией и принадлежал к средиземноморскому кругу античных цивилизаций.

Times to the Beginning of the 21st Century. Vol. 1. *The Most Ancient and Ancient History (According to the Archaeological Data)*. *From Paleolith to the 5th Century B. C*. Moscow: Nauka. Vostochnaya Literatura, 2016. — 1012 p. (in Russian)].

Новая история стран Азии и Африки. В 3-х ч. Ч. 1. *XVI–XIX вв*. А. М. Родригес (ред.). М.: Владос, 2017. — 400 с. [*New History of the Countries of Asia and Africa*. In 3 Parts. P. 1. *16th–19th Centuries*. A. M. Rodriguez (Ed.) Moscow: Vlados Publ., 2017. — 400 p. (in Russian)].

Korotaev A. V. Mountains and Democracy: An Introduction. N. N. Kradin, V. A. Lynsha (eds.) *Alternative Pathways to Early Statehood*. Vladivostok: Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Dal'nauka, 1996. Pp. 60–74.

DOI: 10.18254/S268684310018001-9

Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая

The Foreign Policy Doctrine of Traditional China

© 2021 **Олег Ефимович Непомнин**

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва
distan@gmail.com

Oleg E. Nepomnin

DSc (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; distan@gmail.com

Статья представляет собой продолжение цикла общетеоретических работ Олега Ефимовича Непомнина (1935–2020), опубликованных в предыдущих выпусках «Восточного курьера» [Непомнин, 2019, 2020, 2021]. О. Е. Непомнин, китаевед и востоковед широкого профиля, относился к числу наиболее ярких теоретиков восточных обществ. Автор рассматривает внешнеполитическую доктрину традиционного Китая как составную часть представлений Китая о мироустройстве. Базируясь на понятиях «мир-космос» и «мир-социум», автор выстраивает структуру внешнеполитической доктрины Китая на фундаментальной идее единственности мирового порядка. В «мире людей» всемирные законы воплощал китайский император — Сын Неба. Рядом с Китаем и его императором не могло существовать равноценных государств и равноправных владетелей. На этой идеологической основе возникла внешнеполитическая дихотомия «цивилизованный центр — дикая периферия», или «Китай — варвары». Автор рассматривает в статье истоки этой влиятельной концепции с глубокой древности до падения империи в Китае в XX веке. «Данническая система» взаимодействия с другими государствами явилась логичным продолжением представлений

о мироустройстве в Китае. Однако автор подчеркивает, что несмотря на стремление Китая поддержать иллюзии функционирования «даннической системы», упрочить престиж императорской власти и осуществлять монопольную казенную торговлю с «варварами», «варварские» посольства зачастую прибывали в Китай с сугубо прагматическими целями: наладить торговлю, получить богатые дары от императора, возвысить официальный статус, получить инвеституру и китайский титул. Фактически Китай потерял статус гегемона «даннической системы» и «Центра Вселенной» после Опиумных войн XIX века. Китай был низведен до уровня «больного человека Азии», хотя сама «система дани» продолжала функционировать еще долгое время. Даже в условиях быстрого развала 70–90-х гг. XIX в. «китайского мирового порядка» и превращения вчерашних китайских «данников» в колонии и полуколонии капиталистического Запада пекинские правители судорожно цеплялись за «данническую систему». Вплоть до падения империи маньчжурские правители не смогли отрешиться от груза традиционных представлений о Китае как о «Центре Вселенной», окруженной «даннической» периферией и о «бунте варваров».

Ключевые слова: внешняя политика Китая, традиционное общество в Китае, восточная деспотия, дипломатический церемониал в Китае, цивилизованный центр — варварская периферия, Восток и Запад, понятие *дэ*

Для цитирования: Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 69–84. DOI 10.18254/S268684310018001-9

The article is a continuation of the cycle of theoretical works by Oleg E. Nepomnin (1935–2020) published in previous issues of the “Oriental Courier” [Nepomnin, 2019, 2020, 2021]. Oleg Nepomnin was among the most brilliant theorists of the development of Eastern societies. The author considers the foreign policy doctrine of traditional China as an integral part of China’s social perceptions of the world order. Based on the concepts of “world–cosmos” and “world-society”, the Chinese foreign policy doctrine was based on the fundamental idea of the oneness of the world order. In the “world of men”, world laws were embodied by the Chinese emperor — the Son of Heaven — and Chinese statehood. Next to China and its emperor, there could be no equal states and no equal monarchs. In this view of the world, China had borders and the Celestial Empire had none, implying the worldwide scope of the power of the Son of Heaven. On this ideological basis emerged the foreign policy dichotomy “civilized centre — savage periphery”, or “China — barbarians”. The author examines the origins of this influential concept from antiquity to the fall of the empire in China in the 20th century. A “tribute” system of interaction with other states was a logical continuation of ideas about the world order in China and its place in it. But the author stresses that despite China’s desire to maintain the illusions of a functioning “tribute” system, strengthen the prestige of imperial power and carry out monopolistic state trade with “barbarians”, “barbarian” embassies themselves often arrived in China with purely pragmatic goals: to establish trade, receive rich gifts from the emperor, elevate official status, get investiture and the Chinese title. In fact, China lost its status as the hegemon of the ‘tribute” system and the “Centre of the Universe’ after the Opium Wars in the 19th century. China was relegated to the level of the “sick man of Asia”, although the “tribute system” itself continued to function long after that. Even as the “Chinese world order” rapidly collapsed in the 70–90s of the 19th century, and previous Chinese “tributaries” were turned into colonies and semi-colonies of the capitalist West, Beijing’s rulers clung frantically to the “tribute” system. Up to the fall of the empire, the Manchu rulers could not get rid of the burden of traditional notions of China as the “Centre of the Universe” surrounded by the periphery and “barbarian rebellion”.

Keywords: Chinese foreign policy, traditional society in China, eastern despotism, diplomatic ceremonial in China, civilized center — barbaric periphery, East and West, notion of *de*

For citation: Oleg E. Nepomnin. The Foreign Policy Doctrine of Traditional China. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 69–84. DOI 10.18254/S268684310018001-9

«Мир-космос» и «мир-социум» «Цивилизованный центр — варварская периферия»

Внешнеполитическая доктрина древнего и средневекового Китая базировалась на представлении о «мире-космосе» как иерархической системе с двумя уровнями. На верхнем уровне пространство «мира-космоса» было организовано по троичной схеме *саньцай* (三才), состоящей из элементов «небо, земля, человек» (*тянь*; 天, *ди*; 地 и *жэнь*; 人). Главным и порождающим все остальное являлось Небо (*Тянь*), представителем которого на земле являлся император — Сын Неба. Тем самым правитель Срединного государства выступал устроителем всего «мира-социума», осуществляя одновременно земную и космическую функцию всеобщего медиатора. На нижнем уровне этой системы лежал «мир-социум», т. е. Поднебесная (*Тяньcя;* 天下), устроенная по пятичленной схеме. В центре ее находилось Срединное государство (*Чжунго*; 中国), т. е. Китай как таковой. Вокруг «центра» лежали «четыре стороны света» (*сыфан*;四方), населенные «варварами четырех сторон света» (*сы-и*). Из этой китайской модели мира вытекало представление о дуалистической структуре «центр — периферия (*чжун — вай*)», или «Китай — варвары (*хуа — фань*)». Таким образом «мир-космос» перетекал в «мир-социум», а последний в оппозицию «цивилизованный центр – варварская периферия». Находясь в центре этой сложной системы и всех ее уровней, **император Китая в качестве Сына Неба являлся единственным посредником между Небом и людьми** [Непомнин, Позднеева, Степугина, 2019].

От Неба на землю нисходила **«всеблагая сила» *дэ*** (德), распространявшаяся в земном мире через правителя Срединной империи. Всеблагая сила *дэ* обладала универсальным преобразующим потенциалом. От Неба через Сына Неба она гармонизировала все окружающее: благодаря ей реки текли по руслам, а времена года в положенные сроки сменяли друг друга. «Всеблагая сила *дэ*» упорядочивала не только природные процессы, но и людское население. Народ, «внутренне преобразуясь», подчинялся силе *дэ* государя, и в Срединной империи воцарялся порядок. Великая сила *дэ* изливалась не только на Китай, но и на соседние страны и земли, ибо для нее не существовало ни границ, ни препятствий. Она достигала иных народов, т. е. «варваров». Повинуясь цивилизующему началу, «варвары» признавали великое «*дэ*» китайского монарха, «покорялись и преобразовывались». Вовлекаясь в сферу притяжения великой Поднебесной империи, «варвары» устремлялись в ее столицу и являлись с «данью» (*гун*) ко двору Сына Неба.

Таким образом **внешнеполитическая доктрина Китая строилась на фундаментальной идее единственности мирового порядка**. В подлунном мире существовало лишь одно великое божество — безличное Небо. Эта сверхсакральное начало олицетворяло все законы космоса и земной природы. В «мире людей» эти законы воплощали Сын Неба и китайская государственность. Рядом с Китаем и его императором не могло быть равноценных государств и равноправных монархов. При таком взгляде на мир у Китая были границы, а у Поднебесной их не существовало, что подразумевало всемирные масштабы власти Сына Неба. Одним из слагаемых провиденциальной миссии китайского императора было «умиротворение Поднебесной» в соответствии с «небесным предопределением» [Непомнин, Иванов, 2010].

В Китае в соответствии с древней традицией видели весь мир полярно разобщенным на две

части: Срединное государство, т. е. зона высокой цивилизации (*хуа*), а вторая — «варварская» периферия, зона дикости и отсталости. В основе такого подхода также лежал климатический фактор. **Китай как центр вселенной якобы обладал климатом, благоприятным для нравственного развития населения. В противовес этому «варварская» периферия своими суровыми природой и климатом мешала становлению здесь «нравственности»**. Так сложился традиционный постулат: «Варвары лицом люди, а духом — звери». Считалось, что «варвары — бедствие для Китая», их государственность — явление второго и третьего сорта, а их правители стояли намного ниже китайского императора.

Если Китай в этой системе координат выступал в роли «светлого начала» *ян* (阳), то «варвары», особенно кочевники-скотоводы и полукочевые этносы отождествлялись с «темным началом» *инь* (阴). Как носителям «темного начала» «варварам» приписывались сугубо отрицательные черты — агрессивность, алчность, жестокость, низость, дикость. Считалось, что в Срединном государстве «рождаются мудрые мужи», а в диких окраинных землях люди не ведают благоразумной середины, корыстны, лукавы и имеют сердце «дикого зверя». Последнее позволяло китайцам относиться к этим получеловекам с нескрываемым пренебрежением, навязывать им во внешних сношениях унизительные формальности и встречать их высокомерно. Поскольку «варвары» считались нравственно неполноценными и некультурными, их «высшим долгом» объявлялись признание верховной власти правителей Китая и покорность его «небесной династии».

Будучи Сыном Неба, император считался единственным полноценным монархом: «на небе не может быть двух солнц, а на земле двух государей». В силу традиции китайский император был «подобен Небу и Земле», для императора не существовало равных ему правителей. **Для Сына Неба не существовало «ничего внешнего»** (***увай***), а «все, кто под Небом — подданные императора». Распространяя политическое и «нравственное» влияние на весь мир, император Китая был опорой поддержания мироздания в надлежащем порядке, способствуя нормальному существованию человечества и функционированию космоса.

Выступая в роли земного мироустроителя и бескорыстного благодетеля всех живущих на земле, император «вскармливал народы подобно отцу и матери, освещая их подобно солнцу и луне». Поскольку от Сына Неба зависела судьба мира, император был бескорыстен в благодеяниях и беспристрастен к «ближним и дальним». Китайский император уже в силу этой универсальной миссии не мог искать внешнеполитических, а тем более материальных выгод как в самом Китае, так и в «окраинных землях». **В своей цивилизаторской миссии Сын Неба выступал как активное, а «варвары» как пассивное начало**. Император нес в себе одновременно как милосердие, так и грозное начало, распространяя цивилизаторское и благое воздействие сначала на ханьцев, затем на «ближних варваров», а потом на «дальних варваров». Его влияние шло как радиальное излучение света в мир тьмы. «Властвуя над Китаем и варварами», император как бы не разделял свою политику на внутреннюю и на внешнюю. Поэтому «варвары» не могли уклоняться от производимого Сыном Неба цивилизаторского переустройства вселенной и должны были «покоряться в соответствии с мировым законом».

Император Китая как эталон «идеального правителя» был призван «приводить в порядок Вселенную» своим «всеблагим влиянием». Для воздействия на «варваров» и для их удержания в покорности Сын Неба должен был всемерно накапливать и совершенствовать в себе силу *дэ*. Можно было либо «отразить варваров», либо их «покорить». В случае «непонимания» окружающими странами и народами провиденциальной «мироустроительной» миссии Сына Неба «варвары» продолжали «упорствовать в заблуждении», не спешили «покоряться душой» и не желали приобщаться к «благому влиянию» Китая. В этой ситуации император должен был «карать

мощью» таких неразумных и силой «проводить мир в гармоничный порядок». До применения силы главная ставка делалась на «всеблагое влияние» императора [*дэ*].

Истоки дихотомии «цивилизованный центр — дикая периферия» и «данической» системы

Внешнеполитическая дихотомия, т. е. «цивилизованный центр — дикая периферия», «Китай — варвары», или «высшее начало — низший уровень» возникла еще в глубокой древности. Уже с первой половины первого тысячелетия до н. э. возникло противопоставление предков ханьцев (*хуася*) «варварам». При всем том **доктрина «мироустроения» возникла в древнем Китае не как концепции его внешней политики, а как основополагающие принципы внутреннего устроения государства и социума**. Начало этому было положено в период Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.). Тогда шанский царь (*ван*) выполнял роль посредника между всемогущим божеством Шан-ди (Верховный владыка) и населением земли.

В эпоху Чжоу (XI–III вв. до н. э.) на смену Верховному владыке пришло Небо со своим всемогущим потенциалом. Получая от Неба всеблагую силу *дэ*, чжоуский *ван* должен был внести «гармонию» между Небом и Землей, между верховным божеством и людской массой. Выступая в роли такого сакрального посредника, чжоуский монарх через свою персону изливал по всему миру небесное и свое *дэ*, заботясь обо всем живом и «взращивая» его. Выполняя волю Неба, чжоуские ваны, а затем и китайские императоры в роли посредника между Небом и людьми должны были выполнять священную миссию «гармонизации» Вселенной. Выполнять эту сверхзадачу правитель мог лишь находясь в согласии с Небом. Получая от Неба всеблагую силу *дэ* и будучи «усыновленным» Небом, правитель становился гарантом нормального течения дел в природе и мире людей [*Китай и соседи…* 1970; *От магической силы…* 1998].

Начиная с эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), в рамках доктрины «мироустроения» происходит отделение «внешней» части от «внутренней», что было связано с резким распространением императорского *дэ* за пределы Китая. Столь же значительно выросло представление об особой роли императорской власти, исключительности статуса императора, уникальности его власти над миром людей «внутри Китая и вне его». Как единственный посредник между Небом и людьми император выполнял высокую миссию «мироустроения», активно воздействуя на «варваров четырех сторон света». Его всеблагая сила *дэ* не знала преград в виде государственных границ. «Переливаясь» через них, она текла к «варварам», заставляя их «внутренне преобразовываться», осознавать высокую роль Китая в подлунном мире [*От магической силы…* 1998].

В рамках мироустроительной китаецентрической системы издавна существовала формула «**ближние покорялись, дальние приезжали ко двору**». «Ближними» считались «варвары», жившие вдоль границ империи, на коих можно было воздействовать военной и иной силой. «Дальние» находились вне сферы физического воздействия. Как те, так и другие обязаны были «покоряться» и «приезжать ко двору» с изъявлением покорности. Уклонение от этого расценивалось как «сопротивление воле Неба», т. е. нарушение нормального функционирования вселенной, что давало Сыну Неба моральное право принудить к повиновению силой. Покорность «варваров» в Китае воспринималась прежде всего как приезд их вождей, правителей или послов к императорскому двору с «данью», в том числе символической. Отношения «варваров» с империей могли существовать только в рамках «даннической» системы [Исаева, 2000].

«Даннической» система возникла в период Чжоу в качестве «внутренней» модели взаимоотношений удельных царств с главой системы — чжоуским *ваном* как Сыном Неба. Приезд «данников» с дарами ко двору Сына Неба являлся обязательным слагаемым «универсальной монархии», или китаецентрической всемирной

системы. Прибытие «даннических» посольств с подношениями служило показателем как внутреннего здоровья Срединной империи, так и всемирного равновесия космических и природных сил. «Нормальное» функционирование «даннической» системы служило подтверждением моральной силы и добродетели Сына Неба. «Данническая» система считалась в Китае органической частью мироздания. В этой связи не то, что неповиновение «варваров» Китаю, но даже их неприезд с «данью» ко двору считались дерзостью, нарушением космического равновесия и «сопротивлением воли Неба». Такое поведение «варваров» считалось не только бессмысленным и вредным, но и вызовом, за которым должна последовать заслуженная кара.

При всем том считалось, что страны и их правители, еще не включавшиеся в эту китаецентрическую систему, пока не осознали этой высшей необходимости, а когда осознают свой моральный долг, то «покорятся» и «приедут ко двору» с подношениями. **Если «варвары» медлили с выражением покорности, то к ним направлялось китайское посольство с дарами от императора. Иноземцев призывали (*чжао*) добровольно подчиниться. На обратном пути в столицу императорские эмиссары привозили с собой «варварских» послов с ответными «дарами».** В китайской столице это расценивалось как «приезд ко двору с данью» и включение в «данническую» систему с выражением покорности императору. Последний щедро одаривал «покорившихся». Зачастую такие «пожалования» от Сына Неба «варварскому» правителю по своей ценности превосходили размеры «дани» и ее реальную стоимость. Тем не менее в рамках этой «даннической» процедуры главным был не экономический эквивалент, а политический выигрыш, ибо с затратами на престиж Сына Неба в Китае не считались.

Здесь не жалели средств для подтверждения того, что «варвары приезжают с данью» под влиянием «добродетели» и «всеблагой силы» *дэ* императора [*От магической силы…* 1998]. Скрепами политического и дипломатического механизма служил обмен одних даров на другие. В ответ на принесенную к подножью трона «дань» следовали императорские «пожалования», создавая либо регулярный, либо эпизодический обмен «дани» на «пожалования». Так в рамках «даннической» системы китайский император выступал в роли всемирного монарха, т. е. властителя самой китайской империи и одновременно суверена окрестных периферийных стран, государств и этносов. Правя внутри и вне Китая, Сыны Неба считали себя едиными в двух лицах, стирая грань между реальной императорской властью в границах китайского государства и номинальной властью всемирного монарха.

Церемониальное и реальное содержание «даннической» системы

Включение «варваров» в «данническую» систему сопровождалось целым рядом формальностей: титулованием зарубежных властителей, их окружением китайскими придворными титулами и чиновничьими рангами, вручением им соответствующих регалий власти и парадной одежды, требованиями от них соблюдения китайских норм во взаимоотношениях со Срединной империей. От вовлеченных в «данническую» систему стран, государств, этносов и правителей требовалось принятие ими китайского календаря и летоисчисления.

Пришедшим к подножию трона император оказывал особые милости через акты инвеституры и титулования. «Варварским» правителем присваивались титулы «вассальных князей» (*ван*), взятые из арсенала древней и средневековой практики самого Китая. *Ванами* величали и удельных правителей, и высших лиц из императорской родни. Присваивая титул князя «варварским» правителям, Сын Неба, с одной стороны, включал эти владения в систему империи в качестве периферии и расширял зону своей власти. С другой стороны, становясь «китайскими ванами», правители признавали над собой власть Сына Неба. В ходе церемонии

перед лицом императора «варварский» правитель получал особую грамоту и к ней золотую печать. Такого рода инвеститура рассматривалась китайской стороной как акт введения «варвара» в сан правителя и как акт «узаконения» его власти над его же прежним владением. Сановникам таких «ванов» присваивались должностные ранги из китайской табели о рангах. Таким образом, «инвеститура» более низкого уровня как бы условно вводила новоявленных сановников в чиновную систему Китая, в его бюрократическую среду.

На этой ключевой церемонии после выполнения «варваром» и его свитой «троекратного» коленопреклонения и девятикратного простирания ниц (*саньгуй цзюкоу*) Сын Неба задавал прибывшим один-два формально-вежливых вопроса, после чего аудиенция заканчивалась. После этого «варвары» получали щедрые подарки и должны были покинуть Китай. Включение «варваров» в «данническую» систему в ряде случаев служило основанием для предъявления к ним определенных претензий и требований.

Помимо «принесения дани» раз в три года, включенный в эту систему правитель или его преемник должны были раз в три десятилетия приезжать в Китай. Здесь на императорской аудиенции им продлевали инвеституру и удостоверяли их «даннический» статус. Поскольку титулы «варварских» *ванов*, в отличие от внутриимперских князей, не были наследственными, такого правителя в столице возводили в этот сан заново. Тем не менее «варвары» зачастую нарушали правила, установленные в Китае.

«Варварские» посольства прибывали в Китай с сугубо прагматическими целями: наладить торговлю, получить богатые дары от императора, возвысить официальный статус, получить инвеституру и китайский титул. Китай же стремился поддержать иллюзии функционирования «данической» системы, упрочить престиж императорской власти и осуществлять монопольную казенную торговлю с «варварами» [*Китай: традиции и современность*, 1976].

Иностранцы охотно торговали в Китае, но не любили унижений со стороны китайских сановников и учреждений. Помимо всего прочего это касалось и посольских грамот, которые в идеале должны были составляться по нормам «данических» стиля и фразеологии — с выражением «покорности». Между тем «варвары» писали эти документы исходя из своих обычаев, норм и терминов на своих языках. Зачастую здесь пренебрегали правилами и формулировками «данической» системы. Поэтому в Китае эти тексты редактировались и переписывались в имперском духе, а то и просто произвольно переводились или заменялись китайскими подделками с «данической» фразеологией. Так, послание «варварского» правителя Сыну Неба в Китае считалось «докладом» от подчиненного к начальнику, а его автор именовался «подданным», подарки «варварского» государя именовались «данью». Поскольку обе стороны не считали друг друга равноправными партнерами, то письменные договоры со взаимными обязательствами просто не могли заключаться.

Китайские власти шли на все, чтобы хотя бы формально утвердить на бумаге добровольную покорность «варваров». Со своей стороны, «варвары» не обращали особого внимания на унизительные моменты ритуала, ставя превыше всего сугубо материальные выгоды, получаемые в Китае. Живя в своих странах и регионах в обстановке азиатского деспотизма, они изначально были подготовлены к соблюдению «данических» норм в Китае в рамках «универсальной» монархии как «нижестоящие» к «высокостоящему».

В эпохи, когда Китай был в военном и политическом отношении сильнее соседей, «даническая» система наполнялась реальным содержанием. Когда же мощь империи падала, эта система становилась номинальным символом. **«Даническая» система принимала характер псевдоданничества, или номинального вассалитета.** Здесь складывались равноправные по сути, но неравноправные по форме отношения, где оставался лишь ритуальный вассалитет.

В этих случаях внешнеполитическая традиционная терминология маскировала изменившуюся сущность. Тогда универсальная монархия, или «китайский мировой порядок» во многом становились пустым звуком. В любом случае в рамках дихотомии «Китай — варвары» очень многое зависело от военной силы сторон. В этом отношении «варваров» делили на три категории: сильных, равных Китаю по мощи и слабых. С первыми заключались клятвенные союзы «перед Небом и Землей» о «дружбе и родстве» (*диго*). Вторые считались «зависимыми государствами» (*шуго*). Третьи именовались «подчинившимися» (*гуйфу*). В любом случае китайская сторона старалась принизить статус любого правителя из каждой такой категории. Чаще всего их всех скопом именовали «внешними вассалами» (*вайфань*).

С разной степенью эффективности Китай старался навязать «данническую» систему не только «варварам», но и соседним земледельческим странам с конфуцианской цивилизацией: Корее и Вьетнаму [Машкина, 1978; *Международные отношения на Дальнем Востоке*, 1956]. К «варварам», оставшимся в рамках изначальной культурной и религиозной традиции (мусульмане Западного края, северные кочевники и полукочевники), следовало чаще применять военную силу и «карать». В отличие от этого к «варварам», принявшим китайскую цивилизацию (Корея, Вьетнам, Япония), следовало применять принцип «добродетельного правителя», или «царского пути» (*ван дао*), т. е. «общего блага» (*гун*) [Бокщанин, 1968].

Идеология «мироустроения» и связанная с ней «данническая» система служили фундаментом внешней политики древнего и средневекового Китая. Но в случае военного превосходства «варваров» императорский двор был вынужден считаться с грубой реальностью и идти на вынужденное заключение договоров, в том числе равноправных соглашений с «варварами».

В древности равноправные соглашения заключались только внутри самого Китая. **Практика заключения договоров с равноправием сторон получила широкое развитие в эпоху Чжаньго (Сражающиеся царства, 403–221 гг. до н. э.).** В этом происходило заключение союзов среди семи сильных царств, боровшихся за объединение страны. Изначально политическая традиция Китая признавала контакты между равноправными государствами-партнерами только применительно к политической практике эпохи Сражающихся царств. Затем Срединное государство было вынужденно пойти на установление формально равноправных отношений во внешней политике — в отношениях с сильными соседями [Васильев, 2006].

Теория и практика равноправных взаимоотношений, существовавших в эпоху Восточное Чжоу (770–221 гг. до н. э.) между правителями (*ван*) внутри Китая была перенесена во внешнеполитическую сферу, на отношения с соседними государствами и этносами. Тем не менее все межгосударственные отношения «равенства» и договорные связи типа «мира и родства» с «варварами» считались в Китае позорными для Срединной империи [Fitzgerald, 1964].

Теория и практика китаецентризма (синоцентризма) как изначально единственная и каноническая модель внешней политики Китая подвергалась деформации в случае утраты им военного и политического могущества. **Тогда взаимоотношения с сильным или даже более могущественным соседом оценивались в Китае в термине «два государства» (*диго*), т. е. в контексте вынужденного равенства.** В этих случаях отношения «по вертикали» (высший — низший) заменялись «горизонтальными» связями (равные партнеры).

В случае военного равновесия между Китаем и «варварами» императорский двор был вынужден идти на заключение с ними договоров, основанных на признании равенства обеих сторон с установлением равноправных отношений. В таких ситуациях в имперской столице на какое-то время как бы забывали об изначальном верховенстве и всестороннем превосходстве Срединного государства над «варварами». Во взаимоотношениях с северными соседями

на первый план чаще всего выходила военная слабость Китая, прежде всего, уязвимость его пехоты и неразвитость китайской кавалерии на фоне мощной ударной силы панцирной и маневренной конницы степных этносов и полукочевых народов. Все это вынуждало Китай идти на урегулирование отношений с северными соседями на основах второй тенденции, а именно «договорной» и «равноправной».

В случае столкновения с сильным противником китайская дипломатия была вынуждена приспособлять «договорные», т. е. равноправные отношения с «варварами» к «мироустроительной» идеологии. Таким образом действовала империя Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) против мощной конфедерации *сюнну* (гуннов). В ход были пущены такие меры как заключение договора, династический брак, задаривание китайскими товарами. В итоге складывались равноправные отношения, хотя *шаньюй сюнну* считался «младшим родственником» Сына Неба. В периоды сильного Китая и слабых соседей считалось, что в рамках «мироустроительной» миссии императора его сила *дэ* изливается далеко за пределы страны и распространяется на всех «варваров четырех сторон света» [*Китай и соседи…* 1970]. В периоды силового преобладания «варваров» над Китаем считалось, что императорские *дэ* не распространяется за пределы Срединного государства и действует лишь внутри его.

В тех случаях, когда Китай не мог установить реальный контроль над «варварами» или государствами, находящимися далеко от его границ, применялся принцип «сковывания» (*цзими*) или «удержания в ослабленной узде, не прерывая отношений» (*цзими буцзэ*). Привлекая таких «варваров» и принимая их послов, в столице империи расценивали такие визиты как «подношение дани», хотя сами послы приезжали движимые собственной выгодой и не осознавали факт включения их в «данническую» систему. Так сложилась доктрина *цзими*, т. е. «сдерживания», или «сковывания варваров» с помощью уступок на путях «приобщения» дальних соседей к системе «даннических» отношений.

Во внешней политике, помимо принципа *цзими*, Китай применял принцип *и и чжи и* («с помощью варваров подавлять других варваров», или «управлять варварами с помощью варваров»). Тем самым китайская дипломатия натравливала одних северных соседей на других, не давая им объединиться против Срединного государства. В таких случаях централизованная империя противостояла рыхлому конгломерату степных или полукочевых этносов.

Система заложничества как инструмент внешней политики, используемый Китаем в отношениях с «варварами», также была заимствована из внутриполитической практики, на этот раз из эпохи Чжаньго [Васильев, 2006].

Когда перевес реальных сил был на стороне «варваров», Китай старался «изолироваться» от их разрушительного влияния. Тогда речь шла о нецелесообразности «преобразования» последних посредством «всеблагой силы» *дэ* и излияния на «дикарей» милостивой «заботы» императора об их «перевоспитании». **Говорилось о бесполезности и даже вредности любых контактов с этими «наполовину людьми, наполовину животными».** В таких случаях внешняя политика Китая приобретала черты изоляционизма.

К концу эпохи древности во взаимоотношениях Китая с «варварами» сложились две традиции. Первой, главной и идеальной считалась «мироустроительная», или «данническая» система, исключающая принцип равноправия сторон. «Варвары» считались настолько ниже Китая, что в отношении с ними было возможно все: нарушение соглашений, любой обман и «покарание» силой.

Второй традицией являлась «договорная», или «равноправная» дипломатия в отношениях с «варварами», считавшаяся вынужденной и второстепенной. Такие договоры в Китае старались скрывать и замалчивать, а заключению соглашений предшествовали сомнения и колебания со стороны императорского двора.

«Клятвенные договоры», заключавшиеся Срединным государством с «варварами», имели аналогичные соглашения между удельными

правителями в период Чжоу, особенно в эпоху Чуньцю. Такого рода договоры позволяли оформлять фактическую «гегемонию» сильнейших удельных *ванов* и заключать соглашения на основе признания полного равенства обеих договаривающихся сторон. Равенство сторон зачастую подкреплялось «династическими браками». «Династические браки», используемые китайской дипломатией для «улаживания отношений» с «варварами», также были заимствованы из «внутренней» политической практики эпохи Чжоу [*The Chinese World Order…* 1968].

В рамках «династических браков» китайские императоры «старались выдавать за «варварских» правителей не настоящих дочерей, а приемных или «фальшивых» принцесс. Такой брак вводил «зятя-варвара» как «младшего родственника» в несколько деформированную систему «высший — низший», т. е. адаптировал равноправную договорную практику к доктрине «мироустроения» во главе с Сыном Неба [*Китай и соседи…* 1970].

В период Троецарствия (220–280) раздробленный и ослабленный Китай пытался сохранять номинальный сюзеренитет над «варварами», не имея сил реально подчинить их себе. Зато внутри Китая произошло восстановление практики «клятвенных договоров» эпохи Чуньцю. Расцвет такого рода «равноправных отношений» между китайскими царствами наступил в период Наньбэй чао (Южные и Северные династии, 420–589).

В период Тан (618–907) Китай обрел единство и мощь, что позволило наполнить «данническую» систему реальным содержанием, что в первую очередь касалось слабых соседей. В отношении же «сильных варваров» императорам приходилось идти на заключение династических браков. В результате устанавливался «мир, основанный на родстве» (*хэ цинь*), заключались «договоры, основанные на родстве» (*хэцинь юэ*). Тем самым «данники» поднимались до уровня «родственников», а императоры «нисходили до милости» к бывшим «вассалам». Тем самым при формальном договорном «родстве» императоры сохраняли иллюзию «старшинства» над правителями «варваров». Таким образом, происходила адаптация равноправных «договорных» отношений к доктрине «мироустроения». «Варвары» даже при договорной основе входили в китайский «мировой порядок» в качестве «младших родственников», т. е. подчиненного компонента.

Резкий перелом во взаимоотношениях Китая и «варваров» произошел в XI–XII вв. Кочевые и полукочевые народы захватили Северный Китай и создали на его территории свои государства: *кидан* — Ляо (907–1125), *тангуты* — Си Ся (982–1227) и *чжурчжэни* — Цзинь (1115–1234). Пользуясь слабостью Китая, кидане навязали империи Сун статус младшего партнера. По «клятвенному договору» китайцы выплачивали киданям дань, признавали равенство статусов Сун и Ляо, а между их правителями устанавливались «братские» отношения. При всем том сунский император всячески пытался представить себя «старшим братом» и «главой семьи». Во взаимоотношениях с государством Си Ся китайцы вынуждены были признать императорский титул тангутского монарха и выплатить ему большую «дань». Китайцы признали фактическую независимость и равенство Си Ся с Сун, хотя тангутский правитель согласился на роль младшего партнера без реального ущерба равноправию Си Ся по отношению к Сун [Гончаров, 1986].

В целом в XI в. между Сун, Ляо, Си Ся и Тибетом сложилась система во многом равноправных договорных отношений, в том числе с использованием практики «династических браков» и «мира, основанного на родстве» (*хэцинь*). Однако в начале XII в. «баланс сил» был сломан экспансией государства чжурчжэней Цзинь. Решающим фактором явились военная слабость Китая и поражение империи Сун в войнах с государством чжурчжэней Цзинь (1115–1234 гг.). Под властью последнего оказался Северный Китай и часть Центрального Китая, а империя Сун сместилась на Юг. По мирному договору император Южной Сун в 1141–1142 гг. признал себя

«вассалом и младшим родственником» императора Цзинь и обязался выплачивать последнему ежегодную дань шелком и серебром. Такого рода «позор» воспринимался в Сун как катастрофа [Гончаров, 1986]. Также неизмеримо большей трагедией для Китая стало монгольское завоевание и включение страны наравне с Монголией, Маньчжурией и Тибетом в империю Юань, или Империю Великого хана (1206–1368) [Мартынов, 1978; *China Among Equals…* 1983].

Переломным моментом во внешнеполитической практике Китая стало свержение монгольского ига и восстановление суверенитета страны под эгидой династии Мин (1368–1644). Создание мощной централизованной империи сопровождалось возвратом к традиционной «мироустроительной» доктрине и «даннической» системе. Из внешнеполитической теории и практики был исключен принцип равноправия сторон и сами договорные отношения. **В эпоху Мин из практики китайской дипломатии исчезает такая форма, как «мир, основанный на родстве» (*хэцинь*)**. В истории династии Мин не было случаев выдачи китайских принцесс за «варваров» [Rossabi, 1975].

На традиционных китаецентрических принципах строились внешние связи империи Мин (1368–1644) по периметру сухопутных границ и со странами Южных морей, хотя в конце этого периода правительство ввело строгий запрет на всякие сношения с заморскими странами и отказались от политики всемерного привлечения «данников» из заморских краев.

Цинская империя (1644–1911), как и ее предшественница Мин, строилась на китаецентристской идее всемирного этико-политического порядка во главе с Сыном Неба (*тяньцзы*), обладающим «Мандатом Неба» (*тяньмин*). Маньчжурские правители Китая видели в других странах лишь «данников», в которыми равноправные отношения были немыслимы, так как Срединная империя считалась явлением уникальным. Если прежние китайские империи делали упор на номинальной стороне дела и на ритуале, то империя Цин добивалась реального подчинения соседей. Пользуясь особой силой маньчжурские *богдоханы* покорили «ближних варваров» и присоединили к Китаю целый ряд народов и стран Центральной Азии. В рамки Цинского государства вошли Монголия, Джунгария, Восточный Туркестан и Тибет. **Поскольку все они составляли Застенный Китай, их в Пекине именовали «внешними варварами» (*вайфань*)** [*Внешняя политика государства Цин…* 1977; Зотов, 1991; Levenson, 2005].

До 40-х годов XIX в. Цинский Китай не знал иных внешнеполитических отношений кроме «системы дани». Согласно ей все соседние государства считались зависимыми от Срединной империи. Маньчжурские *богдоханы* не признавали иных отношений между странами, хотя далеко не все государства Азии, направлявшие в Пекин свои посольства с дарами, были действительно его данниками, а сами привозимые дары — данью [Кузнецов, 1983]. Многие азиатские партнеры Китая по дипломатическим связям не принимали всерьез китайских «миросозидательных» претензий, даже если на словах соглашались с ними. Понятие китайских «правил игры» было для большинства мнимых «данников» единственной возможностью установить постоянную взаимную торговлю с Китаем. Для Пекина же как «старшего» главным оставалось «соблюдение этикета» и «церемониала» со стороны «младшего», а также «сохранение лица», но не сама суть взаимоотношений. Окружающий мир традиционно воспринимался пекинскими властителями как некий «китайский мировой порядок», т. е. всемирная система «Китай — внешние варвары». В этой последней Срединная империя считалась «цивилизованным центром», а «варвары» — дикой «периферией» [*Внешняя политика государства Цин…* 1977].

В конце XVIII – первой половине XIX в. среди «данников» Китая числились Корея, Вьетнам, Бирма, Сиам (Таи), Непал, Сикким и Люцю (Рюкю). При этом «система дани» сочетала в себе разнородные компоненты: формальное и реальное, насильственное и добровольное начала, а также гибкость китайских правителей в ее

осуществлении, вплоть до продуманного отказа Пекина от чрезмерных претензий к «данникам» [Мурашева, 1973]. К реальным «данникам» властители Китая относились несколько иначе, чем к формальным, к близким соседям по-другому, нежели к отдаленным странам, к малым иначе, чем к крупным, к реально принявшим конфуцианскую «этику» не так, как к принявшим ее лишь на словах, к прибывшим с «данью двору» по собственной инициативе несколько иначе, чем к поставленным на колени недавним маньчжурским нашествиям. Приезд посольства в Пекин с «данью» воспринимался как «приобщение» данной страны к системе «высший — низший» в роли последнего, а ответные дары императора такому правителю означали его «милость» и «жалование» [Гуревич, 1979]. При этом происходило вручение приехавшим правителям китайских титулов, атрибутов власти и грамот — инвеститур, означавших включение в «данническую» систему. Вместе с тем правители Цинской империи были абсолютно некомпетентны в вопросах географии, политики, экономики и истории тех стран, что лежали вне пределов их «данической» системы. Так, капиталистический Запад XIX в. воспринимался в Пекине через призму средневековых понятий «варвары», «дань» и доктрину *цзими* [*Внешняя политика государства Цин…* 1977; *Социальная структура Китая*, 1990].

Доктрина «универсальной монархии» культивировалась вплоть до середины XIX в. Следование ее принципам правящими кругами и *шэньши* служило правилом хорошего тона и штампами, употребляемыми в официальных документах. **В случае невозможности навязать сильному соседу, например, России в XVII–XIX вв. внешние сношения на базе «данической» системы Китай исходил из традиции «стратегемной дипломатии», сформировавшейся в период Чуньцю-Чжаньго (770–221 гг. до н. э.)**, что позволяло налаживать контакты между равноправными, суверенными государствами [Васильев, 2006; Гуревич, 1979; Демидова, Мясников, 1966; Мясников, 1996; *Русско-китайские отношения…* 1958].

Гигантская вспышка классовых и национальных противоречий третьей четверти XIX в. резко ослабила Цинскую империю и как субъект и как объект международных отношений, т. е. и как лидера старой системы «Китай — варвары» и как эксплуатируемый компонент новой мировой системы «капиталистические метрополии — колонии и полуколонии». **Послевоенная разруха 60–80-х гг. XIX в. наряду с поражениями в трех «опиумных» войнах превратила Китай в «больного человека Азии».** Дезорганизация хозяйственной жизни, ослабление устоев цинского общества резко облегчили и ускорили подчинение и закабаление Срединного государства капиталистическими державами. В итоге с 1840 по 1877 г. Китай от статуса гегемона «данической» системы и «Центра Вселенной» был низведен до уровня «больного» [*Внешняя политика государства Цин…* 1977].

Разрушение «данической» системы и основы китайской дипломатии

Сама «система дани» продолжала функционировать долгое время после Опиумных» войн. Во второй половине XIX в. в Пекин время от времени продолжали прибывать «данические» миссии из стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Императоры в Пекине: Даогуан (Мяньнин), Сяньфэн (Ичжу), императрица Цыси, богдоханы Тунчжи (Цзайшунь) и Гуансюй (Цзайтянь) не хотели отказываться от былых «мироустроительных» претензий, хотя Китай уже превратился в объект капиталистического и колониального насилия, а затем и территориального раздела. При этом даже в условиях быстрого развала 70–90-х гг. XIX в. «китайского мирового порядка» и превращения вчерашних китайских «данников» в колонии и полуколонии капиталистического Запада **пекинские правители судорожно цеплялись за «систему дани». Они стремились хотя бы формально «включить» в нее и своих победителей —**

«западных варваров»: Англию, Францию, США и другие страны. Тем самым императоры пытались «спасти лицо» цинского режима и хоть как-то поддержать престиж династии Цин, ибо для китайца XIX в. приношение «дани двору» символизировало признание верховной власти Сына Неба над данной страной. После первой и последующих войн с Западом правители Китая долгое время пытались рассматривать систему капитуляций в качестве «испорченного» варианта «системы дани» по отношению «Центра Вселенной». Неравноправные договоры 1842–1844, 1858 и 1885 гг. воспринимались в Пекине как политика *цзими*, т. е. древняя доктрина «сдерживания», или «сковывания варваров» с помощью уступок на путях их «приобщения» к китайской культуре. Это якобы должно было поставить их в зависимость от императора и дать ему возможность контролировать «пришедших с почтением» «варваров». Здесь фразеология *цзими* служила целям «спасения лица» [Fairbank, 1953].

Так принцип распространения прав наибольшего благоприятствования на любую пожелавшую того западную державу в Пекине трактовали как древнюю китайскую практику «одинакового обращения ко всем варварам», или «равного к ним сострадания» со стороны императора, или «умиротворения варваров». Уступки одним «варварам», например англичанам, воспринимались как традиционная доктрина «использования одних варваров против других» (*и и чжи и*), т. е. натравливания на англичан других: французов, американцев. Заключение неравноправного договора с западной державой рассматривалась как «покорность» с ее стороны и возможность «держать ее под контролем» и «получать благодарность варваров». Эти соглашения, как полагали в Пекине, должны были сдержать экспансию «западных варваров». Европейские послы еще долгое время воспринимались как «носители дани», как посланцы «диких» стран, находившихся на низшей ступени цивилизации. **Нападение Англии и Франции на Китай воспринималось в Пекине как «бунт варваров», забывших «почтительность» к Сыну Неба.** Это новые «западные варвары» должны быть «усмирены» или «наказаны», как и старые азиатские «данники», а затем воспринять конфуцианскую этику. Китайские императоры не воевали с ними как с равными, а «усмиряли», например, «английских бунтовщиков», которые «наполовину люди, наполовину животные». *Богдоханы* все еще не признавали равных себе и считали унизительным отвечать на послания глав европейских государств. Тем не менее для сношений с державами с 1861 г. было создано специальное учреждение — *Цзунли ямэнь* (总理衙门), нечто среднее между собранием маньчжурских князей и современным министерством. В 1873 г. была формально отменена процедура *сань гуй цзю коу* для западных дипломатов.

Послы в Пекине после 1860 г. аккредитовались не при главе государства как представители равных Китаю стран, а как представители «стран-данников». До 1873 г. им не разрешалось вручение верительных грамот. Когда же послы добились этой церемонии, последняя состоялась в зале, где император обычно принимал «данников» или их послов, подчеркивая «варварский» и «зависимый» статус западных держав-победителей [*Внешняя политика государства Цин…* 1977; Elman, 1984].

Резкое ослабление Китая и соответственно усиление колониальной экспансии капиталистических держав привело к разрушению «даннической» системы. Новая структура подчинения «метрополии — колонии и полуколонии» стала поглощать старую систему «Китай — варвары». Вчерашние «данники» Срединной империи завоевывались новыми хищниками. В 1872 г. Япония захватила Люцю (Рюкю), а в 1876 г. навязала Корее неравноправный договор. В 1882 г. то же самое осуществили США. По Тяньцзиньскому договору 1885 г. побежденный французами Китай признал протекторат Франции над Вьетнамом и в том же году — право Японии на вмешательство в дела Кореи. В 1886 г. Англия превратила Бирму в свою колонию, заставив Пекин признать этот захват. В 1890 г. Англия аннексировала Сикким. Франция и Ве-

ликобритания в 1893–1896 гг. превратили Сиам (Таи) в свою полуколонию. В 1894–1895 гг. Япония окончательно вырвала Корею из сферы китайского влияния, готовясь аннексировать ее. Средневековой «китайский мировой порядок» отошел в прошлое [Непомнин, 2005].

Позор поражений в четырех войнах с «варварами» (1840–1842, 1856–1858, 1859–1860, 1884–1885), гигантский взрыв социальных и национальных противоречий 50–70-х годов, едва не опрокинувший цинский режим, страшная послевоенная разруха, резкое падение престижа и упадок сил «Поднебесной», ослабление и затем распад «даннической системы» и начавшееся превращение «Центра Вселенной» в зависимую от капиталистического Запада полуколонию — все это остро ранило больное самолюбие Сынов Неба, еще вчера считавшихся верховными правителями остального мира [Непомнин, 1974, 1980]. Если до 90-х гг. XIX в. происходил раздел и захват «внешней» части дихотомии «центр — периферия», или системы «Китай — данники», то теперь вслед за «периферией» и «данниками» наступила очередь «центра», т. е. под нож пошли территориальная целостность и государственный суверенитет Великой Цинской империи. Пятая (японо-китайская) война 1894–1895 гг. была своего рода поворотным моментом: начался захват собственно-китайской территории. По Симонесекскому договору 1895 г. к Японии отошла китайская провинция Тайвань и о-ва Пэнху. Это послужило сигналом к разделу самого Китая на «сферы влияния» в 1897–1898 гг., «зоны монопольных интересов» и «арендованные территории» [*Внешняя политика государства Цин…* 1977].

«Заключительный протокол» 1901 г. окончательно превратил Поднебесную империю в полуколонию. Но маньчжурские правители вплоть до падения империи не смогли отрешиться от груза традиционных представлений о Китае как «Центре Вселенной», окруженной «даннической» периферией и «бунте варваров», разрушающих «величие Поднебесной», хотя первоначальная прочность этих взглядов после ихэтуаньской катастрофы была уже частично размыта беспощадной реальностью империалистического закабаления Китая. Это стало завершением процесса превращения вчерашнего «центра» системы «Поднебесная — варвары» в полуколонию [Непомнин, 2011].

После крушения монархии в Китае постепенно стали усваиваться принципы современного международного права, методы западной дипломатии и европейские принципы внешней политики. Тем не менее рецидивы традиционного настороженно-церемониального отношения к иностранцам сохраняются во внешних отношениях Китая по сей день [Тихвинский, 1976].

Список литературы / References

Бокщанин А. А. *Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв*. М.: Наука, 1968. — 217 с. [Bokshchanin A. A. *China and the Countries of the South Seas in the 15th–16th Centuries*. Moscow: Nauka, 1968. — 217 p. (in Russian)].

Васильев Л. С. *Древний Китай. Т. 3. Период Чжаньго (V–III вв. до н.э.)*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. — 684 с. [Vasiliev L. S. *Ancient China*. Vol. 3. *The Zhanguo Period (5th–3rd Centuries BC)*. Moscow: Vostochnaya literatura. — 684 p. (in Russian)].

Внешняя политика государства Цин в XVII в. Ред. Думан Л. И. М.: Наука, 1977. — 387 с. [*Foreign Policy of the Qing state in the 17th century*. L. I. Duman (Ed.) Moscow: Nauka, 1977. — 387 p. (in Russian)].

Гончаров С. Н. *Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142*. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — 296 с. [Goncharov S. N. *Chinese Medieval Diplomacy: Relations between the Jin and Song Empires, 1127–1142*. Moscow: Nauka, GRVL. — 296 p. (in Russian)].

Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в*. М.: Наука, 1979. — 312 с. [Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in the 17th –*

First Half of the 19th Century. Moscow: Nauka, 1979. — 312 p. (in Russian)].

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. *Первые русские дипломаты в Китае*. М.: Наука, 1966. — 160 с. [Demidova N. F., Myasnikov V. S. *The First Russian Diplomats in China*. Moscow: Nauka, 1966. — 160 p. (in Russian)].

Зотов О. В. *Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв*. М.: Наука, 1991. — 169 с. [Zotov O.V. *China and East Turkestan in the 15th–18th Centuries*. Moscow: Nauka, 1991. — 169 p. (in Russian)].

Исаева М. В. *Представление о мире и государстве в Китае в III–VI веках н. э.* М.: ИВ РАН, 2000. — 263 с. [Isaeva M. V. *The Concept of the World and the State in China, 3rd–6th Centuries AD*. Moscow: IOS RAS, 2000. — 263 p. (in Russian)].

Китай и соседи в древности и средневековье. С. Л. Тихвинский, Л. С. Переломов (ред). М.: ГРВЛ, 1970. — 276 с. [*China and Its Neighbors in Antiquity and the Middle Ages*. S. L. Tikhvinsky, L. S. Perelomov (Eds). Moscow: GRVL, 1970. — 276 p. (in Russian)].

Китай: традиции и современность. Отв. ред. Л. П. Делюсин М.: Наука, 1976. — 335 с. [*China: Tradition and Modernity*. Ed. L. P. Delyusin. Moscow: Nauka, 1976. — 335 p. (in Russian)].

Кузнецов В. С. *Цинская империя на рубеже Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)*. Новосибирск: Наука, 1983. — 126 с. [Kuznetsov V. S. *The Qing Empire at the Turn of Central Asia (Second Half of the 18th-First Half of the 19th Century*). Novosibirsk: Nauka, 1983. — 126 p. (in Russian)].

Мартынов А. С. *Статус Тибета в XVII–XVIII вв*. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. — 287 с. [Martynov A. S. Status of Tibet in the 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, GRVL, 1978. — 287 p. (in Russian)].

Машкина И. Н. *Китай и Вьетнам в III–XIII вв*. М.: Наука, 1978. — 352 с. [Mashkina I. N. *China and Vietnam in the 3rd–8th Centuries*. Moscow: Nauka, 1978. — 352 p. (in Russian)].

Международные отношения на Дальнем Востоке. М.: Госполитиздат, 1956 [*International Relations in the Far East*. Moscow: Gospolitizdat, 1956 (in Russian)].

Мурашева Г. Ф. *Вьетнамо-китайские отношения в XVII–XIX вв*. М.: Наука, 1973. — 159 с. [Murasheva G. F. *Sino-Vietnamese Relations in the 17th–19th Centuries*. Moscow: Nauka, 1973. — 159 p. (in Russian)].

Мясников В. С. *Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв*. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1996. — 482 с. [Myasnikov V. S. *The Treaty Articles Approved. Diplomatic History of the Russo-Chinese Border of the 17th–20th Centuries*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 1996. — 482 p. (in Russian)].

Мясников В. С. *Империя Цин и русское государство в XVII в*. М.: Наука, 1980. — 175 с. [Myasnikov V. S. *The Qing Empire and the Russian State in the 17th century*. Moscow: Nauka, 1980. — 175 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ*. М.: Восточная литература, 2010. — 440 с. [Nepomnin O. E. *Typology of Asian Societies.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. — 440 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. XX век*. М.: Крафт+, 2011. — 736 с. [Nepomnin O. E. *History of China. 20th century.* Moscow: Kraft+, 2011. — 736 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века*. М.: Восточная литература, 2005. — 712 с. [Nepomnin O. E. *History of China. The Qing Dynasty. 17th – Early 20th Century.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. — 712 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китай в контексте мировой истории. *Восточный курьер*. 2019. № 1–2. С. 62–76 [Nepomnin O. E. China in the Context of World History. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2019. No. 1–2. Pp. 62–76 (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китайская и японская модели традиционного общества. *Восточный курьер*. 2020. № 3–4. С. 51–68 [Nepomnin O. E. Chinese and Japanese Models of Traditional So-

ciety. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 3–4. Pp. 51–68 (in Russian)].

Непомнин О. Е. Политический строй Цинской империи. *Восточный курьер.* 2021. № 1–2. С. 46–60 [Nepomnin O. E. The Political System of the Qing Empire. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 1–2. Pp. 51–68 (in Russian)].

Непомнин О. Е., Позднеева Л. Д., Степугина Т. В. *Китайская культура. Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время.* М.: ИВ РАН, 2019. — 532 с. [Nepomnin O. E., Pozdneeva L. D., Stepugina T. V. *Chinese Culture. Antiquity, Middle Ages, Modern and Contemporary Time.* Moscow: IOS RAS, 2019. — 532 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914*. М.: Наука, 1980. — 368 с. [Nepomnin O. E. *Socio-Economic History of China. 1894–1914.* Moscow: Nauka, 1980. — 368 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая (1864–1894 гг.)*. М.: Наука, 1974. — 304 с. [Nepomnin O. E. *Economic History of China (1864–1894).* Moscow: Nauka, 1974. — 304 p. (in Russian)].

От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. Отв. ред. Борох Л. Н., Кобзев А. И. М.: Восточная литература, 1998. — 422 с. [*From Magical Power to Moral Imperative: The Category of De in Chinese Culture*. L. N. Borokh, A. I. Kobzev (Eds). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1988. — 422 p. (in Russian)].

Русско-китайские отношения. 1689–1916. Составители Скачков П. Е., Мясников В. С. М.: Восточная литература, 1958. — 138 с. [*Russian-Chinese Relations. 1689–1916*. Comp. by P. E. Skachkov and V. S. Myasnikov Moscow: Vostochnaya literaturf, 1958. — 138 p. (in Russian)].

Социальная структура Китая. XIX – первая половина XX в. Отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука, 1990. — 436 с. [*The Social Structure of China. 19th– First Half of 20th Century.* O. E. Nepomnin (Ed.) Moscow: Nauka, 1990. — 436 p. (in Russian)].

Тихвинский С. Л. *История Китая и современность*. М.: Наука, 1976. — 360 с. [Tikhvinsky S. L. *History of China and the Present*. Moscow: Nauka, 1976. — 360 p. (in Russian).

China Among Equals. The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th–14th Centuries. Ed. M. Rossabi. Berkeley: University of California Press, 1983. — 419 p.

Elman B. A. *From Philosophy to Philology: Social and Intellectual Aspects of Change in Late Imperial China.* Cambridge: Harvard University Press, 1984. — 368 p.

Fairbank J. K. *Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of Treaty ports, 1842–1854*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953. — 489 p.

Fitzgerald C. P. *The Chinese View on Their Place in the World*. London: Oxford University Press, 1964. — 78 p.

Rossabi M. *China and Inner Asia from 1368 to the Present Day*. London: Thames and Hudson, 1975. — 320 p.

Levenson J. R. *Confucian China and Its Modern Fate: The Problem of Intellectual Continuity*. Vol. 1. London: Routledge, 2005. — 248 p.

The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Ed. J. K. Fairbank. Cambridge, Mass.,1968. — 416 p.

DOI: 10.18254/S268684310018024-4

Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке

The Philosophy of the Civil-Military Relations in the Middle East

© 2021 **Владимир Муртузович Ахмедов**

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
shamyarabist@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

Vladimir M. Akhmedov

PhD (History), assistant professor, Senior Research Fellow
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow
shamyarabist@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

Армия сыграла большую роль в современной истории стран Ближнего Востока. В последние десятилетия военные были фокусом арабской политики, находясь в центре механизма принятия решений. В 1980–1990-е гг. арабские правители научились обуздывать аппетиты своих военных в отношении власти и военных переворотов. Однако, как видно из дальнейшего развития, эта тенденция не стала необратимой. Сегодня вооруженные силы Ближневосточных государств оказывают определяющее влияние на развитие основных процессов внутренней и внешней политики, систему региональной безопасности. В статье исследуются универсальные отечественные и зарубежные методологические и теоретические подходы и критерии изучения военно-гражданских отношений. На основе полученных результатов автор пытается разработать оригинальную модель исследования военно-гражданских отношений в Ближневосточных государствах с учетом особенностей их развития и специфики восточного социума. Особое внимание уделено историческим условиям формирования вооруженных сил арабских стран, их роли и месту в

общественно-политической системе этих стран. Выявляются причины и мотивы вмешательства армии в политику. Рассматриваются различные инструменты контроля над военными со стороны правящих режимов. Изучается характер взаимодействия военных и исламистов. Показаны особенности взаимоотношений армии и власти, армии и общества в странах Арабского Востока. Отмечена значимость национальных и религиозных особенностей в системе военно-гражданских отношений. Выделена роль личности в формировании поведенческого стереотипа военных.

Ключевые слова: армия, военные, военно-гражданские отношения, гражданский контроль, военные перевороты, политика, Ближний Восток, арабские страны.

Для цитирования: Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 85–94. DOI 10.18254/S268684310018024-4

The Army has played a significant role in the contemporary history of the Middle Eastern states. This fact was determined not only by the frequency of wars and military crises but mainly by the role of the military in domestic politics. In the past few decades, the army and security apparatus presented a focal point of Arabian countries' politics. The military was the center of the power and decision-making mechanism in Middle Eastern countries. In the 1980–1990-s Arab rulers managed to curb the appetites of their military for power and military coups. Further developments of "Arab spring" proved this tendency wasn't irreversible. The author studies universal Russian and Western methodological and theoretical approaches and criteria for examining civil-military relations. Based on the given results the author attempted to work out an original model for studying the civil-military relations in the Middle Eastern countries regards specific of its developments and in view of the special characteristics of the Arabic society. The main attention is paid to historical preconditions for the formatting of the armed forces in Arab countries. The author also examines the interaction between politics and military, military and society and tries to show the main reasons behind the army's seizure of power in many Arab countries from the social, political, and economic backgrounds of military rule. The criteria of the civil control under the military and different approaches for preventing army's intervention in politics are in the focus of this article. The author stresses the role of the national and religious factors in the system of civil-military relations. The role of the ruler and ruling élites in determining the behavioral patterns of the military are the subject of the author's investigation as well.

Keywords: army, military, civil-military relations, civil control, military coups, politics, Middle East, Arab countries.

For citation: Vladimir M. Akhmedov. The Philosophy of the Civil-Military Relations in the Middle East. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 85–94. DOI 10.18254/S268684310018024-4

Особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определяют специфику развития основных политических процессов в регионе.

После «Арабской весны» конфликтность в регионе заметно возросла. Система региональной безопасности подвергается серьезным испытаниям. В ряде стран продолжаются вооруженные конфликты, внутриполитическая стабильность в других подвергается серьезным рискам. Ближневосточные государства испытывают острые социальные и экономические проблемы, переживают острый кризис политических систем и властных институтов. Они сталкиваются с подрывом прежней национальной самоидентичности и модели государственного устройства. В поисках выхода из сложившегося положения правящие круги арабских стран ищут надежную опору, которая смогла бы образовать новый «центр силы», сплотив вокруг него, основные политические и общественные институты государства. Одной из таких сил могла бы, на наш взгляд, стать армия.

Действительно, в ходе «Арабской весны» на фоне провала арабских правящих режимов именно армия и исламисты вышли на авансцену внутренней политики и продолжают оказывать определяющее влияние на развитие политических процессов в странах Арабского Востока[1].

Военные элиты Ближневосточных государств нередко оглядываются в прошлое, пытаясь найти в нем рецепты решения современных геополитических проблем, черпая из исторического опыта как стимулы для военной экспансии, так и мотивы для мирных инициатив.

Сегодня территория Благодатного полумесяца распределена между Турцией, Сирией, Ливаном, Израилем, Иорданией, Палестинской автономией, Египтом. Все они в определенной мере могут считаться наследниками военной мощи Османской империи. Во всех этих странах вооруженные силы играют огромную роль в жизни общества.

В последние десятилетия важную роль в военном балансе сил на Ближнем Востоке играют Израиль и Иран. Их армии считаются технически самыми оснащенными и боеспособными. Военно-политические потенциалы Турции, Ирана, Израиля, Египта, Саудовской Аравии представляют собой структурную основу системы региональной безопасности.

К концу 1990-х гг. Иран выстроил так называемую ось сопротивления, которая начиналась в Тегеране, проходила через территории Ирака, Сирии, Ливана, Газы и упиралась своим острием в северные границы Израиля. В свою очередь, Израиль на рубеже 1970–1980 гг. завершил формирование геополитической оси Каир – Тель-Авив – Стамбул. Фактически эта ось воспроизводила ту структурную схему военной организации региона, которую еще в XVI в. построили османы [Зеленев, 2003, с. 379–380]. В 2020 г. были подписаны «Авраамические соглашения», что позволило Израилю нормализовать отношения с радом арабских государств, прежде всего, монархиями Персидского залива. Это еще больше укрепило указанную ось. Как и прежде, она и сегодня остается важнейшим фактором стратегической стабильности в этом районе мира [Фуше, 1999, с. 131, 132].

В самой Османской империи армия на протяжении всего периода XVI – начала XX вв. играла ключевую роль в политике. Преодолеть военный характер своей государственности османам так и не удалось. Не получивший компромиссного разрешения конфликт между военными и гражданскими методами управления страной стал одним из решающих факторов ослабления и распада Османской империи [Зеленев, 2003, с. 378].

В Египте, Сирии, Ираке и в других странах, так же, как и в Османской империи, переход от нерегулярного войска к постоянной и регулярной армии растянулся во времени на столетия. Традиционно организованные восточные армии, построенные на смешанной постоянно-наемной основе, сравнительно долгое время удовлетворяли потребности авторитарного государства и соответствовали возможностям многоукладного восточного общества с сильными элементами местного самоуправления.

На рубеже 1950–1960 гг. в государствах Ближнего Востока происходил процесс активного приобщения армии к политике. Военные вышли за рамки своих обычных функций, и начали мыслить о себе как о политической силе.

В результате этих изменений армия обрела специфические свойства. Армия утвердила свой статус органа государства, инструмента власти и государственного управления. Вооруженные силы превратились в важнейший силовой инструмент политической власти, как во внутренней, так и во внешней политике [*Армия и общество*, 1999, с. 15–16].

Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. В качестве объекта армия испытывала на себе воздействие всех важнейших субъектов политики и прежде всего государства и его главных структурных элемен-

1 Подробнее о причинах этого см.: [Ахмедов, 2008].

тов. Это служило общефилософским объяснением социально-политической неоднородности и наличия политических противоречий в рядах армии.

Социальная активность армии проявлялась в двух видах. Внешняя деятельность армии была направлена на оборону границ государства. Внутренняя же деятельность армии решала задачу поддержания порядка внутри государственного образования.

При этом в большинстве стран Ближнего Востока внутренняя функция армии являлась двойственной. Помимо поддержания стабильности и порядка в стране, армии вменялось служить защите режима, находящегося у власти. Отсутствие у данного режима военной поддержки свидетельствовало о непрочности его положения. Похожую ситуацию мы могли наблюдать на разных этапах исторического развития в Египте, Сирии, Ираке, Алжире (Подробнее об этом см.: [*Армия и Власть на Ближнем Востоке*, 2002]). Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер и содержание активности армии как субъекта политики. Выступление военных кругов почти всегда приурочивались к моменту, когда противоборство в обществе достигало критической точки, и правящий режим оказывался под угрозой [Федоров, 1999, с. 12].

Важную методологическую основу исследования составляют теоретические положения и категории, разработанные в отечественном и зарубежном обществознании в рамках различных подходов к изучению взаимоотношений армии и общества и роли военных в политической жизни.

В отечественной военно-философской литературе советского периода связь армии и политики рассматривалась с точки зрения марксистского учения о базисе и надстройке. В марксистской концепции о роли армии в политической жизни общества важнейшее методологическое значение имело положение об «относительной самостоятельности вооруженных сил» в политической системе [Бабуркин, 1994, с. 14].

Относительная самостоятельность являлась имманентным свойством армии как надстроечного института и характеризовала ее естественное и нормальное положение в обществе. Политическая же самостоятельность и известная независимость военных оценивались как аномалия и нарушение обычных функций армии. Именно так обстояли дела в большинстве стран Азии и Африки на рубеже 1950-1960-х гг., когда на переломных этапах развития общества в его переходных состояниях, относительная самостоятельность армии трансформировалась в гипертрофированную политическую активность [Меньшиков, 1991, с. 13].

Данные положения можно признать в целом верными для характеристики общественно-политической ситуации, сложившейся в большинстве стран Ближнего Востока после Второй мировой войны и определения причин выхода армии на политическую арену ближневосточных государств. Особенности классовой структуры ближневосточных государств того времени определили высокий удельный вес в обществе и значительную роль в политической жизни промежуточных и средних социальных слоев. В их число входило и офицерство, которое имело потенциальную возможность воздействовать на политику страны, опираясь на вооруженную силу. Таким образом, сложилась традиция вмешательства армии в политику стран Ближнего Востока [Мирский, 1976, с. 4].

Чрезмерное проявление относительной самостоятельности армии как элемента политической надстройки общества было тесно связано с бонапартизмом [Бабуркин,1994, с. 16]. Анализ этого явления приводит к выводу о том, что армия не всегда служила слепым орудием в руках правящих классов, а при определенных обстоятельствах даже могла взять на себя «революционную инициативу». Примером этого может служить роль военных в Египте в январе 2011 г[2].

В западной политологии роль армии в политической жизни изучалась в рамках теории

2 Подробнее см.: [Ахмедов, 2012].

военно-гражданских отношений, которые рассматривались как система, состоявшая из взаимозависимых элементов. Ее главными компонентами являлись: формальное положение вооруженных сил во властных структурах, неформальная роль и влияние военных в политике и обществе в целом, характер идеологии военных и гражданских групп. Как часть единой системы ни один из этих элементов не мог измениться, не вызвав последующих изменений других элементов. Для их обобщающей характеристики в теории военно-гражданских отношений использовалась категория «гражданский контроль». Именно с точки зрения гражданского контроля чаще всего и рассматривалась роль армии в политической жизни общества, ее место в политической системе той или иной страны. С этой точки зрения важное значение имеет характеристика типологий гражданского контроля, разработанных С. Хантингтоном (объективный, субъективный) и Э. Нордлинджером (традиционный, либеральный, нетрадиционный). Так, одной из важнейших задач молодых демократий становится установление гражданского контроля над армией, с целью ограничения влияния военных на политику. Армия остро реагирует на утрату своей власти и привилегий. С целью свержения правящего режима или изменения его политики армия может пойти на любые действия, включая государственный переворот [Huntington, 1991, p. 269].

В качестве первой модели гражданского контроля выделялась «традиционная», суть которой состояла в отсутствии заметной разницы между гражданскими и военными элитами. Таким образом, исчезал повод для возникновения между ними сколько-нибудь серьезного конфликта и вмешательства военных в общественно-политическую жизнь. Такой тип взаимоотношений между гражданскими и военными был характерен для европейских монархий XVII–XVIII вв. Военные и гражданские правители имели общее аристократическое происхождение, схожие взгляды и интересы [Nordlinger, 1977, p. 11]. В редких случаях данная модель давала сбои. Это случалось, когда аристократ был больше заинтересован в достижении власти и богатства. Военную службу он рассматривал как побочное занятие для укрепления своих позиций в обществе [Huntington, 1957, p. 26–27]. Начиная с XIX в. положение изменилось. Новые критерии набора на военную службу — образование и профессионализм вместо наследственного титула и богатства, положили начало процессу дифференциации гражданских и военных элит. Применение сегодня на практике «традиционной» модели гражданского контроля чрезвычайно редко или вовсе отсутствует [Nordlinger, 1977, p. 11–12].

«Либеральная» модель исходит из существующих различий между элитами в соответствии с полученными знаниями и данными полномочиями. С учетом более широких полномочий гражданских лиц, их более высоким уровнем знаний, военные занимают подчиненное положение. Военные не только не должны касаться вопросов, выходящих за рамки национальной безопасности, но и в этой сфере они могут лишь давать правительству советы, подчиняясь решению гражданских властей в случае наличия разногласий по обсуждаемой проблеме. Таким образом, речь шла о максимально возможной деполитизации армии [Nordlinger,1977, p. 12]. Однако данная схема военно-гражданских отношений могла быть успешно применена на практике при соблюдении ряда условий. Гражданские политики должны были с уважением относиться к армии. Они не вторгались в сферу профессиональных интересов военных. Не использовали армию в качестве средства для приобретения политических преимуществ. В случае соблюдения политиками указанных правил, офицерский корпус имел мало оснований для вмешательства во внутриполитические дела[3].

3 Указанную схему военно-гражданских отношений более или менее успешно пытались реализовать в Турции. С другой стороны, за более чем 90-летний период республиканского развития армия приобретала относительную самостоятельность в политической структуре общества. Выделилась в качестве особого политического института,

В теории «либеральная» модель представляется наиболее эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике сами гражданские нередко нарушали так называемую гражданскую этику поведения в отношении военных. Они стремились контролировать процессы назначения и продвижения по службе в армии, а также прибегать к услугам военных для обеспечения собственных политических интересов. Подобное поведение гражданских властей формировало хорошо мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии [Nordlinger, 1977, p. 13]. Укоренение в общественном сознании культуры «гражданской этики» во многом зависело от высокого авторитета гражданских правителей в армейских кругах. Однако в силу неспособности многих руководителей завоевать такой авторитет, с одной стороны, и завышенных ожиданий военных в отношении политиков, с другой, в большинстве развивающихся стран правящие режимы не получали устойчивого одобрения со стороны армии.

Третий тип гражданского контроля над армией мог быть реализован в рамках «нетрадиционной» или «пенетрантной» модели. Гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и политработников. В результате достигалась схожесть политического мировоззрения гражданских служащих и военных, что снимало потенциальную угрозу возникновения конфликта между ними. Наряду с профессионализмом и личными качествами, политический конформизм определял продвижение по службе в армии. Данный метод требовал разработки строгой системы контроля, проверки и наказаний. Повышалась роль спецслужб в армейской среде, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям. Достаточно убедительным примером действия подобной модели могла служить Сирия периода правления Х. Асада (1970–2000)[4].

«Пенетрантная» модель могла быть успешно реализована в государствах с особым характером режима — личной власти, либо жестко централизованного однопартийного руководства. В государствах, где наличествовали различные центры силы, многопартийность, действовал принцип разделения властей, было возможно лишь одновременное установление гражданского контроля над армией и внедрение политической идеологии, что являлось неприемлемым для военных. Любые попытки применить данную схему в таких государствах неизбежно вели к расколу офицерского корпуса и конфликту между военными и гражданскими [Nordlinger, 1977, p. 15–18].

Все три вышеупомянутые модели носили весьма условный характер и имели ограниченный потенциал применения в развивающихся странах. В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался тип гражданского контроля, синтезированный из элементов «пенетрантной» и «традиционной» моделей. При этом в условиях, когда в течение последних трех десятилетий до начала «Арабской весны» у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные, будь то президенты или монархи, а многие ключевые посты в партийно-бюрократическом аппарате занимали бывшие и действующие военные, говорить о гражданском контроле в чистом виде не приходилось. Скорее речь шла о политическом контроле над армией со стороны правящей элиты в целях обеспечения собственной безопасности и стабильности режима (См.: [Ахмедов, 2004]).

Противоположностью «гражданского контроля» является «вмешательство армии в по-

способного при определенных условиях коренным образом изменить политическую ситуацию в стране. Последняя такая попытка была предпринята военными летом 2016 г. На наш взгляд, она явилась результатом ряда допущенных властями ошибок во взаимоотношениях с военными, следствием негативного влияния на внутреннюю ситуацию кризиса в соседней Сирии, происками внешних враждебных сил.

4 См.: [Ахмедов, 2002].

литику», которое в западной политологии нередко обозначается термином «преторианство» [Nordlinger, 1977, p. 2–3]. На практике это означало проведение военными в жизнь собственных политических решений с использованием силы или угрозы ее применения[5]. Но участие военных в политике не исчерпывалось столь крайними мерами. Оно могло протекать в более умеренных формах, в рамках, действовавших в данном обществе законов и норм. На деле, вооруженные силы любого государства, даже того, где верховенство гражданской власти не вызывает никаких сомнений, обладают значительным политическим влиянием. Его источниками являются уже само предназначение армии, ее функции, материальные ресурсы и возможности, которыми она наделена для выполнения возложенных на нее задач.

В западной политологии выделялись два подхода к поиску причин вмешательства армии в политику: универсальный, сторонники которого стремились к выяснению общих, универсальных закономерностей в этой сфере общественных отношений и конкретно-страноведческий. Приверженцы второго подчеркивали специфику взаимодействия между гражданскими и военными элитами в отдельно взятых странах. На основе разграничения факторов и причин, способствовавших (или препятствовавших) вмешательству военных в политику, выделялись структуралистский и мотивационный подходы. В поисках ответа на вопрос о причинах вмешательства армии в политику исследователи, прежде всего, обратили внимание на субъект этого явления — саму армию и пытались найти объяснение в особых свойствах этого института и его офицерского корпуса. Однако узкий институциональный подход не привел к убедительному и исчерпывающему решению проблемы.

Наряду с социальными и институциональными аспектами политической активности военных, значительное внимание уделялось субъективному фактору, психологической мотивации действий офицерского корпуса. Действительно, национальные особенности народов придавали геополитическую определенность военной силе. При этом людские ресурсы, национальный характер и национальная модель управления играли важную роль в процессе формирования военной мощи государства. Однако указанные факторы могли трактоваться весьма неоднозначно в зависимости от поставленных задач по достижению определенных целей. Так, философия «пруссианизма» в государственном строительстве (милитаризм, империализм, автократия) предполагала, что успех индивида и общества в целом обеспечивается подчинением, приверженностью авторитаризму и самоотречением. Независимость мышления, свобода сознания и действий рассматривались скорее как препятствие, источник слабости [Morgenthau, 1962, pp. 223–224]. Неоднозначность данной философии и ее опасность для страны в условиях кризиса можно хорошо видеть на сирийском примере (см.: [Akhmedov, 2020a]).

Действительно, национальные особенности и религиозные предпочтения населения отражаются на их отношении к военному делу. Они оказывают влияние на порядок комплектования войск, способы их боевых действий, на боеспособность и боевые качества личного состава, моральный дух армии, его специфику. Так, консолидация и конституирование наций, защита национальных интересов и ценностей, обеспечение национальной безопасности выступали серьезной и постоянной мотивацией активности военных, влияли на содержание военной политики государств. Однако указанные

5 Данный термин носит весьма условный характер, и касается только офицерского корпуса. Одним из первых его применил американский политолог Э. Нордлинджер. Он заимствовал указанное определение из знаменитого исследования истории падения Римской империи: Gibbon Edward. *The Decline and Fall of the Roman Empire.* Vol II. New York: Modern Library, 1996 [Gibbon, 1996]. У Э. Гиббона речь шла о преторианской гвардии римлян как одном из факторов ослабления могущества Римской империи, после того как преторианцы стали свергать неугодных императоров и контролировать деятельность римского сената.

показатели не остаются неизменным, и в процессе развития утрачивают одни и приобретают другие особенности (примеры рассмотрены в: [Ахмедов, 2020]).

В ряде случаев определяющее влияние на формирование военной политики ближневосточных государств мог оказывать и личностный фактор. Политическая воля руководства страны, в том числе крупных военачальников, выступает в арабских странах в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. Готовность и способность лидера прибегнуть к поддержке проводимого им курса вооруженными методами и применить имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы оказывают серьезное влияние на степень политической активности вооруженных сил и проблемы региональной безопасности. В зависимости от характера и природы правящей элиты, выдвигающей того или иного лидера, на одной и той же объективной основе может утвердиться разный военно-политический курс. Выбор военной силы и бескомпромиссной борьбы в защиту своих действительных или мнимых ценностей. Либо принятие гибкой тактики поэтапных уступок, маскируемых, как правило, в виде компромиссов по ходу мирных переговоров, для того чтобы избежать военного столкновения (в качестве примера см.: [Ахмедов, 2021]).

Таким образом, в западной военной политологии сформировались в итоге три основных направления. «Структурно-функциональное», представители которого акцентировали внимание на характеристиках общества. «Институциональное» представленное сторонниками «теории организации», которые выделяли корпоративные свойства армии и военной элиты. «Социопсихологическое», приверженцы которого концентрировали внимание на внутренней мотивации политической активности военных. Вместе с тем в последнее время преобладает тенденция к соединению элементов этих подходов, что дает наиболее существенные результаты.

На основе рассмотрения основных теоретических подходов к проблемам «армия и политика», «армия и власть», «армия и общество», «армия и ислам» в отечественной и зарубежной политологии можно было сделать следующие выводы. Вооруженные силы должны рассматриваться как сложное и многомерное по своей природе явление, разными гранями неразрывно связанное с обществом, и, в частности, с его политической сферой, в которой они предстают одновременно объектом и субъектом. Но и в качестве субъекта политического процесса армия, будучи сложной системой, выступает в разных измерениях: и как институт государства, орудие силы государственной власти, и как заинтересованная социальная группа, имеющая свои корпоративные интересы, а в развивающихся странах нередко и как объект влияния иностранных держав (в качестве примера российско-иранского соперничества за ВС САР см.: [Akhmedov, 2020b]).

В этой связи рассмотрение вооруженных сил лишь как орудия правящих классов, сущность которого однозначно определяется природой и характером государства, представляется неправомерно ограниченным и недостаточным. Для полномасштабной и адекватной оценки роли армии в политике необходимо учитывать весь комплекс ее измерений. Именно конкретное соотношение разных элементов структуры армии как субъекта политического процесса, преломляющееся через мотивацию офицерского корпуса, и определяет, в конечном счете, ее политическое поведение. Таким образом, междисциплинарный подход, использование методов системного, сравнительного и исторического анализа, учет диалектического взаимодействия различных факторов — цивилизационных, структурных, институциональных, психологических — открывают наибольшие возможности для сбалансированного комплексного анализа и научного объяснения проблем политической активности вооруженных сил.

Список литературы / References

Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. — 387 с. [*Army and Society.*

1900–1941. Articles and Documents. Moscow, 1999. — 387 p. (in Russian)].

Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. В. М. Ахмедов. М., 2002. — 400 с. [*Army and Power in the Middle East: From Authoritarianism to Democracy*. Collected Papers. V. M. Akhmedov (ed.). Moscow, 2002. — 400 p. (in Russian)].

Ахмедов В. М. Армия и политика в современной Сирии. *Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии.* Сб. статей. Отв. ред. В. М. Ахмедов. М., 2002. С. 153–188 [Akhmedov V. M. Army and Politics in Modern Syria. *Army and Power in the Middle East: From Authoritarianism to Democracy.* Collected Papers. V. M. Akhmedov (ed.). Moscow, 2002. Pp. 153–188 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. *Офицерский корпус ближневосточных государств.* Сб. статей. М., 2004. С. 3–23 [Akhmedov V. M. Officership in the Socio-Political Life of the Countries of the Middle East. *Officer Corps of the Middle Eastern States*. Collected articles. Moscow, 2004. Pp. 3–23 (in Russian)].

Ахмедов В. М. *Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока.* М., 2008. — 104 с. [Akhmedov V. M. *Social and Political Processes in the Arab Countries of the Middle East.* Moscow, 2008. — 104 p. (in Russian)].

Ахмедов В. М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* Сб. статей. М., 2012. С. 72–91 [Akhmedov V. M. Army and Arab Revolutions in the Middle East. *The Middle East, Arab Awakening, and Russia: What's Next?* Collected Papers. Pp. 72–91. Moscow, 2012 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Алавиты в социально-политической системе САР. *Азия и Африка. Взаимодействие региональных и глобальных тенденций.* Отв. ред. А. М. Хазанов. М., 2020. С. 71–86 [Akhmedov V. M. Alavites in the Socio-Political System of the SAR. *Asia and Africa. Interaction of Regional and Global Trends.* A. M. Khazanov (ed.). Moscow, 2020 (in Russian)].

Ахмедов В. М. Армия САР в условиях кризиса: военно-политический аспект. *Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Актуальные проблемы.* Ежегодник. М., 2021 (препринт) [Akhmedov V. M. Army of the SAR in the Conditions of the Crisis: The Military-Political Aspect. *Instability of the Geostrategic Space in the Near, Middle and Far East. Actual Problems. Yearbook.* (Pre-print). Moscow, 2021 (in Russian)].

Бабуркин С. А. *Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор).* Авт. докт. дисс. (полит. науки). М., 1994 [Baburkin S. A. *Army and Politics in the Andean Countries (Venezuela, Colombia, Ecuador).* Abstract of diss. for the degree of DSc (Political Science). Moscow, 1994 (in Russian)].

Зеленев Е. И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб, 2003. — 419 с. [Zelenev E. I. *Public Administration, the Judiciary and the Army in Egypt and Syria (16th– early 20th Century).* Saint Petersburg, 2003. — 419 p. (in Russian)].

Меньшиков Е. Н. *Основные тенденции развития политических и государственно-правовых институтов в странах Африки*: Автореф. докт. дисс. М., 1991 [Menshikov E. N. *Main Trends in the Development of Political and State-Legal Institutions in African Countries*: Abstract of diss. for the degree of DSc. Moscow, 1991 (in Russian)].

Мирский Г. И. *Третий мир. Общество. Власть. Армия*. М., 1976. — 407 с. [Mirsky G. I. *The Third World. Society. Power. Army*. Moscow, 1976. — 407 p. (in Russian)].

Федоров В. А. *Армия и модернизация в странах Востока*. М., 1999 [Fedorov V. A. *Army and Modernization in the Countries of the East*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Фуше М. *Европейская республика. Исторические и геополитические контуры*. М., 1999. — 168 с. [Fouche M. *European Republic. Historical and Geopolitical Contours.* Moscow, 1999. — 168 p. (in Russian)].

Akhmedov V. M. Syrian Crisis: History and Current Politics. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020a. No. 3(13). Pp. 265–272.

Akhmedov V. M. Iran's Politics in the Middle East: Political and Military Dimensions. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020b. No. 4(14). Pp. 247–257.

Gibbon E. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol II. New York, 1996. — 912 p.

Huntington S. P. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. New York, 1957.

Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* London,1991.

Morgenthau H. J. *The Decline of Democratic Politics.* Vol. I. Chicago, 1962.

Nordlinger E. A. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. New Jersey, 1977.

DOI: 10.18254/S268684310018025-5

Двуликий Янус радикализации
Еретические мысли
По мотивам работы д-ра Арне Зайферта*

The Two-Faced Janus of Radicalization
Heretical Thoughts
Based on the Work of Dr. Arne Seifert

© 2021 **Ирина Викторовна Стародубровская**

Кандидат экономических наук, руководитель направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия; irinavstar@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7073-5905

Irina V. Starodubrovskaya

PhD (Economics), Head of Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy
Leading Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
irinavstar@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7073-5905

Статья продолжает полемику с идеями, сформулированными в работе д-ра Арне Зайферта «Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии — с чего начинать?» (2020 г.), начатую в предыдущем номере журнала. Автор ставит под сомнение тезис о том, что распространение фундаменталистского ислама означает стремление вернуться к средневековым нормам. Этот процесс рассматривается как противоречивое единство архаизации и модернизации, по своему характеру имеющий немало общего с протестантской Реформацией в Европе. На основе изложенных в статье концептуальных подходов сформулированы и предложе-

* Статья отражает результаты исследования, проведенного в рамках НИР государственного задания РАНХиГС.
This article is based on research conducted under government contract with the Russian Academy for National Economy and Public Administration.

ния автора по противодействию радикализации. Их суть в привлечении мусульман к активной деятельности в рамках гражданского общества в противовес как насилию, так и изоляционизму; в усилении взаимодействия исламских активистов со светскими гражданскими движениями; в расширении возможностей для мусульман принимать модерн на своих условиях. Автор иллюстрирует плодотворность подобных подходов примерами из практики функционирования гражданского общества на Северном Кавказе, в том числе в рамках проектов, в реализации которых автор статьи принимала непосредственное участие.

Ключевые слова: радикализация, исламский фундаментализм, модернизация, гражданское общество, Северный Кавказ, Арне Зайферт

Для цитирования: Стародубровская И. В. Двуликий Янус радикализации. Еретические мысли. По мотивам работы д-ра Арне Зайферта. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 95–108. DOI 10.18254/S268684310018025-5

The paper continues discussion with the ideas expressed in Dr. Arne Seifert's work "Civil Opposition to Religious Radicalism in Central Asia" (2020) which has started in the previous issue of the journal. The author doubts that expansion of Islamic fundamentalistic views means the inspiration to go back to the norms of the Middle Ages. Instead, this process is treated as a conflicting unity of archaization and modernization similar in its essence with the Protestant Reformation in Europe. The author's proposals how to confront radicalization are based on the concepts described in the article. The main ideas are to involve Muslims in civil society activities preventing both their isolation and their involvement in violent practices, to intensify their contacts with secular civil society groups and movements, to expand their opportunities to accept modernity on their own terms. The author illustrates the productivity of such approaches using examples from the civil society activities in the North Caucasus including those projects where the author herself was involved.

Keywords: radicalization, Islamic fundamentalism, modernization, civil society, North Caucasus, Arne Seifert.

For citation: Irina V. Starodubrovskaya. The Two-Faced Janus of Radicalization. Heretical Thoughts. Based on the Work of Dr. Arne Seifert. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 95–108. DOI 10.18254/S268684310018025-5

В первой части данной статьи [Стародубровская, 2021] автор полемизирует с одним из центральных тезисов д-ра Арне Зайферта, изложенным в его работе «Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии — с чего начинать?» [Зайферт, 2020], а именно с его фактическим разделением ислама на «хороший» традиционный ислам — умеренный, гибкий, совместимый со светским государством, и «плохой» радикальный ислам, отрицающий светские ценности и подлежащий маргинализации. Автор обращает внимание на то, что современный фундаменталистский ислам характеризуется существенной неоднородностью целей и методов их достижения, а его стратегические идеалы далеко не всегда однозначно детерминируют текущие практики. Тем самым стремление представить его движением, объединенным общей политической повесткой, не имеет под собой оснований. При этом радикальный ислам может служить инструментом не только негативной, но и позитивной адаптации к постсоветскому кризису. В то же время стремление к подавлению альтернативного миропонимания для защиты светскости представляет собой внутреннюю угрозу либеральным и демократическим ценностям, которые, собственно, и формируют ценностную основу светского общества. В дискуссии автор использует результаты собственных полевых исследований на Северном Кавказе.

Назад в средневековье или вперед, к множественности модернов?

Означает ли распространение исламского фундаментализма, что постсоветские, в частности, центральноазиатские социумы неизбежно деградируют в направлении «исламизации общества на исключительно реакционном основании»? В работе Арне Зайферта ситуация выглядит как противостояние социума, модернизированного в ходе советского развития, и сторонников возвращения к средневековым нормам. Думаю, реальная картина существенно сложнее.

На Северном Кавказе и, предполагаю, еще в большей степени в Центральной Азии действие модернизации в советское время было ограниченным и неглубоким. Основы патриархальных отношений в целом сохранились, в первую очередь, в сельской местности. Так, колхоз нередко оказывался реинкарнацией традиционной общины. Собственно, это хорошо объяснимо, если исходить из понимания советской модернизации как социально-консервативной, далеко не во всем требовавшей отказа от традиционализма. «В логике ее функционирования воспроизводились, разумеется, в измененном виде, средневековые принципы вертикальной иерархии, натурального хозяйства, личной зависимости» [Вишневский, 1998, с. 36]. Причем на окраинах это проявлялось в большей степени, чем в центральных регионах. В городах модернизация ощущалась сильнее, здесь в позднесоветское время возникали протоструктуры гражданского общества, вырабатывались современные культурные форматы. Однако на Северном Кавказе постсоветский кризис во многом разрушил основы городской культуры, приведя к деиндустриализации и оттоку городского населения. На его место стекались мигранты из сельской местности, в первую очередь с гор; городские пространства стали заносить «зыбучие пески урбанизации», село «переваривало» город.

В этих условиях исламские фундаменталисты фактически боролись «на два фронта». Не принимая западную модернизацию, они в то же время плохо вписывались в традиционный уклад с его иерархиями, адатами и растворением личности в коллективе. **Если для модерного западного общества исламский фундаменталист оказывался чересчур архаичен, то для традиционных структур он выступал чрезмерно эмансипированной фигурой.** Возможно, подобная постановка вопроса кому-то на первый взгляд покажется абсурдной. Ведь фундаменталисты рассматривают в качестве своего идеала далекое прошлое. О каком конфликте с традицией может идти речь? Чтобы понять возникающий парадокс, необходимо разобраться, к какому, собственно, прошлому зовут фундаменталисты.

Начало любой религии — это харизматический период, время ломки стереотипов, поиска и прорывов в неизведанное, период героизма и жертвенности. Затем постепенно складывается традиция, приспосабливающая требования религии к потребностям текущей жизни, интересам власть имущих, рутинам повседневности, отрицающая поиск и креативность. Поэтому прошлое здесь означает, с одной стороны, возрождение неких архаичных обрядов и практик, а с другой — легитимацию процесса духовного поиска.

Эмансипирующий фундаментализм

В чем же конкретно видится эмансипационный потенциал фундаменталистского ислама?

С одной стороны, в том, что он продолжает работу по расчистке социального поля от традиционных моделей и жизненных стратегий, которую не довела до конца советская модернизация. Отказываясь сакрализировать опыт отцов и дедов, критически оценивая традиционные установления, отвергая безоговорочную ориентацию на общественное мнение, фундаменталисты расширяют рамки поиска ценностей и смыслов, стремясь по-новому позиционировать себя в обществе и вырабатывать собственные ориентиры. «*Если в плане вот как другие: я*

вырасту, построю дом там, выращу сына — в таком плане я не строю свое будущее. Да, разумеется, по возможности построю дом — если будет нужно. Не потому что делают это все — так-то дом у меня есть. Конечно, если даст Аллах, воспитаю сына и не одного. …У меня задача — как можно больше пользы принести людям. …Я вижу пользу со стороны ислама» (муж., мол. возр., Дагестан, 2015).

С другой стороны, предлагаемые фундаменталистами жизненные модели, при их внешней архаичности, в определенной мере несут в себе модернизационный потенциал, причем далеко не всегда как результат сознательных действий идеологов. Здесь как нигде актуальными оказываются слова Макса Вебера, сказанные им применительно к пуританам: «культурные влияния Реформации в значительной своей части… были непредвиденными и даже *нежелательными* для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносилось перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям» [Вебер, 2011, с. 69].

Попробуем более подробно рассмотреть, о каких «культурных влияниях» может идти речь в данном случае.

Во-первых, создание условий для формирования индивидуализма. Индивидуализация выбора системы религиозных взглядов, приоритет горизонтальных связей единомышленников перед кровнородственными иерархиями, самостоятельное изучение первоисточников и отрицание безоговорочного следования традиционным религиозным авторитетам, подчинение в первую очередь божественным директивам, а не власть предержащим — все эти факторы способствуют эмансипации личности, разрушению господства коллективизма над индивидуальной волей отдельного человека. Система религиозных взглядов из наследуемой и изначально данной становится результатом самостоятельного выбора[1]. Важно также, что шариат в земных делах не предусматривает коллективной ответственности — каждый сам несет наказание за свои деяния.

Во-вторых, воспитание законопослушности. Не все фундаменталисты считают необходимым безусловно следовать законодательству светских государств, в которых проживают. Но идея безоговорочного соблюдения, невзирая на лица, данного свыше божественного закона — шариата — является одним из краеугольных камней фундаменталистского мировоззрения. Там, где традиция полагается на неписанные, нередко по-разному трактуемые и вписанные в сложившиеся иерархии нормы, фундаментализм требует юридического решения шариатского судьи. Подобный акцент на законопослушность, на безусловное исполнение контрактов был особенно важен в постсоветский период, когда массы сельских жителей устремились в города, теряя сельские нормы жизни и с трудом адаптируясь в непривычной для них городской среде, где вроде бы все позволено. Фундаменталистский ислам в этих условиях оказывался одной из «машин» по превращению сельчан в горожан.

В-третьих, особая роль знания в системе исламских ценностей и ориентиров. «***Знание противостоит традиции***» — так сформулировал суть конфликта между фундаменталистским и традиционным исламом один из моих собеседников. Авторитет знающего выше авторитета старшего, авторитета знатного, авторитета обладающего властью. В данном случае речь в первую очередь идет об исламских знаниях, о способно-

1 Изменения в данном вопросе хорошо видны при сравнении позиций матери и сына, объяснявших свои религиозные взгляды в Ингушетии. Традиционным в Ингушетии является суфизм двух тарикатов, которые делятся на более мелкие группы — вирды. Позиция матери: «*Вирд не меняется. Он [человек] рождается в этом вирде. Он умирает в этом вирде. Этот вирд передается его детям. Его дети передают своим детям. Вирд ни один человек не имеет права поменять. Вирд остается вирдом*» (жен., сред. возр., Ингушетия, 2017). Позиция сына: «*Человек может следовать за Пророком (с.а.с.) — и все. Нам Пророк (с.а.с.) сам идеальный пример. Мы должны стараться быть похожими на него. А люди, наоборот, забыли про Пророка (с.а.с.) и больше восхваляют устаза. Вот в чем проблема*» (муж., мол. возр., Ингушетия, 2017).

сти обосновать свои решения и действия Кораном и Сунной. Тем не менее важно, что здесь используется критерий, вынесенный за рамки традиционных норм и иерархий. «*По религии у нас что-то возглавить должен не старший, а знающий*» (муж., стар. возр., Дагестан, 2017).

Можно приводить примеры и дальше. Запрет курения и употребления алкоголя, требование быть в хорошей физической форме, заниматься своим телом — вполне современные основы здорового образа жизни. Участие в деятельности гражданского общества, в правозащите — выработка активной жизненной позиции.

Переходя от примеров к подведению итогов, я вижу все основания утверждать, что система ценностей, формируемая в рамках исламского фундаменталистского выбора, не является однозначно архаичной. В религиозной оболочке, через идеологическое отрицание западной модерности, здесь проявляются вполне модернистские ориентиры, такие, как индивидуализм, законопослушность, важность знаний, а также здоровый образ жизни, активная жизненная позиция. Соотношение модернизационных и архаичных ценностей в рамках различных направлений исламского фундаментализма существенно различается, некоторые из них отрицают модерн практически в любых его формах, другие, напротив, чувствуют себя силой, несущей цивилизацию в массы. «*Сегодня современное общество в чем заключается? Обрисую статус человека…* ***Человек не курит — хорошо. Человек не пьет — прекрасно. Человек спортом занимается — вообще плюс. Человек не гуляет — хорошо. Человек работает — хорошо. Человек не ворует — хорошо. Но он молится — а-а-а, ваххабит!***» (муж., сред. возр., КЧР, 2014).

Знание — сила

В ходе работы на Северном Кавказе меня чрезвычайно интересовал вопрос, по каким критериям можно хотя бы грубо отделить те фундаменталистские движения и отдельных представителей этой идеологии, у которых модернистский импульс доминирует, от тех, чья повестка — возврат в архаику (хотя и те и другие моменты присутствуют везде в разных соотношениях). Для меня таким **критерием стало отношение к светским знаниям**. В этой сфере четко выделяются два взаимоисключающих тренда.

С одной стороны, это ориентация на то, что, в отличие от религиозного, светское образование не важно, люди не должны стремиться к светским знаниям, учебные заведения не соблюдают исламские нормы и потому вредны, они развращающе действуют на подрастающее поколение. Именно сторонники подобных взглядов, например, забирают девочек из школы после младших классов и стремятся как можно раньше выдать их замуж, дабы уберечь от угроз и соблазнов современного мира.

С другой стороны, это совершенно противоположная трактовка исламских императивов в данном вопросе, фактическое приравнивание овладения светскими знаниями к религиозному долгу. «Посланник Аллаха сказал: “Ищите знание, даже если оно в Китае. Так как получение знаний является *фардом* [обязанностью] для каждого мусульманина. И ангелы расстилают свои крылья под ноги ищущего знаний”. Во время расцвета Ислама также бурно развивались многие точные науки и медицина» (муж., сред. возр., Дагестан, 2016, из Фейсбука). И здесь можно наблюдать совершенно другое отношение к тому же женскому образованию. «*Религиозные девушки учатся намного старательнее и намного охотнее, чем нерелигиозные. …Физика, химия, математика, астрономия — это часть религии*» (муж., сред. возр., Дагестан, 2015). Более того, именно обращение к фундаментализму раскрыло для некоторых мусульман этот аспект исламского мировоззрения. «*У нас такое поколение выросло. Когда традиционный ислам при коммунистах, у нас религиозное село было, они говорили — вот в школе учиться нельзя, допустим. Наши, которые старейшины. Нельзя было учиться там, в городе, где-нибудь, по исламу запрещено. А мы верили, по этим стопам мы ходили. Сейчас уже, более или менее современные*

когда пошли, уже сам начинаешь изучать ислам, там совсем другое. Там надо учиться на самом деле, самая это дорогая вещь — знания» (муж., сред. возр., Дагестан, 2014).

Проведенные нами в 2016–2017 гг. опросы дагестанских, чеченских и ингушских мусульман подтвердили наличие подобного размежевания. Эти исследования, осуществленные в форме интернет-опросов, не претендуют на репрезентативность (да и характеристик генеральной совокупности — сообщества мусульман — мы в этом случае не знаем). В них явно преобладают образованные горожане и недопредставлены наиболее радикальные группы. Тем не менее определенную информацию для размышления они могут дать. Так, среди принявших участие в опросе исламских фундаменталистов (выделение группы происходило исходя из ответов на вопросы об обрядовых практиках[2]) лишь 15 % дагестанцев и 12 % вайнахов считают важным только религиозное образование — для большинства важно и светское, и религиозное. Минимум 40 % вайнахов и еще более высокая доля дагестанцев поддерживают высшее образование дочерей.

Чрезвычайно интересный опыт в рамках второй из обозначенных позиций был накоплен в Дагестане. Некоторые исламизированные махачкалинские диаспоры пытались за свой счет реализовывать проекты поддержки светского школьного образования в родных селах. Правда, к сожалению, не многие из этих проектов оказались устойчивыми — и потому, что не вписывались в доминирующие коррупционные практики, и потому, что их исходно «салафитский» характер вызывал подозрение у правоохранительных органов. В самой Махачкале представители фундаменталистского ислама открывали образовательные учреждения, сочетающие религиозное образование с получением глубоких светских знаний, причем использовали для этого передовые образовательные технологии. «*Что туда входило? Туда входило арабский, английский с трех лет. Арабский по курсу байна ядайк, арабский между руками… была египетская программа для детских садов и вот по ней… оксфордский курс есть такой тоже с трех лет. И это было с трех до шести лет, дошкольный и подготовка к школе*» (муж., сред. возр., Дагестан, 2014).

Причем нельзя сказать, что подобные ориентиры распространены только среди продвинутых и высокообразованных городских жителей. Никогда не забуду, как в одном из дагестанских высокогорных районов с обзорной точки мне показали единственный незастроенный ровный пятачок в окружающем скальном ландшафте и с гордостью сказали: «**А здесь у нас будет англо-арабское медресе!**».

Думаю, подобное описание модернистского потенциала исламского фундаментализма вызовет внутренний протест у многих читателей, в сознании которых доминируют представление о безжалостном терроре Аль-Каиды и средневековых ужасах Исламского государства. Все сказанное выше не отменяет ни террора, ни ужасов. Просто исламский фундаментализм внутренне чрезвычайно неоднороден и разнообразен. Люди следуют этому варианту вероучения, этой идеологии по разным причинам, с разными целями, в разных ситуациях. Для кого-то это способ противодействия модерну, для кого-то — принятие модерна на своих условиях.

Исламская реформация — путь к модерну?

Впрочем, моя позиция в этом вопросе в любом случае не является полностью оригинальной. О модернизационном потенциале исламского фундаментализма писали многие известные специалисты в данной сфере. В целом: «Эта реакция [исламское возрождение] не означает возвращения ни к “премодерному” обществу, ни к той аутентичности, что была якобы разрушена влиянием чужой культуры. Это скорее попытка “исламизировать модерн”. …Научная литера-

2 К исламским фундаменталистам (нетрадиционным мусульманам) были отнесены те, кто совершал пятикратный намаз, но при этом не принадлежал к тарикатам и не участвовал в мавлидах.

тура о “модерности” исламизации обширна, хотя эта идея противоречит взглядам, распространенным в западных СМИ и общественном мнении. … **Исламские радикалы воображают себя представителями традиции, тогда как в действительности они — фотографический негатив вестернизации**» [Руа, 2018, с. 25]. И применительно к Дагестану, на опыте которого я в первую очередь анализировала взаимосвязь исламского фундаментализма и модерна: ««Салафизм можно рассматривать как идеологическую оболочку процесса социальной модернизации и выделения индивида из системы клановых связей, до сих пор цементирующих дагестанское общество» [Макаров, 2000, с. 27].

Более того, в истории уже был период, когда прорыв к модерну сочетался со стремлением построить жизнь людей на чисто религиозных основаниях и использовать религиозные нормы как основу законодательства; с неприкрытой агрессией к еретикам, чьи взгляды были хоть в чем-то отличны от воспринимаемых как единственно правильные; с кровавыми конфликтами. Речь идет о протестантской Реформации. Это сейчас, вслед за Вебером (которого я не случайно цитировала выше), в ней видят в первую очередь движение, создавшее духовные основы для принципиального преобразования общества. Для современников картина была существенно иной — фанатизм, массовое насилие, хаос, надругательство над святынями, варварское отношение к произведениям искусства в ходе «иконоборчества». Томас Гоббс вообще писал, что, возможно, лучше было бы уничтожить всех протестантских проповедников до того, как они начали нести свои идеи в массы, и в результате избежать ужасов и потерь гражданской войны в Англии [Walzer, 1965, p. 114]. Память о трагедии Реформации сохраняется во многих местах Европы до сих пор.

Вполне вероятно, что сейчас мы наблюдаем схожий парадокс[3] в мусульманском мире, и по итогу окажется, что религиозные фанатики не тянут нас в прошлое, а, при всех текущих издержках, расчищают пространство для будущих преобразований[4]. Однако это лишь одна из потенциально возможных перспектив. Никто не гарантирует, что именно эмансипационная компонента фундаменталистского ислама по итогу окажется доминирующей. Нельзя исключить и преобладание антимодернистской ориентации: уход от диктата старших приведет не к становлению индивидуализма, а к замене его диктатом исламского сообщества и его лидеров; отрицание ценности светских знаний возобладает над пропагандой их важности; антагонизм к «неверным» приведет к все возрастающей замкнутости фундаменталистских сообществ. Но, скорее всего, будущее покажет нам переплетение и конфликтный симбиоз обоих этих трендов.

Фундаментализм и гендерный поворот

Здесь можно было бы поставить точку в рассуждениях о степени модерности и реакционности исламского фундаментализма, если бы не особая острота данного вопроса при рассмотрении одного из аспектов социальных отношений, а именно гендерного. Зайферт подчеркивает, что именно в данной сфере исламский фундаментализм обратил вспять достижения советского времени, и считает салафитскую

3 Применительно к Реформации Д. Фурман, например, справедливо писал именно о парадоксе. «У истоков буржуазного идейного развития стоят не гуманисты-либералы, а боровшийся с плотскими искушениями исступленный монах Лютер и без зазрения совести сжигавший на кострах “ведьм” и “еретиков” Кальвин. … Парадокс раскрепощающего и прогрессивного влияния идеологии, зовущей назад и утверждающей бессилие человека, — реальный парадокс» [Фурман, 2011, с. 42–43].

4 В проведенных нами опросах интересную информацию к размышлению дают ответы на вопрос о качествах, которые в первую очередь надо воспитывать в детях. У всех исламских фундаменталистов по сравнению с другими группами практикующих мусульман более важным оказывается воспитание независимости, у дагестанцев также особый акцент делается на решительности и настойчивости, а у вайнахов — на самовыражении. В приоритете явно оказываются ценности, сильно отличающиеся от архаичных.

идеологию женоненавистнической. Наши исследования подтверждают, что в постсоветское время на Северном Кавказе произошел консервативный гендерный поворот. Тем не менее, все вышеприведенные рассуждения в целом оказываются верны и для гендерных отношений.

Во-первых, гендерная эмансипация на советских окраинах распространилась далеко не на все территории и не на все слои населения. В северокавказских селах и в советское время девушкам не разрешали получать высшее образование, могли насильно выдать замуж. В подобной ситуации исламский фундаментализм (особенно в его более модернистской трактовке) мог выступить инструментом эмансипации. Хотя в его рамках не признается равенство мужчины и женщины, в шариате, в отличие от традиционного общества, права женщин так или иначе урегулированы и защищены. Мне известны случаи, когда северокавказские женские организации вполне светской направленности апеллировали к шариату в противовес адату, чтобы отстоять права своих клиенток.

Очень показателен в этом отношении также рассказ одного из моих дагестанских собеседников — молодого человека (муж., мол. возр., Дагестан, 2015) — о своей матери, которая, приняв ислам и осознав себя самоценным индивидом, нашла в себе силы выступить против мужа-тирана. «*Я сейчас знаю, что вот на это я имею право. То есть это мои права, Богом данные.* ***…Почему ты, муж, меня притесняешь? Я могу идти до конца, потому что со мной Бог***»[5].

Во-вторых, дихотомия «отрицание модерна» vs «принятие модерна на своих условиях» проявляется и в гендерной сфере. Мы можем наблюдать по отношению к женщинам две взаимоисключающие стратегии. Одна — это ограничение роли женщины домом, контроль за ее контактами, лишение ее возможностей саморазвития за пределами семьи. Другая — присутствие женщин в общественном пространстве, возможность самореализации в карьере и общественной деятельности, но при условии выполнения семейных обязанностей и соблюдения исламских норм — ношения хиджаба, буркини[6] и т. п. Очевидно, характер требований и ограничений в рамках этих двух стратегий существенно различен, как и их социальные последствия для женщин.

В-третьих, для исламских фундаменталистских семей (по меньшей мере их части), в отличие от семей традиционных, по моим наблюдениям, характерно **совершенно иное отношение к дочерям**. С одной стороны, тут не действуют традиционные нормы «дистанцирования», отцы гораздо свободнее общаются с детьми, проводят с ними время. Не только с мальчиками, но и с девочками. С другой стороны, в исламе дочери не воспринимаются детьми «второго сорта» по сравнению с сыновьями; считается, что воспитание дочерей является богоугодным делом. Порой удивляет, насколько часто в социальных сетях даже достаточно жесткие исламские фундаменталисты выкладывают свои фотографии с маленькими дочерями, устанавливают их на аватарках, и вообще всячески подчеркивают нежное к ним отношение. Такие отличающиеся от традиционных условия ранней социализации не могут не сказаться на самоощущении и потребностях этих дочерей в будущем, когда они вырастут.

В-четвертых, уже упоминавшиеся выше количественные опросы мусульман показывают, что исламский консервативный поворот (который, как уже отмечалось, действительно реален) — в первую очередь мужской феномен, в гораздо меньшей степени поддержанный женщинами

5 Сам Зайферт, впрочем, вопреки заявленной изначально позиции, также приводит мнение о возможности эмансипирующего действия фундаменталистского ислама на гендерные отношения: «Некоторые группы женщин обращаются к религии как к способу интегрироваться в патриархальное общество, другие участницы исследования используют ислам для защиты от патриархального общества» [Зайферт, 2020, с. 45].

6 Закрытый женский купальный костюм, отвечающий требованиям Корана в части скромности женской одежды. — *Ред.*

всех возрастов и форм религиозности. Поэтому в перспективе вполне реально, что запрос на дальнейшую эмансипацию, в том числе в форме исламского феминизма, на Северном Кавказе будет возрастать. И, возможно, не только на Северном Кавказе.

Главное: как бороться с радикализацией?

Предлагаемые ниже направления противодействия исламской радикализации исходят из предпосылок, обоснованию которых были посвящены предшествующие разделы настоящей работы.

- Невозможность серьезно продвинуться в преодолении вызывающих радикализацию пороков общественного устройства — коррупции, социальной поляризации, неравенства прав и возможностей различных групп населения — в обозримый период, поскольку эти проблемы во многом вызваны объективно обусловленными особенностями и ограничениями «порядков ограниченного доступа»
- Существенная дифференциация текущих практик и стратегических целей у различных фундаменталистских течений и групп, конкуренция между ними за привлечение последователей
- Наблюдаемые в большей или меньшей степени различия между текущими практиками и стратегическими целями внутри отдельных фундаменталистских течений и групп
- Переплетение архаичных и модернистских черт в исламском фундаменталистском мировоззрении

Исходя из проведенного анализа, я не могу согласиться с утверждением Зайферта о том, что наиболее опасным является наличие у фундаменталистов альтернативного социального идеала — исламского халифата — поскольку это может привести к потере лояльности большинства верующих по отношению к существующему государству. Думаю, лояльность по отношению к государству — и у верующих, и у неверующих — определяется в первую очередь тем, насколько хорошо государство выполняет свои функции, обеспечивает предоставление услуг, поддерживает порядок и социальную справедливость. Отсутствия этих характеристик в деятельности государства вполне достаточно, чтобы создать проблемы с лояльностью без каких-либо дополнительных идеологических факторов.

Представляется, что основная угроза — это социальная замкнутость, отгороженность от участия в социальных практиках мейнстрима (пусть даже протестных). Тем самым наименьшую опасность несут те направления ислама, чьи представители втянуты в общественную деятельность, а потому вынуждены взаимодействовать с группами самых разных взглядов, полемизировать с оппонентами, вписываться в установленные государством «правила игры» в общественном поле, откликаться на запросы различных общественных сил. Правозащита, благотворительность, гражданская журналистика, общественно-политическая деятельность создают подобные условия. В этих случаях исламские деятели и группы оказываются втянутыми в диверсифицированные сети, где появляются новые, не связанные с религией, связи и лояльности. Кроме исламской, проявляются и другие виды идентичности, позволяющие строить взаимодействие с окружающими не только на религиозной платформе.

Может показаться, что все эти рассуждения абстрактны и не имеют отношения к реальной жизни. Приведу конкретные примеры. Вот как один из известных дагестанских религиозных деятелей сравнивает салафитов и либералов: «Знаете, у нас, у салафитов, с этими либералами так много общего, что я даже не знаю, с чего начать. Ну, например, мы одинаково ратуем за неприкосновенность частной собственности и свободу рыночных отношений. Мы одинаково против того, чтобы кошмарили бизнесменов и подкидывали наркотики журналистам. Мы против фабрикации уголовных

дел… Мы против истязаний подследственных независимо от их убеждений. Пытать током нельзя ни “салафитов-ваххабитов”, ни “суфиев-тарикатистов”, ни “нигилистов-атеистов”. Еще? Ладно... Мы за то, чтобы соблюдались “социальные правила игры”. Мы не холопы и не крепостные. Если государство позиционирует себя правовым и в лице власти берет на себя обязательство расходовать взимаемые с граждан налоги на реализацию их прав и нужд, которые заранее определены и обнародованы, то и салафитов, и либералов одинаково возмущают слова... чиновников (и чиновниц): “Государство вам ничего не должно”»[7].

Я не собираюсь сейчас анализировать высказанные автором взгляды по существу — в контексте настоящей статьи это не важно. Я хочу обратить внимание на неожиданность и парадоксальность самой постановки вопроса. Как это человек, вроде бы, по самой сути своей идеологии обязанный всячески противопоставлять себя либералам, вдруг начинает искать точки соприкосновения? Контекст ситуации безусловно требует пояснений. Автор текста — известный дагестанский журналист Абдулмумин Гаджиев, обвиненный в поддержке террористической деятельности. Поскольку в Дагестане это обвинение было многими воспринято как несправедливое, как нападки на свободу прессы, а Абдулмумина стали считать «вторым Голуновым», его поддержка приобрела широкий характер. Причем на его защиту встали не только единоверцы, но и коллеги, светские журналисты, правозащитники, люди самых разных взглядов. Пикеты в его защиту продолжаются до сих пор. Собственно, процитированная статья явилась реакцией на эту ситуацию.

Где же ищутся точки пересечения? Заметьте — в сказанном автором, позиционирующим себя как салафит, нет ни слова о стратегических целях, о халифате и секулярном государстве, о шариате и светском законе. Но зато очень много о насущных проблемах, об общем понимании несправедливости, о необходимости вместе противодействовать сегодняшним социальным болячкам. Текущее позиционирование (наша **классификация 1** [Стародубровская, 2021, с. 99–100]) получает безусловный приоритет над разногласиями по конечным целям, а в его рамках вполне возможно взаимодействовать и сотрудничать в борьбе с проблемами, вызывающими общую озабоченность.

Схожий результат мы получили в ходе стратегической игры «**Общественный договор: Северный Кавказ, где комфортно жить всем**», проводившейся несколько лет назад в рамках одного из гражданских проектов на Северном Кавказе. Дискуссии были жаркими, участвовали представители самых разных идеологий и групп (за исключением сторонников вооруженной борьбы) — от близких к власти светских деятелей до исламистов. Результат можно суммировать следующим образом:

• люди совершенно разных взглядов и ориентиров смогли наладить диалог, развернуть плодотворную дискуссию, искать и находить взаимоприемлемые решения (до сих пор помню, как блистательно они докладывали результаты: три человека, представлявшие полный спектр позиций, два круга реплик, в целом — 12 минут)

• все смогли договориться о том, что в текущей ситуации разные идеологии должны быть поставлены в равные условия и честно бороться между собой за влияние на население

НЕ смогли договориться о том, что произойдет, если одна идеология выиграет в этой конкурентной борьбе: по мнению исламских фундаменталистов, в этом случае они имеют право изменить «правила игры», отказаться от выборов, демократии и равных прав других конкурирующих идеологий, с чем светские активисты, очевидно, категорически не согласились

Та же картина — принципиальные разногласия по конечным целям, но реальность договоренностей о «правилах игры» в текущей ситуации. Осталось только понять, есть ли в принципе

7 Гаджиев А. Что общего между салафитами и либералами? *Черновик.* 14.02.2020. URL: https://chernovik.net/content/respublika/chto-obshchego-mezhdu-salafitami-i-liberalami?qt-lenta_novostey=0&page=0%2C1 (accessed 30.08.2021).

смысл пытаться выстраивать сотрудничество с теми, чьи стратегические цели столь далеко отстоят от мейнстрима. На эту тему состоялся примечательный разговор с представителями светской махачкалинской интеллигенции. Обсуждали список приглашаемых на мероприятие исламских деятелей.

— Как ты их можешь звать, они же за установление халифата?

— И что, думаете, установят?

— Да нет конечно!

— Тогда в чем проблема?

Немая сцена. Занавес.

***

Попробую сделать некоторые выводы из приведенных примеров. Очень часто страх перед чуждой системой ценностей и непонятным социальным идеалом затмевает тот факт, что установление этого социального идеала, с одной стороны, невозможно в принципе, а с другой — не рассматривается частью фундаменталистских групп как задача сегодняшнего дня. В то же время многие шаги, которые им приходится предпринимать в текущих условиях, вполне вписываются в нормы современного демократического общества и даже на них опираются. «**Когда оскорбленные мусульмане требуют уважения к своей инаковости, они принимают структуру либерально-толерантного дискурса**» [Жижек, 2010, с. 102].

Таким образом возникает основа для сотрудничества разных общественных сил в решении общих задач и в рамках общих правил, которая, с моей точки зрения, безусловно может способствовать борьбе с радикализацией. Широко признано, что маргинализация, невозможность реализовать себя в обществе, добиться самоуважения — важнейшие причины того, что люди ищут другие пути самоутверждения, в том числе радикальные. Взаимоуважение, партнерские отношения, поддержка, отсутствие дискриминации представителей исламского фундаментализма в процессе совместного решения гражданских задач — важнейшие предпосылки вписывания фундаменталистских групп не в радикальные, но социально признанные, соответствующие законодательству формы протестной деятельности. В этих условиях у исламских активистов неизбежно в той или иной мере разрушается жесткая грань «свой — чужой», мир становится более плюралистичным и разнообразным и уже не делится на «своих и врагов», или, во всяком случае, это деление может идти по другому, не религиозному основанию.

При этом было бы странно ожидать, что подобное сотрудничество будет складываться просто, и различие базовых ценностей никак не повлияет на текущие практики. Примером может послужить ситуация с одним из наиболее интересных общественных движений Дагестана — «Город наш», объединившим как светских, так и исламских активистов в защите городской среды Махачкалы и ее города-спутника Каспийска. Вначале все действовали единым фронтом, стремясь предотвратить вырубку городских парков, незаконную застройку. Все вместе обращались в суды; дежурили, чтобы не допустить технику для вырубки деревьев; вели информационную работу. Однако такой «медовый месяц» продолжался не очень долго. Конфликт вокруг допустимости в Махачкале новых культурных форматов, в частности аниме-фестиваля, привел к расколу движения, к резкому обострению отношений между светской и исламской его частями. Но, что интересно, не к его смерти. Пусть некоторые участники и не воспринимают больше представителей «другого лагеря» как соратников в общей борьбе, деятельность по защите городской среды продолжается. А когда был арестован Абдулмумин Гаджиев — тот самый упомянутый выше журналист — в его поддержку выступили самые разные участники движения — и религиозные, и светские.

В любом случае предложенный способ борьбы с радикализацией путем включения исламских фундаменталистов в совместную с другими группами деятельность в рамках гражданского общества далеко не универсален. Если мы вернемся к предложенной в первой части статьи

Классификации 1 [Стародубровская, 2021, с. 99–100], мы увидим, что не для всех исламских фундаменталистов общественная деятельность в гражданском и политическом поле является основой текущих социальных практик. Особой замкнутостью, стремлением минимально взаимодействовать с окружающей средой отличаются не только крайне агрессивные представители политического ислама — джихадисты, но и их видимая противоположность, а на самом деле alter ego — полностью аполитичные сторонники максимальной изоляции от общества «неверных». И если об адептах вооруженного джихада написано немало, то на группу аполитичных фундаменталистов, стремящихся к изоляции, есть смысл посмотреть более внимательно.

Обычно это носители глубоко консервативной салафитской или даже такфиристской идеологии — не все такфиристы считают необходимым бороться с «неверными» с оружием в руках. Их социальные контакты чрезвычайно ограничены, их мир жестко поделен на «своих» и «чужих». Большую роль в их жизни играет обрядовая часть ислама. Они также стремятся минимизировать взаимодействие своих детей с «внешним миром», что приводит, в частности, к ограничению образовательных возможностей последних и вполне может способствовать в перспективе восприятию ими джихадистских идей. Между тем их глубокая аполитичность создает впечатление, что, в отличие от политического ислама, подобная позиция не формирует проблем для светского мейнстрима. Впечатление, как мне представляется, глубоко ошибочного.

***

Если обобщить все вышесказанное — какова, с моей точки зрения, должна быть позиция светского государства в отношении различных, конкурирующих исламских течений и групп? Конечно, государству было бы удобно опираться на модернистские или, в крайнем случае, традиционалистские течения, не ставящие под вопрос его гегемонию, стремясь маргинализировать или запретить всех остальных. Однако среди исламской молодежи на постсоветском пространстве оба эти направления не пользуются особой поддержкой. Модернисты — поскольку они часто социально чужды, а также настроены на сотрудничество и тесно переплетены с властью[8]. Традиционалисты — поскольку это религия отцов, не дающая необходимого простора для нового взгляда на мир, протеста и изменений. Тем самым при таком подходе велика опасность потерять молодежь и упустить контроль за ситуацией с распространением радикальных взглядов.

Альтернативный подход должен опираться на:

- создание благоприятных условий в конкуренции (или, во всяком случае, отсутствие репрессий) в отношении тех исламских групп и движений, стратегии которых строятся на втягивании мусульман в активную социальную и гражданскую деятельность в противовес изоляционизму и призывам к насилию
- создание благоприятных условий для диалога и сотрудничества исламских активистов со светскими гражданскими движениями и даже с органами власти в решении общих задач, с опорой на механизмы взаимодействия в рамках текущих практик, не считая непреодолимым препятствием для этого различие социальных идеалов
- расширение возможностей исламских фундаменталистов в «принятии модерна на своих условиях», стимулирование их присутствия в публичных пространствах, в образовательных учреждения, в местах отдыха с учетом ограничений, накладываемых религией (хиджабы и буркини у женщин, молитвенные комнаты)
- противодействие исламофобии в публичных пространствах, жесткий контроль за

8 Как отмечал Оливье Руа, носители модернистского ислама во многих случаях «оторваны от своего собственного общества, или же … входят в традиционные сетевые структуры и сочетают демократическую риторику с социальным патронажем» [Руа, 2018, с. 82] т. е. с включенностью в патрон-клиентские связи.

деятельностью силовых структур в отношении мусульман для предотвращения их виктимизации и возникновения замкнутого круга насилия как важнейших факторов радикализации.

Будет ли подобный подход работать? Приведу один из немногих практических примеров использования политики, чрезвычайно близкой по идеологии к рассмотренной выше. Речь идет об опыте Великобритании. В Лондоне Подразделение по контакту с мусульманами (*Muslim Contact Unit*) в течение пяти лет организовывало партнерство с исламскими фундаменталистами — противниками насилия — в противостоянии джихадистам. Его руководитель Роберт Ламберт в книге «Противодействие Аль-Каиде в Лондоне: партнерство полиции и мусульман» [Lambert, 2011] подробно описывает эту практику.

Наиболее полный материал представлен применительно к двум партнерствам. Исламисты из Финсбури-парк при поддержке полиции помогли своим соседям освободить мечеть от захвативших ее джихадистов, причем сделали это без применения силы. Салафиты из Брикстона противостояли джихадистам, ведя «контрпропаганду», организуя альтернативные молодежные мероприятия — пейнтбол, рафтинг — но уже с другой «идеологической начинкой». Данная работа была прекращена не по причине ее неэффективности, но по чисто идеологическим соображениям чуждости ценностей групп-партнеров для британского мейнстрима.

Оценивая накопленный опыт, Ламберт обращает особое внимание на привлекательность для молодежи проповедников, понимающих «контекст улицы», способных взаимодействовать с молодежными сообществами — носителями уличной субкультуры, и доказывать не только знание ислама, но и способность «держать удар», нейтрализовывать оппонентов, в том числе и в рамках физического противостояния. Не менее важен и его вывод о том, что использование группами–партнерами при описании несправедливостей в отношении мусульман нарративов, близких к применяемым Аль-Каидой, не ослабляло, а, напротив, усиливало эффект анти-джихадистской работы. «Одновременное осуждение политики США и Великобритании в войне против террора и поддержка палестинского сопротивления были ключевым фактором доверия со стороны сообщества, необходимого для противостояния проповедующим насилие экстремистам» [Lambert, 2011, p. 149].

Иногда подобные идеи воспринимаются как уступка чуждым веяниям, «сдача на милость победителя». **Однако люди радикальных взглядов, в том числе исламские фундаменталисты — это не какие-то пришедшие извне завоеватели, это наши с вами сограждане.** И представляется, что задача государства по отношению к ним — не «победа», а интеграция, минимизация общественной угрозы, направление динамики фундаменталистских движений в приемлемом для общества направлении. Представляется, что предложенный подход как раз и ориентируется на решении подобной задачи. С одной стороны, он базируется на либерально-демократических ценностях: признании идеологического плюрализма, толерантности к разнообразию, защите свободы слова и равных прав индивидов. С другой стороны, он направлен на противодействие замкнутости и насильственным практикам радикалов, втягивание их в гражданский и протестный мейнстрим, присутствие женщин в общественном поле, социализацию детей из фундаменталистских семей вместе со светскими детьми. Как при этом будут меняться взгляды и представления в этой среде, в том числе у следующих поколений мусульман — покажет будущее. Хотя представляется, что возможности самореализации в существующих условиях неизбежно будет влиять и на смягчение повестки, связанной с достижением социального идеала. Во всяком случае, угрозы дезинтеграции общества по идеологическому признаку в подобной ситуации, с моей точки зрения, резко снижаются.

Все вышесказанное, естественно, не отменяет того, что при возникновении реальных, а не

конструируемых в сознании политиков и общественном мнении, угроз жизни и здоровью людей со стороны джихадистских, террористических движений им должен даваться силовой отпор. Но это не та проблематика, которая обсуждается в тексте Зайферта, которого еще раз хотелось бы поблагодарить за интересную работу, способную будить мысль и вызывающую желание спорить и аргументировать. Будем надеяться, что в этих спорах родится истина или, по крайней мере, мы в конце концов сможем договориться о том, что считать ею.

Список литературы / References

Вишневский А. Г. *Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ, 1998. — 432 с. [Vishnevsky A. G. *Sickle and Ruble. Conservative Modernization in the USSR*. Moscow: OGI, 1998. — 432 p. (in Russian)].

Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Директ-медиа, 2011. — 179 с. [Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: Direct-Media, 2011. — 179 p. (in Russian)].

Жижек С. *О насилии*. М.: Европа, 2010. — 184 с. [Žižek S. *Violence*. Moscow: Evropa Publ., 2010. — 184 p. (in Russian)].

Зайферт А. К. *Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии — с чего начинать?* М.: ИВ РАН, 2020. — 69 с. [Seifert A. *Civil Opposition to Religious Radicalism in Central Asia*. Moscow: IOS RAS, 2020. — 69 p. (in Russian)].

Макаров Д. *Официальный и неофициальный ислам в Дагестане*. М.: ЦСиПИ, 2000. — 84 с. [Makarov D. *Official and Unofficial Islam in Dagestan*. Moscow: CSPS, 2000. — 84 p. (in Russian)].

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Институт Гайдара, 2011. — 480 с. [North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2011. — 480 p. (in Russian)].

Руа О. *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*. М.: Фонд Марджани, 2018. — 338 с. [Roy O. *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. Moscow: Mardjani Foundation, 2018. — 338 p. (in Russian)].

Стародубровская И. В. Перспективы и угрозы радикализации и борьбы с ней. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 1–2. С. 93–105 [Starodubrovskaya I. V. Prospects and Threats of Radicalization and Combating It. Heretical Thoughts. Based on the Work of Dr. Arne Seifert. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 1–2. Pp. 93–105 (in Russian)].

Фурман Д. Е. Идеология реформации и ее роль в становлении буржуазного общественного сознания. *Избранное*. М.: Территория будущего, 2011. С. 41–109 [Furman D. E. The Ideology of Reformation and its Role in Formation of Bourgeois Social Consciousness. *Selected Works*. Moscow: Territoriya Buduschego Publ., 2011. Pp. 41–109 (in Russian)].

Lambert L. *Countering Al-Qaeda in London: Police and Muslims in Partnership*. London: Hurst & Company, 2011. — 402 p.

Roy O. *Secularism Confronts Islam*. New York: Columbia University Press, 2007. — 144 p.

Walzer M. *The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics*. Harvard University Press, 1965. — 344 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Гаджиев А. Что общего между салафитами и либералами? *Черновик*. 14.02.2020. [Gadzhiev A. What is Common between the Salafis and Liberals? *Chernovik*. 14.02.2020 (in Russian)]. URL: https://chernovik.net/content/respublika/chto-obshchego-mezhdu-salafitami-i-liberalami?qt-lenta_novostey=0&page=0%2C1 (accessed 30.08.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018026-6

Что ждет фондовую биржу Гонконга после 2047 года?

What Will Happen with the Hong Kong Stock Exchange After 2047?

© 2021 **Кристина Дмитриевна Чиркова**

Студентка 4 курса факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ, Москва Россия; chchd.nk@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-5800-2223

Christina D. Chirkova

Student of the Faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; chchd.nk@gmail.com ORCID ID 0000-0002-5800-2223

В статье рассматривается история развития гонконгской биржи (Hong Kong Exchanges and Clearing Limited, HKEX) и анализируются возможные последствия не столь давней ликвидации автономии Гонконга. Так как экономика Гонконга основана на принципах свободного рынка и отличается низким процентом налогообложения и невмешательством государства, биржа — один из главных институтов, способствующих экономическому развитию Гонконга как специального административного района. С начала XXI в. власти КНР предпринимают активные попытки изменения особого автономного статуса Гонконга. В 2003 г. власти материкового Китая попытались продвинуть закон о защите национальной безопасности. Инициатива вызвала критику жителей Гонконга и привела к масштабным протестам. Волна протестов 2014 г. была спровоцирована попыткой Пекина контролировать выборы в местные органы власти автономного района. В 2019 г. правительство КНР предприняло попытку принятия закона об экстрадиции, что вызвало новую волну социального напряжения. Вмешательство Пекина отразилось на биржевом индексе и на экономическом состоянии специального административного района. Известны случаи, когда падение крупного фондового индекса приводило к экономическому краху. Так, биржевой крах 1929 г., известный также как «крах Уолл-стрит», привел в США к Великой депрессии, а падение индекса Доу-Джонса 19 октября 1987 г. отразилось на мировой экономике, повлияв на индексы

бирж других стран. В последние годы отделить политическую автономию Гонконга от его экономической мощи становится все труднее[1]. Текущий политический курс «одна страна — две системы» обеспечивает гонконгской бирже статус-кво и не позволяет Пекину регулировать ее работу. Но грядущее в 2047 г. упразднение автономии повлечет за собой не только политические, но и экономические изменения, что может отразиться на всех финансовых структурах Гонконга.

Ключевые слова: фондовая биржа, Гонконгская фондовая биржа, экономика Юго-Восточной Азии, одна страна — две системы, инвестиции в Гонконге, протесты в Гонконге

Для цитирования: Чиркова К. Д. Что ждет фондовую биржу Гонконга после 2047 года? *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 109–121. DOI 10.18254/S268684310018026-6

The author analyzes the history of Hong Kong Exchanges and Clearing Limited (HKEX) development and the possible consequences of Hong Kong autonomy liquidation. Since Hong Kong's economy is based on free-market principles and is notable for low taxation and state non-interference, the stock exchange is one of the main institutions contributing to the economic development of Hong Kong as a special administrative region. Since the beginning of the 21st century, the Chinese authorities have made active attempts to change the special autonomous status of Hong Kong. In 2003, mainland Chinese authorities tried to promote the Law on Protection of National Security. The initiative drew criticism from Hong Kong residents and led to large-scale protests. A wave of protests in Hong Kong in 2014 was provoked by Beijing's attempt to control local elections in the autonomous region. In 2019, the PRC government attempted to pass an extradition law, which triggered a new wave of social tension. Beijing's interventions affected the Hong Kong Stock Exchange Index and the economic health of the special administrative region. There are known cases in which the fall of a major stock index led to economic collapse. For example, the 1929 stock market crash, known as the Wall Street crash, caused the Great Depression in the United States, while the Dow Jones index drop of October 19, 1987, also had influence on the world economy by affecting the stock indices of other countries. In recent years, it has become increasingly difficult to separate Hong Kong's political autonomy from its economic strength. The current "one country — two systems" policy ensures the status quo for Hong Kong's stock exchange and prevents Beijing from regulating it. But the abolition of autonomy in 2047 will entail not only political but also economic changes that could affect all of Hong Kong's financial structures.

Keywords: stock exchange, Hong Kong Exchanges and Clearing Limited, economy of Southeast Asia, one country—two systems, investments in Hong Kong, Hong Kong protests

For citation: Christina D. Chirkova. What Will Happen with the Hong Kong Stock Exchange After 2047? *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 109–121. DOI 10.18254/S268684310018026-6

История учреждения и развития биржи Гонконга до 1997 года

Согласно Нанкинскому договору 1842 г. территории острова Гонконг официально перешли под юрисдикцию Британской империи и город стал одним из шести портов, доступных для торговли с Китаем *(Илл. 1)*. Благодаря выгодному географическому положению и особому статусу зоны свободной торговли, Гонконг стремительно развивался как британская колония. Экономика Гонконга процветала уже в конце XIX в.: на территории колонии функционировали крупные торговые гильдии, международные судоходные и судостроительные компании, филиалы банков Индии, Китая и Лондона. Стре-

1 Marlow I. Will 2047 Be the End of Hong Kong as We Know It? Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/features/2019-hong-kong-expiration/ (accessed 23.10.2021).

Илл. 1. **Карта Гонконга XIX в.**
По: Map of Hong Kong antique. URL: https://hongkongmap360.com/hong-kong-old-map#.YYNTChdBxPY (accessed 03.11.2021)

мительное развитие экономики способствовало созданию сопутствующих финансовых институтов, в том числе и фондовой биржи.

Согласно архивам британских банков, первые неофициальные сделки продаж ценных бумаг состоялась в 1866 г. [*Fact Book*, 1999, p. 1], и более двадцати лет все сделки осуществляли свободные маклеры. Такая нерегулируемая деятельность позволяла войти в бизнес большому количеству новых игроков. В условиях конкуренции выживали лишь лучшие специалисты, сложившаяся за два десятилетия репутация которых становилась своего рода «гарантией качества». Однако такие гарантии не подходили крупным прибыльным организациям: для обеспечения организованной деятельности, в 1891 г. хорошо зарекомендовавшие себя маклеры объединились для создания первой официальной биржи Гонконга — Ассоциации биржевых маклеров Гонконга (*The Association of Stockbrokers in Hong Kong*). В 1914 г. биржа официально поменяла название на Гонконгскую фондовую биржу (*The Hong Kong Stock Exchange*).

Несмотря на создание официальной биржи, вне этой организации все еще существовали свободные маклеры, отказавшиеся примкнуть к бирже. Конкурировать с официальным финансовым институтом с каждым днем становилось все труднее, поэтому в 1921 г. свободные маклеры учредили вторую биржу колонии — Гонконгскую ассоциацию маклеров (*The Hong Kong Stockbrokers' Association*). Официальные

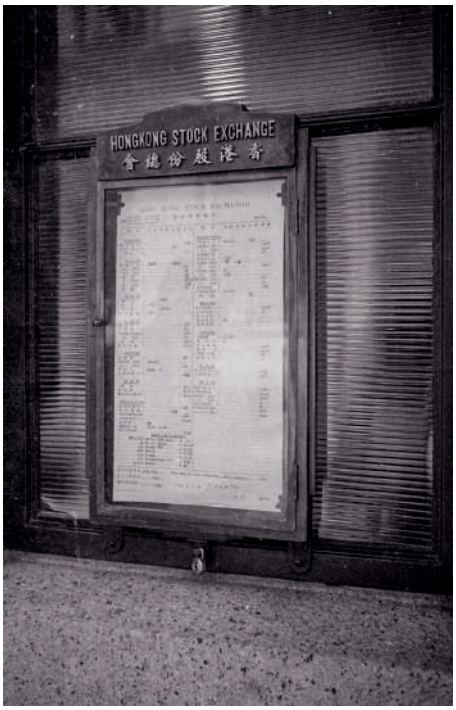
причины, по которым маклеры не вступили в существующую биржу, неизвестны. До создания Гонконгской фондовой биржи маклеры были конкурентами и между ними периодически возникали конфликты, шла борьба за сделки. Однако вместо здорового роста двух конкурирующих фондовых бирж, Вторая мировая война вызвала закономерный экономический крах.

Рост и развитие Гонконга во время японской оккупации 1941–1945 гг. приостановился. Начиная с 1942 г., все производства и торговые сделки контролировала японская военная администрация. Многие производства прекратили или приостановили деятельность, а порт — главный двигатель экономического роста Гонконга — обслуживал лишь военные нужны Японской империи (*Илл. 2*).

После капитуляции Японии в 1945 г. британская администрация Гонконга разрабатывает план восстановления территорий. В 1941 г. количество зарегистрированных фирм превышало две тысячи, а в 1946 г. осталось лишь 903 [Иванов, 1990, с. 140]. Оживление промышленного сектора произошло внезапно, чему поспособствовала гражданская война в Китае, вторая фаза которой длилась с 1946 до 1950 г. Коммерсанты из Шанхая и Гуанчжоу, бежавшие от военных действий, привезли в Гонконг финансовый капитал и запустили развитие легкой промышленности. В 1947 г. количество зарегистрированных производств резко увеличивается до 1529, что оживило фондовый рынок [Goo, 2013, p. 50–53].

В 1947 г. происходит слияние двух фондовых бирж под новым названием «ООО Гонконгская фондовая биржа» (*The Hong Kong Stock Exchange Ltd*). Объединенная организация стала единственной официальной фондовой биржей быстро развивающегося региона. С 1947 г. ведется и непрерывная статистика работы биржи и ее оборотов.

1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено новое государство — Китайская Народная Республика. Гонконг оказался в невыгодном положении: формально, находясь под юрисдикцией британской короны, экономика Гонконга развивалась по капиталистическому пути, а традиционный экономический партнер Гонкон-



Илл. 2. **Объявление в окне Гонконгской фондовой биржи**
По: Harrison Forman. Hong Kong, Sign on Window of Hong Kong Stock Exchange. Harrison Forman Collection. Hong Kong, 1940s. URL: https://collections.lib.uwm.edu/digital/collection/agsphoto/id/23094/rec/302 (accessed 17.09.2021)

га —материковый Китай — развивал экономику в соответствии с социалистическими формулами. 18 мая 1951 г. сессии Генеральной Ассамблеи ООН под давлением США приняла резолюцию о введении эмбарго на торговлю с КНР [*Резолюция*... 1951]. В соответствии с резолюциями ГА ООН, эмбарго было связано с вторжением КНР в Корею [*Резолюция*... 1951].

КНР являлась важнейшим импортером Гонконга, но колониальным властям было необходимо считаться с эмбарго ООН. Бизнесменам колонии пришлось искать новые рынки сбыта и их внимание привлекла Юго-Восточная Азия. Согласно отчетам администрации колонии от 1954 г., наблюдался рост общего товарооборота с Великобританией (рост 4,5 %) и Японией (рост 17 %). Гонконг основал семь новых предприятий в Индонезии, 16 в Таиланде, пять в Сингапуре и два в Японии [*Hong Kong Statistics*, 1947–1967, p. 48–67].

Помимо расширения списка иностранных партнеров Гонконг находился перед необходимостью наладить внутреннее производство. В начале 1960-х гг. в Гонконге появилась новая прослойка активных молодых предпринимателей, стремившаяся вырваться на рынок капитала. Но сделать этого им удалось. После неудачных попыток присоединения к существующей фондовой бирже молодое поколение открыло свои организации. Так, 17 декабря 1969 г. была учреждена Биржа Юго-Восточной Азии (*Far East Exchange*), 15 марта 1971 г. — Фондовая биржа Кам Нань (*The Kam Ngan Stock Exchange*), а 5 января 1972 г. — Коулунская фондовая биржа (*The Kowloon Stock Exchange*).

Работа четырех бирж не была стандартизирована, что усложняло процесс для покупки акций неместных компаний. Для притока капитала в Гонконг биржи согласились стандартизировать механизмы своей работы, и 8 января 1973 г. было выпущено постановление «О работе фондовых бирж» (*The Stock Exchange Control*) [*Securities Bill,* 1973, p. 261–302], контролирующее работу фондовых бирж на территории колонии. В соответствии с новым указом все фондовые биржи, не попадающие в реестр организаций, указанных в постановлении, облагались штрафом. Так правительство предупредило создание новых фондовых бирж, способных вмешаться в финансовую стабильность региона. В июле 1974 г. была учреждена Федерация фондовых бирж Гонконга (*The Hong Kong Federation of Stock Exchange*), а в августе того же года был учрежден Фонд страхования (*Stock Exchange Compensation Fund*), взносы в который вносили четыре биржи из реестра. Впервые деятельность бирж контролировалась на административном уровне.

Конец 1970-х – начало 1980-х гг. ознаменовались процессом унификации работы биржи Юго-Восточной Азии, Фондовой биржи Кам Нань, Коулунской фондовой биржи и Гонконгской фондовой биржи с целью дальнейшего слияния. Изначально слияние должно было занять около 10 лет. Функционирование четырех бирж хотели унифицировать поэтапно, без форсированных темпов, чтобы не сбить темпы роста организаций. Однако внезапный экономический кризис 1986 г. заставил компании слиться практически моментально. Объединенная биржа получила современное название «Гонконгская фондовая биржа» (*Hong Kong Stock Exchange*) [*HKEX Fact Book*, 2020, p. 219].

Кризис 1986 г. завершился 19 октября 1987 г. обвалом фондового рынка, который назвали «Черным понедельником». В этот день произошло самое большое падение фондового индекса Доу Джонса (*Илл. 3).* Несмотря на то что важнейшим индексом Гонконгской фондовой биржи является индекс *Hang Seng*, падение американского индекса не могло не отразиться на биржах всего мира, ведь акции крупных компаний обычно продаются сразу на нескольких биржах: падание одной отдельной биржи снизит цену на бумаги не только у себя, но и во всех остальных биржах. Несмотря на быструю стабилизацию индекса, пошатнулись крупные фондовые биржи всего мира. Так, к концу октября канадский фондовый рынок просел на 22,5 %, австралийский на 41,8 %, а

"All the News That's Fit to Print"

The New York Times

Late Edition

VOL. CXXXVII ... No. 47,299 NEW YORK, TUESDAY, OCTOBER 20, 1987 30 CENTS

STOCKS PLUNGE 508 POINTS, A DROP OF 22.6%; 604 MILLION VOLUME NEARLY DOUBLES RECORD

U.S. Ships Shell Iran Installation In Gulf Reprisal

Offshore Target Termed a Base for Gunboats

By STEVEN V. ROBERTS

A Huge Blow to the Five-Year Bull Market

Dow's Record Fall

Does 1987 Equal 1929?

By ERIC GELMAN

WORLDWIDE IMPACT

Frenzied Trading Raises Fears of Recession — Tape 2 Hours Late

By LAWRENCE J. DE MARIA

Unprecedented Trading

Илл. 3. **Обложка газеты The New York Times от 20 октября 1987 г. Новости об обвале фондового рынка на первой полосе**

По: Stocks Plunge 508 Points, a Drop of 22,6 %. The New York Times Archives URL: https://www.nytimes.com/1987/10/20/business/stocks-plunge-508-points-drop-22.6-604-million-volume-nearly-doubles-record-does.html (accessed 03.11.2021).

гонконгский на 45,8 %[2]. Это падение не только показало хрупкость мировой стабильности на рынке ценных бумаг, но и обнажило проблемы в работе отдельно взятых бирж. Черный понедельник 1987 г. стал точкой отсчета больших перемен в Гонконгской фондовой бирже.

С 20 по 23 октября работа биржи была приостановлена для принятия срочных мер. Правительство Гонконга и несколько ведущих финансовых институтов собрали 4 млрд гонконгских долларов в фонд стабилизации биржи. В ноябре предел компенсации, выплачиваемой из фонда, или гарантия в случае дефолта была поднята с 500 тыс. гонконгских долларов, до 2 млн, что свидетельствовало о стабильности биржи [*HKEX Fact Book*, 2020, p. 221]. Несмотря на это обвал биржи продемонстрировал зависимость организации от внешнего мира. Испугавшись, что следующий кризис не удастся стабилизировать вливаниями средств, правительство Гонконга и руководители биржи начинают реформирование биржи Гонконга.

2 января 1988 г. был создан дополнительный административный комитет, отвечающий за безопасность фондовой биржи. В мае 1988 г. комитет публикует отчет, критикующий прежнюю структуру работы биржи. Главными слабостями биржи Гонконга называют:

Саморегулирующийся порядок работы биржи и самодисциплинированный порядок работы рынка ценных бумаг. Эксперты отмечают, что возможно раньше, учитывая прежнее экономическое развитие Гонконга, такая система и работала, то в 1980-х гг. всякий контроль был утерян

Закрытую структуру биржи. Ее эксперты оценивают как «приватный клуб» и подчеркивают, что от прозрачности и предсказуемости работы биржи будет зависеть ее успех

С ростом объема торговли 24-часовая система торгов с каждым годом приносит все больше убытков. **Сделки не успевают завершиться в установленный период**. Для повышения эффективности работы биржи эксперты предлагают ввести 3-дневный цикл

2 Суховарина В. Черный понедельник 1987 года: причины и последствия. *Открытый журнал* [Sukhovarina V. Black Monday 1987: Causes and Consequences. *Otkrytyy zhurnal* (in Russian)]. URL: https://journal-open--broker-ru.turbopages. org/journal.open-broker.ru/s/history/chernyj- ponedelnik-1987-goda-prichiny-i-posledstviya/ (accessed 17.09.2021).

Илл. 4. **Цзян Цзэминь, принц Уэльский Чарльз и Маргарет Тэтчер на церемонии передачи суверенитета Гонконга в 1997 г.**
По: Jiang Zemin and Prince Charles at the handover ceremony in 1997. AFP. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2017/06/30/hong-kong-handover-anniversary-now-five-key-players-1997/ (accessed 03.11.2021)

Отсутствие сепарированных руководящих органов для работы с индивидуальными участниками и корпоративными членами, работа которых должна контролироваться вышестоящим независимым элементом. Это позволит правильно распределить задачи и упростить работу биржи

Главная задача правительства Гонконга — независимое от руководства биржи контролирование рынка ценных бумаг — сошла на нет. Это во многом усилило зависимость биржи от протекающих политических процессов. Эксперты отмечают, что для снижения чувствительности биржи, правительству необходимо прибегнуть к контролю биржи во имя процветания региона [*The Operation and Regulation…* 1988, p. 3–7].

Решительно новый рекомендуемый переход индустрии ценных бумаг Гонконга подразумевал изменение системы от недостаточного регулирования к чрезмерному контролю. В 1988 г. был учрежден «Гонконгский клиринг ценных бумаг» (*Hong Kong Securities Clearing Company Ltd*), 24 июня 1992 г., преобразовавшийся в «Систему клиринга и биржевых расчетов Гонконга» (*Central Clearing and Settlement System*). 18 октября был учрежден Совет фондовой биржи — надзорный орган, контролирующий деятельность организации.

Скорый переход Гонконга под юрисдикцию КНР, новая система контроля фондового рынка и учреждение надзорных органов привели к тому, что многие местные компании снимались с регистрации и меняли юридические адреса в поисках менее обременительного законодательства. К концу 1993 г. из 450 ключевых компаний, зарегистрированных на бирже, 225 сменили юридический адрес, хоть физически и осуществляли свою деятельность на территории Гонконга [Goo, 2013, p. 49] (*Илл. 4*).

Объединение с КНР и новый этап в развитии Гонконгской биржи

С 1997 г. Гонконг признается территорией КНР под эгидой политического курса «одна страна — две системы» [*Joint Declaration…*

1984]. В рамках программы Пекин ведает вопросами внешней политики и обороны, а Гонконг осуществляет собственную капиталистическую экономику, контролирует законодательство, денежную систему, ведает вопросами полиции и иммиграционной политикой, а также сохраняет представительство во всех международных организациях. Согласно плану, в 2047 г. эта система будет упразднена, и Гонконг перейдет под полное подчинение КНР — а значит, китайское законодательство будет распространяться и на биржу Гонконга.

Деятельность бирж на территории Китая регулируется гражданским и коммерческим правом, а именно, пятой главой закона КНР о торговле ценными бумагами. **Особенностью китайского фондового рынка остается высокий уровень государственного регулирования.** Пекин может ограничивать степень участия операций с акциями в международных финансовых отношениях. Правительство также нарушает рыночные процессы, предоставляя некоторым компаниям преференциальный режим и искусственно понижая процентные ставки или цену первичных публичных предложений.

Начиная с 1997 г., Гонконгская биржа использовалась китайскими компаниями, ориентированными на западную аудиторию, поскольку именно биржа Гонконга позволяет проводить публичные сделки без вмешательства государства и привлекает больше иностранных инвесторов. Переход Гонконга под юрисдикцию КНР привел к резкому возрастанию количества зарегистрированных в Гонконге компаний. Так, в 1997 г. регистрируется 58 011 новых компаний, подавляющее большинство из которых — компании материкового Китая (*Табл. 1*). В 1998 г. на бирже Гонконга было зарегистрировано 680 ключевых компаний, из которых только 200 происходили из Гонконга [Goo, 2013, p. 49].

6 марта 2000 г. путем слияния Гонконгской фондовой биржи, Гонконгской фьючерской биржи и Гонконгского клиринга ценных бумаг был образован новый мощный агломерат, существующий и сегодня, — *Hong Kong Exchanges and Clearing Limited* (HKEX). 5 октября 2000 г. на HKEX была зарегистрирована первая государственная организация — *MTR Corporation Ltd* (MTRC). 3 июля 2006 г. на бирже появились фьючерсы и опционы Банка Китая (*Bank of China Ltd*). В октябре 2006 г. на бирже начали котироваться бумаги другого крупного китайского банка — *Industrial and Commercial Bank of China* (ICBC). Таким образом уже в 2015 г. две трети рыночной капитализации биржи приходились на компании материкового Китая.

С увеличением присутствия китайского капитала на бирже Гонконга создаются совместные проекты между материком и Гонконгом. Например, 17 ноября 2003 г. было открыто первое представительство HKEX в Пекине. В 2005 г. на бирже Гонконга начал функционировать индекс FTSE/Xinhua China 25 Index (FXI China 25). Генеральный директор HKEX Пол Чоу (Paul Chow) прокомментировал: «Внедрение FXI China 25 еще больше укрепило позиции HKEX в качестве ведущей международной площадки для размещения акций и деривативов компаний материкового Китая»[3]. В 2016 г. начало работу Шэньчжэнь-Гонконгское биржевое объединение (*Shenzhen–Hong Kong Stock Connect*). Такой трансграничный канал инвестиций соединяет две важнейшие биржи Юго-Восточной Азии. Открытие этого проекта позволило инвесторам материкового Китая получить доступ к небольшим гонконгским компаниям, а международные инвесторы получили доступ к новым компаниям со смешанной экономикой.

Стороны заключили несколько важных договоров, позволяющие инвесторам и фирмам материкового Китая больше интегрироваться в структуру Гонконгской биржи. Так, 10 апреля 2007 г. вышел Меморандум о взаимопонимании между Комиссией по ценным бумагам и фьючерсам Гонконга (*Securities & Futures Commission*) и Комиссией по регулированию банковской дея-

3 FXI China 25 Futures and Options Begin Trading in HKEX Derivatives Market. HKEX. May 23, 2005. URL: https://www.hkex.com.hk/News/News-Release/2005/0505232news?sc_lang=en (accessed 04.11.2021).

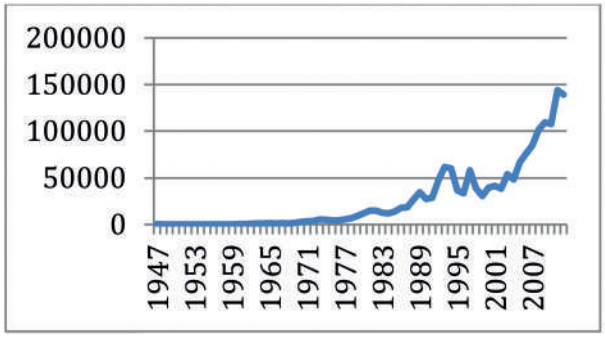


Таблица 1. **Число зарегистрированных компаний на территории Гонконга в 1947–2012 гг.**
По: [Goo, 2013, p. 50–53]

тельности Китая (*China Banking Regulatory Commission*). Меморандум регулировал отношения в сфере сотрудничества и обмена информацией с лицензированными гонконгскими посредниками, предоставляющими услуги клиентам материкового Китая. Это соглашение послужило нормативной поддержкой для квалифицированных инвесторов материкового Китая (*Qualified Domestic Institutional Investor*), которым было позволено инвестировать в иностранные рынки. 19 июля 2010 г. Народный банк Китая и служба регулирования денежного обращения и валютного контроля Гонконга подписали меморандум о сотрудничестве. Соглашение разрешает любой корпорации, включая финансовые учреждения, открывать в Гонконге банковские счета в юанях. 17 августа 2011 г. вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян обнародовал ряд мер, разработанных Пекином для развития сотрудничества между материковым Китаем и Гонконгом и интернализации юаня[4]:

- Материковый Китай должен расширить сотрудничество в сфере торговли и услуг с Гонконгом
- Необходимо укрепить и возвысить статус Гонконга в качестве международного финансового центра
- Помочь Гонконгу стать главным оффшорной площадкой для юаня
- Оказать поддержку Гонконгу в процессе интеграции в региональное и международное экономическое сотрудничество
- Помочь предприятиям материкового Китая и Гонконга вместе выйти на глобальный уровень
- В полной мере обеспечить Гонконгу важную роль в треугольнике сотрудничества «Гуандун — Гонконг — Макао».

После обнародования этого плана сотрудничество между HKEX и материковым Китаем лишь стало набирать обороты. 24 октября 2011 г. на базе HKEX была создана программа системы поддержки юаня (*RMB Equity Trading Support Facility*). 13 декабря 2011 года правительство Гонконга и материкового Китая подписали Приложение VIII к ранее заключенному Соглашению о всестороннем экономическом сотрудничестве [*Supplement VIII…* 2011]. Приложение VIII на законодательном уровне закрепило программу *RMB Qualified Foreign Institutional Investor* (RQFII). Данная программа позволяет одобренному правительством кругу инвесторов получить прямой доступ к рынкам капитала материкового Китая для торговли акциями категории «А» в юанях. В рамках этой программы осенью 2012 г. на HKEX была внесена первая за пределами материкового Китая акция категории «А» в юанях.

Такая всесторонняя интеграция Пекина в биржу Гонконга как на уровне капитала, так и на уровне нормативно-правовых актов ставит под сомнение свободу биржи Гонконга. В 2021 г. Гонконг был исключен из ежегодно рассчитываемого индекса экономической свободы газеты

4 Ding Qingfen, Li Xiang. Vice-Premier Announces New Measures to Support HK. *China Daily*. 17 July 2011. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/likeqianghk/2011-08/17/content_13131511.htm (accessed 04.11.2021).

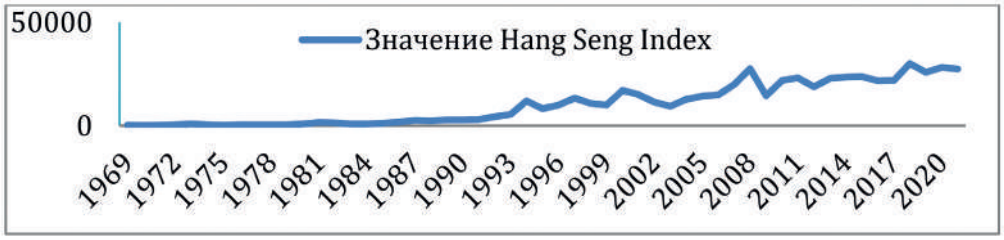


Таблица 2. **Значение ключевого индекса биржи Гонконга 1969–2021 гг.**
По: Historical data: Hang Seng Index — Hong Kong. STOOQ. URL: https://stooq.com/q/d/?s=^hsi&i=y (accessed 11.09.2021)

Wall Street Journal и исследовательского центра «Наследие» (*Heritage Foundation*)[5]. С 1995 до 2020 г. Гонконг традиционно занимал первое место рейтинга, однако в 2021 г. вовсе пропал из индекса. Центр «Наследие» объяснил это тем, что к 2021 г. Гонконг потерял экономическую свободу и полностью зависит от КНР, а значит теперь в рейтинге будет объединен с КНР. Решение об исключении в некоторой степени подтверждают опасения международного сообщества о скорых изменениях в экономической свободе Гонконга.

Что ждет биржу Гонконга в будущем?

Согласно отчету Всемирной федерации бирж от июля 2021 г., Гонконгская фондовая биржа занимает шестое место в мире по стоимости рыночной капитализации с оборотом в 6 трлн долларов США, что делает биржу Гонконга одной из крупнейших бирж мира[6]. Из-за присутствия акций крупных международных компаний на всех ключевых биржах мира, кризис на одной крупной бирже может пошатнуть и другие индексы.

Зависимость биржи от любых финансовых и политических кризисов хорошо видно на обвалах *Hang Seng Index* (*Табл. 2*). Обвал индекса 2003 г. связан с полумиллионными протестами жителей Гонконга против введения законопроекта о национальной безопасности, запрещающим деятельность организаций, критикующих политику Пекина. **«Революция зонтиков»** 2014 г. за демократические выборы тоже отразилась на индексе и замедлила темпы роста биржи (*Илл. 5*). Причиной протестов в 2019 г. стал предложенный властями Гонконга законопроект об экстрадиции, явно нарушающий автономный статус территории *(Илл. 6)*. В ответ на протесты 30 июня 2020 г. Пекин выпускает закон «О национальной безопасности в Гонконге». Закон был выпущен в обход правительства специального автономного района и, по мнению экспертов, нарушает принцип «одна страна, две системы»[7]. Очередное вмешательство правительства КНР подорвало верховенство локального гонконгского правительства. Эта тенденция может иметь далеко идущие негативные последствия для инвестиционной атмосферы Гонконга.

Единственный способ для КНР сохранить привлекательность биржи Гонконга — не ограничивать ее свободу государственным вмешательством. От вмешательства Пекина в дела биржи пострадает не только Гонконг, но и многие китайские компании, которые потеряют иностранные инвестиции, привлекаемые на бирже Гонконга. Падение *Hang Seng Index* может привести не только к снижению рыночной

5 2021 Index of Economic Freedom. *The Heritage Foundation.* URL: https://www.heritage.org/index/ranking (accessed 17.09.2021).

6 *The World Federation of Exchanges.* URL: https://www.world-exchanges.org/our-work/statistics (accessed 10.09.2021).

7 Lawrence S. V., Martin M. F. China's National Security Law for Hong Kong: Issues for Congress. August 3, 2020. *Congressional Research Service.* URL: https://crsreports.congress.gov (accessed 11.09.2021).

Илл. 5. **«Революция зонтиков» 2014 г. Демонстрант поднимает зонтик на Мэйн-Роуд возле правительственного здания в Адмиралтействе Гонконга (9 октября 2014 г.)**
По: Kin Cheung—AP. URL: https://time.com/5606212/hong-kong-history-mass-demonstrations-protest/ (accessed 03.11.2021)

Илл. 6. **Протесты 2019 года. Демонстрант против полицейских сил в Гонконге (тринадцатая неделя антиправительственных протестов)**
По: AP. URL: https://www.ft.com/content/84dd7e32-cbe5-11e9-99a4-b5ded7a7fe3f (accessed 03.11.2021)

Илл. 7. **Флаги Гонконгской биржи, КНР и Гонконга**
По: Flags are Raised Outside the Hong Kong Exchange Square Building in Central, Following the Coronavirus Outbreak on March 24
Photo: Robert Ng. URL: https://www.scmp.com/business/banking-finance/article/3086288/hkex-offer-37-msci-futures-options-products-replacing (accessed 03.11.2021)

капитализации биржи Гонконга, но и к падению индексов других бирж по всему миру.

На данный момент Пекин должен быть заинтересован в сохранении курса «одна страна — две системы», поскольку почти 60 % иностранных инвестиций в Китай проходят через биржу Гонконга[8]. И даже несмотря на сложную политическую ситуацию и частые протесты, международные компании привлечены Гонконгом, ведь максимальная ставка налога на прибыль составляет в нем всего 17 %, против 45 % ставки материкового Китая, что делает КНР непривлекательной площадкой для ведения бизнеса.

2047 г. все ближе, однако на данный момент нет четкого понимания дальнейшей судьбы Гонконга. Пекин пока не обнародовал ни одну возможную модель развития района после упразднения курса «одна страна — две системы», что может сыграть в этой истории злую шутку. Иностранным бизнесменам и инвесторам необходимо четко понимать будущую экономическую структуру региона. В случае, если Пекин промедлит и не обозначит направления развития четко, биржа может лишиться части крупных компаний. Отток капитала с биржи неизбежно приведет к падению главного индекса HKEX *(Илл. 7)*.

Список литературы / References

Иванов П. М. *Гонконг: История и современность*, М.: «Наука», 1990 г. — 277 с. [Ivanov P. M. *Hong Kong: History and Modernity*. Moscow: «Nauka», 1990. — 277 p. (in Russian)].

Резолюция ГА ООН от 1 февраля 195 г. [UNGA Resolution of February 1, 1951].

Резолюция ГА ООН от 18 мая 1951 г. [UNGA Resolution of May 18, 1951].

Fact Book 1999. The Stock Exchange of Hong Kong. 1999. — 140 p.

Goo S. H. *Study Report on History of Company Incorporation in Hong Kong — a Study Commissioned*

8 Marlow I. Will 2047 Be the End of Hong Kong as We Know It? *Bloomberg*. URL: https://www.bloomberg.com/features/2019-hong-kong-expiration/ (accessed 23.10. 2021).

by the Companies Registry, Hong Kong Special Administrative Region. Hong Kong: University of Hong Kong, 2013. — 87 p.

HKEx Fact Book. Hong Kong: Exchanges and Clearing Limited, 2020. — 275 p.

Hong Kong Legislative Council. Second Reading of Bills. *Securities Bill 1973*. 12th December 1973. Pp. 261–302.

Hong Kong Statistics 1947–1967. Hong Kong: "CENSUS & STATISTICS DEPARTMENT", 1969. — 216 p.

Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong. Beijing, 19 December 1984.

Supplement VIII to the Mainland and Hong Kong Closer Economic Partnership Agreement. 13 December 2011. — 8 p.

The Operation and Regulation of the Hong Kong Securities Industry. *Report of the Securities Review Committee*. May 27, 1988. — 443 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Суховарина В. Черный понедельник 1987 года: причины и последствия. *Открытый журнал* [Sukhovarina V. Black Monday 1987: Causes and Consequences. *Otkrytyy zhurnal* (in Russian)]. URL: https://journal-open--broker-ru.turbopages.org/journal.open-broker.ru/s/history/chernyj-ponedelnik-1987-goda-prichiny-i-posledstviya/ (accessed 17.09.2021).

2021 Index of Economic Freedom. *The Heritage Foundation*. URL: https://www.heritage.org/index/ranking (accessed 17.09.2021).

A Protester Confronts Riot Police on Saturday Evening in Hong Kong. The City is Entering Its 13th Week of Anti-Government Protests with No Resolution in Sight. *AP*. URL: https://www.ft.com/content/84dd7e32-cbe5-11e9-99a4-b5ded7a7fe3f (accessed 03.11.2021).

A Protester Holds an Umbrella on a Main Road in the Occupied Areas Outside Government Headquarters in Hong Kong's Admiralty on Oct. 9, 2014. *Kin Cheung—AP.* URL: https://time.com/5606212/hong-kong-history-mass-demonstrations-protest/ (accessed 03.11.2021).

Ding Qingfen, Li Xiang. Vice-Premier Announces New Measures to Support HK. *China Daily.* July 17, 2011. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/likeqianghk/2011-08/17/content_13131511.htm (accessed 04.11.2021).

Flags are Raised Outside the Hong Kong Exchange Square Building in Central, Following the Coronavirus Outbreak on March 24. Photo: Robert Ng. URL: https://www.scmp.com/business/banking-finance/article/3086288/hkex-offer-37-msci-futures-options-products-replacing (accessed 03.11.2021).

FXI China 25 Futures and Options Begin Trading in HKEX Derivatives Market. *HKEX*. 23 May 2005. URL: https://www.hkex.com.hk/News/News-Release/2005/0505232news?sc_lang=en (accessed 04.11.2021).

Historical Data: Hang Seng Index — Hong Kong. *STOOQ*. URL: https://stooq.com/q/d/?s=^hsi&i=y (accessed 11.09.2021).

Jiang Zemin and Prince Charles at the handover ceremony in 1997. *AFP.* URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2017/06/30/hong-kong-handover-anniversary-now-five-key-players-1997/ (accessed 03.11.2021).

Lawrence S. V., Martin M. F. China's National Security Law for Hong Kong: Issues for Congress. August 3, 2020. *Congressional Research Service.* URL: https://crsreports.congress.gov (accessed 11.09.2021).

Marlow I. Will 2047 Be the End of Hong Kong as We Know It? *Bloomberg.* URL: https://www.bloomberg.com/features/2019-hong-kong-expiration/ (accessed 23.102021).

Stocks Plunge 508 Points, a Drop of 22,6%. *The New York Times Archives*. URL: https://www.nytimes.com/1987/10/20/business/stocks-plunge-508-points-drop-22.6-604-million-volume-nearly-doubles-record-does.html (accessed 03.11.2021).

The World Federation of Exchanges. URL: https://www.world-exchanges.org/our-work/statistics (accessed 10.09.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018027-7

Технологии в образовании: EdTech в странах ССАГПЗ и вызовы COVID-19

Technology in Education: EdTech in GCC States and COVID-19 Challenges

© 2021 **Вадим Владимирович Шалупкин**

студент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия
vvshalupkin@edu.hse.ru; ORCID ID: 0000-0001-7698-2897

Vadim V. Shalupkin

student at the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
vvshalupkin@edu.hse.ru; ORCID ID: 0000-0001-7698-2897

На протяжении последних лет понятия «EdTech» и «E-Learning» успешно вошли в нашу жизнь. Со вспышкой эпидемии COVID-19 существенно перевернулось представление о социальном развитии, о характере прогресса и внедрения информационных технологий, в том числе о целесообразности развития и перехода на дистанционное образование. Несмотря на наличие определенных недостатков такого образования, в период наиболее острых вспышек пандемии во всем мире наблюдалось резкое принятие целых комплексов мер по внедрению EdTech. В стороне не остались и арабские страны.

Статья посвящена анализу развития сферы образовательных инновационных технологий в государствах Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ) в период до пандемии и за последующие полтора года. В статье используется сравнительный подход: несмотря на очевидное сходство экономической, политической и культурной областей, все шесть

государств-членов Совета по-разному относились к целям образования, реформированию данной сферы и использованию технологий для дистанционного обучения.

Статья разделена на две основные части по хронологическому принципу: в первой кратко описываются процессы внедрения образовательных технологий до 2020 г., делается попытка охарактеризовать общую динамику развития сектора в каждой из шести стран. Вторая часть охватывает период распространения пандемии *COVID-19*, давая представление о мерах и шагах, предпринятых в странах ССАГПЗ, что помогает сделать выводы об их эффективности и причинах успеха или неудач. Притом что данная проблема недостаточно широко освещена в академической среде, она представляется крайне актуальной. Дальнейшее изучение опыта арабских стран не только позволяет сделать ряд предположений об эффективности тех или иных мер, например, в России, но и способно стать базой широкого сравнительного исследования, охватывающего весь регион Ближнего Востока и Северной Африки.

Ключевые слова: образование, инновации, EdTech, E-Learning, регион БВСА, страны ССАГПЗ, COVID-19

Для цитирования: Шалупкин В. В. Технологии в образовании: EdTech в странах ССАГПЗ и вызовы COVID-19. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 122–137. DOI 10.18254/S268684310018027-7

In recent years, “EdTech” and “E-Learning” concepts have become part of people’s routine. The outbreak of the COVID-19 pandemic has changed the conception of social development, the nature of progress, and the application of information technologies. How reasonable is the development of distance learning? This question was raised by many actors. Meanwhile, during the most acute outbreaks of the pandemic, there was a sharp adoption of entire measures for the EdTech introduction around the world, including the Arab states.

This article looks into characteristics of the situation in the field of educational innovative technologies in the states of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC) in the period preceding the pandemic and in the last year and a half. The emphasis is placed on the peculiarities of the development of the situation in each of the countries: despite the obvious similarity of the economic, political, and cultural fields, all six Member States of the Council had different attitudes to the goals of education, to the reform of this area, and to the use of technology and EdTech in education process. The article is divided into two main parts according to the chronological principle: The first briefly describes the processes of implementing educational technologies until 2020 characterizing the overall dynamics of the development of the sector in each of the six countries. The second part similarly covers the period of the spread of the COVID-19 epidemic as well as introduces the measures and steps taken in the GCC countries, provides analysis of their effectiveness and the reasons for their success or failure.

The problem of the research seems to be extremely relevant despite the little amount of academic works devoted to this topic. Further study of the experience of Arab countries will not only allow to make several assumptions about the effectiveness of certain measures in other countries (e.g., in Russia) but also can become the basis for a broad comparative study covering the entire region of the Middle East and North Africa.

Keywords: education, innovations, EdTech, E-Learning, MENA region, Gulf Cooperation Council, COVID-19

For citation: Vadim V. Shalupkin. Technology in Education: EdTech in GCC states and COVID-19 challenges. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 122–137. DOI 10.18254/S268684310018027-7

"Our first priority is education, second priority is education, and third priority is education."
Мухаммад б. Рашид Ал Мактум[1]

На протяжении десятилетий государства, входящие в состав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а именно Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн и Оман, считались «сырьевым придатком» современного цивилизованного общества. Тем не менее рост их значимости на мировой арене, амбиции лидеров, эволюция менталитета требовали изменения этой «роли». В настоящее время молодежь стран ССАГПЗ стремится быть конкурентоспособной на глобальном рынке труда, правительства стараются развивать новые индустрии, вкладывая доходы в различные сферы, от сельского хозяйства до космических программ и искусственного интеллекта (ИИ). При этом важнейшей целью является развитие систем образования: чтобы иметь квалифицированных специалистов, их необходимо подготовить. Одни раньше, другие позже, государства ССАГПЗ принимались за реформирование этой сферы, а ключевым критерием выступило соответствие мировым стандартам.

Мировые стандарты, между тем, вовсю внедряются и в различных областях экономики, управления, социальной среды. Наиболее важные из них связаны с современными технологиями; так, правительство ОАЭ способствовало разработке Национальной программы искусственного интеллекта и в 2017 г. назначило первого в мире министра по ИИ, а в Королевстве Саудовская Аравия был учрежден специальный орган для реализации национальных проектов в области ИИ.

Неудивительно, что в образовании цифровые технологии также оказывались если не наиболее приоритетным, то одним из основных направлений. Цифровизация потребовала улучшения учебных программ, внедрения элементов электронного обучения, приучения обучающихся к современным технологиям.

Способствуя повышению качества образования, правительства вкладывают значительные средства в инфраструктуру и человеческий капитал и активно поощряют инвестиции со стороны частного сектора. Их действиям способствуют благоприятная демография (≈ 35 % населения в 2019 г. моложе 24 лет[2]) и высокие доходы на душу населения. Монархии Залива финансируют сектор образования из бюджетных средств, при этом явным лидером выступает Эр-Рияд — порядка 30 % от общих государственных расходов (например, в 2016 г. — $36,7 млрд[3]).

Однако сектор по-прежнему сталкивается с рядом проблем, например, с усилением конкуренции между частными учебными заведениями, нехваткой кадров, высокими расходами. Эти факторы были усугублены сложными макроэкономическими условиями для стран ССАГПЗ, особенно после двойного шока пандемии COVID-19 и падения цен на нефть. Впрочем, пандемия предоставила уникальную возможность для роста сектора образования в связи с масштабными усилиями по использованию технологий.

В результате EdTech стал важнейшей составляющей образовательной стратегии, в регионе наблюдается высокая адаптивность образовательных проектов и решений, основанных на инновационных технологических инструментах. В статье рассматривается разнообразие векторов развития сферы EdTech в монархиях

1 Эмир Дубая, премьер-министр и вице-президент Объединенных Арабских Эмиратов. См: UAE E-Learning Platform Reaches Senegal. *Bahrain News Agency*. URL: https://www.bna.bh/en/UAEelearningplatformreachesSenegal.aspx?cms=q8FmFJgiscL2fwIzON1%2BDu7X%2B%2FXk%2BCJHGebSRhFZdsQ%3D (accessed 03.07.2021).

2 World Population Prospects 2019. *United Nations.* URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Interpolated/ (accessed 30.06.2021).

3 Education Statistics. *The World Bank.* URL: https://datatopics.worldbank.org/education/indicators (accessed 29.06.2021).

Персидского залива, выделены основные этапы внедрения образовательных технологий, особенности каждой из шести стран ССАГПЗ в отдельности, а также проанализирован прогресс, достигнутый в сфере в ответ на вызовы пандемии COVID-19.

Перед тем, как перейти к раскрытию темы данного исследования, кратко охарактеризуем основные типы источников информации. В академическом сообществе опыт внедрения и использования EdTech на Аравийском полуострове рассматривался, в первую очередь, самими представителями арабских стран (большинство статей опубликовано на английском языке). На протяжении последних полутора десятилетий арабы анализировали успехи и неудачи в данной сфере, пытались выработать рекомендации для ее дальнейшего развития. Значительная часть публикаций, впрочем, относится к периоду, предшествующему вспышке эпидемии COVID-19: за исключением ряда статей, например, Ибрахима ал-Хути из Кувейтского Университета, или Зухейра Слими из Международного Морского колледжа (Сохар, Оман) [Alhouti, 2020; Slimi, 2020]. В арабской академической среде практически нет принципиально новых исследований. Между тем, чувствуется нехватка работ, в которых приводилась бы серьезная аналитика, направленная на оценку возможных перспектив дальнейшего развития EdTech.

Публикации неарабских исследователей (в том числе из Европы, США и России) малочисленнее, однако подход в них зачастую отличается большей глубиной проработки, привязкой проблематики к общей теме внедрения инновационных систем в странах ССАГПЗ (и, как следствие, более объективным рассмотрением контекста). В России интерес к образовательным системам стран Залива и внедряемым ими инновациям обозначился в середине 2010-х гг. [см., напр., Асмятуллин, 2016], к концу десятилетия образование было одним из тематических направлений, анализируемых в рамках процессов модернизации как специалистами по региону Персидского Залива, как, например, Е. С. Мелкумян, так и экспертами в сфере экономики, в том числе инновационной, как Ю. В. Соловьёва [Соловьёва, 2019; Мелкумян, 2020]. Однако нельзя не отметить, что русскоязычные (как и англоязычные) работы отличались недостаточной детальностью и, несмотря на значимость рассмотрения темы в более широком контексте, их следует скорее считать вторичными по отношению к материалам арабских специалистов.

В связи с малым количеством работ, связанных с периодом господства в регионе дистанционной формы обучения, существенный объём информации при написании данной статьи был почерпнут из текстов новостного характера. Несмотря на определённый уровень недоверия российских исследователей к арабской прессе, некоторые детали — события, имена, цифры, конкретные мероприятия и меры — в совокупности позволяют составить весьма полную и репрезентативную картину происходившего в регионе. Большинство подобных материалов были заимствованы с сайтов медиакомпаний, базирующихся в странах Залива и знакомых с ситуацией «изнутри».

Исторический background

Несмотря на стереотипы об однородности монархий Персидского залива, развитие их социальной сферы, включая образование (и, в свою очередь, EdTech) шло совершенно разными путями, и рассматривать страны как в исторической перспективе, так и в случае изучения последствий COVID-19 стоит по отдельности.

Королевство Саудовская Аравия

Несмотря на то что консерватизм характеризовал саудовское образование на протяжении большей части XX в., уже в 1979 г. в королевстве появились первые элементы дистанционного образования — радиопередачи, поддерживаемые на правительственном уровне [Alqarni, 2015, p. 65]. Вскоре подготовка студентов стала приоритетной областью и в процессе освоения интернета: именно Университет нефти и минералов им. короля Фахда в Дахране стал первой

саудовской структурой, подключившейся к сети [Abouelnaga, 2019, p. 4151].

В 2003 г. появился первый центр электронного образования на базе Университета им. короля Фахда [Alqarni, 2015, p. 65–66]. В течение нескольких лет аналогичные центры возникли и при других крупных вузах; целью ставилось развитие отраслей технического сопровождения очного образовательного процесса. К концу 2000-х гг. в королевстве наблюдался рост популярности программ, в которых наряду с очными занятиями использовались сетевые элементы [Alqarni, 2015, p. 66].

В 2011 г. король ʻАбдалла подписал указ о создании Электронного Университета Саудовской Аравии[4], и в том же году осенью в Университет им. короля ʻАбд ал-ʻАзиза была запущена первая программа аспирантуры, образовательный процесс в рамках которой был полностью выстроен в дистанционном формате [Abouelnaga, 2019, p. 4153]. На протяжении следующего десятилетия сфера электронного обучения развивалась ровно и поступательно. С учетом того, что на сферу образования правительство выделяет около трети бюджета, недостатка в средствах не наблюдалось, однако электронные средства в целом рассматривались лишь как вспомогательные. Впрочем, нельзя не отметить, что страна оказалась в полной готовности к вызовам пандемии COVID-19.

Объединенные Арабские Эмираты

С 1990-х гг. образовательные учреждения в Объединенных Арабских Эмиратах развивались на фоне растущих потребностей высококонкурентного рынка труда. В 2010 г. министерство образования ОАЭ приняло стратегию «Образование 2020»[5] — серию амбициозных пятилетних планов, предусматривающую разработку интеллектуальных учебных программ и новых кодексов для учителей, системы лицензирования и оценивания и т. д.

Основное внимание было уделено обновлению двенадцатилетней школьной программы, чтобы выпускники школ были адаптированы к обучению по глобальным стандартам и готовы поступать в университеты по всему миру[6]. Также важную роль играет STEM-образование[7], особенно с учетом акцента ведущих рекрутеров на технологических ноу-хау для развивающегося рынка труда.

Важной частью национальной стратегии UAE Vision 2021 стала программа «*Первоклассное образование*» (англ. *First-Rate Education*), направленная на реформы в области учебной программы и профессионального развития, на что руководство страны определило свыше 20 % федерального бюджета[8].

Огромный спрос на дистанционное обучение и образование с использованием цифровых методов потребовал больших расходов. Инвестиции ОАЭ в ИКТ и образовательные технологии выросли в 2014 г. до $15 млрд, и в дальнейшем руководство страны продолжало вкладывать значительные суммы. Немаловажную роль продолжали играть и частные инвесторы.

В 2017 г. премьер-министр ОАЭ шейх Мухаммад б. Рашид Ал Мактум запустил бесплатную образовательную платформу, доступную порядка 50 млн студентов во всем арабском мире. Выступая на Всемирном правительственном саммите, он отметил: «Предоставление высоко-

4 *Saudi Electronic University.* URL: https://seu.edu.sa/en/home/ (accessed 08.07.2021).

5 *The Ministry of Education Strategy* 2010–2020. URL: https://www.moe.gov.ae/Arabic/Docs/MOE _Strategy.pdf (accessed 11.07.2021).

6 *Quality Education.* UN's 2030 Agenda. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/leaving-no-one-behind/4qualityeducation (accessed 11.07.2021).

7 С англ. STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) — «Наука, технологии, инженерные дисциплины, математика». STEM-образование — это модель, объединяющая естественные науки и инженерные предметы в единую систему.

8 Farid S. UAE Top Performer in EdTech, Focus on Education. *EdArabia.* URL: https://www.edarabia.com/uae-top-performer-edtech-innovation/ (accessed 11.07.2021).

качественного образования в области естественных наук и математики всем арабским студентам является неотъемлемой частью нового этапа цивилизационного развития; при этом дистанционное обучение — самый быстрый способ преодолеть образовательный разрыв в арабском мире[9]».

В целом ОАЭ к 2020 г. оставались региональным лидером и законодателем мод в том, что касалось EdTech: грамотное вложение средств, постоянное обновление методов обучения и разумное использование аудиторных технологий позволили добиться существенного прогресса в данной сфере.

Катар

Первая современная школа в Государстве Катар появилась лишь в 1949 г., Катарский университет — в 1973 г., и тем не менее страна сумела в короткие сроки сделать рывок. В 1995 г. был основан Образовательный Город, в пределах которого разместились филиалы престижных зарубежных ВУЗов, а в 2001 г., по итогам аудита системы образования со стороны правительства и корпорации RAND, была продумана образовательная реформа [Karkouti, 2016, pp. 183–184].

Реформа, официально объявленная в 2003 г., предполагала развитие потенциала EdTech в образовании на всех уровнях для создания гибкой электронной среды, которая бы органично дополняла очное образование. Поскольку в рамках аудита RAND одной из претензий к Катару стал подход к обучению, направленный скорее на зубрежку, чем на развитие критического мышления, преобразование программ сопровождалось внедрением технологий, обеспечивавших умение искать и анализировать информацию [Karkouti, 2016, pp. 185–186]. Уже в середине-конце 2000-х гг. были внедрены и опробованы такие платформы, как *Knowledge Net*, *E-Schoolbag*, *Global Gateaway*, *Model e-school*.

Тем не менее в последующее десятилетие перед EdTech сферой продолжал стоять ряд проблем — например, отсутствие контента на арабском языке: несмотря на распространение английского языка, естественным желанием оставалось развитие арабоязычного образования, направленного на формирование отечественного человеческого капитала, на соответствие запросам катарских работодателей [Karkouti, 2016, pp. 187–188].

Серьезные подвижки, позволившие считать Катар лидером в сфере EdTech[10], произошли лишь в период пандемии, но об этом ниже.

Кувейт

Руководители министерства образования Кувейта поднимали вопрос о внедрении и использовании EdTech технологий, в том числе переход к онлайн-обучению, на протяжении двух десятилетий. Каждый министр во время пребывания в должности считает своим долгом обозначить переход к данному формату своей целью, однако лишь некоторым удалось частично реализовать свои идеи.

Первый проект был представлен министром Муса‘идом ал-Харуном в 2002 г., после чего была создана рабочая группа по интеграции онлайн-обучения на всех уровнях к 2003–2004 учебному году. Однако проект так и не был реализован [Alhouthi, 2020, p. 215].

В 2011 г. министр Ахмад ал-Мулайфи предложил отсканировать все учебные материалы и загрузить их на индивидуальный USB флэш-накопитель школьника[11]. Генеральный директор регионального центра развития программно-

9 Gokulan D. Education in the UAE: Then, Now and Tomorrow. *Khaleej Times.* URL: https://www.khaleejtimes.com/kt-40-anniversary/education-in-the-uae-then-now-and-tomorrow (accessed 12.07.2021).

10 Varghese J. WISE Initiative to Make Qatar Mena Frontrunner in EdTech. *Gulf Times.* URL: https://www.gulf-times.com/story/693178/WISE-initiative-to-make-Qatar-Mena-frontrunner-in- (accessed 10.07.2021).

11 Wazir at-tarbiya: naffazna “al-flash maimuriy” fi 4 ashhur bi-taklifat 259 alf dinar. *Al-Anba*’. URL: https://www.alanba.com.kw/ar/kuwait-news/education/237505//زير-التربية-نفذنا-الفلاش-ميموري-اشهر-بتكلفة-الف-دينارو-2011-10-25 (accessed 05.07.2021).

го обеспечения в сфере образования Надир Мар‘афи отметил, что подобное решение — первое в своем роде в арабском регионе. Однако проект был свернут, так как министерство не разработало нормативные документы [Alhouthi, 2020, p. 216].

В 2013 г. министр Наиф Фалах ал-Хаджраф объявил, что министерство образования работает над реструктуризацией плана по внедрению онлайн-обучения[12]. Под руководством господина ал-Хаджрафа министерство организовало трансляцию школьной программы по телевидению в качестве дополнительной поддержки учащихся вне школы. Однако бюджет был сокращен, поэтому весь контент был переведен на YouTube-канал, обновление которого более не проводилось, а вскоре сам министр оказался отстранен от должности.

В 2015 г. в рамках проекта интеграции онлайн-обучения в учебный процесс, получившего название «*ат-Таблат*» (التابلت, от англ. tablet, «планшет») учащиеся 10–12 классов и их учителя получили 80 тыс. планшетов, что обошлось министерству экономики приблизительно в 26 млн кувейтских динаров (≈ $84,5 млрд)[13]. Однако, как и в случае предыдущих проектов, «*ат-Таблат*» был отменен, а учителей и студентов попросили вернуть планшеты[14].

Попытки министерства образования Кувейта использовать элементы EdTech в обучении иллюстрируют две вещи. Во-первых, идея внедрения информационных технологий не нова для правительства страны. Во-вторых, нестабильность в администрации влияет на реализацию этих проектов, поскольку каждый новый министр привносит свою команду и свою повестку дня. В последние два десятилетия правительство часто менялось из-за сложной политической ситуации в стране, и каждый раз, когда назначался новый министр образования, он не были заинтересован в реализации проектов своего предшественника.

Бахрейн

Старт освоению компьютерных наук, а затем и задействованию технических приспособлений в процессе обучения в Бахрейне был весьма резким и плодотворным: уже в середине 1990-х гг. в стране появились лабораторные компьютерные классы, в которых местных учителей обучали новым технологиям[15].

В 2003 г. стартовала национальная кампания под названием «Школа Будущего им. короля Хамада» по внедрению электронных технологий в процесс школьного образования. В 2005 г. в поддержку кампании в рамках ЮНЕСКО была запущена выдача призов имени короля Хамада авторам блестящих инициатив в сфере продвижения EdTech в образовании[16]. В 2008 г. в Маниме был создан Региональный центр технологий, информации и коммуникации[17], ставший своеобразным исследовательским хабом для всех стран ССАГПЗ, и Бахрейн начал претендовать на лидерство в EdTech сфере.

12 Al-Hadjraf: I‘adat an-nazar fi-istratidjiyyat at-ta‘lim al-iliktruniy. *Al-Djarida.* URL: https://www.aljarida.com/articles/1462105058477581400/ (accessed 05.07.2021).

13 Waqf mashru‘ “at-Tablat” ba‘da hadr 26 milyun dinar! *Al-Qibs.* URL: https://alqabas.com/article/514015--وقف-مشروع-التابلت-بعد-هدر-26-مليون-دين (accessed 06.07.2021).

14 Waqf mashru‘ “at-Tablat” ba‘da hadr 26 milyun dinar! *Al-Qibs.* URL: https://alqabas.com/article/514015--وقف-مشروع-التابلت-بعد-هدر-26-مليون-دين (accessed 06.07.2021).

15 Razzak N. A. E-Learning and National Innovation in Bahrain: Opportunities, Challenges, and Future Developments. Conference Paper. *ResearchGate.* URL: https://www.researchgate.net/publication/316989815_E-Learning_and_National_Innovation_in_Bahrain_Opportunities_Challenges_and_Future_Developments_April_2-3_2017 (accessed 08.07.2021).

16 Empowering Disadvantaged Communities Through Innovative Education. *UNESCO.* URL: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/empowering_disadvantaged_communities_through_innovative_educ/ (accessed 09.07.2021).

17 *The Regional Centre for Information and Communication Technology.* URL: www.regcict.com (accessed 09.07.2021).

Это стимулировало внедрение в образовательный процесс электронных библиотек, а затем — электронных курсов и программ. Впрочем, ряд факторов, включая консерватизм, недостаточную оснащенность учреждений, отсутствие программного обеспечения на арабском языке, повлиял на снижение темпов развития сферы [см. подробнее: Lightfoot, 2014, p. 69–83]. В Бахрейне не было создано ни одного целиком виртуального образовательного центра, а программное обеспечение оказывалось использовано лишь отчасти.

В результате, на протяжении 2010-х гг. интеграция электронных технологий в образование от резких скачков перешла к поступательному развитию, как в Саудовской Аравии, хотя стагнации не достигла.

Султанат Оман

Система образования в Султанате Оман на протяжении десятилетий сохраняла консервативный характер. Только в 1995–1998 гг. были реализованы реформы, причем поначалу — для решения других проблем: повышения количества учителей, увеличения доли женщин и т. д. [Raseekh, 2004, p. 7–10].

Первые серьезные попытки внедрения элементов электронной среды пришлись на 2003–2004 гг., основным «двигателем» стал Университет султана Кабуса в Маскате. Надо отметить, что практика внедрения WebCT-технологий для реализации части дисциплин через дистанционное обучение была признана удовлетворительной. Количество электронных курсов стало расти [Al Musawi, 2007, p. 400–401]. В начале 2010-х гг. в Омане началось внедрение массовых открытых онлайн-курсов (*Massive Open Online Courses*, *MOOC*), однако их распространение оказалось сопряжено с новыми проблемами[18]. Сказались низкая мотивация, непризнание сертификатов, незнание языка.

Министерство образования целенаправленно развивало возможности дистанционного обучения, но для магистров. В результате, проблемы, связанные, например, с упомянутыми *MOOC*, не получали должного внимания. Напротив, EdTech скорее ограничивался ввиду неготовности столкнуться с вопросами кибербезопасности, инвестиционных рисков и т. д. [Slimi, 2020, p. 45–46].

EdTech в период пандемии

Пандемия COVID-19 значительно ускорила процесс цифровизации и диджитализации образования в ССАГПЗ. Сотрудничество с такими платформами, как *MOOC*, *ZOOM*, *Webinars*, *Webex*, способствовало быстрому внедрению технологий. Для создания цифровой инфраструктуры страны-участники Совета наладили партнерство с технологическими конгломератами, такими, как Amazon и Microsoft, а также задействовали собственные платформы — телевидение и радиовещание. Например, ОАЭ использовали правительственную платформу *Madrasa*[19], *в Саудовской Аравии уроки транслировались через медиа-платформы министерства образования*[20]. *Образовательные учреждения использовали электронные книги и планшеты, а для маленьких детей в учебную программу была внедрена геймификация*[21].

В Заливе работают различные EdTech-платформы, например, Tarjama, *Coded Minds*, *AIMentor*, *Little Thinking Mind*, *Noon Academy*, *Baims*, *SchoolVoice*. Многие из них привлекли значительные инвестиции в достаточно сложных современных экономических реалиях, на-

18 Подробнее см.: Balaji R. D., al-Fatnassi T., al-Mahri F. Social Impact of MOOC's in Oman Higher Education. *ResearchGate.* URL: https://www.researchgate.net/publication/274730339_Social_Impact_of_MOOC%27s_in_Oman_Higher_Education (accessed 09.07.2021).

19 Madrasa (Mohammed bin Rashid Al Maktoum Global Initiative). URL: https://madrasa.org/ (accessed 12.07.2021).

20 Desh S. EdTech in the Era of a Pandemic: the GCC Perspective. *Khaleej Times.* URL: https://www.khaleejtimes.com/business/local/edtech-in-the-era-of-a-pandemic---the-gcc-perspective (accessed 12.07.2021).

21 Desh S. EdTech in the Era of a Pandemic: the GCC Perspective. Khaleej Times. URL: https://www.khaleejtimes.com/business/local/edtech-in-the-era-of-a-pandemic---the-gcc-perspective (accessed 12.07.2021).

пример, *Aanaab* (Саудовская Аравия) привлекла $1,5 млн на этапе финансирования в марте 2020 г.[22]

На фоне тенденций, общих для всех шести изучаемых стран, каждая из них нашла индивидуальные решения для их применения.

Королевство Саудовская Аравия

Саудовская Аравия отреагировала на пандемию незамедлительно. В первую неделю марта 2020 г. дистанционное образование было введено во всех школах и университетах. Электронный Университет Саудовской Аравии и Национальный центр электронного обучения обеспечили данный переход во всех вузах Королевства. В апреле министерство образования приняло интенсивную программу обучения преподавателей и создало коммуникационный центр *Tawasul* («На связи») для обеспечения технической поддержки. Министерство также добавило порядка 400 серверов[23]. Помимо этого, Саудовская Аравия создала 24–часовую горячую линию с чат-ботом на базе искусственного интеллекта для студентов, учителей и родителей.

Школьное образование в данной сфере слегка отставало, однако в августе 2020 г. министерство образования представило бесплатную национальную онлайн-платформу *Madrasati* («Моя школа»), направленную на обучение более 6 млн учеников[24], а к сентябрю было создано 23 образовательных телеканала для доступа к прямым трансляциям и записям, YouTube-канал *iEN Satellite TV Lessons* и платформы *Unified Education system* («Единая система образования»), *Future Gate Portal* («Портал “Ворота в будущее”»), *The National iEN Portal Platform* и *Virtual Kindergarten* («Виртуальный детский сад»)[25].

Объединенные Арабские Эмираты

Эффективность образования в ОАЭ не подлежит никакому сомнению: благодаря солидной базе инициатив умного обучения (например, уже созданных *Mohammed bin Rashid Smart Learning Initiative*, *Madrasa* и *The Digital School*)[26] удалось осуществить плавный переход 1,2 млн студентов на онлайн-обучение в сжатые сроки.

Государственные школы Эмиратов проводили программу домашнего обучения *Learn from Afar* («Учись издалека»), в то время как частные школы использовали цифровые платформы, такие как *Google Classroom*, *ClassDojo*, *Seesaw*, *Microsoft Teams* и *ZOOM*. Министерство образования выпустило учебное пособие для обеспечения соответствия учащихся школьным ценностям, прилагались усилия по мотивации их к учебе путем организации онлайн-семинаров с участием популярных артистов и спортсменов[27].

Федеральное управление по делам молодежи запустило единую платформу *Emirates Youth Opportunities*, которая помогает молодому поколению в области саморазвития. Управление знаний и человеческого развития открыло платформу электронного обучения *In This Together*

22 Wamda Invests in Arabic Teacher Training Platform Aanaab. *Wamda.* URL: https://www.wamda.com/2020/03/wamda-invests-arabic-teacher-training-platform-aanaab (accessed 12.07.2021).

23 Leading Efforts to Combat Coronavirus Pandemic. *UNESCO.* URL: https://iite.unesco.org/publications/leading-efforts-to-combat-coronavirus-pandemic/ (accessed 13.07.2021).

24 Saudi E-Learning Portal Ushers in ‘New Normal’ with Virtual Classrooms. *Arab News.* URL: https://www.arabnews.com/node/1730541/saudi-arabia (accessed 13.07.2021).

25 Leading Efforts to Combat Coronavirus Pandemic. *UNESCO.* URL: https://iite.unesco.org/publications/leading-efforts-to-combat-coronavirus-pandemic/ (accessed 13.07.2021).

26 ELearning, MLearning and Distance Learning. *The United Arab Emirates*` Government Portal. URL: https://u.ae/en/information-and-services/education/elearning-mlearning-and-distant-learning (accessed 13.07.2021).

27 Dajani H. Coronavirus: How UAE Moved Education for 1.2 million Pupils Online after Outbreak. *UAE National News.* URL: https://www.thenationalnews.com/uae/education/coronavirus-how-uae-moved-education-for-1-2-million-pupils-online-after-outbreak-1.1073708 (accessed 14.07.2021).

Dubai, которая включает в себя приложения, веб-сайты и другие ресурсы[28]. Департамент частного образования в Шардже учредил электронную платформу *Sharjah Education Academy* для подготовки учителей к цифровому переходу. Департамент также отвечал за формирование Комитета по мониторингу и оценке последствий COVID-19 в секторе частного образования[29].

Кроме того, министерство образования планирует внедрить в 196 школах ОАЭ платформу *Alef* на базе искусственного интеллекта[30]. Ряд региональных игроков EdTech также расширили услуги, чтобы удовлетворить рост спроса на онлайн-обучение (так, платформа детского образования *Lamsa World* отметила трехкратный рост потребления контента с момента закрытия школ в стране)[31].

Катар

Катарские меры также оказались быстрыми и эффективными. С первых дней правительство предлагало компьютеры и другие устройства студентам, которые не имели доступа к технике. В апреле 2020 г. министерство образования представило платформу онлайн-обучения *Mzeed*, обеспечившую доступ к учебным ресурсам: учебникам, интерактивным книгам и обучающим видео, с постоянным обновлением контента[32]. Также министерство запустило платформу *Q-Learning* для полной поддержки учащихся государственных школ в рамках дистанционного обучения[33]. В дополнение к двум онлайн-учебным платформам был запущен канал на YouTube *Qatar's Distance Learning* для студентов 12 классов, состоящий из 19 субканалов, которые также обслуживают взрослых учащихся и студентов с ограниченными возможностями.

Не меньший прогресс наблюдался в вузах. Университет Хамада Бен Халифы инициировал внедрение электронных средств обучения для своих студентов и подготовил сканированные версии всех печатных книг из своей библиотеки. Медицинская школа Weill Cornell Medicine-Qatar предоставила студентам доступ к видеозаписям лекций, демонстрациям в записи и режиме реального времени, инструментам моделирования и виртуальным лабораториям для проведения значимых лабораторных исследований. Также были внедрены игры, опросы и открытый чат для взаимодействия, чтобы держать студентов вовлеченными в обучение во время пандемии[34].

Кувейт

Прежние неудачи определяли неэффективность Кувейта на фоне эпидемии. Когда в июне 2020 г. министерство образования объявило о запуске учебной платформы *ekwti* в тестовом режиме, организовало тренинги для учителей и попросило всех учащихся 12 класса зарегистри-

28 Distance Learning in Times of COVID-19. *The United Arab Emirates`* Government Portal. URL: https://u.ae/en/information-and-services/education/distance-learning-in-times-of-covid-19 (accessed 14.07.2021).

29 Has Covid-19 Changed GCC Education Forever? *Oxford Business Group.* URL: https://oxfordbusinessgroup.com/news/has-covid-19-changed-gcc-education-forever (accessed 13.07.2021).

30 Covid-19: AI-Powered E-Learning Platform in all UAE Public Schools Soon. *Khaleej Times.* URL: https://www.khaleejtimes.com/coronavirus-pandemic/covid-19-ai-powered-e-learning-platform-in-all-uae-public-schools-soon (accessed 15.07.2021).

31 How Coronavirus Crisis Reinvented Online Learning as a Necessity. *Arab News.* URL: https://www.arabnews.com/node/1722671/middle-east (accessed 15.07.2021).

32 Ministry of Education Launches Mzeed Educational Platform. *IloveQatar.* URL: https://www.iloveqatar.net/news/education/ministry-of-education-launches-mzeed-educational-platform (accessed 16.07.2021).

33 Q-Learning Witnesses 839,351 Text Messages Between Teachers, Students on March 31. *Peninsula Qatar`s Daily Newspaper.* URL: https://www.thepeninsulaqatar.com/article/03/04/2020/Q-Learning-witnesses-839,351-text-messages-between-teachers,-students-on-March-31?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_sO5c5C.azSrzQUvK7mBzTWhhBbFhjs.fXPidMIXwFAE-1629242984-0-gqNtZGzNAyWjcnBszQaR (accessed 17.07.2021).

34 Afsal M. How QF Universities Adapted to Distance Learning. *QRMedia.* URL: https://qrmedia.world/covid-19-how-qf-universities-adapted-to-distance-learning/ (accessed 17.07.2021).

роваться на этой платформе, обучение на ней так и не началось [Alhouthi, 2020, p. 219].

В октябре министерство образования выбрало *Microsoft Teams* и *Office 365* для развертывания платформы онлайн-обучения для 400 тыс. преподавателей и студентов[35]. Отдельно Microsoft объединилась с пятью частными школами, что помогло обеспечить доступ к дистанционному обучению для ≈ 13 тыс. учащихся[36]. Однако студенты старших классов в стране оставались дома без какой-либо формы обучения большую часть 2019–2020 учебного года[37]: Кувейт упустил возможность реализовать инновации, гарантирующие образование в стране.

Среди университетов наиболее подготовленным к переходу на онлайн оказался Австралийский Колледж в Кувейте, который еще в 2019 г. совместно с Кувейтским фондом развития науки организовал конференцию о важности электронного обучения в арабском мире[38].

Бахрейн

Бахрейн инициировал внедрение решений онлайн-обучения в начальный период пандемии. Основная часть работы была проведена через электронный образовательный портал, созданный министерством образования и Управлением информации и электронного правительства Бахрейна совместно с платформой облачных вычислений *Amazon Web Services* (*AWS*).

В качестве альтернативы правительство поручило телевидению транслировать уроки по восемь часов в сутки. Министерство образования также помогло школам получить бесплатный доступ к *Office 365*, включая *Microsoft Teams* для студентов и преподавателей[39]. В новом 2020–2021 учебном году государственные школы провели уроки через различные платформы, в том числе бахрейнское телевидение, каналы YouTube и социальные сети. Принимая во внимание финансовую нагрузку на родителей во время пандемии, министерство образования приказало частным учреждениям снизить плату на 65 %[40].

В октябре 2020 г. Университет Бахрейна, крупнейший университет страны с более чем 28 тыс. студентами, вступил в заключительную фазу перехода всей своей IT-инфраструктуры на *AWS*. Это стало наглядным свидетельством усилий министерства по оцифровке инфраструктуры высшего образования в соответствии с технологиями, такими как облачные вычисления, AI/ML и др.[41].

Султанат Оман

2020–2021 учебный год был объявлен годом гибридного обучения, в ходе которого правительство надеялось позволить студентам полу-

35 Ndichu D. Kuwait Picks Microsoft Teams for National Online Education Platform. *Gulf Business.* URL: https://gulfbusiness.com/kuwait-picks-microsoft-teams-for-national-online-education-platform/ (accessed 16.07.2021).

36 Al Rayan Schools and Microsoft Successfully Conduct Remote E-Learning for More than 13,000 Students in Kuwait. *Microsoft News.* URL: https://news.microsoft.com/en-xm/2021/01/26/al-rayan-schools-and-microsoft-successfully-conduct-remote-e-learning-for-more-than-13000-students-in-5-schools/ (accessed 16.07.2021).

37 Al Mulla Y. COVID-19: Kuwait Schools to Continue E-Learning for Second Semester. *Gulf News.* URL: https://gulfnews.com/world/gulf/kuwait/covid-19-kuwait-schools-to-continue-e-learning-for-second-semester-1.77125435 (accessed 16.07.2021).

38 Has Covid-19 Changed GCC Education Forever? *Oxford Business Group.* URL: https://oxfordbusinessgroup.com/news/has-covid-19-changed-gcc-education-forever (accessed 13.07.2021).

39 Covid-19 — A Timeline of Developments across the Education Sector. *Bahrain This Month.* URL: https://www.bahrainthismonth.com/magazine/features/covid-19-a-timeline-of-developments-across-the-education-sector (accessed 17.07.2021).

40 Apen-Sadler D. Most Private Schools in Bahrain to Reduce Tuition Fees or Postpone Payments. *Time Out Bahrain.* URL: https://www.timeoutbahrain.com/kids/440751-most-private-schools-in-bahrain-to-reduce-tuition-fees-or-postpone-payments (accessed 17.07.2021).

41 University of Bahrain Goes all-in on AWS. *Amazon Web Services.* URL: https://aws.amazon.com/ru/blogs/publicsector/university-of-bahrain-goes-all-in-aws/ (accessed 17.07.2021).

чить навыки и знания, упущенные в результате пандемии. В октябре руководство страны разрешило школьникам 1–11 классов учиться дистанционно, тогда как как учащимся с 12 класса было предложено посещать школу по недельной системе[42]. Министерство образования предложило доступ к *Google Classroom* для 5–12 классов и к цифровой платформе для учащихся первых классов в сотрудничестве с *Omantel* и *Google*.

Министерство образования также сотрудничало с *Ooredoo* в создании платформы, включающей виртуальные классы и поддерживающей взаимодействие между студентами и преподавателями[43]. Обучение в 11–12 классах осуществлялось по каналам *Oman Mubasher Live TV* и *Oman Culture satellite channels*[44]. *Управление Телекоммуникациями Омана (TRA-Oman) совместно с министерством предложило бесплатные средства дистанционного обучения студентам и родителям*[45]. *В августе 2020 г. министерство образования объединило усилия с Национальным банком Омана для запуска электронной библиотеки.*

Со своей стороны министерство высшего образования совместно с Omantel внедрило среди студентов ВУЗов платформу *G Suite*, а также обеспечило проведение онлайн-конференций с помощью приложений, включая *ZOOM*, *GoToMeeting* и *Teams* [Slimi, 2020, p. 47].

***

С тех пор как руководства стран ССАГПЗ осознали необходимость трансформации системы образования в соответствии с современными стандартами, прошли десятилетия. Наиболее мощный толчок оказала пандемия COVID-19, вынудившая монархии увеличить финансирование, договариваться с компаниями, предпринимать комплексы мер и действий. По прошествии более чем года с начала этих процессов можно оценить прогресс и первые краткосрочные последствия, которые имели образовательные реформы.

Королевство Саудовская Аравия продемонстрировало серьезный подход к дистанционному образованию. Занимаясь внедрением технологий в обучение на протяжении десятилетий, Эр-Рияд сумел отреагировать на пандемию оперативно и эффективно. Запуск новых программ и платформ охватывал все ступени образования, обеспечив непрерывность учебы.

Объединенные Арабские Эмираты сумели принять еще более решительные меры. Руководство ОАЭ не только снабдило студентов всем необходимым, опираясь на достижения 2000–2010-х гг., но и укрепило позиции на мировой арене, приняв деятельное участие в организации работы целого ряда платформ международного уровня.

Катар на протяжении всего периода проявлял себя относительно пассивно. Реформирование катарской системы образования началось позже, чем в соседних странах, а электронное обучение в его рамках рассматривалось лишь в качестве вспомогательной опции. С одной стороны, после вспышки COVID-19 руководство страны сделало ряд шагов, с другой стороны, прорыв в данной сфере пока едва ли заметен на фоне широкомасштабных мер, предпринятых Эр-Риядом и Абу Даби.

Кувейт, обладая огромными доходами от продажи нефти, стремился к внедрению электрон-

42 Remote Learning for All Students Except Grade 12. *Times of Oman.* URL: https://timesofoman.com/article/94560-remote-learning-for-all-students-except-grade-12 (accessed 15.07.2021).

43 Ooredoo Joins Hands with Ministry of Education to Launch E-Learning Platform for Academic Year 2020-2021. *Ooredoo.* URL: https://www.ooredoo.om/AboutOoredoo/Media/PressReleases/DetailPressRelease/tabid/2375/ArticleId/4360/Ooredoo-Joins-Hands-with-Ministry-of-Education-to-Launch-E-Learning-Platform-for-Academic-Year-2020-2021.aspx (accessed 15.07.2021).

44 National Learning Platforms and Tools. *UNESCO.* URL: https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/nationalresponses (accessed 15.07.2021).

45 Mingas M. TRA-Oman Greenlights Additional Spectrum During Covid-19. *Capacity Media.* URL: https://www.capacitymedia.com/articles/3825229/tra-oman-greenlights-additional-spectrum-during-covid-19 (accessed 16.07.2021).

ного образования давно, однако внутриполитические противостояния и текучка кадров в правительстве не позволили эмирату реализовать планы. Результат стал очевиден после начала эпидемии: руководство Кувейта крайне неэффективно отреагировало на необходимость перевести на дистанционное обучение школьников и студентов, некоторые вовсе остались без обучения.

Реформирование в маленьком (и отчасти именно поэтому эффективном) Королевстве Бахрейн прошло весьма успешно. Степень цифровизации сферы образования впечатляет, и, если руководство страны не сбавит темпы, Бахрейн может стать региональным лидером в области EdTech.

В Султанате Оман, несмотря на критичную ситуацию с пандемией, переход на онлайн-обучение был неполным, правительство приложило максимум усилий, чтобы эта мера оставалась скорее опцией, чем обязанностью. Развитие Омана можно считать наиболее последовательным: внешние факторы едва ли способны повлиять на него. И несмотря на все минусы, это можно считать показателем того, что руководство страны стремится при любых обстоятельствах чётко придерживаться единой стратегии.

В целом, на сегодняшний день EdTech стал неотъемлемой частью систем образования в странах ССАГПЗ. В регионе появились новые возможности дистанционного обучения, а в настоящее время образовательные институты интегрируют передовые технологии, такие как AI/ML и робототехнику, чтобы улучшить процесс обучения и отслеживать прогресс студентов.

В дальнейшем создание мощной технологической инфраструктуры не только дополнит общее развитие образовательной экосистемы ССАГПЗ, но и укрепит тенденцию к высокому росту сектора и его инвестиционные возможности. «Сырьевой придаток» в ходе пандемии показал степень эффективности и перспективности, до которой далеко многим «передовым» странам мира.

Список литературы / References

Асмятуллин Р. Р. Страны арабского мира на мировом рынке услуг высшего образования: сотрудничество с Россией. *Международная торговля и торговая политика*. 2016. No. 3. С. 100–114 [Asmyatullin R. R. The Arab States on the Global Markets of the Higher Education: Cooperation with Russia. *International Trade and Trade Policy*. 2016. No. 3. Pp. 100–114 (in Russian)].

Мелкумян Е. С. Развитие арабских монархий Залива: прорыв в будущее. *Азия и Африка сегодня*. 2020. Вып. 2. С. 37–42 [Melkumyan E. S. Development of the Gulf Monarchies: Break to the Future. *Asia and Africa Today*. 2020. Iss. 2. Pp. 37—42 (in Russian)].

Соловьёва Ю. В. Инновационные системы стран Персидского залива: формирование и перспективы развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. Вып. 11. С. 36–42 [Solovieva U. V. National Innovative Systems of the Gulf States: Formation and Prospects of Development. *Asia and Africa Today*. 2019. Iss. 11. Pp. 36–42 (in Russian)].

Abouelnaga H. M. et al. A Survey on Educational Technology in Saudi Arabia. *International Journal of Applied Engineering Research*. 2019. Vol. 14. No. 22. Pp. 4149–4160.

Alhouti I. Education during the Pandemic: The Case of Kuwait. *Journal of Professional Capital and Community*. 2020. Vol. 5. Issue 3/4. Pp. 213–225.

Al Musawi A. Sh. Current Status of Educational Technologies at Omani Higher Education Institutions and Their Future Prospective. *Educational Technology Research and Development*. 2007. Vol. 55. No. 4. Pp. 395–410.

Alqarni A. A. Educational Technology in Saudi Arabia: A Historical Overview. *International Journal of Education, Learning and Development*. 2015. Vol. 3. No 8. Pp. 62–69.

Karkouti I. M. Qatar's Educational System in the Technology-Driven Era: Long Story Short. *International Journal of Higher Education*. 2016. Vol. 5. No. 3. Pp. 182–189.

Lightfoot M. *Education Reform for the Knowledge Economy in the Middle East: a study of education*

policy making and enactment in the Kingdom of Bahrain. Doctoral thesis. London: UCL Institute of Education, 2014.— 169 p.

Rassekh S. *Education as a Motor for Development*. Geneva: International Bureau of Education, 2004. — 47 p.

Slimi Z. Online Learning and Teaching during COVID-19: A Case Study from Oman. *International Journal of Information Technology and Language Studies (IJITLS)*. 2020. Vol. 4. Issue 2. Pp. 44–56.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Министр магИИ: зачем ОАЭ министр по искусственному интеллекту. *РБК* [Minister of fAIries: Why do the UAE need a Minister for the Artificial Intelligence? *RBK* (in Russian)]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5db858b39a7947f514da853d (accessed 03.07.2021).

Afsal M. How QF Universities Adapted to Distance Learning. *QRMedia*. URL: https://qrmedia.world/covid-19-how-qf-universities-adapted-to-distance-learning/ (accessed 17.07.2021).

Al-Hadjraf: I‘adat an-nazar fi-istratidjiyyat at-ta‘lim al-iliktruniy. *Al-Djarida* [Al-Hadjraf: Reconsidering the Strategy of the Electronic Education. *Al-Djarida* (in Arabic)]. URL: https://www.aljarida.com/articles/1462105847758140 0/ (accessed 05.07.2021).

Al Mulla Y. COVID-19: Kuwait Schools to Continue E-Learning for Second Semester. *Gulf News*. URL: https://gulfnews.com/world/gulf/kuwait/covid-19-kuwait-schools-to-continue-e-learning-for-second-semester-1.77125435 (accessed 16.07.2021).

Al Rayan Schools and Microsoft Successfully Conduct Remote E-Learning for More than 13,000 Students in Kuwait. *Microsoft News*. URL: https://news.microsoft.com/en-xm/2021/01/26/al-rayan-schools-and-microsoft-successfully-conduct-remote-e-learning-for-more-than-13000-students-in-5-schools/ (accessed 16.07.2021).

Apen-Sadler D. Most Private Schools in Bahrain to Reduce Tuition Fees or Postpone Payments. *Time Out Bahrain*. URL: https://www.timeoutbahrain.com/kids/440751-most-private-schools-in-bahrain-to-reduce-tuition-fees-or-postpone-payments (accessed 17.07.2021).

Balaji R. D., al-Fatnassi T., al-Mahri F. Social Impact of MOOC’ s in Oman Higher Education. *ResearchGate.* URL: https://www.researchgate.net/publication/274730339_Social_Impact_of_MOOC%27s_in_Oman_Higher_Education (accessed 09.07.2021).

Covid-19: AI-Powered E-Learning Platform in all UAE Public Schools Soon. *Khaleej Times*. URL: https://www.khaleejtimes.com/coronavirus-pandemic/covid-19-ai-powered-e-learning-platform-in-all-uae-public-schools-soon (accessed 15.07.2021).

Covid-19 — A Timeline of Developments across the Education Sector. *Bahrain This Month*. URL: https://www.bahrainthismonth.com/magazine/features/covid-19-a-timeline-of-developments-across-the-education-sector (accessed 17.07.2021).

Dajani H. Coronavirus: How UAE Moved Education for 1.2 Million Pupils Online after Outbreak. *UAE National News*. URL: https://www.thenationalnews.com/uae/education/coronavirus-how-uae-moved-education-for-1-2-million-pupils-online-after-outbreak-1.1073708 (accessed 14.07.2021).

Desh S. EdTech in the Era of a Pandemic: the GCC Perspective. *Khaleej Times*. URL: https://www.khaleejtimes.com/business/local/edtech-in-the-era-of-a-pandemic---the-gcc-perspective (accessed 12.07.2021).

Distance Learning in Times of COVID-19. *The United Arab Emirates` Government Portal*. URL: https://u.ae/en/information-and-services/education/distance-learning-in-times-of-covid-19 (accessed 14.07.2021).

Education Statistics. *The World Bank*. URL: https://datatopics.worldbank.org/education/indicators (accessed 29.06.2021).

ELearning, MLearning and Distance Learning. *The United Arab Emirates` Government Portal*. URL: https://u.ae/en/information-and-services/education/elearning-mlearning-and-distant-learning (accessed 13.07.2021).

Empowering Disadvantaged Communities Through Innovative Education. *UNESCO*. URL: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/empowering_disadvantaged_communities_through_innovative_educ/ (accessed 09.07.2021).

Farid S. UAE Top Performer in EdTech, Focus on Education. *EdArabia*. URL: https://www.edarabia.com/uae-top-performer-edtech-innovation/ (accessed 11.07.2021).

Gokulan D. Education in the UAE: Then, Now and Tomorrow. *Khaleej Times*. URL: https://www.khaleejtimes.com/kt-40-anniversary/education-in-the-uae-then-now-and-tomorrow (accessed 12.07.2021).

Has Covid-19 Changed GCC Education Forever? *Oxford Business Group*. URL: https://oxfordbusinessgroup.com/news/has-covid-19-changed-gcc-education-forever (accessed 13.07.2021).

How Coronavirus Crisis Reinvented Online Learning as a Necessity. *Arab News*. URL: https://www.arabnews.com/node/1722671/middle-east (accessed 15.07.2021).

Leading Efforts to Combat Coronavirus Pandemic. *UNESCO*. URL: https://iite.unesco.org/publications/leading-efforts-to-combat-coronavirus-pandemic/ (accessed 13.07.2021).

Madrasa (Mohammed bin Rashid Al Maktoum Global Initiative). URL: https://madrasa.org/ (accessed 12.07.2021).

Mingas M. TRA-Oman Greenlights Additional Spectrum During Covid-19. *Capacity Media*. URL: https://www.capacitymedia.com/articles/3825229/tra-oman-greenlights-additional-spectrum-during-covid-19 (accessed 16.07.2021).

Ministry of Education Launches Mzeed Educational Platform. *IloveQatar*. URL: https://www.iloveqatar.net/news/education/ministry-of-education-launches-mzeed-educational-platform (accessed 16.07.2021).

National Learning Platforms and Tools. *UNESCO*. URL: https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/nationalresponses (accessed 15.07.2021).

Ndichu D. Kuwait Picks Microsoft Teams for National Online Education Platform. *Gulf Business*. URL: https://gulfbusiness.com/kuwait-picks-microsoft-teams-for-national-online-education-platform/ (accessed 16.07.2021).

Ooredoo Joins Hands with Ministry of Education to Launch E-Learning Platform for Academic Year 2020-2021. *Ooredoo*. URL: https://www.ooredoo.om/AboutOoredoo/Media/PressReleases/DetailPressRelease/tabid/2375/ArticleId/4360/Ooredoo-Joins-Hands-with-Ministry-of-Education-to-Launch-E-Learning-Platform-for-Academic-Year-2020-2021.aspx (accessed 15.07.2021).

Q-Learning Witnesses 839,351 Text Messages Between Teachers, Students on March 31. *Peninsula Qatar`s Daily Newspaper*. URL: https://www.thepeninsulaqatar.com/article/03/04/2020/Q-Learning-witnesses-839,351-text-messages-between-teachers,-students-on-March-31?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_sO5c5C.azSrzQUvK7mBzTWhhBbFhjs.fXPidMIXw-FAE-1629242984-0-gqNtZGzNAyWjcnBszQaR (accessed 17.07.2021).

Quality Education. UN's 2030 Agenda. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/leaving-no-one-behind/4qualityeducation (accessed 11.07.2021).

Razzak N.A. E-Learning and National Innovation in Bahrain: Opportunities, Challenges, and Future Developments. Conference Paper. *ResearchGate.* URL: https://www.researchgate.net/publication/316989815_E-Learning_and_National_Innovation_in_Bahrain_Opportunities_Challenges_and_Future_Developments_April_2-3_2017 (accessed 08.07.2021).

Remote Learning for All Students Except Grade 12. *Times of Oman*. URL: https://timesofoman.com/article/94560-remote-learning-for-all-students-except-grade-12 (accessed 15.07.2021).

Saudi E-Learning Portal Ushers in 'New Normal' with Virtual Classrooms. *Arab News*. URL: https://www.arabnews.com/node/1730541/saudi-arabia (accessed 13.07.2021).

Saudi Electronic University. URL: https://seu.edu.sa/en/home/ (accessed 08.07.2021).

The Ministry of Education Strategy 2010–2020. URL: https://www.moe.gov.ae/Arabic/Docs/MOE _ Strategy.pdf (accessed 11.07.2021).

The Regional Centre for Information and Communication Technology. URL: www.regcict.com (accessed 09.07.2021).

UAE E-Learning Platform Reaches Senegal. *Bahrain News Agency*. URL: https://www.bna.bh/en/UAEelearningplatformreachesSenegal.aspx?cms=q8FmFJgiscL2fwIzON1%2BDu7X%2B%2FXk%2BCJHGebSRhFZdsQ%3D (accessed 03.07.2021).

University of Bahrain Goes all-in on AWS. *Amazon Web Services*. URL: https://aws.amazon.com/ru/blogs/publicsector/university-of-bahrain-goes-all-in-aws/ (accessed 17.07.2021).

Varghese J. WISE Initiative to Make Qatar Mena Frontrunner in EdTech. *Gulf Times*. URL: https://www.gulf-times.com/story/693178/WISE-initiative-to-make-Qatar-Mena-frontrunner-in- (accessed 10.07.2021).

Wamda Invests in Arabic Teacher Training Platform Aanaab. *Wamda*. URL: https://www.wamda.com/2020/03/wamda-invests-arabic-teacher-training-platform-aanaab (accessed 12.07.2021).

Wazir at-tarbiya: naffazna “al-flash maimuriy” fi 4 ashhur bi-taklifat 259 alf dinar. *Al-Anba’*. URL: https://www.alanba.com.kw/ar/kuwait-news/education/237505//-وزير-التربية-نفذنا-الفلاش-ميموري-اشهر-بتكلفة-الف-دينار-25-10-2011 (accessed 05.07.2021).

Waqf mashru‘ “at-Tablat” ba‘da hadr 26 milyun dinar! *Al-Qibs* [Suspension of the “al-Tablet” Project after Theft of 26 Millions of Dinars! *Al-Qibs* (in Arabic)]. URL: https://alqabas.com/article/514015--وقف-مشروع-التابلت-بعد-هدر-26-مليون-دين (accessed 06.07.2021).

World Population Prospects 2019. *United Nations*. URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Interpolated/ (accessed 30.06.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018002-0

Южнойеменский историк Ахмад Фадл ал-‘Абдали (1881–1943) о родной стране (по материалам исторического сочинения *Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан*)

South Yemeni Historian Ahmad Fadl al-‘Abdali (1881–1943) on His Native Land (Based on the Historical Work *Hadiyyat al-Zaman fi Akhbar muluk Lahdj wa ‘Adan*)

© 2021 **Дмитрий Валентинович Микульский**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
dmitrimikulski@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3239-1670

Dimitry V. Mikulsky

DSc (History). Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; dmitrimikulski@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3239-1670

Ахмад Фадл ал-‘Абдали (1881–1943) — замечательный деятель культуры Южного Йемена. Близкий родственник государей султаната Лахдж, он проявил себя как стихотворец, музыкант, садовод-любитель, военачальник, политик и, не в последнюю очередь, как историк. Описывая родной Лахдж и находившийся под управлением англичан Аден в историческом труде *Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан*, он явил себя подлинным адептом традиционной арабской исторической школы, который тем не менее усвоил некоторые «чужеземные» уроки и новации. Рассказывая об Ахмаде Фадле ал-‘Абдали и его историческом сочинении, автор статьи помещает исследование в широкий исторический контекст, делясь также собственными впечатлениями от посещения Южного Йемена в 1982 г.

Ключевые слова: Южный Йемен, Лахдж, Аден, Ахмад Фадл ал-‘Абдали, йеменская культура, йеменская поэзия, арабская историография

Для цитирования: Микульский Д. В. Южнойеменский историк Ахмад Фадл ал-‘Абдали (1881–1943) о родной стране (по материалам исторического сочинения Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 138–145. DOI 10.18254/S268684310018002-0

Ahmad Fadl al-‘Abdali (1881–1943) is a remarkable cultural figure of Southern Yemen. A close relative of the sovereigns of Sultanate of Lahdj, he displayed himself as a poet, a musician, a horticulturist, a general, a politician and, finally, a historian. While describing his native Lahdj and Aden, ruled by the British, in the historical work of *Hadiyyat al-Zaman fi Akhbar muluk Lahdj wa ‘Adan* al-‘Abdali revealed himself as a genuine adherent of the traditional Arabic school of history-writing, who nevertheless acquired some “alien” lessons and innovations. While telling the story of Ahmad Fadl al-‘Ablali and his work on history, the Author of the article puts his study into a broad historical framework, besides sharing with the reader his own impressions on the visit to Southern Yemen undertaken in 1982.

Keywords: Southern Yemen, Lahdj, Aden, Ahmad Fadl al-‘Abdali, Yemeni culture, Yemeni poetry, Arabic history writing

For citation: Dimitry V. Mikulsky. South Yemeni Historian Ahmad Fadl al-‘Abdali (1881–1943) on His Native Land (Based on the Historical Work Hadiyyat al-Zaman fi Akhbar muluk Lahdj wa ‘Adan). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 138–145. DOI 10.18254/S268684310018002-0

Недавно я прогуливался по старинной московской улице Малая Полянка. Остановился у роскошного многоквартирного дома, построенного на закате «могучего советского Рима», и, как и полагается истинному бедуину, оплакал здание, что прежде стояло на его месте. То было городское поместье родителей Аполлона Григорьева (1822–1864) [Арсеньев, 2014, с. 289]. Этому русскому литератору, как известно, принадлежит хрестоматийная фраза: «Пушкин — это наше все».

Понятно, что во многих культурах рода людского имеются такие исторические фигуры, что представляют собой для них их собственное «все». Таковой оказалась и весьма локальная культура исторической области Лахдж (или, в простонародном произношении, *Лахидж*), что располагается в Южном Йемене[1]. Главный город области порой также называют Лахджем, но чаще — ал-Хаутой. Она находится в двадцати пяти английских милях (примерно в тридцати семи километрах) к северо-западу от знаменитого города-порта Аден (‘*Адан*). Некогда Аден был неотъемлемой частью Лахджа. Согласно легендарно-мифологической истории Лахджа, название это не что иное, как имя некоего мифического прародителя коренных местных жителей, бывшего, в свою очередь, потомком родоначальника так называемых южных арабов (исконных арабов, *ал-‘араб ал-‘ариба*) Кахтана [Fischer, 1997].

Конечно, Кахтан (многих видных аравитян впоследствии называли этим именем) — весьма важный персонаж истории Аравии, однако не ему было суждено стать «всем» для «людей лахджийских». Пока же это «все» народилось, тамошние жители приняли ислам, подчинялись Праведным халифам (632–661) [Лэн-Пуль, 2004, с. 16, 19.], Омейядам (661–750) [Лэн-Пуль, 2004, с. 19], Аббасидам (749–1258) [Лэн-Пуль, 2004, с. 21.], локальным йеменским династиям, ветви египетских Аййубидов, владевших значительной частью Аравии (1174–1228) [Лэн-Пуль, 2004, с. 72], собственно йеменским Расулидам (1229–1442) и Тахиридам (1446–1517) [Лэн-Пуль, 2004, с. 72–74], в шестнадцатом –

1 См. изложение истории Лахджа: [Smith, 1986]. См. также: [Гусаров, 1981, с. 10–128].

семнадцатом столетиях Османским султанам (1299–1922) [Лэн-Пуль, 2004, с. 137–143] и Зайдитским имамам (1591–1962). Наконец, в 1728 г. вождь племени ʻабдал Фадл б. ʻАли б. Фадл б. Салих б. Салим отложился от государства Имамов и провозгласил себя султаном. Султанат стал называться Лахджийским, а основанная им династия — ал-ʻАбдали. Конечно, наступили мир и благоденствие, однако не все шло гладко под скипетром ал-ʻАбадила — дело в том, что в 1839 г. им пришлось уступить Аден английским морякам, которыми командовал капитан Хэйнс (Haines), а тот передал этот город-порт под власть британского Правительства Бомбея. Что же до султаната Лахдж и других южноаравийских монархий (Лахдж был самым крупным и сильным султанатом среди прочих), то над ними премудрые англичане установили протекторат. Конечно, и британцам, при всей важности Адена для Империи, там жилось не сладко. Достаточно сказать, что этот город, порт и округ служили местом ссылки для серьезно провинившихся английских военнослужащих [Гусаров, 1981, с. 7].

Как бы то ни было, жили-поживали и англичане-колонизаторы, и порабощенные южные йеменцы довольно мирно. В 1959 г., когда подули «свежие» ветры перемен, англичане, все же готовясь «уйти, чтобы остаться», провозгласили Федерацию эмиратов Юга, в правительстве которой тогдашний лахджийский султан Фадл б. ʻАли занимал ключевой пост министра обороны. Но вот — в Южном Йемене, явившись словно чертик из табакерки, победила народно-демократическая революция. Англичанам пришлось в 1967 г. эвакуироваться, а в еще недавно подвластной им стране была провозглашена Народная Демократическая Республика Южного Йемена, впоследствии — Йеменская Народная Демократическая Республика [Ланда, 2017, с. 408, 409]. Султаны, их родня и приспешники бежали в Саудовскую Аравию, извечный оплот всяческой реакции, многоженства и прочего безобразия. Такая же судьба постигла и ал-ʻАбадила. Правда, как в конце 1970-х гг. мне рассказывали южнойеменские слушатели Академии общественных наук при ЦК КПССЮ, темные и забитые земледельцы некоторое время продолжали считать их своими господами и отправляли за границу положенную часть урожая, пока революционное власти по-товарищески не просветили народ касательно того, что так поступать не следует. Ну а сам Лахдж переименовали во Вторую провинцию[2].

Судьбе было угодно, чтобы в ал-Хауте, в султанском дворце, появился на свет в 1881 г. Ахмад Фадл б. ʻАли Мухсин ал-ʻАбдали, который и стал «всем» и для лахджийской, и для южнойеменской, и для культуры Йемена в целом[3]. Ахмад Фадл приходился племянником тогдашнему лахджийскому султану. Поэтому с первых дней своей жизни он был окружен заботой и попечением. Была у его родителей служанка, происходившая из некоего бедуинского племени. Звали ее архетипическим именем Марйам. Так вот, она научила мальчишку пению и танцам. Когда он немного подрос, самые многоученые факихи ал-Хауты помогли ему постигнуть премудрости арабской грамоты, заставили выучить наизусть Коран и научили произносить его нараспев, после наставили своего питомца в основах фикха (мусульманского правоведения). Все это пришлось для отрока весьма кстати, ибо поэтический талант проявился у него в весьма раннем возрасте. Передают об Ахмаде Фадле ал-ʻАбдали, что, будучи уже в довольно зрелом возрасте, он пробуждался среди ночи, декламировал домашним новое стихотворение, потом

2 О социокультурной ситуации в Южном Йемене в 1960-е – 1990-е гг. см.: [Суворов, 2003, с. 16–19]. Исторические области, входившие в состав Демократического Йемена, обозначались порядковыми номерами в соответствии с тем, как они географически располагались с запада на восток. Исторические названия были восстановлены в 1980 г. [Гусаров, 1981, с. 128].

3 См. биографию Ахмада Фадла ал-ʻАбдали в: Ахмад Фадл ал-Кумандан. *Викибидийа.* Ал-Маусуʻа ал-хурра. URL: https://ar.m.wikipedia.org/wiki/أحمد_فضل_القمندان (accessed 17.10.2021).

засыпал. Утром же ничего не помнил, так как сочинял не он сам, а покровительствовавший ему джинн [Суворов, 2021, с. 152].

Пригласили также учителей музыки и пения, по происхождению сирийцев. Юный Ахмад Фадл тогда не только научился играть на традиционных арабских музыкальных инструментах, но также и на скрипке, равно как и освоил европейскую нотную грамоту. Помимо того, он с ранних лет увлекся военным делом (наверное, дома играл в солдатиков, а когда ездил с отцом и другими родственниками-мужчинами в Аден, с восторгом смотрел на всамделишных марширующих английских солдат). Выучил английский язык у двоих аденцев, которые, видимо, служили в английской колониальной администрации. Кроме того, молодой эмир увлекался садоводством. Итак, сформировался почти что «Совершенный человек». Недаром впоследствии некий южнойеменский журналист сравнил Ахмада Фадла со знаменитым арабским поэтом и теоретиком поэтического мастерства Ибн ал-Муʻтаззом (861–908), жившим в девятом столетии, — правда судьба Ибн ал-Муʻтазза сложилась трагично (Ибн ал-Муʻтазз, родственник Аббасидских халифов, впал в соблазн стремления к власти и погиб)[4].

Что до Ахмада Фадла, то его жизнь сложилась куда счастливее, хотя и ему довелось пережить «минуты роковые» сего мира.

Итак, он прославился как поэт. Сочинял стихи на диалекте, пропагандируя в них новые знания и житейские навыки. Писал, конечно, и о любви — какой поэт не сочиняет об этом! Перелагал собственные стихи на музыку и организовал музыкальный ансамбль, которым и руководил. Записывал песни на граммофонные пластинки. Видимо, значительно выбивался из традиционных рамок, потому что ряд факихов в ал-Хауте и Адене издал фетвы, которыми воспретил мусульманам слушать его песни и декламировать стихи. Однако Ахмад Фадл, наставленный в фикхе с детства, сумел доказать, что они не правы. Двух дочерей (сыновей-то Бог не дал) научил музыке и пению. Организовал Арабский литературный клуб в Адене, а также ряд других подобных клубов и начальных школ по всему царству Лахджийскому широкому. Издан диван его стихотворений. В красивейшем особняке Ахмада Фадла, что стоит на главной улице ал-Хауты, действовала руководимая им музыкальная школа. После революции особняк национализировали. Там сначала размещалась администрация некоего профсоюза, а после поселили трудящихся. В таком состоянии это дом пребывает, согласно данным, которыми я располагаю, и до сего дня. Можно представить себе, как он загажен. Наверное, так же, как и дома в Адене, где располагались квартиры английских офицеров — там при народной власти проживали партийные чиновники. Я сам это видел в феврале 1982 г. Словом, то стихотворец, то музыкант, то просветитель.

В одном из семейных земельных владений Ахмад Фадл устроил замечательный сад, привозил туда редкие растения, которые лично покупал в Индии и Египте, вел дневник наблюдений за их развитием. При революционерах сад национализировали, а в 1992 г. возвратили потомкам Ахмада Фадла. Словом, то садовод и, возможно, по совместительству, плотник.

В 1914 г. лахджийский государь назначил Ахмада Фадла командующим регулярными войсками султаната. Началась Первая мировая война. Нужны были новобранцы, но никто, кроме соплеменников правящей фамилии и их *мавали* [5], вступать в ряды вооруженных сил не желал. Тогда Ахмад Фадл обратился к соотечественникам со стихотворением, где говорил, что служить отчизне мечом — великая честь. Неизвестно, имела ли эта касыда общественный резонанс, однако вскоре Ахмаду Фадлу пришлось не только усмирять взбунтовавшихся бедуинов, что принялись разбойничать на больших дорогах, но и попытаться защитить северные пределы султаната от османских войск, вторгшихся из Северно-

4 См. о судьбе и творчестве Ибн ал-Муʻтазза: [Фильштинский, 1986, с. 416–427].

5 *Мавали* (мн. ч. от *маула*) — зависимые люди, вольноотпущенники, «клиенты» [Crone, 1991].

го Йемена. Трудно сочетать в себе художественные и военные таланты, подобно Фридриху Великому. Войска Ахмада Фадла были разбиты, османы заняли ал-Хауту, а сам он, вместе с другими сородичами, укрылся в Адене под защитой англичан. Османский командующий пытался привлечь героя нашего повествования на свою сторону, но тот с негодованием отказался. Более того, был провозглашен регентом Лахджийского султаната в изгнании, а позже передал бразды правления законному претенденту на власть. За такие заслуги перед Британской империей англичане сделали его кавалером Ордена Святых Михаила и Георгия [Михаила св. и св. Георгия Орден, 1896, с. 477] и произвели в офицеры со званием Commander (аналогично капитану второго ранга). По этой причине среди своих земляков Ахмад Фадл получил почетное прозвание *ал-Куминдан*. Словом, то герой и, возможно, мореплаватель — он же путешествовал и в Египет, и в Индию.

Наверное, после Первой мировой войны житие нашего героя текло довольно мирно. Именно тогда он опубликовал ряд статей просветительского характера в аденской газете *Фатат ал-Джазира* («Девушка [Аравийского] полуострова»). Среди прочего, разоблачал народных целителей, знахарей, которых считал шарлатанами. Сочинил и историю родного государства под названием *Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан* («Дар времени касательно царей Лахджа и Адена» — (впервые издано в 1351 (1932—1933) г. х. в Каире; автор этих строк обладает бейрутским репринтом 1980 г. [*Хадийат аз-заман…* 1980]), продолжал сочинять стихи и музицировать. Вторая мировая война, к счастью, обошла Южный Йемен стороной.

Сам Ахмад Фадл, по свидетельству людей, знавших его лично, был человеком открытым, дружелюбным, милостивым к нижестоящим. В последние годы его жизни здоровье стало подводить. Герой нашего повествования впал в депрессию и был поражен многими физическими недугами. Наверное, английские врачи мало чем смогли ему помочь; поэтому Ахмад Фадл прибег к помощи тех самых знахарей-шарлатанов, невежество которых еще совсем недавно высмеивал. Но и они оказались бессильны.

В августе 1943 г. эмир Ахмад Фадл отдал Богу душу и был похоронен с воинскими почестями во дворе мечети Масджид ад-Даула, что в ал-Хауте. На похоронах присутствовали многие знаменитые люди той эпохи, в том числе, и тогдашний египетский премьер-министр Мустафа ан-Наххас (1879–1965)[6].

Скорее всего, могила Ахмада Фадла сохранилась, — у арабов не принято тревожить прах покойных. Правда, в свое время Аббасиды разорили могилы свергнутых Омейядов [Maçoudi, p. 471–472]. Хочется надеяться, что революционеры не осмелились осквернять захоронения ал-‘Абадила: им не хотелось совсем уж озлоблять *людей лайхджийских*, которым мероприятия новых властей не всегда были по сердцу. Тем более, что в конце восьмидесятых годов подули новые (или старые?) ветра. Два Йемена, Северный и Южный, объединились в 1989 г. [Ланда, 2017, с. 424]. С Севера стали возвращаться потомки традиционных властителей. В 1988 г. прошел фестиваль, посвященный творчеству Ахмада Фадла ал-‘Абдали. Нашего героя справедливо провозгласили одним из символов лахджийской и южнойеменской культуры. Один из внуков эмира унаследовал музыкальный талант деда и время от времени дирижирует оркестром, который исполняет песни, сочиненные Ахмадом Фадлом.

Так Ахмад Фадл стал для Йемена «их всем».

Однако — где Малая Полянка (в окрестностях ее вырос автор) и где Южный Йемен? Судьбе распорядилась так, что в феврале 1982 г. от пределов московской улицы я отправился в Аден, чтобы осуществлять синхронный перевод на конференции, посвященной ядерному разоружению на Ближнем Востоке (эту конференцию проводил Всемирный Совет Мира под

6 См. об этом крупнейшем египетском политике первой половины XX в.: [Hopwood, 1993].

руководством достославного Ромеша Чандры (1919–2016) [Чандра Ромеш, с. 18, ст. 40]). Пребывая в Адене, вышел однажды на площадь, где не только восседали немолодые мужчины, вооруженные пишущими машинками (это были писцы с новыми для того времени инструментами своего ремесла, помогавшие аденцам и приезжим составлять всякие прошения), но и располагались книжные развалы. Там-то я и приобрел, наряду с несколькими другими очень ценными для меня книгами, второе, офсетное, издание *Хадиййат аз-заман…* Предварительно полистав книгу, увидев в ней фотографии лахджийских султанов и вельмож, в тюрбанах, халатах и с саблями, и поняв, о чем она, я подумал, что южнойеменский народно-демократический «прижим» не такой тотальный, как советский, — у нас в те времена было бы немыслимо найти в открытой продаже изданную за границей книгу с портретами покойного государя, его семейства и великих князей.

Словом, приобретя этот памятник, я поставил его на полку «средь пожелтевших книг», часто брал в руки, листал, читал, показывал коллегам, но взяться за исследование или перевод так и не решался — слишком непростым и неоднозначным представлялся мне этот текст, да и *дням тем довлела злоба их*. И прошло так ровно тридцать лет и девять годов. За это время у меня накопился некий опыт изучения арабских исторических сочинений Нового и Новейшего времени, которые, как представляется, в основе своей глубоко традиционны, обладая лишь некоторыми нововведениями, главным образом, заимствованного характера. Таковым же (т. е., традиционным, но «дрейфующим» в направлении модернизации), при поверхностном знакомстве, мне представлялось и сочинение Ахмада Фадла ал-ʻАбдали. Наконец, настал 2021 год, и я, сжигая корабли, внес тему нынешнего доклада в планкарту, ибо полагаю, что всякое академическое ружье должно выстрелить. Стал читать *Хадиййат аз-заман…* и, по своему обыкновению, расписывать содержание книги на карточки; тезисы же доклада я сочинил, прежде чем приступил к этой работе.

Что же я выяснил?

Памятник сугубо традиционный, хотя автор главным образом опирается на собственные материалы, в том числе, и на местные хроники. Впрочем, так и положено. Ссылки на английские научные труды единичны. Такие ссылки автор никак, в смысловом отношении, особо не выделяет, трактуя их точно также, как и выдержки из сочинений средневековых арабских историков и географов (подход абсолютно традиционный). Подобные ссылки изобилуют в главе первой памятника, где показано место Лахджа и собственно Адена в ранней арабской и аравийской истории [*Хадиййат аз-заман…* с. 4–9]. Что же до главы второй, в которой ал-ʻАбдали повествует о городах и весях своей малой родины, то там преобладают «полевые материалы», собранные самим автором [*Хадиййат аз-заман…* с. 10–15]. В главе третьей Ахмад Фадл рассказывает мифологическую и раннюю истории Адена (возможно, Аден — это Эдемский сад; здесь некоторое время пребывал Каин) [*Хадиййат аз-заман…* с. 16–23]. В главе четвертой помещено стихотворение наиболее замечательного из аденских поэтов ат-Такрити [*Хадиййат аз-заман…* с. 24–28]. В главе пятой ал-ʻАбдали повествует о вади и прочих природных достопримечательностях родной стороны [*Хадиййат аз-заман…* с. 29–36]. В остальных же главах *Хадиййат аз-заман…* он доводит повествование вплоть до 1349 (1930—1931) г .х. [*Хадиййат аз-заман…* с. 288].

Сам перечень основных тем, на которых останавливается наш автор, показывает, что он являет себя традиционным арабским историком — первоначально рассказывает о той историко-географической арене, где будет разыгрываться историческая драма, а потом излагает ее саму.

Чтобы предметно продемонстрировать манеру изложения материала, присущую Ахмаду Фадлу, постараюсь проанализировать те сведения, которые он приводит о своей родной ал-Хауте, столице Лахджийского султаната.

Итак, материалами об ал-Хауте открывается глава вторая исследуемого труда [*Хадиййат*

аз-заман… с. 11–12]. Эти материалы занимают 28,0 строки и распадаются на шесть тематических блоков.

1. **История ал-Хауты.** Избрана столицей наместниками имамов ал-Мутаваккила и ал-Мансура. После стала столицей государства шейха Фадла б. ʻАли ал-ʻАбдали (1730–1731).
2. **Население города.** Пребывают здесь служащие государственных учреждений. Жителей 10–12 тысяч. Все они арабы. Имеются йеменские евреи и сомалийцы. Много потомков смешанных браков.
3. **Особенности местного быта.** [По старой памяти], люди лахджийские называют медные монеты, выбитые от имени султана ал-ʻАбдали, *манасир* (ед. ч. *мансури* в честь имама ал-Мансура. — *Д. М.*).
4. **Архитектурные достопримечательности.** Дар Хамади и Дар ʻАбдаллах — бывшие резиденции имамов ал-Мутаваккила и ал-Мансура. 11 мечетей; 30 колодцев питьевой воды. Самые известные мечети: Мечеть ас-саййида ʻОмара б. ʻАбдаллаха ал-Мусави (XVII в.); *Масджид ад-Даула* (1874–1875 гг.); одно из красивейших зданий страны; возведено в индийском стиле. (Во дворе этой самой мечети и был погребен герой нашего повествования.) Одно из древнейших зданий ал-Хауты — Мечеть саййида Хусайна б. Ахмада ал-Мусави, которую он построил в 892 (1486–1487) г. х.
5. **Мавзолей местного праведника.** [Город ал-Хауту] называют ал-Хаута ал-Джифарийя в честь знаменитого наместника Музахима би-л-Джифар. К [его мавзолею] ежегодно в месяце раджаб совершается *зийара*. Эта *зийара*, или же *маулид*, один из важнейших праздников Страны Лахджийской. Торговцы ожидают месяц раджаб и тогдашнее празднество как время блага (*маусим ал-хайр*). В Лахдж тогда прибывают посланцы из всех соседних стран и предлагают многочисленные товары. Поэтому следующий за *зийарой* день стал сроком уплаты долга. В силу этого говорится «утро раджаба» (*субхийят раджаб*), а имеется в виду утро [дня] следующего за *зийарой*, что в раджабе.
6. **Кварталы города.** Кварталов ал-Хауты 13. [Перечисляются]. (Названия даны по племенам и кланам, проживающим в том или ином квартале. — *Д. М.*).

Итак, представленные материалы, как думается, свидетельствует, что Ахмад Фадл ал-ʻАбдали был и остается традиционным деятелем южнойеменской и лахджийской культуры (именно поэтому его творчество так нравится нынешним сынам Лахджа и Адена, а сам он сделался для них «всем»). Ну а что порой ходил в английском костюме с тросточкой, играл на скрипке и владел английским языком, так это дань времени, «эпохи английского владычества».

Мне известно, что ныне, когда Южный Йемен вновь, как и прежде, стремится обрести государственную самостоятельность, на его территории формируются ополчения по «провинциальному» принципу. Есть, например, ополчение сокотрийское (Сокотра — это остров, принадлежащий Южному Йемену, где сохранились древний семитский язык и существенные элементы доарабской бытовой и духовной культуры[7]). Думаю, действует и ополчение лахджийское, которое, маршируя, «бравые песни поет» — песни на слова и музыку Ахмада Фадла ал-ʻАбдали.

Список литературы / References

Арсеньев Б. В. *Неисчерпаемая Якиманка. В центре Москвы — в сердцевине истории*. М.: Центрполиграф, 2014. — 494 с. [Arseniev B. V. *Inexhaustible Yakimanka. In the Center of Moscow — at the Heart of History*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2014. — 494 p. (in Russian)].

Гусаров В. И. *Аден*. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — 163 с. [Gusarov V. I. Aden. Moscow: Nauka, GRVL, 1981. — 163 p. (in Russian)].

7 См. о Сокотре и прилегающих к ней островах: [Наумкин, 2012].

Ланда Р. Г. *История арабских стран* (*учебник*). М.: Институт стран Востока – Институт востоковедения РАН, 2017. — 320 с. [Landa R. G. History of Arab Countries (A Textbook). Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2017. — 320 p. (in Russian)].

Лэн-Пуль С. *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*. Пер. с англ., прим. и доп. В. В. Бартольда. М.: Восточная литература, 2004. — 312 с. [Lane-Poole S. *Moslem Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions*. Tr. from English, comm. and addenda by V. V. Bartold. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. — 312 p. (in Russian)].

Михаила св. и св. Георгия Орден. *Энциклопедический словарь*. Т. XIXа. СПб: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. С. 477 [The Order of Saint Mikhael and the Order of Saint George. *Encyclopedic Dictionary*. Vol. XIXa. Saint Petersburg: Efron Publ., 1896. P. 477 (in Russian)].

Наумкин В. В. *Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2012. — 529 с. [Naumkin V. V. *The Islands of the Socotra Archipelago (Expeditions of 1974—2010)*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. — 529 p. (in Russian)].

Суворов М. Н. Потусторонний мир в арабской краеведческой художественной литературе Йемена. *Посредничество между реальным и потусторонним миром в мусульманских религиозных практиках*. М.: Изд-во РГГУ, 2021. С. 149–153 [Suvorov M. N. The Otherworld in the Arabian Local Lore Fiction of Yemen. *Mediation between the Real and the Other World in Muslim Religious Practices.* Moscow: Russian State University for the Humanities, Publishing house, 2021. Pp. 149–153 (in Russian)].

Суворов М. Н. *Аль-ʻУрр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафиʻ (Йемен)*. СПб: СПбГУ. Восточный факультет, 2003. — 243 с. [Suvorov M. N. *Al-ʻUrr and Samar are Honoring the Guests. Holiday Poetry from Yafi ʻ(Yemen)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Oriental Studies, 2003. — 243 p. (in Russian)].

Фильштинский И. М. *История арабской литературы*. V – начало X века. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. — 531 с. [Filshtinskyi I. M. *History of Arabic Literature*. Moscow: GRVL, 1985. — 531 p. (in Russian)].

Хадийат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ʻАдан. Таʼлиф Ахмад Фадл б. ʻАли Мухсин ал-ʻАбдали. Ат-Табʻа ал-ула 1351. Ат-Табʻа ас-санийа 1400 х–1980 м. Бейрут: Дар ал-ʻауда, 1980 [Hadiyyat al-Zaman fi Akhbar muluk Lahdj wa ʻAdan. *Ta'lif Aḥmad Faḍl ibn ʻAlī Muḥsin al ʻAbdalī. At-Tab'a al-ula 1351. At-Tabʻa as-saniia 1400 h — 1980 m*. Beirut: Dar al-ʻauda, 1980 (in Arabic)].

Чандра Ромеш. *Большая Советская Энциклопедия*. 3 изд. Т. 29. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 18. Ст. 40 [Chandra Romesh. *Great Soviet Encyclopedia*. 3rd Ed. Vol 29. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1978. P. 18. Art. 40 (in Russian)].

Crone P. Mawla. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Leiden: E. J. Brill; 1991. Vol. VI. Pp. 874–882.

Fischer A. [Irvine A. K.] Kahtan. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Vol. IV. Third Impression. Leiden: E. J. Brill, 1997. Pp. 447–449.

Hopwood D. Al-Nahhas Mustafa. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Vol. VII. Leiden – New York: E. J. Brill, 1993. Pp. 905–905.

Maçoudi. *Les prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. Tome cinqième. Paris: Société Asiatique. Collection d'ourages orientaux. Imprimé par autorisation de l' Empereur a l'Imprimerie Imperiale, M DCCC LXIX, 1869. — 536 p.

Smith G.R. *Lahdj*. EI2. Vol. V. Leiden: E.J. Brill, 1986. Pp. 601–602.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ахмад Фадл ал-Кумандан. *Викибидийа. Ал-Маусуʻа ал-хурра* [Ahmad Fadl al-Kumandan. *Wikibidiia. Al-Mausu'a al-hurra*. (in Arabic)]. URL: https://ar.m.wikipedia.org/wiki/أحمد_فضل_القمندان (accessed 17.10.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018003-1

Как засолить дракона: классический арабо-античный рецепт

How to Pickle a Dragon: Classic Arab-Antique Recipe

© 2021 **Валерий Анатольевич Матросов**

преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ и Восточного факультета ГАУГН, Москва, Россия
vam_179@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

Valeriy A. Matrosov

lecturer of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Relations, National Research University "Higher School of Economics" and Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; vam_179@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

© 2021 **Мария Васильевна Кривошеева**

студентка Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия; krivvosh@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

Maria V. Krivosheeva

student of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Relations, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
krivvosh@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

Статья посвящена систематизации и изложению слегка разрозненной информации, касающейся двух удивительных «творений Аллаха» — *тиннина* и *суʻбана*, которые могут считаться двумя «классическими» драконами арабо-исламской традиции. Несмотря на то, что эти существа скорее находили отражение в фольклоре, сказочном материале, на то что предания о них и причиняемых ими напастях в основном передавались в рамках устной традиции, по прошествии веков сведения о *тиннине* и *суʻбане* можно почерпнуть лишь в средневековых трактатах. Подобный характер источников, возможно, лишает читателя возможности детально ознакомиться с этими удивительными созданиями как с элементом верований рядовых жителей Халифата, зато позволяет более фактурно проследить кросс-культурные связи: *тиннин* и *суʻбан* оказываются тесно переплетены не только с семитской традицией, но и с античной. Впрочем, даже если эти два существа перекликаются с семитскими и древнегреческими драконами (а если брать шире, — и с привычными нам крылатыми рептилиями из преданий Западной Европы, и с длинноусыми и бескрылыми драконами Китая), они не лишены определенной аутентичности, а связанные с ними предания, хотя некоторые из них и содержат архетипичные сюжеты, в большинстве своем весьма оригинальны. Основная часть статьи состоит из трех небольших разделов — первый посвящен характеристике *тиннина*, а третий — описанию *суʻбана*. Второй раздел содержит предания о *тиннине*, имеющие вид законченных сюжетных историй. Базовым источником информации послужили «Чудеса творений» Закарии аль-Казвини, однако ряд подробностей, деталей, сюжетных поворотов почерпнут у других авторов, начиная с великого популиста исламской науки аль-Джахиза и заканчивая авторами географических и биологических трактатов XIV–XV вв. В заключении приводятся соображения о роли *тиннина* и *суʻбана* в развитии исламской космологии, делаются предположения о том, каким образом в арабо-мусульманской среде развивались параллельно две «драконовые» традиции, и стоит ли отождествлять или разводить в разные стороны двух упомянутых существ.

Ключевые слова: тиннин, суʻбан, драконы, исламская космология, исламская мифология, арабский фольклор

Для цитирования: Матросов В. А., Кривошеева М. В. Как засолить дракона: классический арабо-античный рецепт. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 146–157. DOI 10.18254/S268684310018003-1

This article focuses on systematization and presentation of slightly scattered information concerning two amazing “creations of Allah” — Tinnin and Suʻban, which can be considered as two “classic” dragons of the Arab-Islamic tradition. Despite the fact that these creatures were mentioned in folklore, fairy-tale material, and also legends about them were transmitted using oral tradition, the information about the Tinnin and Suʻban can be gleaned only in medieval treatises over the centuries. Such sources, perhaps, deprive the reader of the opportunity to get acquainted in detail with these amazing creatures as an element of the beliefs of the ordinary inhabitants of the Caliphate, but this allows tracing cross-cultural ties: the Tinnin and Suʻban are closely intertwined not only with the Semitic tradition, but also with the ancient one. Even though these two creatures have something in common with the Semitic and ancient Greek dragons (and moreover, with the winged reptiles we are used to from the legends of Western Europe, and with the mustachioed beasts from China), they are not devoid of a certain authenticity. Not only the legends associated with them, but also which contain archetypal plots are original. The main body of the article consists of three sections — the first one looks into the characterization of Tinnin, the third one into the description of Suʻban. The second section contains legends about Tinnin, which look like complete storylines. The basic source of information was the “Miracles of Creations” by Zakariya al-Qazwini, but several details and plot twists were borrowed from other authors — beginning with the great populist of Islamic science al-Jahiz and ending with the authors of geographical and biological treatises of the 14th–15th centuries. In conclusion the authors give some considerations regarding the role of Tinnin

and Su'ban in the development of Islamic cosmology, as well as assumptions are made about how the two "dragon" traditions developed in parallel in the Arab-Muslim environment, and whether it is worth identifying or separating the creatures mentioned in the article.

Keywords: tinnin, su'ban, dragons, Islamic cosmology, Islamic mythology, Arabic folklore

For citation: Valeriy A. Matrosov, Maria V. Krivosheeva. How to Pickle a Dragon: Classic Arab-Antique Recipe. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 146–157. DOI 10.18254/S268684310018003-1

В фольклоре каждого народа можно найти сюжеты и истории, связанные с драконами, гигантскими змеями и подобными им существами. Так, в Европе представления о таких созданиях зародились в глубокой древности, а в период античности сформировались в полноценный элемент мифологической картины мира.

Когда мы открываем страницы трудов древнегреческих авторов, наше внимание сразу привлекает множество разнообразных фантастических и мифических существ, однако в контексте настоящего материала мы упомянем всего два — точнее, интерес для нас представляют Ехидна и Тифон. Согласно Гесиоду[1], **Ехидна** имела божественное происхождение и восхитительный облик: наполовину прекрасная лицом быстроглазая нимфа, а наполовину чудовищный змей, большой и кровожадный [*Античная лирика*, 2001, с. 38]. Проживала бессмертная Ехидна в недрах земли в пещере под скалой, вдали от богов и смертных людей. Избранником чудовища стал Тифон, у которого нижняя часть тела состояла из свернувшихся в кольца змей, а руки простирались далеко в обе стороны и также заканчивались неисчисляемым количеством змей. **Ослиная голова Тифона касалась звезд, а огромные крылья затмевали солнце** [Аполлодор, 1972, с. 10].

Именно эта чудовищная пара оказалась хтоническими праматерью и праотцом большинства чудовищ греческой мифологии. Представления о змеях и родственных им существах как о древнем символе самой земли, о неразрывно связанных с окружающей стихией существах, олицетворявших одновременно вечность и смерть, закрепились в культуре греков на правах архетипа. Подобные создания не ограничивались Ехидной и Тифоном — змеи и драконы, ужасный Пифон, три сестры-горгоны, Сфено, Эвриала и Медуза, также принадлежали к той же категории.

Впоследствии на Западе едва ли можно было найти народ или племя, у которого не оказалось своего дракона — от Ёрмунганда в скандинавских странах до тварей из патериков, укрощенных тем или иным святым, от геральдических виверн до русского Змея-Горыныча. В отличие от Южной или Восточной Азии, где змеи и родственные им мифологические существа имели зачастую положительную символическую нагрузку (в китайской культуре дракон и вовсе символизирует светлое мужское начало мира — ян и ассоциируется с императорской властью), западных тварей объединял чудовищный характер и отрицательное отношение со стороны других персонажей связанных с ними сюжетов.

Однако генеалогия зловещих змееподобных существ Европы идет не из автохтонной греческой традиции, а с Востока — только не такого дальнего, как Китай или Япония. Вероятно, единого источника представления о драконах и других змееподобных хтонических существах, не существовало: так, происхождение уже упомянутого Тифона возводят то к хеттам, то к семитским народам Сирии, а довольно популярный в алхимии и эзотерике некогда символ

1 Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. Его «Теогония» выступает одним из самых ранних и полных собраний греческих мифов, базовым источником для «Мифологической библиотеки» Аполлодора, «Метаморфоз» Овидия и т. д.

Илл. 1. **Тиннин — «мировой змей» арабов**
© Национальная библиотека Франции, XVIII в. (Здесь и далее — фрагменты двух рукописей «Чудес творения» Закарии аль-Казвини)

змеи, кусающей себя за хвост, легший в основу представлений о Мировом змее у германских племен и скандинавов, принято считать происходящим из Египта уроборосом.

Прошло много столетий. На смену древним грекам и римлянам в качестве двигателя европейского развития пришли новые народы, но, хотя никто давно не верит в сестер-Горгон или свирепую Ехидну с глазами нимфы, драконы остались неотъемлемой частью европейских культур. Совсем другие, крылатые и рогатые, далекие от древних образов огромных змей и змеелюдей, драконы трансформировались, но не пропали.

На смену древним египтянам, хеттам, семитским племенам Сирии на Ближнем Востоке также пришли новые народы — арабы, турки, персы. Мифологическое мировоззрение этих людей во многом определялось исламом, сравнительно поздно возникшей и своеобразной религией, доктрина которой выступала против многих древних поверий, включая и веру в удивительных существ. Безусловно, ислам, признававший безграничность возможностей Аллаха и творимых им чудес, не предполагал сурового реализма и приземленности, однако многие создания — оборотни, гигантские птицы и прочие существа — оказались под прямым запретом в текстах достоверных хадисов.

И тем не менее эти создания не были вытеснены целиком. Менталитет мусульманских народов позволил сохранить богатство окружающего бытия, в том числе, его фантастических элементов. В давние времена мир вокруг мусульманина был наполнен не только другими людьми и привычными животными, такими как кошки, овцы, тигры, олени или слоны, но и существами гораздо более удивительными: персонажами сказок, преданий и легенд, рассказов путешественников и купцов, выходцев из дальних краев.

В ярком параде необычных созданий присутствовали и драконы, причем не один, а минимум два. Возможно, их было и больше, однако в рамках данного очерка мы предлагаем кратко познакомиться именно с двумя представителями мировой мифологической фауны: с *тиннином* (*Илл. 1*) и *су'баном*. Будучи своеобразными рудиментами древних традиционных мифологических представлений, эти чудесные существа благополучно просуществовали в представлениях арабов и соседних народов как минимум до конца средневековья.

Интерес к изучению данной темы подогревает не только то соображение, что драконы едва ли ассоциируются с арабской культурой в узком смысле и исламской культурой в целом, но и то, что истории и сюжеты, связанные с ними и приводимые в текстах трактатов, неизменно указывают на бóльшую реалистичность этих существ, чем их «коллег». Например, гигантская птица *'анка'* (нечто среднее между иранской птицей рух и греческим фениксом; ближе к первой)

когда-то жила среди людей, однако последним, кто ее видел, был некий древний пророк времен царя Сулеймана. За проступки *‘анка’* была изгнана на острова к югу от экватора, куда не ступала нога человека [El-Cazwini, 1848, p. 419–420]. Это очевидный миф, с корнями, ушедшими глубоко в толщу истории.

С драконами все по-другому: в Антиохии (вернее, уже Антакии) во времена расцвета исламской культуры показывали минарет со скошенной верхушкой, которую смахнул хвостом *тиннин*, существовало предание о том, как подобную зверюгу засолил великий Гиппократ (а ведь он явно ближе к нам, чем Сулейман-Соломон!), а части тела *тиннина* и его «родича» *су‘бана* продавали на рынках и использовали в качестве снадобий.

Источниками сведений выступают несколько классических трактатов. Древнейшим из них, вероятно, служит «Книга о животных» аль-Джахиза (775–868), причем, несмотря на весьма вольную структуру многотомного трактата, сведения об удивительных змеях (а *тиннин* и *су‘бан*, безусловно, относятся к змеям) собраны относительно компактно. Наиболее полным и последовательным выступают «**Чудеса творения и диковинки существующего**» Закарии аль-Казвини (1203–1283), причем в рамках этого трактата по крайней мере *тиннин* показан с разных сторон, через призму разных сфер. Из литературы географического характера задействованы «Жемчужина чудес» Ибн аль-Варди (1291–1348) и «Благоухающий сад» ‘Абд аль-Му‘нима аль-Химьяри (ум. 1495); из литературы биологической — «Великая [книга] о жизни животных» Камаль ад-Дина ад-Дамири (1341–1405).

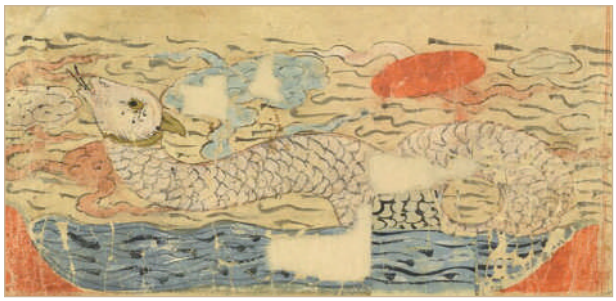
Данная статья не направлена на то, чтобы доказать, что драконы окружали средневековых мусульман в рутинном порядке или взаправду выпадали дождем где-то в районе Сибири, как можно будет заключить из одного из приведенных ниже сюжетов. На то, чтобы доказать, что арабы и персы были фантазерами и занимались мифотворчеством, она также не направлена — тем более, кто знает, не мог ли дракон взаправду обрушить антиохийский минарет? Аргументация того, что драконы в арабской культуре действительно имели место, также не может служить основной задачей: это просто констатация факта. Скорее, не вполне строгой академической целью ставится структуризация небольшого, но немного разрозненного пласта информации, посвященного двум чудесным творениям Аллаха — *тиннину* и *су‘бану*.

Устрашающий *тиннин*

Сейчас сложно судить, к сколь глубокой древности относится возникновение представление о *тиннин*е. По всей видимости, его «прототип», *Туннуну* (или *Таннуну*), представлял собой одного из ключевых демонов в угаритской мифологии (подробнее, напр., см.: [О Ба‘лу, 1999, с. 59–64]). Борьба *Туннуну* с повелителем небесных погодных явлений Ба‘лу и победа последнего над Змеем, вероятно, служила элементом процесса наступления нового года, наступления обновления. *Туннуну* не представлялся в качестве божества (по крайней мере, к XIV в. до н. э., когда был зафиксирован основной корпус угаритского эпоса), однако, вероятно, истоки веры в его существование должны восходить к гораздо более древней эпохе, а хтонический характер этого существа определял его роль и значимость (вспомним, хотя бы еженощную победу Ра над змеем Апопом в древнеегипетской мифологии).

В той или иной форме *тиннин* был известен всем западно-семитским племенам и народам, упоминания о нем зафиксированы в финикийских текстах, в сирийской мифологической традиции, в Ветхом Завете (сходство угаритского дракона с Левиафаном вполне очевидно), и не удивительно, что он оказался элементом также и арабо-мусульманской традиции.

В настольной книге любого любителя средневековой криптозоологии, трактате «Чудеса творения и диковинки существующего» аль-Казвини, *тиннин* встречается в качестве объекта описания трижды, причем каждый



Илл. 2, 3. **Изображения тиннина из разных фрагментов одной рукописи: примеры нестыковок в изображениях. XIII–XIV вв.**
© Национальная библиотека Катара

раз — в новом качестве. Во-первых, он ассоциируется с созвездием Дракона; во-вторых, эпоним острова Тиннин, в-третьих — это самостоятельный род существ, заслуживающих пространного описания. Такой порядок упоминания проистекает из структуры трактата, в котором изложение сведений, связанных с небесным сводом и с всемирным океаном (со всеми морями и островами) предшествует биологическим наблюдениям.

Описание *тиннина* содержит некоторые нестыковки: то ли у него одна-единственная голова с огромной пастью, в которую разом влезает множество представителей местной экосистемы [El-Cazwini, 1848, p. 132], то ли, помимо «основной» головы размером с холм и с человеческими (!) чертами, есть также шесть «дополнительных» змеиных голов, которые крепятся к туловищу (вернее, шее) дракона на шести небольших, всего в 20 локтей длиной, шеях-отростках [El-Cazwini, 1848, p. 133] (*Илл. 2, 3*).

По-видимому, второй образ очень древний: упоминание о семиглавом облике змея восходит все к тому же угаритскому циклу сказаний о Ба‘лу и Туннуну [О Ба‘лу, 1999, с. 59]. Первый, приближенный к обычной змее (только, конечно, очень большой), впрочем, может быть не менее древним пережитком тотемизма, а может быть и следствием наблюдений за дикой природой дальних краев: не зря *тиннином* в современном арабском языке называют питона!

Жизненный цикл такого дракона проходит три больших стадии (далее по: [El-Cazwini, 1848, p. 132; Al-Djahiz, 1966, p. 154]). Сначала, вылупляясь из яйца, он, по всей видимости, имеет весьма скромные размеры, в силу чего передвигается по суше, поедая насекомых и мелких гадов. Немного окрепнув, он начинает охотиться на всех животных, которых может увидеть и догнать, пока не становится самым крупным существом на суше. Тогда звери, опасаясь перспективы быть переваренными *тиннином*, возносят мольбы к Аллаху, и тот посылает ангела, вышвыривающего дракона в море.

Стоит ли говорить, что в море *тиннин* ведет себя не лучше! Питаясь обитателями глубин и увеличиваясь в размерах, он царит и в водной стихии, заставляя и морских животных роптать и взывать к Аллаху. Если жители побережий по несколько дней слышали гул и видели, как пучина бурлит и клокочет без видимой причины, они были уверены, что это ропот несчастных животных. Аппетиты *тиннина* действительно огромны; порой он так наедается, что его брюхо вспучивается, всплывает над поверхностью воды и, в силу огромных размеров и дугообразной формы, напоминает радугу. Жар солнца ускоряет процессы пищеварения, и вскоре дракон вновь может уйти на глубину, чтобы продолжить насыщение. В конце концов, когда мольбы морских обитателей становились невыносимо жалобными и громкими, Аллах направлял нового ангела,

который перемещал *тиннина* из вод на облака, вереница которых — всего семь штук — опускалась прямо в глубины моря и поднимала дракона.

Третий этап — короткий и трагичный, с летальным исходом. Вероятно, *тиннин* знает об этом, поэтому старается вырваться из облаков, вывалиться назад в море или хотя бы, пока тучи не подняли его в небеса, ухватиться хвостом за дерево, скалу или башню. В одной только Антакии (до прихода арабов и во времена Крестовых походов — Антиохии) было порядка десятка башен, разрушенных в ходе «отдирания» дракона от крепостной стены. Кроме того, минарет местной пятничной мечети был обрублен почти на треть неосторожным взмахом хвоста. Откуда такая тяга производить разрушения именно в Антакии, тысячелетие спустя (минарет был обрушен драконом не позднее начала-середины IX в.: история упоминается уже аль-Джахизом) понять сложно: наверное, тучам было удобнее всего подниматься из моря к горам вдоль низовий славной реки Оронт.

Тучи уносят *тиннина* в страну народов *йа'джудж* и *ма'джудж* (далеко на северо-восток, за огромную каменную стену, что идеально подходит для Зауралья, то есть, Сибири), где и скидывают с облаков на землю. Возможно, это происходит раз в году, поскольку арабы упоминали о явлении, которое можно было бы коротко охарактеризовать как «*сезонный драконий дождь*»[2]. Местное население приходит в восторг от подобных даров природы и, конечно, немедленно пожирает *тиннинов*: количество *йа'джудж* и *ма'джудж* столь велико, что ни одному дракону с ними не справиться. Кроме того, при падении хвост змея отделяется от тела, раскалываясь на десять кусков, причем какое-то время те (если их не съели сразу) шевелятся [Юрченко, 2007, с. 227].

О проблемах консервации и рогатых кроликах

В последние десятилетия исследователи античной мифологии, как упоминалось, склоняются к разысканиям истоков древнегреческих мифов о драконах (первородный дракон Тифон и т. д.) в преданиях хеттов или сирийцев. Однако в эпоху расцвета классической исламской культуры, напротив, бытовавшие на Ближнем Востоке истории о драконах-*тиннинах* зачастую связывались с давно ушедшими персонажами истории Эллады. Ниже предложены две наиболее яркие истории.

Во-первых, с *тиннином* напрямую связан один из великих отцов-основателей медицинской науки — Гиппократ, которого аль-Казвини называет Кубрат Премудрый (*Кубрāт аль-Хакūм*[3]). Ссылаясь на неопознанное произведение самого Гиппократа (а в исламской средневековой культуре ссылки на авторитетные источники, даже если в них не находилось релевантной информации, были не менее неотъемлемой частью научной работы, чем сейчас в России), аль-Казвини утверждал, что однажды тот направился на некое морское побережье, где люди массово умирали по неизвестным причинам (здесь и далее до конца сюжета по: [El-Cazwini, 1848, p. 132–133]).

Примерно в 20 *фарсахах*[4] от деревень, подверженных мору, Гиппократ наткнулся на труп *тиннина*, которого облака подняли из морской пучины, но по какой-то причине не донесли до крайнего северо-востока. Неизвестно, сколько времени занял у мудрого медика обход дракона, но тот насчитал в нем два *фарсаха* (порядка 11 км!) длины и оставил — если верить «Чудесам творения» — весьма подробное описание. *Тиннин* был покрыт рыбьей чешуей жизнерадостного тигриного окраса и обладал парой плавников. На его человеческой голове

2 Ad-Damiri K. *Hayāt al-hayawān al-kubrā.* P. 930–931. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (accessed 30.08.2021).

3 Если точнее, «Гиппократ» трансформировался в «*Букрат*». Форму «*Кубрат*» (или «*Кыбрат*») следует воспринимать, вероятно, как следствие систематических описок при переписывании манускриптов.

4 *Фарсах* — мера длины, у персов и, впоследствии, арабов, равная приблизительно 5,5 км.

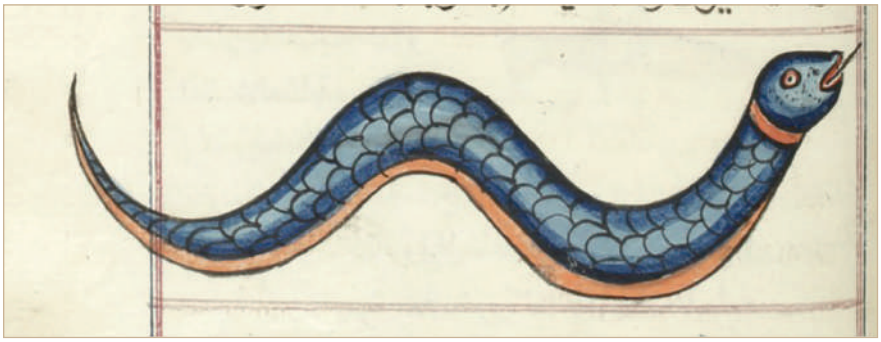
Илл. 4. **Дракон с человеческой головой выглядит примерно так XVIII в.**
© Национальная библиотека Франции

(*Илл. 4*) располагались огромные уши и круглые глаза, а на шести маленьких шеях, отходивших подобно отросткам от основной шеи, головы были змеиные.

Понимая, что смрад от огромной туши вызвал болезни среди жителей окрестных поселений, Гиппократ собрал с выживших крупную сумму денег, велел купить на эти деньги соли — и засыпал *тиннина* от головы до хвоста. Смрад прекратился, и эпидемия отступила. Что стало с горой соли длиной в 11 км, история умалчивает.

Отсылка к Гиппократу неслучайна — огромным авторитетом у арабов пользовались не только античные философы, но и медики. Описывая чудесные свойства *тиннина*, способы поедания его мяса и какой именно орган нужно обмазать его кровью для совершения крайне приятного полового акта, аль-Казвини, например, утверждает, что эти сведения «получены» от еще одного великого ученого древности, Галена [El-Cazwini, 1848, p. 133].

Однако еще один примечательный сюжет связан не с медиком и не с философом, а с **Александром Македонским** (он же аль-Искандер Зу-ль-Карнейн), вобравшего в себя образы великого македонского полководца и одного благочестивого йеменского царя. Последнее важно понимать в контексте того, что арабы не всегда считали Искандера продуктом античной эпохи: в Средние века он был для них скорее примером арабо-исламской, а не эллинистической, добродетели. Предания об Искандере вобрали в себя и греко-византийский корпус легенд о приключениях и подвигах Александра, и ряд восточных сказок, превратившись в существенный пласт фольклора арабов и других мусульманских народов. Не удивительно, что, если история о Гиппократе появляется поздно (XIII в.), история о минарете в Антакии восходит к Джахизу (IX в.), а далее почти не упоминается, то рассказ об Искандере и драконе с незначительными вариациями встречается в любом труде, где находит место *тиннин*, а также в географических трактатах, поскольку Драконий остров (*Джазират ат-Тиннин*), на котором разворачивалась приводимая ниже история, представлялся вполне реальной частью карты мира (далее и до конца сюжета компилятивно по: [Al-Himyari, 1974,



Илл. 5. **А что, если суʻбан — это просто большая змея? XVIII в.**
© Национальная библиотека Франции

p. 166; Ibn al-Wardi, 2007, p. 196–197; El-Cazwini, 1848, p. 132].

Итак, сюжет разворачивался на прекрасном острове, славившемся своими реками и лесами, полями и высокими стенами главного города. Однажды среди этой идиллии завелся дракон, который принялся губить посевы, воровать скот, не давал людям перемещаться по дорогам. Чтобы как-то сдержать свирепого *тиннина*, люди решили платить ему ежедневный налог: приводили в одно местечко, находившееся неподалеку от его логова, двух быков и оставляли там на погибель. Дракон налетал, подобно черной туче, глаза его сверкали, как молнии, а быки быстро оказывались внутри желудка.

Однако в тех краях каким-то чудом оказался прославленный Искандер, и обитатели злополучного острова решили попросить его избавить их от змея. Узнав об их тяжкой доле, Искандер придумал хитрость: он распорядился заколоть двух крупных быков, снять с них шкуры и начинить эти шкуры различными едкими и горючими веществами (перечень антитиннинового состава у разных авторов разный, в нем встречаются смола, сера, известь, мышьяк, нефть, ртуть, медь), а также железными крюками. Чтобы *тиннин* купился на уловку и проглотил приманку, два дня ему вместо быков приводили телят, разогревая аппетит, и лишь на третий день выставили чудовищное лакомство. То ли горючая смесь воспламенилась внутри змея, то ли он раскрыл пасть, пытаясь выплюнуть проглоченное, а люди швырнули в эту пасть источник пламени, то ли *тиннина* стошнило, и железные крюки разодрали изнутри его желудок и глотку, но дракон был повержен, а люди и остров освободились от ига.

Неизменным завершением этой истории служит упоминание о том, что в числе многочисленных даров Искандеру был подарен удивительный зверек *муʻрадж*, обличьем похожий на кролика с золотистой шкуркой и черным рогом посреди головы, которым тот пугал хищников.

Премудрый Гиппократ, как положено ученому, засолил *тиннина*; отважный Искандер, как положено полководцу, *тиннина* взорвал. Так или иначе, примечательно, что именно герои античности стали неотъемлемым элементом фольклора об арабских драконах.

«Малыш» Суʻбан

Второе из удивительных созданий — *суʻбан*. Сведений о нем меньше, да и в арабском языке этот термин носит двусмысленный характер, обозначая или дракона, или обычную гадюку, причем о *суʻбане*-гадюке и его войне с мангустами, отгрызающими ему (именно ему, не кобре) голову писал еще в IX в. аль-Джахиз [Al-Djahiz, 1966, p. 12–121]. *Тиннину*, кстати, в современном языке и реалистических биологических представлениях тоже нашлось место: слово «*тиннин*» ныне означает «питон». Однако это употребление сравнительно молодо, тогда как двойственность *суʻбана* прослеживается на протяжении тысячелетия с небольшим (*Илл. 5*).

Илл. 6. Суʻбан подозрительно похож на китайских коллег. XIII–XIV вв.
© Национальная библиотека Катара

В рамках данной статьи нас, конечно, будет интересовать «драконья» ипостась *суʻбана*. По сравнению с *тиннином суʻбан* — настоящий карлик, его детеныши достигают в длину лишь пяти локтей, а крупные особи — тридцати или чуть больше. Эти существа населяют Судан и Индию, причем обитатели индийского субконтинента крупнее и агрессивнее африканских сородичей; на обеих территориях самцы более свирепы, чем самки [El-Cazwini, 1848, p. 430].

Исключения ради, отсылка к авторитетам, воочию видевших *суʻбана* и описывавших его, ограничивается обычно Предводителем Шейхов — так в арабоязычной традиции называли великого **Ибн Сину**. Если ограничиться описанием повадок этого существа, покажется, что речь идет об обычном удаве: *суʻбан* охотится на зверей, проглатывает всех, кого удается поймать, а затем обвивается вокруг скалы или ствола дерева, сжимает кольца, чтобы раздробить кости проглоченных животных, и отдыхает, переваривая добычу. Он может вести как земной, так и водный образ жизни, но, в любом случае, не выносит жара, а потому (впрочем, это уже не совсем про обычного удава) уползает на вершины высоких гор, чтобы дышать свежим воздухом, наслаждаясь прохладой. Что, кстати, отличает его от *тиннина*, который, напротив, предпочитает переваривать пищу на солнышке.

Однако обличье *суʻбана* несколько отличается от привычных нам рептилий. Его голова характеризуется не только непримечательным черно-желтым окрасом и полной клыков пастью, но и подбородком под нижней челюстью (вернее, крупной выпуклостью, подобной подбородку), густыми бровями и гривой, причем — если верить аль-Казвини — сам Ибн Сина свидетельствовал, что грива и брови чудовища представляют собой весьма густой волосяной покров (*Илл. 6*).

Если отбросить в сторону образ мудрого бровастого удава Каа из классического советского мультфильма «Маугли», в голову приходит лишь одно правдоподобное объяснение: образ *суʻбана* был во многом подвержен влиянию дальневосточной культуры, перенял некоторые черты китайских драконов. С учетом широкого торгового и культурного обмена между восточными провинциями Халифата и странами Восточной Азии, подобное заимствование представляется вполне логичным.

Нельзя не упомянуть, что разные части тела *суʻбана* успешно использовались в хозяйстве. Кожа чудовища помогала прекратить любовь между влюбленными, подчинять своей воле животных, мясо придавало необычайную храбрость. А если отрезать голову *суʻбана* и похоронить в правильном месте, она могла принести человеку много добра и богатства (упоминалось,

что захороненная голова *тиннина* имела дополнительный эффект, делая плодородной почву, в которую ее закапывали[5]).

Наконец, нельзя обойти вниманием и еще один момент. *Тиннин* и *суʻбан* могут быть в какой-то степени возведены к одному прототипу, только образ *тиннина* и связанные с ним сюжеты были характерны для арабоговорящего «сердца» Халифата, а образ *суʻбана* — для восточных провинций. На развитие восприятия каждого из драконов воздействовали конкретные реалии, определенные культурные образцы, внешние культурные факторы, что в конечном счете и привело к появлению в научной арабской литературе сразу двух монстров с весьма непохожими повадками и внешностью.

Некоторые ученые XIV–XV вв. и следом за ними современные исследователи, такие, как Роберт Леблинг, полагали, что *суʻбан* — «детская» особь *тиннина* (младше ста лет), фактически отождествляя двух существ и разделяя их лишь в качестве стадий развития дракона[6]. Однако разница во внешнем облике и повадках не позволяет подтвердить достоверность этой версии.

***

Вопреки частым представлениям о том, что драконы — персонажи сугубо европейского и восточноазиатского фольклора, вопреки отсутствию каких-либо ассоциаций между этими удивительными существами и исламской культурой, на деле, мусульманская средневековая традиция предполагала наличие подобных созданий. Более того, сюжет об антиохийском минарете или мимолетные упоминания о том, какие жаркие споры о природе драконов ведут в долине Бекаа [Al-Djahiz, 1966, p. 154–155], наглядно демонстрируют, что *тиннин* и *суʻбан*, рассмотренные в данном материале, представляли собой безусловную часть реального окружающего мира.

Безусловно, сама идея наличия драконоподобных существ не была автохтонной арабской: она восходила к хтоническим существам древних семитских мифологий, будь то угаритский *Тунну*ну или еврейский морской змей Левиафан. Однако уверенно проследить процесс культурного перехода образов — всегда довольно сложная задача. Несмотря на преемственность между арабами и более древними семитскими народами, античные сюжеты и персонажи напрямую указывают на то, что определенное влияние в становлении взглядов на природу *тиннина* оказала античная культура. Одновременно с этим в глаза бросаются китайские черты во внешнем обличье (и индийские — в «месте проживания») *суʻбана*, что позволяет говорить о том, что упомянутая выше преемственность была не совсем прямой, но оказалась опосредована многочисленными факторами, определялась культурным взаимодействием с соседними цивилизационными пространствами.

В заключение можно отметить, что и *тиннин*, и *суʻбан* вовсе не походили на привычных нам драконов Западной Европы — крылатых и огнедышащих. Скорее, они напоминали огромных змей — даже если учитывать наличие у *тиннина* плавников и «дополнительных» шей. Однако развиться в мощную фольклорную традицию арабские драконы, в отличие от западных или китайских, не сумели: слишком мало сюжетов сохранилось, слишком незначительную роль сыграли эти существа в формировании мусульманской картины мира.

Список литературы / References

Античная лирика. Греческие поэты. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — 960 с. [*Antique Lyrics. Greek Poets*. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2001. — 960 p. (in Russian)].

Аполлодор. *Мифологическая библиотека*. Л.: Наука, 1972. — 215 с. [Apollodor. *The Bibliotheca*. Leningrad: Nauka, 1972. — 215 p. (in Russian)].

О Баʻлу. Угаритские поэтические сказания. М.: Восточная литература, 1999. — 536 с. [*About*

5 *Ancient Cryptozoology.* URL: https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology (accessed 11.09.2021).
6 *Ancient Cryptozoology.* URL: https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology (accessed 11.09.2021).

Ba'lu. Ugarit Poetic Legends. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. — 536 p. (in Russian)].

Юрченко А. Г. *Книга катастроф.* СПб: Евразий, 2007. — 318 с. [Yurchenko A. G. *The Book of the Catastrophes*. Saint Petersburg: Evrasiy, 2007. — 318 p. (in Russian)].

Al-Djahiz, Abu 'Uthman. *Kitab al-Hayawan*. Madjlid 4. 'Amman, 1966. — 503 s. [Al-Djahiz, Abu 'Uthman. *The Book of the Animals*. Volume 4. Amman, 1966. — 503 p. (in Arabic)].

Al-Himyari, Muhammd b. al-Mun'im. *Ar-Raud al-Mu'tar fi Habar al-Aqtar*. Bairut: Maktabat Lubnan, 1974. — 745 s. [Al-Himyari, Muhammd b. al-Mun'im. *The Fragrant Garden in the Tidings about Some Lands*. Beirut: Maktabat Lubnan, 1974. — 745 p. (in Arabic)].

Ibn al-Wardi. *Kharidat al-'adja'ib wa-faridat al-ghara'ib*. Al-Qahira: Maktabat ath-thaqafa wa-d-din, 2007. — 503 s. [Ibn al-Wardi. *The Pearl of the Wonders and the Uniqueness of the Strange Things*. Cairo: Maktabat ath-thaqafa wa-d-din, 2007. — 503 p. (in Arabic)].

[el-Cazwini] *Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini`s Kosmographie* (in Arabic). Her. F. Wüstenfeld. Erster Theil. Die Wünder der Schöpfung. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848. — 899 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Ad-Damiri K. *Hayāt al-hayawān al-kubrā* [Al-Damiri K. *The Great Life of the Animals* (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (accessed 30.08.2021).

Ancient Cryptozoology. URL: https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology (accessed 11.09.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018028-8

Трапезундская операция глазами турецких историков

The Trebizond Operation through the Eyes of Turkish Historians

© 2021 **Альфина Тагировна Сибгатуллина**

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
alfina2003@yandex.ru; ORCID 0000-0001-5755-8687

Alfina T. Sibgatullina,

DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
alfina2003@yandex.ru; ORCID 0000-0001-5755-8687

В этом году исполнилось 105 лет операции времен Первой мировой войны, когда российские войска после ряда успешных действий на суше и на море, захватили черноморский порт Трапезунд (ныне Трабзон). Взятие Трапезунда способствовало улучшению условий базирования Черноморского флота и беспрепятственной доставке по морю подкрепления правому флангу Кавказской армии. Русская армия была близка к установлению контроля над значимой частью территории Османской империи. С турецкой армией из Трапезунда тогда ушло и мусульманское население. Вступившие в город без боя русские приступили к преобразованию города на свой лад. Турецкие историки на материале османской, русской и зарубежной периодической печати и архивных документов подробно изучили детали пребывания русских в городе, урон, нанесенный войной культурному и историческому наследию региона. В настоящей статье приводится краткий анализ отдельных турецких исследований, приуроченных к 100 и 105-летию Трапезундской операции. Особое внимание турецких ученых уделяется проблеме беженцев и деятельности российских ученых, в условиях войны занимавшихся в Трапезунде сбором исторических памятников.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кавказский фронт, Трапезундская операция, история города Трабзона, турецкая историография

Для цитирования: Сибгатуллина А. Т. Трапезундская операция глазами турецких историков. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 158–165. DOI 10.18254/S268684310018028-8

This year marks the 105th anniversary of the operation conducted during the First World War: during this operation Russian troops, after a series of successful actions on land and at sea, captured the Black Sea port of Trebizond (today Trabzon). The capture of Trebizond helped to improve the basic conditions of the Black Sea Fleet and enabled an unimpeded delivery of reinforcements by sea to the right flank of the Russian army in the Caucasus. As a result, the Russian empire was close to establishing control over a significant part of the Ottoman Turkey's territory. In the aftermath of the operation, the local Muslim population left Trebizond together with the Turkish army. The Russians, who entered the city without a fight, set for the transforming the city in their own way. Turkish historians, using the material of the Ottoman, Russian, and foreign periodicals, as well as archival documents, have studied in detail the intricacies of the Russians stay in the city, revealing also the damage caused by the war to the cultural and historical heritage of the region. This article provides a brief analysis of selected Turkish studies dedicated to the 100th and 105th anniversary of the Trebizond operation. It also discusses the issue of war refugees and the activities of Russian scientists, who were engaged in the collection of historical monuments in Trebizond during the war.

Keywords: World War I, Caucasian Front, Trebizond operation, history of the city of Trabzon, Turkish historiography

For citation: Alfina T. Sibgatullina. The Trebizond Operation through the Eyes of Turkish Historians. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 158–165. DOI 10.18254/S268684310018028-8

По случаю столетнего юбилея Трапезундской операции 1916 года в российской прессе и исторической публицистике вышли «фанфарные» статьи под заголовками «Захват Трапезунда — самая лучшая десантная операция Первой мировой войны»[1], «Взятие Трапезунда: османы предпочли бежать»[2], «Военная победа, обнуленная революцией»[3], позже тон таких выступлений был справедливо раскритикован за «невыносимый пафос»[4]. В этой связи интересно узнать мнение турецких ученых, которые также отмечали 100- и 105-летие данного исторического события, причем изданием солидного количества основанных на фактических и архивных документах исследований.

В данной статье мы хотим остановиться на нескольких публикациях, вышедших непосредственно в Трабзоне (современное название Трапезунда), заголовки которых в переводе звучат так: «Российская бомбардировка на Черном море за сто лет» [Köksal, Usta, 2018], «Документы столетней давности по Черноморской миграции» [Usta, Köksal, 2018], «Российская оккупация и миграция в Восточном Причерноморье» [*Doğu Karadeniz*, 2021]. Составителем и редактором этих изданий является преподаватель Черноморского технического университета Вейсель Уста, многие годы занимающийся данной темой.

Если российские авторы используют формулировку «захват Трапезунда», то вполне турец-

1 Трофимов А. Захват Трапезунда — самая лучшая десантная операция Первой мировой войны. *История. РФ.* URL: https://histrf.ru/read/articles/zakhvat-trapiez unda-luchshaia-diesantnaia-opieratsiia-piervoi-mirovoi (accessed 26.08.2021).

2 Варшавчик С. Взятие Трапезунда: османы предпочли бежать. *РИА.* URL: https://ria.ru/20160205/1370134251.html (accessed 26.08.2021).

3 Смолин М. Военная победа, обнуленная революцией: Трапезундская операция. *Царьград.ТВ.* URL: https://ug.tsargrad.tv/articles/voennaja-pobeda-obnuljonnaja-revoljuciej-trapezundskaja-operacija_320490 (accessed 26.08.2021).

4 Кудряшов К. Трапезунд 1916 года. Головокружение от успехов и призрак Царьграда. *Аргументы и факты.* 05.02.2021. URL: https://aif.ru/society/history/trapezund_1916_goda_golovokruzhene_ot_uspehov_i_prizrak_cargrada (accessed 26.08.2021).

кие ученые применяют термин «оккупация» (по-турецки: *ишгаль*). Стоит заранее сказать, что в целом суждения турецких авторов о пребывании русских моряков и казаков в Черноморском побережье современной Турции довольно объективны и взвешены, т. е. не основаны лишь на эмоциональных оценках.

Наиболее «свежим» и крупным из указанных изданий является книга «Российская оккупация и миграция в Восточном Причерноморье» [*Doğu Karadeniz*, 2021], представляющая собой сборник научных статей разных авторов и разных лет (2014–2021). 28 статей расположены в ней по мере возможности с учетом хронологии: сначала идут материалы, описывающие военные действия на Кавказском фронте, захват российскими частями черноморских городов, затем приводятся архивные материалы, связанные с мухаджирством, т. е. с вынужденным переселением местного населения из-за прихода русских, далее идут исследования, посвященные отходу русской армии из региона и анализу состояния населенных пунктов и жителей региона. Главной особенностью труда является то, что часть исследователей, наряду с широким обращением к османским архивам и печатным изданиям, использовали данные зарубежной (английской, французской, русской) периодической печати того периода, а также российские архивные источники, прежде всего — документы из архива начальника Трапезундского укрепленного района генерала А. В. фон Шварца, городского главы (1916–1917) доктора Я. И. Кефели, князя В. Н. Аргутинского-Долгорукова, материалы из фондов ГАРФ, РГВИА, РГИА; приведена мемуарная литература С. Минцлова, Ф. И. Успенского и многих других, т. е. в плане привлечения источников турецких историков невозможно упрекать в однобокости и скудости. С этой точки зрения вызывают особый интерес публикации Х. Д. Акарджи, лично работавшего в этих архивах, особенно его статья об археологических исследованиях русских ученых в период Первой мировой войны в Трабзоне и его окрестностях [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 235–243], написанная на основе материалов архива РАН. Примечателен также анализ М. Оксюз документального фильма «Падение Трапезунда (18 апреля 1916)», взятого из фонда Российского государственного архива кино-фотодокументов [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 215–233]. Десантные и наземные операции русских, взятие ими приморских городов, состояние военно-морских сил обеих армий, составы флотов, действия командиров и отход турецких частей довольно детально описаны в статьях Х. Оксюза, В. Усты, Э. Шахина, Р. Уналп, М. Чапы.

До прихода русских Трапезунд характеризуется как османский портовый город-космополит, где наряду с доминирующим мусульманским населением проживали крупные греческие и армянские общины. Документы свидетельствуют о том, что греки и армяне во главе с митрополитом и многочисленным духовенством встретили русское войско хлебом и солью и вручили ключи от города, сданного по решению властей без боя [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 301]. Находившийся в то время в Трапезунде консул США Хейзер (Heizer) вместе с греками отправил посланника к генералу В. Ляхову с просьбой остановить абсолютно ненужную бомбежку города с моря, и в итоге российские части вошли в Трапезунд 18 апреля 1916 г., не встретив никакого сопротивления. Поскольку губернатор Джамаль Азми-бей со своим отрядом ушел из города в ночь с 15 по 16 апреля, в течение двух дней греки и армяне успели вдоволь «похозяйничать» здесь и разграбить все, что можно [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 372]. Вошедшие в город первыми моряки также не упустили возможности нажиться. Писатель и журналист Сергей Минцлов (1870–1933), выпускавший газету «Трапезундский военный листок»[5] (*Илл. 1*), в воспоминаниях «Трапезундская эпопея» (Берлин, 1922) сравнивал Трапезунд с мертвым городом Помпеи.

5 Газета выходила с 1 ноября 1916 г. до конца 1917 г. Количество номеров — 331. Первые 80 номеров вышли под редакцией известного писателя и публициста, библиофила С. Р. Минцлова (1870–1933).

ТРАПЕЗОНДСКІЙ

ВОЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ. | РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА открыта отъ 9 до 5 час. дня. Трапезондъ, уголъ Ляховской и Сверчковской улицъ. | Цѣна № 6 коп.

№ 55. | Вторникъ, 3 января 1917 года. | № 55.

ОТЪ КОНТОРЫ
ТРАПЕЗОНДСКАГО ВОЕННАГО ЛИСТКА.

Контора доставку газеты въ гор. Трапезондѣ на себя не принимаетъ. Разсылка Трапезондскаго Листка можетъ производиться лишь черезъ мѣстное почтовое отдѣленіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1917 г.:
на годъ—15 р., 6 мѣс.—8 р., 3 мѣс.—4 р., 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Плата за объявленія:
за мѣсто занимаемое строкой петита — впереди текста 25 к., позади текста 15 к.

ТРАПЕЗОНДСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

симъ извѣщаетъ, что, на основаніи приказа по Трапезондскому Укрѣпленному Раіону отъ 11-го Декабря с/г. за № 76 § 2, ею начата сломка полуразрушенныхъ зданій. Получаемыя отъ сломки зданій, **ДРОВА РАСПРОДАЮТСЯ** со складовъ Городской Управы по 40 коп. за пудъ, а строительные матеріалы по соглашенію. Съ запросами обращаться лично и письменно (телефонныя заявленія не принимаются) къ дѣлопроизводителю Строительной Комиссіи при Управѣ г. Дмитріеву, въ присутственные часы, отъ 9 час. утра до 2 час. дня и отъ 5 до 7 час. вечера. Дрова и другіе матеріалы отпускаются только за **наличный разсчетъ.**

4—5

ТРАПЕЗОНДСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

ОБЪЯВЛЯЕТЪ, что согласно постановленія Городской Управы отъ 12-го сентября 1916 года, утвержденнаго Начальникомъ Трапезондскаго Укрѣпленнаго Раіона, 8-го октября 1916 г., въ г. Трапезондѣ введенъ на 1916 г., съ 1-го іюля 1916 г. по 1-е января 1917 г., въ пользу города, торгово-промышленный сборъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Съ торгово-промышленныхъ заведеній	1-го разряда	. . .	112 р.	50 к.
» » » »	2-го »	. . .	75 »	— »
» » » »	3-го »	. . .	24 »	— »
» » » »	4-го »	. . .	6 »	— »

Каждый владѣлецъ торгово-промышленнаго заведенія обязанъ лично справиться въ Городской Управѣ въ отдѣлѣ сборовъ о томъ, къ какому разряду отнесено его заведеніе, и внести въ Управу слѣдуемую съ него сумму не позднѣе 15-го января 1917 года.

2—3. Городской Голова *Кедели.*

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ

Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 66 учрежденія Государственнаго Совѣта, въ составѣ его состоятъ два департамента: первый и второй, образуемые ежегодно, согласно статьи 67 сего учрежденія, изъ предсѣдателей и членовъ, изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта по Высочайшему назначенію; вслѣдствіе сего, признали Мы за благо, образовать департаменты Государственнаго Совѣта на 1917 г. въ слѣдующемъ составѣ.

Первый департаментъ: предсѣдатель—тайный совѣтникъ Щербачевъ; члены—дѣйствительный тайный совѣтникъ Игнатьевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Стишинскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-егермейстеръ, графъ Толь, гофмейстеръ князь Ширинскій-Шихмановъ, шталмейстеръ Римскій-Корсаковъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Никольскій, тайный совѣтникъ Звѣревъ, тайный совѣтникъ Мясоѣдовъ, тайный совѣтникъ баронъ Дистерло.

Второй департаментъ: предсѣдатель статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Коковцевъ; члены—инженеръ-генералъ Петровъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сабуровъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитріевъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, гофмейстеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Тимашевъ, тайный совѣтникъ Немѣшаевъ, тайный совѣтникъ Веберъ, тайный совѣтникъ Думитрашко.

На основаніи ст. 3 учрежденіи Государственнаго Совѣта, предсѣдатель совѣта назначается ежегодно Высочайшей властью, изъ числа членовъ совѣта, по Высочайшему назначенію; сообразно съ симъ признали мы за благо назначать на 1917 годъ статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Щегловитова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

На основаніи ст. 3 учрежденіи Государственнаго Совѣта, вице-предсѣдатель совѣта назначается ежегодно Высочайшей властью, изъ числа членовъ совѣта, по Высочайшему назначенію; сообразно съ симъ признали мы за благо назначить на 1917 годъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Дейтриха вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано

„НИКОЛАЙ".

Дано въ Царскомъ Селѣ, 1 Января 1917 г.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Отъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

30 декабря.

Западный фронтъ.

29 декабря нѣмцы значительными силами атаковали наши части, расположенныя восточнѣе д. Кабильно, между Владиміръ-Волынскимъ и Луцкомъ, въ 10 верстахъ къ югу отъ м. Киселинъ. Противникомъ былъ выброшенъ изъ своихъ окоповъ въ нашу сторону рукавъ, похожій на пожарный, послѣ чего послышалось характерное шипенье и свистъ выходящаго газа; сначала показалось желтое, а затѣмъ бѣловатое облако, которое разсѣивалось вѣтромъ, дувшимъ вдоль фронта и до нашихъ окоповъ не дошло. Это продолжалось двѣ минуты и болѣе не повторялось.

Кавказскій фронтъ.

Ничего существеннаго не произошло.

Румынскій фронтъ.

Во время развѣдки близъ долины Путны нашъ аэропланъ встрѣтилъ два аппарата противника, вступилъ съ однимъ изъ нихъ въ бой и принудилъ аппаратъ противника снизиться. Южнѣе Ройтузъ противникъ атаковалъ наши части и нѣсколько потѣснилъ ихъ. Противникъ атаковалъ, но Румыны въ этомъ раіонѣ сами перешли въ наступленіе и отбросили противника за высоты, на двѣ версты къ югу. Такъ же безуспѣшно были атаки противника къ сѣверо-востоку отъ Кемпуръ-Сусъ, на рѣкѣ Сушица и у Коту-Михаиъ, въ 8 верстахъ къ юго-востоку отъ устья рѣки Бузео.

31 декабря.

Западный фронтъ.

Въ Рижскомъ раіонѣ, южнѣе озера Бабитъ, нѣмцы густыми цѣпями атаковали наши части, расположенныя восточнѣе д. Кальницы, атака была отбита. Воздушная эскадра противника изъ 13 аэроплановъ сбросила на станцію, мѣстечка Радзивиллъ, около 40 бомбъ; наши аэропланы, производя развѣдку въ тылу противника, несмотря на сильный артиллерійскій обстрѣлъ, тамъ снизились до 1400 метровъ и обстрѣляли пулеметнымъ огнемъ батареи противника, около дер. Крухова, въ 20 верстахъ восточнѣе Злочева.

Кавказскій фронтъ.

Ничего существеннаго не произошло.

Румынскій фронтъ.

Противникъ потѣснилъ наши части съ одной изъ высотъ сѣвернѣе р. Слоники. Атаки противника были отбиты. Румыны атаковали противника къ западу отъ Монестирки-Кашилунъ-Косяна; послѣ горячей схватки, имъ удалось отбросить его за занятые окопы и взять 3 пулемета.

Англія.

Оффиціальное Британское сообщеніе.

ЛОНДОНЪ, 29 декабря.—Минувшей ночью мы поспѣшно совершили нѣсколько операцій, второстепеннаго характера къ югу отъ Анкра, въ окрестностяхъ Гранкура, и проникли въ два пункта германскихъ траншей, захвативъ плѣнныхъ. Сегодня утромъ къ сѣверо-востоку отъ Боманонеля съ успѣхомъ произвели мѣстную операцію и захватили на фронтѣ протяженіемъ 3—4 миль германскія траншеи и укрѣпили ихъ за собой. Послѣ полудня наша артиллерія открыла огонь по германскому отряду, готовившему къ контръ-атакѣ. Отрядъ разсѣянъ съ потерями; здѣсь захвачено 176 плѣнныхъ, изъ нихъ 4 офицера. Вчера вечеромъ, къ востоку отъ Арманьтьера мы произвели успѣшные нападенія на германскія траншеи и нанесли врагу значительныя потери. Въ раіонѣ къ сѣверу отъ Валчавенъ, близъ Заарсукура и Фоживильера, идетъ артиллерійская перестрѣлка.

ЛОНДОНЪ, 29 декабря.—27-го декабря, въ Средиземномъ морѣ, потоплено непріятельской подводной лодкой, военное судно «Корноваллисъ». Капитанъ и офицеры

Илл. 1. Трапезундский военный листок

Фото из личного архива автора

Илл. 2. **Генерал-лейтенант Алексей Владимирович фон Шварц**
По: Шварц А. В. Ивангород в 1914–1915 гг. Журнал «Нева». 1914. № 47. С. 897

Илл. 3. **Доктор Якоп Осипович Кефели, действительный статский советник, контр-адмирал**
По: URL: http://cyclowiki.org/wiki/Файл:1255540547_general-ja.-kefeli.jpg (accesed 12.11.2021)

Взятие Трапезунда способствовало улучшению условий базирования Черноморского флота и беспрепятственной доставке по морю подкрепления правому флангу Кавказской армии. Русская армия была близка к установлению контроля над значимой частью территории Османской империи. Российскому командованию Трапезунд показался самым удобным портом с позиции логистики, поэтому в городе сразу начались преобразования: были снесены несколько мусульманских кварталов и расширены улицы для прохождения военной техники, мечети и крупные сооружения были переоборудованы в продовольственные и оружейные склады. В полной уверенности, что регион останется в составе России, начальство стало переименовывать на русский лад улицы (например, Ляховская, Великокняжеская, Почтовая), была изменена нумерация домов [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 380]. Турецкие ученые положительно оценивают деятельность генерала А. В. Шварца (*Илл. 2*) и доктора Я. Кефели (*Илл. 3*) по приведению города и прилегающего района в сносное санитарное состояние с целью не допустить развития эпидемий, поскольку через порт проходили раненые и больные, возвращавшиеся с фронта в Россию. Достоин внимания документ, подписанный 10 июля 1916 г. А. В. Шварцем, где было заявлено, что все жители города имеют равные права перед российскими законами и обязаны соблюдать эти законы, что нарушители закона будут наказаны самым суровым образом.

В сборнике описаны мародерство и разрушительные действия местных греков после ухода из города мусульманского населения. Охваченные мечтой строительства новой понтийской республики греки грабили и разрушали не только турецкие дома, магазины, усыпальницы, мечети в городе, но успели присвоить товары на складах (прежде всего табак) и продавали их русским. Как видно по материалам, приведенным В. Уста, греки скрыто противостояли и русским: когда прибывшая в мае 1916 г. российская экспедиция ученых во главе с Ф. И. Успен-

ским для проведения научных исследований складировала собранный материал в мечети Ортахисар и в одной из православных церквей, местное Греческое археологическое общество потребовало отдать себе интересовавшие его документы, однако получило отказ. Российское командование не сумело подобающим образом организовать охрану религиозных сооружений, в итоге мародеры ночью проникли в мечеть и уничтожили большую часть исторических документов, где были зафиксированы имущественное и демографическое состояние города и его окрестностей.

Статья В. Усты «Деятельность комиссии Российской академии наук в Трабзоне и увезенные в Россию произведения» [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 121–139] и статья Х. Д. Акарджи «Научная оккупация: археологические исследования русских ученых в период Первой мировой войны в Трабзоне и его окрестностях» [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 235–243] посвящены деятельности находившейся в 1916–1917 гг. в Трапезунде археологической комиссии по линии РАН во главе с профессором Ф. И. Успенским. Если у местных греков и были свои планы на будущее, они однозначно не совпадали с планами ученых российской экспедиции, перед которыми стояла идеологическая цель обнаружить остатки наследия Византийской империи. Учеными было собрано в музее-складе 10 тысяч рукописных и печатных книг в 200 больших сундуках общим весом 30 тонн [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 240].

Из-за сложившейся в России после Февральской революции политической обстановки комиссия не смогла отправить всю собранную коллекцию в Петербург, тем не менее из Трапезунда в 1917 г. было увезено: 497 редких рукописей, обнаруженные во время археологических раскопок на территории трех главных мечетей города мозаики и фрески, бронзовый желоб с пастью дракона, сосуды для воды с арабской вязью, минбар из центральной мечети, украшенный серебряным и костяным орнаментом, коллекция городской периодической печати и книг, официальные документы на османском языке. Эти предметы, вывезенные сначала в Батуми, оттуда часть в Одессу, а часть в Петербург, были описаны Ф. И. Успенским в отчете, опубликованном в «Известиях Российской академии наук» (1918) (см. об этом: [Старостин, 2014]). Несмотря на многократные обращения османской стороны, а затем и Национального собрания Республики Турция, российская сторона так до сих пор и не вернула обратно эту уникальную коллекцию. Данная тема была поднята и перед президентом Р. Т. Эрдоганом в период подготовки к встрече с В. В. Путиным в 2017 г., однако пока турки не получили положительного ответа.

С российским расширением вовнутрь Османской империи исход местного населения из провинций Эрзерум, Эрзинджан, Байбурт, Гюмюшхане, Ризе и Трапезунд на запад страны принял масштабный характер. Страх и паника от бомбардировок, отсутствие техники для эвакуации, плохие дороги, трудности обеспечения продуктами питания и одеждой, голод и эпидемии, пережитые беженцами, — все эти проблемы и драматизм ситуации изучены в статьях З. Арслан, Й. Уста, М. Башкая, М. Оксюз, И. Атнура, С. Текина и др. с широким привлечением материалов из османских архивов, официальных документов, особенно распоряжений и записей бывшего губернатора Трапезунда Джамаля Асим-бея, воспоминания свидетелей и т. д. [*Doğu Karadeniz*, 2021].

С. Тюкер упоминает в статье о некоей «черной пропаганде» среди местного населения, организованной русскими агентами. По его утверждению, эти люди, распространяя слухи среди беженцев, достигших городов Хопа, Архави, о крупной переброске российских войск на территории Лазистана, создавали эффект домино, привлекая новые волны миграции [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 280]. Судна использовавших морской путь беженцев потоплялись российскими кораблями. Количество беженцев из Восточной Анатолии и Восточного Причерноморья из-за российской оккупации указывается как 1 604 031 человек, из них 701 166 по разным причинам умерли [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 294].

Османское правительство в меру сил раздавало питание и одежду, однако помощь была явно недостаточной, поскольку водным путем снабжение войск и населения не осуществлялось, переселившиеся в горные села и окрестные селения городов Орду, Гиресун, Самсун люди умирали от голода и болезней. Эпидемия поразила и регулярную армию, по приведенным данным, служившие в данном регионе в 1914–1917 гг. османские войска потеряли из личного состава по причине инфекционных болезней 92 тыс. человек [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 288]. С приближением зимы и продолжением войны проблемы с беженцами многократно увеличились. Так, сборник «Документы столетней давности по Черноморской миграции» на конкретных фактах наглядно излагает бедственное положение беженцев.

Подписанное в Эрзинджане 18 декабря 1917 г. временное перемирие на Кавказском фронте существенно сократило миграцию, однако на территориях, оставленных российскими частями, мусульманское население подвергалось жестоким нападениям армянских банд. Благодаря оперативным действиям командира 3-й армии Вехип-паши, 24 февраля 1918 г. Трапезунд и его окрестности полностью были возвращены под власть Османской империи. Губернатор Джамаль Азми-бей вернулся в разрушенный и разграбленный город, и вместе с Красным Полумесяцем и благотворительными организациями приступил к его восстановлению, оказанию финансовой, продовольственной, медицинской помощи пострадавшему от войны населению. Был нанесен огромный урон животноводческому и сельскому хозяйствц региона: если до войны в каждом хозяйстве было по 4–5 коров, то после войны на 4–5 домов приходилась одна. Приведем лишь один факт из тогдашних газет: в селе Зиган, где до войны насчитывалось более 300 хозяйств, после отхода русских осталось всего 80 домов [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 379].

Как пишет В. Уста, «никакое другое социальное событие так сильно не повлияло на Восточное Причерноморье, как мухаджирство. В памяти местного населения оно врезалось в виде новой точки отсчета времени, ставшее свидетелем тех дней старшее поколение свой возраст высчитывало именно с момента начала переселения» [*Doğu Karadeniz*, 2021, s. 46].

Драматизм Трапезундской операции 105-летней давности не забыт турками, народные песни об «урусах» и состоянии бедных переселенцев все еще на устах, исследователи продолжают обнаруживать новые факты об ужасах Первой мировой войны, в том числе на Кавказском фронте, снимаются документальные фильмы, организуются научные конференции, куда приглашаются и российские историки. Хотелось бы, чтобы исследующие подобные темы российские ученые и публицисты также работали с османскими документами и принимали к сведению новые научные публикации на турецком языке.

Список литературы /References

Старостин Д. Н. Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. *Новейшая история России*. 2014. № 3. С. 283–291 [Starostin D. N. Russian Trebizond Expedition (1916–1917). *Modern History of Russia*. 2014. No. 3. Pp. 283–291 (in Russian)].

Doğu Karadeniz'de Rus İşgali ve Muhacirlik. V. Usta (Ed.). Trabzon, 2021. — 522 s. [*Russian Occupation and Immigration in the Eastern Black Sea Region*. V. Usta (Ed.). Trabzon: Kitap Kağıdı, 2021. — 522 p. (in Turkish)].

Köksal A., Usta V. *Yüz Yılın Ardındaki Karadeniz Rus Bombardımanı I*. Hazırlayan. Trabzon: Akçaabat Belediyesi, 2018. — 248 s. [A. Köksal, V. Usta. *The Russian Bombardment of the Black Sea a Hundred Years Later I*. Trabzon: Akçaabat Belediyesi, 2018. — 248 p. (in Turkish)].

Usta V., Köksal A. *Yüz Yıl Önce Karadeniz Muhacirlik Defteri II*. Trabzon: Akçaabat Belediyesi, 2018. — 248 s. [Usta V., Köksal A. *Black Sea Immigration a Hundred Years Ago. Book II*. Trabzon: Akçaabat Belediyesi, 2018. — 248 p. (in Turkish)].

Электронные источники / Electronic Sources

Варшавчик С. Взятие Трапезунда: османы предпочли бежать. *РИА* [Varshavchik S. *The Capture of Trebizond: The Ottomans Preferred to Flee. RIA.* in Russian] URL: https://ria.ru/20160205/1370134251.html (accessed 26.08.2021).

Кудряшов К. Трапезунд 1916 года. Головокружение от успехов и призрак Царьграда. *Аргументы и факты*. 05.02.2021. [Kudryashov K. Trebizond of 1916. Dizziness from Success and the Ghost of Constantinople. *Arguments and Facts* (in Russian)]. URL: https://aif.ru/society/history/trapezund_1916_goda_golovokruzhene_ot_uspehov_i_prizrak_cargrada (accessed 26.08.2021).

Смолин М. *Военная победа, обнуленная революцией: Трапезундская операция. Царьград.ТВ.* [Smolin M. *Military Victory Zeroed by the Revolution: The Trebizond Operation*. *Tsargrad.tv* (in Russian)]. URL: https://ug.tsargrad.tv/articles/voennaja-pobeda-obnuljonnaja-revoljuciej-trapezundskaja-operacija_320490 (accessed 26.08.2021).

Трофимов А. Захват Трапезунда — самая лучшая десантная операция Первой мировой войны. *История. РФ* [Trofimov A. Capture of Trebizond: The Best Landing Operation of the World War I. *History.RF* (in Russian)]. URL: https://histrf.ru/read/articles/zakhvat-trapiezunda-luchshaia-diesantnaia-opieratsiia-piervoi-mirovoi (accessed 26.08.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018004-2

Дворцовые пиршества в эпоху Хэйан. Истоки
Часть 1

Palace Banquet in the Heian Japan The Origins
Part 1

© 2021 **Максим Васильевич Грачёв***

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ИСАА МГУ); доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия
maxgr73@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

Maxim V. Grachyov

PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University; Department of East Asian Countries, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; maxgr73@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Одним из ключевых элементов жизни раннесредневекового японского общества была трапеза. Она включала в себя особый ритуальный аспект, а потребление различных пищевых продуктов имело не только утилитарное, но и символическое назначение. Придворные банкеты традиционно проводились для повышения престижа хозяина или укрепления социальных связей между участниками. Образовательный потенциал придворного застолья также был значительным. Эта практика была прочно обоснована ранней японской придворной религиозной и церемониальной традицией и даже частично продолжала ее идеалы. Дворцовые регламенты сохранили и способствовали продолжению таких традиций; среди них наиболее известен свод «Бокудзансё» (Заметки с Северной горы). Вполне возможно, что жесткое регулирование количества и вида потребляемой пищи не только расширило сферу священного, но и сделало придворную жизнь более дисциплинированной. Общая трапеза также укрепляла идеалы придворной среды. С другой стороны, император и его ближайшее окружение были отделены от общества в целом. Таким образом, засвидетельствование придворного пира представляет для нас несомненный интерес: внутренняя жизнь императорского дворца, его положения, идеалы, царившие в сердцах и умах сановников, а также различные социальные нормы и проблемы, существовавшие в придворном обществе. В статье описывается феномен японской дворцовой трапезы в IX–XII вв., на основе анализа которого предлагается частичная реконструкция образа жизни японского придворного общества.

Ключевые слова: Япония, эпоха Хэйан, придворный пир, застолье, вино, стихосложение, дворцовый комплекс, император, сановники, ритуал, церемониал

Для цитирования: Грачев М. В. Дворцовые пиршества в эпоху Хэйан. Истоки. Часть 1. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 166–179. DOI 10.18254/S268684310018004-2

The process of meal consumption was one of the key elements in the life of early medieval Japanese society as it included special rituals. Thus, food had an enormous symbolic purpose among the utilitarian ones. Court banquets were held to enhance the prestige of the host or strengthen social ties between the participants. The educational potential of the court feast was no less important. This practice was well-grounded in the early Japanese court religious and ceremonial tradition and partially continued its ideals. Court regulations preserved and furthered such traditions, for example, the *Bokuzansho* (Notes of the Northern Hills) is the best known among them. It is possible that the strict regulation of food amount and type not only enlarged the sphere of the sacred but also made court life more disciplined. The common meal strengthened the ideals of the court environment: the emperor and his inner circle were distinguished from the general community.

To sum up, the description of the court allows us to better understand the life in the imperial palace, the provisions and ideals in dignitaries' minds, and the various social norms and problems that existed in the court society. In the article, the author describes the phenomenon of Japanese palace meals in the 9th to 12th centuries. Therefore, based on this analysis, he presents a reconstruction of the lifestyle of Japanese court society.

Keywords: Heian Japan, court banquet, feast, wine, versification, palace complex, emperor, dignitaries, ritual, ceremonial routine

For citation: Maxim V. Grachyov. Palace Banquet in the Heian Japan. The Origins. Part 1. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 166–179. DOI 10.18254/S268684310018004-2

Понятия «пир», «пиршество», «застолье» характерны для различных культур и зафиксированы в письменной традиции многих народов. Пир, будучи формой культурной жизни разных обществ и эпох, был тесно связан с функциями социальной жизнедеятельности людей. Пиршества были распространены на всех уровнях социума, а потому в них отражались как коллективные, так и частные формы социальной жизни; находила выражение колоссальная общественная значимость. Пиры, носившие подчеркнуто демонстративный характер, рассматривались как разновидность межличностного общения, свидетельство социальной коммуникации, структурообразующий компонент системы управления.

Настоящая статья открывает серию публикаций, посвященных японскому дворцовому пиршеству как историческому явлению, предполагающему важную социальную роль. Эпоха Хэйан (794–1185) выбрана не случайно, поскольку она богата разнообразными историческими источниками: летописями, сводными историческими трудами, собраниями законов, актовой документацией, дневниками сановных персон, художественной литературой и т. д. Пиры в этих источниках нашли многообразное отражение со всем присущим японской культуре неповторимым колоритом. Плодотворным представляется сопоставление сохранившихся в письменном наследии эпохи Хэйан свидетельств, раскрывающих экономические, социокультурные и правовые аспекты дворцовых пиров, где причудливо переплетались формы коллективной и частной жизни, поскольку пир — это и завораживающее зрелище, и пышный ритуал, и насыщенная различными культурными смыслами знаковая система. Обращение к данной теме позволит приблизиться к разгадке такого многоликого явления, как государев двор.

Царедворец о царедворцах

Фридрих Рудольф фон Каниц (1654–1699) — государственный муж, дипломат и выдающийся поэт своего времени[1], не понаслышке знакомый с придворными распорядками, чья жизнь была омрачена личными трагедиями, в часы уныния охарактеризовал двор следующими словами:

«Дворец, где чары ткет бездушная Цирцея;
Тюрьма, где у рабов златая цепь на шее;
Умалишенных дом, в котором что ни шаг,
То иль смеющийся, иль плачущий дурак;
Богатый монастырь, где нищенствует братья;
Больница, где больной больному шлет проклятья
Затем, что есть за стол не хочет рядом с ним;
Базар, где продают лишь ветер или дым
И где всего вольней прожженным шарлатанам,
Привыкшим действовать бессовестным обманом;
Бессменный карнавал, где злой порок трунит
Над добродетелью, чьей маской сам закрыт.
Льстить — значит здесь уметь с людьми отлично ладить,
Взводить напраслину — мешать мерзавцам гадить,
Надменным быть — свой дух свободным сохранять,
Жить пышно — своего багрянца не пятнать,
Сквалыжничать — вести хозяйство превосходно,
Хитрить — доверия не расточать бесплодно,
Пить горько — истину в бокале находить,
Распутничать — у дам досуги проводить.
Да, добродетельно прожить здесь невозможно.
Попробуй сделать шаг один неосторожный,
И окружит тебя таких чудовищ рать,
Каких и в Африке тебе не повстречать»[2].

И хотя немецкий государственный деятель принадлежал к другой культуре и эпохе, рассуждение фон Каница справедливо, как нам представляется, и по отношению к японскому

1 Стихотворения Каница, изобилующие бесчисленными наблюдениями над придворными манерами, пользовались огромной популярностью у современников, а сам автор слыл человеком принципов, незаурядной личностью, обладателем прекрасного характера, не обделенным навыками тонкого обращения с людьми. Подробнее см.: [Dünnhaupt, 1990].

2 Стихотворение «Двор», 30-е гг. XVII в. [Пуришев, 2012, с. 327].

государеву двору эпохи Хэйан, ибо двор (о каком бы историческом периоде и цивилизации ни зашла речь), ибо представляла собой совокупность противоположностей, характеризовавшуюся многоаспектностью и разноликостью.

Современники о хэйанских пирах

Иллюстрируя хэйанское дворцовое пиршество, рассмотрение которого невозможно вне контекста придворной жизни, представлявшей изумительное зрелище, которое, увы, теряет свое очарование по мере погружения в атмосферу двора, обратимся к текстам исторических источников.

«Государь запланировал пиршество с любованием луной в ночь на пятнадцатое число восьмого лунного месяца третьего года Кохо [966 г. — *М. Г.*]. Двум соревнующимся командам повелели создать искусственные сады перед Сэйрёдэ[3]. Левую команду возглавил *сёнагон*[4] и младший военачальник[5] Наритоки[6], глава Ведомства живописи, сын Моротада[7] и старший брат Хоси[8], одной из жен государя, жившей в Сэнъёдэн[9]. Правую команду возглавил девятый сын Моросукэ[10], Тамэмицу[11], младший военачальник, руководивший Ведомством дворцовых работ. Обе команды усердствовали изо всех сил, стремясь победить. Участники из Ведомства живописи представили *сухама*[12] с нарисованным ландшафтом, где были изображены цветущие растения небесной красоты, садовый ручей и массивные камни. Разнообразные насекомые были поселены за грубой оградой из серебряной фольги. Художники из Ведомства

3 Сэйрёдэн — Павильон Чистой прохлады. Одно из центральных зданий дворцового комплекса (*дайдайри*) столичного града Хэйан. Именно там находилась опочивальня августейшего правителя.

4 Должность младшего советника двора, важный пост в карьере придворного. Рассматривался в качестве испытательного срока для получения ключевых административных постов.

5 Служба в гвардии была не столько почетной обязанностью отпрысков вельможных родов, сколько создавала высокую вероятность быть замеченным императором, что формировало новые возможности быстрого продвижения по службе.

6 Фудзивара Наритоки (941–995) — придворный сановник, дослужившийся до поста *дайнагона.* Мнения современников о нем расходятся. Согласно «Эйга моногатари», он был преисполнен всевозможных добродетелей, манеры являл утонченные, принадлежал к впечатлительному (немужественному) типу мужчины. Дневник правого министра Фудзивара Санэсукэ (957–1046) дает совершенно иную характеристику Наритоки: расчетливый, хитрый, двуличный, полный тщеславия, часто понукавший подчиненных, на пирах не раз переходивший меру дозволенного, язвительно задевавший присутствующих.

7 Фудзивара Моротада (920–969) — царедворец, получивший высшие государственные должности (в 966 г. он старший советник двора — *дайнагон*). Его дочь (Фудзивара Хоси; ?–967) стала супругой (*нёго*) императора Мураками (прав. 946–967).

8 Фаворитка государя Мураками, ставшая его супругой (*нёго*). Умерла за полгода до кончины императора. Смерть Хоси погрузила Мураками в тоску и меланхолию, приблизив печальный конец самого императора.

9 Павильон Явленного блеска. Располагался в северо-восточной части дворцового комплекса. Там, как правило, проживали наложницы-фаворитки императора.

10 Фудзивара Моросукэ (909–960) — царедворец, у которого сложились доверительные отношения с императором Мураками. Фудзивара Анси (927–964), дочь Моросукэ, стала императрицей (*тюгу*) и матерью государей Рэйдзэя (прав. 967–969) и Энъю: (прав. 969–984). Плеяда славных отпрысков Моросукэ оставила о себе немало примеров верного служения трону.

11 Фудзивара Тамэмицу (942–992) сделал блестящую карьеру при дворе, дослужившись до поста Главного министра (*дайдзё дайдзин*).

12 *Сухама* — сооружавшиеся на специальных подносах объемные макеты с изображениями скал, деревьев, цветов, птиц и т. п., т. е. предметов, символизирующих тему поэтического турнира. Подносы могли быть разной формы, чтобы максимально детально отразить изгибы береговой линии, а порой и миниатюрные песочные пляжи. На подносах располагались живые или искусственные растения, птицы, камни и т. д.

живописи изобразили вид на реку Ои[13], представив фигуры прогуливавшихся вдоль реки людей, а также лодки с жаровнями. Рядом с насекомыми изваяли стихотворное послание[14] (*Илл. 1*).

Ведомство дворцовых работ преподнесло достопримечательный поднос, с изысканной гравировкой, исполненной с величайшим мастерством. На том подносе был изображен пляж во время прилива, окруженный высаженными искусственными цветами, а также с искусно вырезанными соснами и бамбуком. Стихотворное обращение было прикреплено к свежесрезанной ветке *оминаэси*[15].

Стихотворное послание Левой команды:

«Мы не поведали сверчкам,
Что посадили цветы
Для его Величества,
Но все же в их мелодии-песне разносится
Наша вера в тысячу лет здравия государя».

Стихотворное послание Правой команды:

«Пусть кто-то величает Вас
Искусственными цветами.
В этом году»
Оминаэси
Цветут изо всех сил.

Музыка играла, знатным особам вручили дары» [*A Tale of Flowering Fortunes*, 1980, p. 92–94].

«Вечером учитель авторитета [Закона Будды] и ритуала[16] Сайдзэн[17] провел во дворце чтения буддийских сутр. Потом случилось беспредельное погружение в омут пьянства. Довольно быстро дошло до безрассудных речей. Вельможный царедворец [Фудзивара Мородзан[18]], пребывавший

13 Река Ои у основания горы Арасияма (ныне район Укё в Киото) с, как правило, спокойным течением стала излюбленным местом отдохновения знати. На реке Ои, в частности, регулярно проводились гонки на лодках.

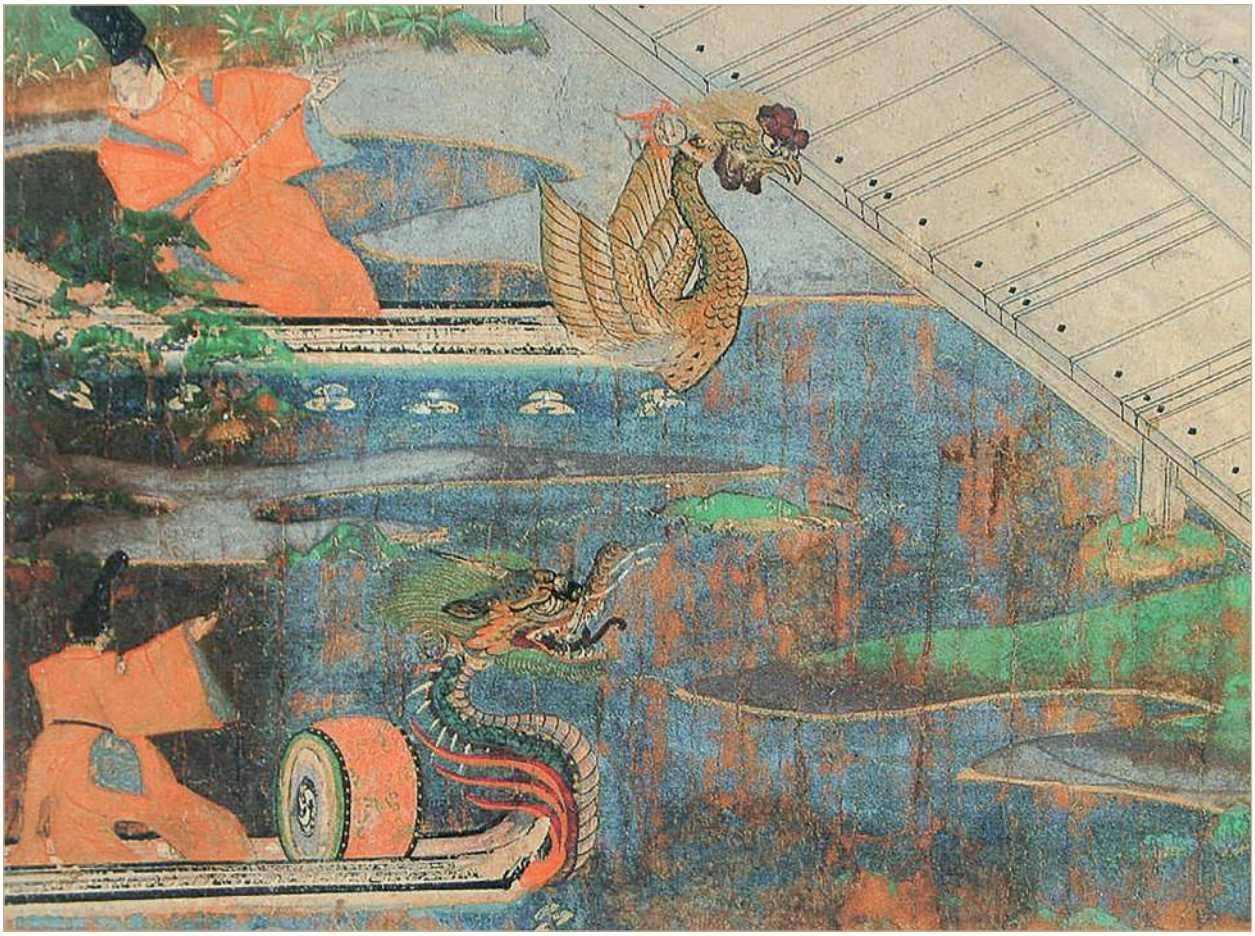
14 Стихотворения, как правило, помещались вокруг «*сухама*».

15 Патриния скабиозолистная — одна из «семи трав осени», многолетнее растение со щитковидными соцветиями из маленьких желтых цветов.

16 *Игиси*. Должность впервые введена в 771 г. и связана с новой политикой назначения на высшие должности в буддийской церковной организации верных двору людей. В прерогативу «*игиси*» входило руководство церемониями пострижения в монахи.

17 Высокоавторитетный буддийский наставник. Не раз фигурирует в качестве лица причастного к разрешению конфликтных ситуаций при дворе государя.

18 Фудзивара Мородзанэ (1042–1101) – государственный муж и выдающийся поэт. Имел официальный статус «тестя государя», хотя императрицей (супругой Сиракава (прав. 1072–1086)) была его приемная дочь Кэнко. В 1092 г. занимал пост канцлера-*кампаку*, т. е. главы Государственного совета. Зарекомендовал себя как ревнитель нравственности. Известен пример, когда во время неофициального пира один из *кэйсё ункаку* (досл. «властно сановная особа, представшая в образе облачного гостя»), участвовавших в пиршестве, настолько захмелел, что сперва явил чудеса подвижности и говорливости, а потом не мог подняться с места. Все это представляло жалкое зрелище. Тогда *кампаку* Мородзанэ повелел всем присутствовавшим на пиру составлять оду в духе стихотворения «О вине» из «Книги песен» (Шицзин), дабы в поэтической японской манере были обыграны следующие слова из этого, без сомнения, великолепного поэтического творения:
«Званые гости к циновке подходят сперва,
Каждый почтителен, тонок и щедр на слова,
В каждом, пока он еще не напился вина,
Важность осанки, как это и должно, видна.
Ну, а когда уже гости напьются вина,
Важность осанки в расстройстве и речь их бедна!
Место покинет, шатается там он и здесь,
Спляшет он несколько раз и кривляется весь.
Каждый, пока он еще не напился вина,
Важность осанки хранит — и достойна она.
Ну, а уж если напился он вдоволь вина —



Илл. 1. **Драконьи лодки**
По: Обороя Хисаси. Отё то кидзоку (Государев двор и знать)
Токио: Сюэйся, 1991. С. 47. Илл. 26

в дворцовом комплексе, распорядился: “Отныне и впредь, если кто-то специально не приглашен, то не следует призывать его во дворец. Взирая вверх и обращаясь вниз (т. е., по моему скромному разумению. — *М. Г.*) при подборе служащих дворца надлежит отдавать предпочтение тем, кто способен совладать со своими желаниями”» [*Тююки* (Кандзи), 1934–1935, 6–5–3, 1092].

Приведенные выше примеры иллюстрируют две противоположные оценки придворных обыкновений современниками: первая представляет двор правителя как нескончаемую круговерть высокопарных торжеств с участием изящных аристократов, обладающих блистательными манерами и чутких к окружающим; вторая, если не приравнивает двор к наихудшему месту, где безнравственность стала нормой и процветает безразличие к бедам других, то указывает, что придворная жизнь погрязла в пороках и представляет собой вернейший путь,

Важность осанки совсем он теряет спьяна.
Тот, говорю, кто без меры упьется вином,
Тот и с порядком приличий совсем не знаком» (пер. А. А. Штукина) [Шицзин, 1987, с. 203].

ведущий к гибели. При этом в японских письменных источниках хэйанской поры (летописи, сводные исторические труды, дневники сановников, художественная литература и т. д.) четко просматривается тенденция к преодолению негативных тенденций, поскольку нехорошие явления при дворе наносили колоссальный вред репутации божественного правителя и, соответственно, всей страны. Надлежало стремиться (и средневековые тексты это выразительно демонстрируют) к идеальному конструкту, когда государствует божественный владыка, пристально взирающий на дела управления и окруженный высокодобродетельными и верными долгу подданными[19], способными бескорыстно оказывать государю всемерную поддержку в деле исправления любых изъянов в родной державе.

Исследователь, отдающий себе отчет в значимости реконструкций на основе суждений современников при создании полноценной картины изучаемой эпохи, вне сомнения, должен основываться на первичных материалах, где не только обнаруживается специфика государева двора как центра политической и культурной жизни со всеми свойственными ей трансформациями, но и широко представлена присущая тому или иному явлению терминология.

Классификация придворных пиршеств

Пиры в эпоху Хэйан чаще все обозначаются следующими терминами: *эн*, *найэн*, *тайкё*, *сэтиэ* и *эндзуй*.

Эн — пир в самом широком значении этого слова, устраиваемый по некоему примечательному случаю; поводом могло стать и выпадение первого снега, и благостное предзнаменование.

Найэн проводился во дворце по инициативе государя; существовал список гостей, а потому «*найэн*» был закрытым мероприятием.

Тайкё — пиршество, сопровождаемое многочисленными церемониальными действами; круг гостей ограничивался сановитыми особами.

Сэтиэ — разновидность пира, когда само торжество были приурочено к конкретному ритуалу при дворе и все участники церемониального предприятия были приглашены на совместное пиршество.

Эндзуй — неформальное застолье, во время которого гости предавались гульбе вне всякой меры.

Несмотря на то что пиры неоднократно упоминаются в «Кодзики» («Записи о деяниях древности», сост. в 712 г.), мифолого-историческом своде «Нихон сёки» («Анналы Японии», сост. в 720 г.), поэтических антологиях «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», втор. пол. VIII в.) и «Кайфусо» («Милые ветры поэзии», сост. в 751 г.) [*The Cambridge History of Japan*, 2008, vol. 2, p. 12], появление традиции пиров-*найэн* устойчиво ассоциируется с правлением государей Сага (прав. 809–823), Дзюнна (прав. 823–833) и / или Ниммё (прав. 833–850) [*Хэйан дзидай гисики…* 2003, с. 51–53; *Юсоку кодзицу дайдзитэн*, 1995, с. 524–525].

«Мудрые правители» (*сэйдай*) Сага, Дзюнна и Ниммё рассматриваются в качестве образцовых государей, отличительной чертой которых были добродетельность (*току*), священная преобразующая сила (*сэйка*) и всеохватная грозность (*сэйи*). Они, как и подобало венценосным персонам, были инициаторами многих великих начинаний, учредителями неувядающих традиций. Благодаря их радениям государев двор превращается в центр культуры с присущим ему определенным набором поведенческих черт: манерами и манерностью, особым складом ума, специфическим языком, наполненным не только изяществом, но и многозначностью, поскольку язык мог становиться своеобразным оружием в борьбе с оппонентами и недоброжелателями. Прямое значение употребляемых выражений порой кардинальным образом расходилось с их реальным смыслом, а перебранка зачастую превращалась в утонченное и высокопарное развлечение.

19 Так называемое «просвещенное чиновничество» (*бундзин*).

Илл. 2. **Портрет императора Сага**
По: Рэкидай тэнно нэнго дзитэн (Справочник по девизам правления императоров). Ёнэда Юсукэ (ред.). Токио: Ёсикава кобункан, 2003. С. 126

Мудрые правители о мелкой рыбешке и вьющихся растениях

Лучшим из «мудрых правителей» признается Сага — ценитель китайской образованности, при котором жизнь двора организовывалась сообразно китайскому этикету (*Илл. 2*). Будучи, по идее, божеством, явленным в человеческом теле и обеспокоенным за судьбу страны, он был связан неразрывной нитью со своими подданными, представляя для них непревзойденный пример подражания. Он сознательно (акцент в исторических источниках сделан именно на добровольности) передал власть младшему брату Дзюнна, продемонстрировав побуждение о благополучии подданных и процветании государства.

Без принуждения уступив царствие Ниммё (старший сын Сага), Дзюнна засвидетельствовал приверженность принципам преуспеяния державы. В предисловии к общегосударственному летописному своду «Нихон коки» («Позд-

ние анналы Японии») дана высокая оценка деятельности всех трех императоров: «Предшествующий и последующий великие и высокие августейшие правители [Сага и Дзюнна] словно два Солнца на одном небосклоне. Сущность различна, но сияют одинаково. Чуткие и прозорливые, выдающиеся и добродетельные [они] приносили пользу людям, бескорыстно заботясь о благе других. Кормили лошадей и были пастырями несмышленых (т. е. вскармливали народ и руководили им. — *М. Г.*). Варили маленькую рыбешку, [не сдирая кожи и не вынимая внутренностей], аки почтенные судьи (т. е. мастерски управляли государством. — *М. Г.*). Нравы народа обильно напитались сияющей культурностью, а вьющиеся растения широко распространились (т. е. люди были щедро облагодетельствованы и пребывали в достатке. — *М. Г.*)… Наш нынешний правитель (Ниммё. — *М. Г.*) наделен совершенной красотой Неба и Земли и способен охватить благородный космос до мельчайших частиц. Обретя нефритовую печать, он сиянием озарил Поднебесную. Взирая на драгоценный план, умиротворил страну. Со времени его восшествия на престол настал период великого мирного правления в государстве. Человеколюбие и сыновняя почтительность стали сами собой таковы» [*Нихон коки*, 1982, с. 1].

Сага создал основу для последующего царствования созвездия талантливых правителей. Об императоре Сэйва (правнук Сага; прав. 858–876), вступившем на престол в девятилетнем возрасте и с детских лет посвятившем себя усердному учению, в летописи «Нихон сандай дзицуроку» («Правдивые записи о правлении трех императоров») сказано: «Манеры августейшего императора были изящны. Он был торжествен и спокоен, как божество; снисходителен, добр и великодушен. Давал мудрые советы… В своем поведении придерживался устоявшихся традиций. С упоением читал книги, а его мысли были пропитаны буддийскими наставлениями. Никогда не проявлял интерес к соколиной и псовой охоте или же рыбной ловле. Обладал энергичным темпераментом и изобилием высоких качеств величественного государя» [*Нихон сандай дзицуроку* (Гангё), 2009, 4–12–4, 880]. Даже свой смертный час он встретил, будучи преисполнен царственной величавости, проявляя сострадание и заботу о своих подданных[20]: он «отправился в небеса в колеснице запряженной фениксами»; почил сидя, ноги его были скрещены, и казалось, что он все еще жив [*Нихон сандай дзицуроку* (Гангё), 2009, 4–12–4, 880].

Уход из жизни великого государя (в данном случае речь идет о дальнем потомке Сага — государе Мураками (прав. 946–967)), о котором «все могли только грезить», ибо он был «величественным, мудрым и образованным», «умело сочетавшим величайшее сострадание со здоровой любовью к празднествам и великолепию», словно «сын Яо уподобился самому Яо» [*A Tale of Flowering Fortunes*, 1980, p. 70–71]. Смерть Мураками стала причиной невообразимых страданий подданных: «О, ужас! С чем можно сравнить трагический конец государя Мураками? Это как будто гряда облаков пришла ниоткуда, дабы сокрыть солнечный диск, сияющий во всем своем величии. Точно бы весь солнечный свет в мгновение ока исчез из дворца. Как бессмысленно называть это событие «невыразимо печальным»! Придворные и знать отчаянно бродили по дворцу в беспамятстве от горя и отчаяния, всхлипывая: «Мы более никогда не увидим такого же славного правителя! Ах, если бы мы могли умереть вместе с ним!» [*A Tale of Flowering Fortunes*, 1980, p. 95].

Знаменательно, что отправная точка традиции пиров-«найэн» в Японии уходит именно во времена правления государя Сага. Хотя в сохранившейся до наших дней части летописного свода «Нихон коки» нет прямого упоминания об учреждении придворных пиров-«*найэн*», в летописи[21], где нашли отражение деяния внука Сага — госуда-

20 Перед смертью Сэйва «объявил великую амнистию по всей стране», хотя государем уже не был, ибо отрекся от престола в 876 г.

21 Текст сохранился полностью.

ря Монтоку (прав. 850–858), находим такие слова: «Император угощал вином свой ближний круг. [Он] повелел, чтобы слагали стихотворения… То было сохранение для последующих поколений красивой [традиции эпохи] Кони[22]. Мероприятие получило наименование «внутренний пир» (т. е. *найэн*. — *М. Г.*)» [*Нихон Монтоку тэнно дзицуроку* (Ниндзю), 1943, 4–1–21, 854].

Истоки «внутреннего [дворцового] пира» ныне являются предметом полемики среди специалистов, однако в первой половине XX в. считалось, что дворцовые пиры в эпоху Хэйан были порождением исключительно японской культуры. Это было связано с национальным престижем, а посему столь изысканное обыкновение, как пир во дворце императора, не могло иметь иноземного (китайского!) происхождения [*Кодзи руйэн*, 1914. Т. 2, с. 1039–1053]. Доводы строились на изучении исключительно японских текстов (по преимуществу использовался лишь метод текстологии). Современная наука преодолела этот существенный недостаток и сейчас японские исследования отличаются разнообразием методологического инструментария.

Теории происхождения пиров

Каковы основные точки зрения на происхождения пиров во дворце императора в эпоху Хэйан?

Пиры-найэн — детище неподражаемой японской культуры

Попытаемся понять, каковы аргументы в поддержку этой точки зрения.

Поскольку восхищение собственной утонченность было весьма распространено среди хэйанской знати, то пир-*найэн* выделялся неповторимой самобытностью. Некоторые традиции, присущие пиршеству, настолько прижились (и даже вызывали особенное чувство ликования и благолепия), что их невыполнимость порождала разочарование среди «облачных гостей». Неудовлетворение участников одного из пиров вызвала невозможность осуществления церемонии «благодарения места и почитания винной [чаши][23] по причине проведения церемонии вызывания дождя» [*Кюрэки* (Тэнряку), 1958, 1–1–23, 948]. В сочинении «Сэнсю хики» («Собрание записей о тайном»)[24], где, как принято считать, зафиксированы исконно японские действа, проводимые во дворце императора в течение календарного года, и в своде придворных ритуалов «Бокудзансё» («Заметки с Северной горы»), отмечается, что при проведении *найэн* придерживались строгих правил:

а) место выбиралось к югу от Павильона Чистой прохлады или же торжество проводили непосредственно в Павильоне Человеколюбия и долголетия (Ниндзюдэн) [*Бокудзансё*, 1994, с. 148, 150, 153–155; *Сэнсю хики*, 1980, с. 124–125], хотя источники сохранили упоминания о том, что действо могло проходить и в других местах (для этого, к примеру, использовались два симметрично расположенных двора к западу от Павильона Чистой прохлады [*Эйга моногатари*, 1964–1965. Т. 1, с. 480, примеч. 57])

б) для пира устанавливали одну из дат с 21-го по 23-й день первого лунного месяца. Если на один из вышеозначенных дней выпадал День Крысы, то *найэн* предпочитали проводить в День

22 Конин (досл. постижение человеколюбия) — девиз правления (*нэнго*) государя Сага (810–824).

23 Речь идет о специальном ритуале, проводимом с целью выражения почтения к тому месту, где будут сидеть участники пира. Завершался ритуал церемонией чинного получения чаши с *сакэ*. Примечательно, что немалое количество игр во время пира (в том числе состязаний на смекалку и память) имело в качестве отправной точки вино, а само вино перестает быть просто напитком, превращаясь в феномен культуры.

24 Массивное собрание обыкновений из 40 свитков (частично восстанавливаются только семнадцать свитков, в том числе «Сэйрёки» («Записи [Павильона] Чистой прохлады»)) «Сэнсю хики» было, по всей вероятности, плодом коллективного творчества группы придворных ученых. К таковым оказался причастен и Фудзивара Тамэфуса (1049–1115), попавший за свою проницательность и природный ум в круг ближних лиц императора, а потом и экс-государя (*инсэй*, досл. «повелевающий из молельни») Сиракава (прав. 1072–1086, ум. 1129).

Крысы; если же День Крысы не приходился на 21, 22 или 23 число первой луны, то выбирали день под покровительством иного циклического знака (например, День Змеи) [*Бокудзансё*, 1994, с. 148; *Сэнсю хики*, 1980, с. 123–124]

в) танцовщицы, приглашенные из Найкёбо[25], исполняли танцы и музицировали [*Бокудзансё*, 1994, с. 150–155; *Сэнсю хики*, 1980, с. 132–135]; иногда музыкальные композиции создавали почетные гости, как, например, в 947 г., когда государь Мураками присутствовал на пиру в Павильоне Узорчатых шелков (Рёкидэн), а именитые царедворцы принесли с собой духовые и струнные музыкальные инструменты, дабы, «взяв за образец дух цветов и проникнувшись чарующим пением иволги, подражать ее голосу при помощи музыкальных инструментов» [*Тэйсин коки* (Тэнгё), 1956, 10–1–23, 947][26]

г) обязательной частью программы было сочинение и декламация стихотворений-*ши*[27] [*Бокудзансё*, 1994, с. 153–159; *Сэнсю хики*, 1980, с. 123–159] (так в 837 г. на глазах у государя Ниммё гости церемониального застолья слагали стихотворения на тему: «У цветочной изгороди любуемся пением соловья» [*Сёку Нихон коки* (Дзёва), 1934, 4–1–20, 837], в 874 г. слух божественного правителя Сэйва ласкали стихотворения на тему: «Весенний снег искрится на утренней сливе» [*Канкэ бунсо,* 1965, с. 65], а в 948 г. император Мураками повелел участникам пира «прочувствовать дух цветов ранней весной, чтобы источаемый ими аромат навеял рифмы поэтического сочинения» [*Кюрэки* (Тэнряку), 1958, 1–1–23, 948]

д) император открывал и завершал пир, пребывая на возвышении над остальными гостями (зачастую завсегдатаем торжества был и наследник престола) [*Бокудзансё*, 1994, с. 150–152, 493; *Сэнсю хики*, 1980, с. 156–159].

Государственный муж, ученый и прославленный поэт Сугавара Митидзанэ (845–903) в предисловии к стихотворению-*ши* «Ранней весной в Павильоне Ниндзюдэн слагают стихотворения о весеннем тепле» писал о пиршестве-*найэн*: «Если человек не находился в числе поданных, которым благоволил государь, или не являлся поэтом, которому было велено слагать стихотворения, то мог ли он и помыслить о том, чтобы так вести чистые беседы, развлекаться, предаваться мечтам и радоваться, как на том пиру?» [*Канкэ бунсо*, 1965, с. 79]. Т. е. если человек не входил в состав доверенных лиц государя, то он не мог участвовать в дворцовых пирах, но даже если придворный принадлежал к числу высших сановников, то не существовало гарантий, что он будет приглашен на *найэн*. Это был пир для узкого круга посвященных.

Аргументируя свои варианты истории происхождения японских пиров-*найэн*, сторонники описанной точки зрения обращаются к тексту грандиозного сводного исторического труда «Рудзю кокуси» («Систематизированная национальная история»)[28], составленного по повелению императора Уда (прав. 887–897) в 892 г. группой

25 Найкёбо — частная школа, где девушек обучали грациозным танцам и изысканной музыке. Время учреждения школы остается неустановленным (первое упоминание при государе Дзюнине (прав. 758–764)). В XIII в. школа Найкёбо пришла в упадок.

26 Главный министр (*дайдзё дайдзин*), канцлер (*кампаку*) и утонченный поэт Фудзивара Тадахира (880–949) не смог присутствовать на этом чарующем мероприятии, и его душевные терзания красной нитью проходят через все повествование о пиршестве в дневниковых записях Тадахира. Причиной отсутствия Тадахира на пиру стал «день истощения сил» (*суйнити*), который имел непосредственное отношение к дате рождения, возрасту и принадлежности к одному из «двенадцати зодиакальных животных». В такой день надлежало практиковать воздержание и ни под каким предлогом не участвовать в увеселительных мероприятиях. Дабы отвадить от себя опасности и избежать упадка, день именовали *токунити* («благочестивый день»).

27 Стихотворения на стилизованном китайском языке (*камбун*) по правилам китайского стихосложения. Этот жанр японской поэзии получил название *канси* (досл. «стихотворения Хань») и пользовался наибольшей популярностью при императорском дворе и среди вельможной знати. Первая антология стихотворений-«ши» — «Кайфусо» («Милые ветры поэзии») — была составлена в 751 г. В традиционной Японии социальный статус поэта был весьма высок.

28 Из 200 свитков до нашего времени сохранилось 62.

ученых под руководством незаурядного человека — талантливого придворного и выдающегося знатока китайской культуры Сугавара Митидзанэ. Для японского историописания это был принципиально новый класс текстов — справочных пособий, где материал был расположен по рубрикам: «небесные и земные божества», «императорская семья», «женский дворец», «придворные», «ритуалы», «законы», «должности и ранги», «система землепользования» «благие знамения», «несчастливые предзнаменования» и т. д. (всего 18 разделов). Главенствующая целеустановка «Рудзю кокуси» состояла в приведении событий, зафиксированных в «Шести национальных историях» («Риккокуси»)[29], в порядок в соответствии с хронологической и тематической последовательностью [*Сакамото Таро*, 2007, с. 138–142].

В «Рудзю кокуси» относительно ранней истории дворцовых пиров находим следующие свидетельства:

«[Устроен] неофициальный пир. [На пиру] музицировали. Чиновники четвертого ранга и выше получили дары» [*Рудзю кокуси* (Дайдо), 1934, 4–1–23, 809].

«В дальнем дворце был устроен неофициальный пир. Мужам, сведущим в стихосложении-«*ши*», было велено сочинять стихотворения. Государь вручил им дары» [*Рудзю кокуси* (Конин), 4–1–21, 813].

«[Устроен] неофициальный пир. Девушки музицировали. Ближним слугам [в качестве даров] был поднесен хлопок» [*Рудзю кокуси* (Конин), 8–1–21, 817].

«[Устроен] неофициальный пир. Ближним слугам [в качестве даров] был поднесен хлопок» [*Рудзю кокуси* (Конин), 9–1–21, 819].

«[Устроен] неофициальный пир» [*Рудзю кокуси* (Конин), 10–1–20, 820].

«В Павильоне Ниндзюдэн состоялся дворцовый пир-«*найэн*» Было велено сочинять стихотворения о весне и танцах. В закатный час [все присутствующие] получили от императора дары» [*Рудзю кокуси* (Тэнтё), 8–1–20, 831].

Как явствует из текста «Рудзю кокуси», традиция дворцовых пиршеств возникла еще при предшественнике Сага-*тэнно* — государе Хэйдзэй (прав. 806–809), однако пир, устраиваемый в 20-х числах первого лунного месяца, еще не назывался *найэн*, он именовался *кёкуэн*, то есть пир, организованный неофициально, вне установленного церемониала, без какого-либо значимого повода. Предполагается, что такие застолья не носили характера официальных политических приемов. Однако в бытность Сугавара Митидзанэ неофициальные дворцовые пиры с чтением изысканных стихотворений-*канси* были укоренившейся при государевом дворе традицией.

Ключевой вопрос дискуссии о происхождении дворцовых пиров в эпоху Хэйан заключается в том, были ли эти пиры исконно японской традицией или нет? «Доказывая», как представляется, «истинные» корни вышеупомянутого придворного торжества, приверженцы точки зрения об исконно японских истоках «*найэн*» опираются на суждение Сугавара Митидзанэ:

«О дворцовых пирах-*найэн*, которые проводились ранней весной, нет упоминаний в «Цзин Чу суй ши цзи»[30]. Нет примеров [аналогичных пиршеств] в [Китае] в периоды Чжоу и Хань. Повелитель самолично установил [эту традицию] в прежние времена и обычай существует [и ныне] при нашем совершенно мудром импера-

29 «Шесть национальных историй» — погодные летописи, составленные по императорскому рескрипту и призванные засвидетельствовать взгляды правителя и государева двора по вопросам управления подвластной территорией, а также продемонстрировать принципы, на основе которых осуществляются взаимоотношения с другими государствами. «Шесть национальных историй» фиксировали события от «эры богов» до 887 г. Главными объектами описания составителей «Риккокуси» были император и его ближайшее окружение.

30 «Цзин Чу суй ши цзи» («Записи о временах года Цзин-Чу») — фундаментальное собрание описания китайских обычаев, составленное в VI в. (точный год не известен). Сохранилось 77 свитков, где обыкновения из повседневной жизни и ритуальной практики расположены в календарном порядке. В эпоху Хэйан среди представителей интеллектуальной элиты «Цзин Чу суй ши цзи» рассматривалось в качестве высокоавторитетного сборника, детально повествующего о специфических особенностях китайских ритуалов.

торе» [*Канкэ бунсо*, 1965, с. 148]. Как следствие, гипотеза о том, что являющаяся характерной особенностью самобытной японской культуры традиция пиров-*найэн*, которую инициировал «император-мудрец» Сага, стала широко распространенной в Японии.

Продолжение следует.

Список литературы / References

Бокудзансё (Заметки с Северной горы). Токио: Синто тайкэй, 1994. — 664 с. [*Bokuzansho (Notes of the Northern Hills)*. Tokyo: Shinto taikei, 1994. — 664 p. (in Japanese)].

Канкэ бунсо. Канкэ косю (Литературное собрание дома Сугавара. Позднее собрание дома Сугавара). Токио: Иванами сётэн, 1965. — 739 с. [*Kanke bunso. Kanke koshu (Sugawara Family Literary Drafts. Sugawara Family Later Collection)*. Tokyo: Iwanami shoten, 1965. — 739 p. (in Japanese)].

Кодзи руйэн (Энциклопедия дел стародавних). Токио: Кодзируйэн канкокай, 1914. Т. 2. — 1490 с. [*Koji ruien (Encyclopedia of Historical Terms)*. Tokyo: Kojiruien kankokai, 1914. Vol. 2. — 1490 p. (in Japanese)].

Кюрэки (Дневник господина с девятой линии). Токио: Иванами сётэн, 1958. — 314 с. [*Kyureki (Ninth Avenue Diary)*. Tokyo: Iwanami shoten, 1958. — 314 p. (in Japanese)].

Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио: Ёсикава кобункан, 1980. — 138 с. [*Nihon Koki (Later Chronicle of Japan)*. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1980. — 138 p. (in Japanese)].

Нихон Монтоку тэнно дзицуроку (Правдивые записи об императоре Японии Монтоку). Токио: Ёсикава кобункан, 1934. — 900 с. [*Nihon Montoku tenno jitsuroku (Veritable Records of the Emperor Montoku)*. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1934. — 900 p. (in Japanese)].

Нихон сандай дзицуроку (Правдивые записи о правлении трех императоров). Токио: Эбису косё сюппан, 2009. Т. 1. — 716 с. Т. 2. — 470 с. [*Nihon sandai jitsuroku. (Veritable Records of Three Reigns of Japan)*. Tokyo: Ebisu kosho shuppan, 2009. Vol. 1. — 716 p. Vol. 2. — 470 p. (in Japanese)].

Пуришев Б. И. *Западноевропейская литература XVII века*. М.: Альянс, 2012. — 131 с. [Purishev B. I. *Western European Literature of the 17th Century*. Moscow: Alliance, 2012. — 131 p. (in Russian)].

Рудзю кокуси (Систематизированная национальная история). Токио: Ёсикава кобункан, 1934. Т. 1. — 546 с. Т. 2. — 542 с. [*Ruiju kokushi (Classified National Histories)*. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1934. Vol. 1. — 546 p. Vol. 2. — 542 p. (in Japanese)].

Сакамото Таро. *Сугавара Митидзанэ*. Токио: Ёсикава кобункан, 2007. — 178 с. [Sakamoto Taro. *Sugawara Michizane*. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 2007. — 178 p. (in Japanese)].

Сёку Нихон коки (Продолжение поздних анналов Японии). Токио: Ёсикава кобункан, 1934. — 718 с. [*Shoku Nihon koki (Latter Chronicles of Japan, continued)*. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1934. — 718 p. (in Japanese)].

Сэнсю хики (Собрание записей о тайном). Под ред. Токоро Исао. Токио: Кокусё канкокай, 1980. — 556 с. [*Senshu hiki (Collection of Secret Notes)*. Ed. by Tokoro Isao. Tokyo: Kokusho kankokai, 1980. — 556 p. (in Japanese)].

Тэйсин коки (Записи господина Саданобу). Токио: Ринсэн сётэн, 1956. — 371 с. [*Teishin koki (Records of the Sadanobu)*. Tokyo: Rinsen shoten, 1956. — 371 p. (in Japanese)].

Тююки (Записи правого министра). Токио: Ринсэн сётэн, 1934–1935. Т. 1. — 352 с. [*Chuyuki (Records of the Right Minister)*. Tokyo: Rinsen shoten, 1934–1935. — 352 p. (in Japanese)].

Хэйан дзидай гисики нэнтю гёдзи дзитэн (Энциклопедия ежегодных обрядов в период Хэйан). Под ред. Абэ Такэси, Ёсио Акико, Айсо Такаси. Токио: Токёдо сюппан, 2003. — 378 с. [*Heian jidai gishiki nenju gyoji jiten (Encyclopedia of Annual Rituals during the Heian Period)*. Ed. by Abe Takeshi, Yosio Akiko and Aiso Takashi. Tokyo: Tokyodo shuppan, 2003. — 378 p. (in Japanese)].

Шицзин (Книга песен и гимнов). Пер. А. А. Штукина. М.: Художественная литерату-

ра, 1987. — 352 с. [*Shi-jing (The Book of Songs)*. Tr. by A. Shtukin. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1987. — 352 p. (in Russian)].

Эйга моногатари (Повесть о славе). Под ред. Мацумура Хиродзи и Яманака Ютака. Токио: Иванами сётэн, 1964–1965. — 589 с. [*Eiga monogatari (A Tale of Flowering Fortunes)*. Ed. by Matsumura Hiroji and Yamanaka Yutaka. Tokyo: Iwanami shoten, 1964–1965. — 589 p. (in Japanese)].

Юсоку кодзицу дайдзитэн (Большой словарь обыкновений и дел стародавних). Под ред. Судзуки Кэйдзо. Токио, 1995. — 718 с. [*Yusoku kojitsu daijiten (Encyclopedia of Court and Samurai Rules of Ceremony and Etiquette)*. Ed. by Suzuki Keizo. Tokyo, 1995. — 718 p. (in Japanese)].

A Tale of Flowering Fortunes. Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period. Translated with an Introduction and Notes McCullough, William H. and McCullough, Helen Craig. Stanford, CA: Stanford University Press, 1980. — 910 p.

Dünnhaupt G. Friedrich Rudolph Ludwig Freiherr von Canitz (1654–1699). *Personalbibliographien zu den Drucken des Barock*. Bd. 2. Stuttgart: Hiersemann 1990. S. 969–976.

The Cambridge History of Japan. Vol. 2. *Heian Japan*. Ed. by Donald H. Shively and William H. McCullough. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. —782 p.

DOI: 10.18254/S268684310018011-0

Балбир Мадхопури
Боль разбитого зеркала

(глава из автобиографии «Обрубленное дерево»)*

Balbir Madhopuri
Tikḍe šīše kī vyathā / The Tale of the Cracked Mirror

(A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*)

© 2021 **Балбир Мадхопури**

писатель, директор Панджабского литературного общества, главный редактор журнала «Самкали сахит» («Современная литература»), Нью-Дели, Индия; bmadhopuri@yahoo.in
ORCID ID: 0000-0002-5232-0618

Balbir Madhopuri

Writer, Director of Punjabi Sahit Sabha, Editor of the Samkali Sahit Magazine, New Delhi, India; bmadhopuri@yahoo.in
ORCID ID: 0000-0002-5232-0618

Анна Викторовна Бочковская

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
anna.bochkovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

Anna V. Bochkovskaya

PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
anna.bochkovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

* Перевод главы «Боль разбитого зеркала» выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2019]. Публикуется с разрешения автора. Предыдущие главы книги см. в [Бочковская, 2020a-d]— *Здесь и далее прим. перев.*

Публикация представляет собой комментированный перевод с хинди главы из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāṅgiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури, известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля. Он родился и вырос в квартале чамаров-неприкасаемых в панджабской деревне Мадхопур на северо-западе Индии, прошел непростую школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. Его перу принадлежат множество сборников стихов, рассказов и эссе на панджаби; в 2020 г. вышел его новый роман «И возговорила земля…» (*Miṭṭī bol paī*), рассказывающий о движении *ад-дхарм* в среде панджабских неприкасаемых в 1920–1940-х годах. Балбир Мадхопури перевел на свой родной язык 36 произведений мировой художественной литературы и выступил в качестве редактора 44 книг. В 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби.

Автобиография «Обрубленное дерево» переиздавалась 15 раз, в том числе на хинди, урду и панджаби в графике шахмукхи; она включена в программы панджабских школ и целого ряда гуманитарных вузов Индии. В своей книге автор делится детскими и юношескими воспоминаниями и эмоциями, подтолкнувшими его к борьбе за выход из круга нищеты и бесправия. Глава «Боль разбитого зеркала» повествует о радостях и печалях, надеждах и страхах, которые наполняли детство автора и жизнь его семьи в Мадхопуре в 1960–1970-х годах. Рассказ о повседневной жизни деревни, о непростых взаимоотношениях ее обитателей переплетаются с размышлениями Балбира Мадхопури о социальной несправедливости и кастовом неравенстве, сохраняющихся в индийском обществе и поныне.

Ключевые слова: Индия, Панджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература

Для цитирования: Мадхопури Б., Бочковская А. В. Боль разбитого зеркала (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 180–189. DOI 10.18254/S268684310018011-0

The commented translation of a chapter from the *Chāṅgiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist, and social activist, brings forward episodes from the life of Dalit inhabitants of a Punjab village in the 1960–1970s. Following the school of hard knocks of his childhood in the chamar quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. He has authored 14 books, including three volumes of poetry, translated 36 pieces of world literary classics into Punjabi, his mother language, and edited 44 books in Punjabi. In 2014, he was awarded the Translation Prize from India's Sahitya Academy for his contribution to the development and promotion of Punjabi. His new fiction novel *Miṭṭī bol paī* (*Earth Has Spoken*, 2020) focuses on the struggle of downtrodden Punjabis for their human rights and the *ad-dharam* movement in the North of India in the 1920–1940s.

Narrating his autobiography, Balbir Madhopuri shares memories, thoughts, and emotions from childhood and youth days that determined his motivations to struggle against poverty, deprivation, and injustice. The chapter *Tikḍe šīše kī vyathā* (*The Tale of the Cracked Mirror* [Madhopuri, 2010]) tells readers about the everyday life of Madhopur, complicated relationships between the village inhabitants, as well as about the destinies of low-caste Punjabis. Memories of joys and sorrows, hopes and fears of the childhood years go side by side with Balbir Madhopuri's reflections on social oppression and caste inequality that remain in contemporary India's society.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature

For citation: Balbir Madhopuri , Anna V. Bochkovskaya *Tikḍe šīše kī vyathā / The Tale of the Cracked Mirror* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vostochyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 180–189. DOI 10.18254/S268684310018011-0

Обложки различных изданий автобиографии Балбира Мадхопури

— Я не я, если не растопчу в порошок всех этих чамаров[1]! — орал *заминдар*[2], в ярости несясь по центральной дорожке к баньяну и *пипалу*[3], что росли напротив нашего дома. Там он продолжал вопить и бесноваться.

— Что случилось, сардара[4], что вы так сердитесь? — спросил старый *тайя*[5] Банта, появившийся из своего дома. В одной руке он держал плетеную корзинку с курительными трубками, а в другой — кальянную чашечку.

— Нарезали траву на корм с моего поля — мол, режут сорняки и траву! Как будто это их отца поле!

На его крик из соседних домов вышли и старые, и малые. Их одежда была запачканной и грязной, вся в дырах и заплатах, пропахшая потом. Они были босиком. Растрескавшиеся пятки женщин с извилистыми полосками глубоко въевшейся в них грязи казались трещинами в иссохшей земле на полях, будто измученных долгой засухой.

Они стояли полукругом — ошеломленные, испуганные — и молча глядели друг на друга. Я чувствовал, что на кого-то сейчас обрушится беда. Мое сердце быстро и громко колотилось от страха.

— Мы за урожаем день и ночь ходим, под ногами сплошные змеи, а это стадо рушит все на своем пути! То кукурузу рвут, то зелень, то тростник ломают, а то и бобов наберут! — От непрерывного громкого крика у него в уголках губ собиралась слюна, которую он то и дело сплевывал: «Тьфу-тьфу!»

— Сардара, скажи, кто это был? А я их спрошу — тут, при тебе же, — терпеливо отве-тил ему *тайя* Банта.

— Хватит!! Что — из другой деревни пришли что ли? Все они на одно лицо! Теперь никто не признаётся! Надо было дупатту[6] с них содрать прямо там, на поле! Тьфу-тьфу! — за эту привычку его так и звали в деревне — «Тьфу-тьфу».

— Куда нам еще идти — каминам-поденщикам? Только на краю твоих полей и можем траву набрать. Мы же еще и за буйволами твоими смотрим! — сказал *тайя* Банта, стараясь прекратить разговор.

— Не умничай тут! Смотришь за нашими буйволами — как будто тебе не дают то, что причитается!.. И потом еще надуваешься и заявляешь, что вашим — три части, а нашим — две!

Спор сам собой перешел на выяснение кто кому что должен, и обстановка накалилась. *Тайя*

1 Чамары — кожевенники, метельщики, поденные работники (низкая каста).
2 *Заминдар* — землевладелец.
3 *Пипал* (*Ficus religiosa*) — фикус священный, смоковница священная.
4 *Сардар* — уважительное обращение к сикху; глава, вождь, предводитель.
5 *Тайя* — дядя (старший брат отца); уважительное обращение к старшему.
6 *Дупатта* — широкий легкий шарф/шаль.

Банта чуть помолчал и затем очень смиренно сказал:

— Сардара, этот вопрос — пандж-дуванджи[7] — непростой. То буйволица никак не понесет, то болеть примется пока с теленком ходит, а то и бесплодной окажется, и тогда ее на забой отправлять надо. Вот Тхакар тут ходил-ходил за бурой буйволицей два с половиной года, она все болела, а когда телиться стала, околела… Мы тоже тратимся… Ну кто стал бы резать посевы на твоем поле…

— Чушь не неси! Говори, кто потравил мой урожай, или я панчаят[8] соберу!

— Дай бог тебе процветания! Не сердись больше… — произнес *тайя*, пытаясь завершить спор, поставил корзинку на землю и почесал залысину.

— Не соображают ничего эти чамары! — в ярости завопил Тьфу-тьфу. Вывернул назад правую ногу, пытаясь стянуть с нее кожаный шлепанец.

— Давай! Делай как знаешь! Что пугать нас, коль скоро никто не протестует! Вон спроси старика-нанга[9], отпустил я его на днях — так уж он меня упрашивал, а не то кишки из него выпустил бы! — внезапно разозлился Пхумман, сын моего *тайи*; он уже учился в десятом классе. Пхумман угрожающе взмахнул правой рукой.

Все замерли как вкопанные — как будто грянул гром. У меня от страха дрожали ноги и все тело. Стоявшая рядом мама глянула на меня сквозь прикрывавший лицо край сари, передала мне на руки младшую сестренку и ушла домой. Лица соседок — всех моих *чачи-таи*[10] — были скрыты под накидками; они их то и дело поправляли, чтобы получше разглядеть происходящее вокруг.

Тайя Банта и другие люди схватили Пхуммана за руки и попытались увести его, но он никого не слушал и в ярости кричал:

— Всякие тут шляются, как ругаться — так сюда! Вырывают у женщин серпы-мотыги, дупатту сдергивают! Так и повелось! Может, траву ваши же и срезали, а вините нас! И не слушает нас никто!

— Ладно, в полицейском участке разберемся! Там и встретимся! Чушь несешь! — Тьфу-тьфу снова стал угрожать.

— Другим грози! Прошло то время, когда все они кланялись тебе! — последовало в ответ от Пхуммана. Через секунду он продолжил:

— Правду услышал и злится! Сам сюда таскаешься каждый день — пугать и грозить!

Я наблюдал за происходившим, и мне то казалось, что все вот-вот дойдет до драки, то — что вроде бы обошлось. Меня пугал страх на лицах людей вокруг. Во рту пересохло, горло перехватил спазм. Ноги стали ватными, меня знобило. Я думал, что вот-вот упаду, уроню сестру, и она ударится головой.

— Вот получите башмаком — мозги вправятся. У тех, кто сейчас голос поднял! Сын вдовы (это относилось к моей тетке) и лошадь купца никогда не пойдут верной дорогой! — Тьфу-тьфу снова испустил порцию злости. Чуть помолчав, добавил потише:

— Воробьи, мыши, чамары — эти плодятся как никто!

— Соображай, что говоришь, или бороду твою выдеру! Сначала отца своего спроси: кто прутом мою мать ударил — тот потом носом землю обтирал в полицейском участке. Тут все говорят: хочешь — веди нас в гурдвару[11], если тебе что-то плохое сделали! А ты все угрозами сыплешь! — выпалил Пхумман, вырываясь от *тайи* Банты и других старших. Его брови были нахмурены, лоб наморщен. Он кричал, и изо рта у него летели брызги слюны.

Когда я услышал, насколько храбро звучит Пхумман, который всего на восемь или десять лет старше меня, я вновь ощутил под собой

7 *Пандж-дуванджи* — здесь: соотношение 2:3.
8 *Панчаят* — орган местного самоуправления, обычно состоящий из пяти и более человек.
9 Нанги («нагие») — здесь: семья в деревне, старшие в которой обычно носили только набедренную повязку.
10 *Чачи-таи* — тетки: *чачи* — жена младшего брата отца, *таи* — жена старшего брата отца.
11 *Гурдвара* (букв. «врата Гуру») — сикхский храм.

ноги. В тот же момент меня захватила мысль, что я тоже должен быть храбрым и бесстрашным, как Пхумман, и давать отпор всем, кто пытался нас запугать. Когда вырасту, тоже никому не буду поддаваться, буду говорить со всеми уверенно. У меня будут собственные земли, я буду их обходить, покручивая усы — как сыновья *намбардаров*[12].

В это время появился мой *тайя* Рама и сразу принялся бранить Пхуммана:

— Что ты шум поднял? Марш домой, не то трепку задам!

— Тем, кто травит нас без конца, никто и слова не скажет! Мы что, чужие здесь, что они нашу жизнь невесть во что превращают?! Все поносят нас, в страхе держат! Земля — их, и что теперь, они для нас — боги? Прямо кормильцы наши! Если бы мы столько на ваших полях не вкалывали, вы с голоду бы подохли! Тогда вечером ни выпить, ни скандал закатить — как это у вас обычно! — он кричал громко, без остановки. Слюна со рта летела мелкими брызгами, глаза налились кровью от злости, все его темное тело сжалось подобно пружине.

Я впервые видел, чтобы Пхумман так разговаривал, хотя его строптивый нрав был всем известен, и мы знали, что когда он был уверен в своей правоте, то не уступал ни в чем. Сегодняшняя перепалка потрясла меня. Я боялся, что теперь сюда прибегут *заминдары*, вооруженные палками-*латхи*.

Внезапно послышался звон колокольчиков, и всеобщее внимание переключилось в ту сторону. Это был *саньяси*[13], который подошел и встал рядом со всей толпой. Но он продолжать переступать ногами, как будто все еще шел — так мы с друзьями в школе маршировали на месте, на «раз-два». Я забыл о сложности момента и принялся подражать *саньяси*. И остановился, лишь когда тот спросил:

— Что вы, братья, здесь говорили о земле? В конце концов все здесь и останется, ничего с собой не возьмешь.

Он говорил на смеси хинди и панджаби и попрежнему переступал с ноги на ногу. Женщины и девушки разошлись по домам, а остальные слушали, что говорит *саньяси*. Он поведал о том, что надо обуздывать страсти — похоть, гнев, алчность, заносчивость и гордыню — и наконец, приподняв *дхоти*[14], продемонстрировал пенис, проколотый медным кольцом. Мы, мальчишки, были поражены. Он говорил об освобождении от мирских желаний. Благодаря ему через несколько мгновений обстановка разрядилась. *Тайя* сказал Тьфу-тьфу:

— Все объясню всем. Больше никто не сделает тебе ничего плохого. Не беспокойся, забудь об этом.

— Ты член панчаята, как я могу тебе отказать? Скажи Пхумману, что он молод и должен думать, что говорит. Если б мои сыновья услышали — кто знает, что они от злости бы сотворили. Джат[15] в ярости может землю продать, чтобы человека убить!

— Иди уже, иди отсюда… — дал ему отповедь *тайя*.

Как раз в это время снохи моего *тайи* подошли к нашему дому. Я покинул сборище и побежал к ним. *Бхабхи*[16] Джито громко позвала:

— Чачи, отправь Гудда за лепешками!

Я оставил младшую сестренку дома, взял маленький поднос для лепешек-*роти* и кусок ткани и присоединился к своим невесткам. Это было моей ежедневной обязанностью. Мой отец работал на полях то одного *заминдара*, то другого, и мы приходили к их домам, сидели на земле во

12 *Намбардар* — престижная административная должность в деревне. *Намбардары* назначались англичанами из числа землевладельцев-*заминдаров* для сбора налогов и (совместно с полицейскими) контроля за порядком; должность передавалась по наследству.

13 *Саньяси* — аскет.

14 *Дхоти* — мужская бесшовная одежда: кусок ткани оборачивают вокруг бедер, один конец пропускают между ног и закрепляют на поясе.

15 *Джаты* — состоятельная земледельческая и землевладельческая каста в Северной и Северо-Западной Индии.

16 *Бхабхи* — невестка.

дворике, приготовив посуду для *роти*. Их женщины, слегка наклонившись, кидали нам лепешки, и мы исхитрялись ловить их двумя руками. Так же они плескали в наши миски *дал*[17] и *саг*[18], и иногда горячие брызги падали нам на ноги, оставляя маленькие ожоги.

В таких случаях я часто вспоминал о том, что было раньше… Я видел, как мой отец складывал пшеницу и кукурузу в амбарах Икбала Сингха и бормотал: «Сегодня мы босиком ходим по этому зерну, а как его сложили — нельзя к нему прикасаться, оскверним его… Кто завтра позволит нам зайти сюда!»

Осквернение … То и дело я соприкасался с этим словом — как веревка со стенками нашего колодца, обтрепавшаяся от постоянного трения. У моих мыслей внезапно вырастали крылья — подобно тем, что насекомые расправляют в сезон дождей. Я думал о том, как *заминдары* ухаживают за скотиной — чистят ее, купают, поят, всячески обхаживают. Их собаки свободно бродят по двору, даже на кухню заходят. Дети с кошками возятся, котят молоком поят… А Бапу и такие, как он: носят с собой свои стаканы и миски. Работают на *заминдаров* целыми днями, и все равно те к животным относятся лучше, чем к людям! Я мечтал о том, что мне не придется заниматься столь тяжким трудом, что я как-нибудь выучусь, вырасту и уеду в Дели, буду там работать, как сын моей тетки, буду жить там, носить новую одежду — штаны и рубашки, никто меня не будет ругать, да и бояться будет некого.

Иногда Бапу приходилось поденно работать у семьи *заминдаров*, чью еду невозможно было есть. Он часто делился с нами:

— Не лезет в меня то, что эта противная тетка готовит — просто тошнит! Лепешки из баджры[19], чечевичная похлебка — отвратительно приготовлено! Детей у нее нет, у этой злыдни!

Иногда заработок Бапу мама забирала натурой, а не деньгами: женщины-*джатти* давали ей *гур*[20], лук и чеснок, картофель, пшеницу, кукурузу, *маш*[21], горох, чечевицу или другие продукты. Но Бапу язвительно замечал:

— Цену на свои же продукты задирают как хотят, а нам больше не платят. Работаем целыми днями, как скоты!

— Прекрати, сводим же концы с концами, — мама попыталась свернуть разговор.

— Да ты дома сидишь — что знаешь о том, как на солнце шкура сгорает?

— Кто с тобой спорит-то! Говорит — дома я сижу... — с этими словами мама ушла в дальнюю комнатку и чем-то занялась.

После таких бесед Бапу, уставший и измотанный, обычно сидел на топчане-*чарпаи* или растягивался на нем и сам себе говорил: «Если бы у нас хоть клочок земли был, как было бы хорошо! И кто его знает, какая сволочь отняла у нас землю! Если бы встретил этого гада, то сказал бы ему — повкалывай с наше, как раб. Если за пару дней задницу не надорвешь — попробуй, поймай меня!»

Покрасневшие глаза. Лоб в морщинах. Усталое напряженное лицо. Он говорил быстро, и его речь была полна горечи. В такие моменты я думал, что, когда вырасту, куплю землю и буду выращивать там бананы и манго, а около колодца посажу розы — как делают джаты у нас в деревне.

Дома шли постоянные ссоры из-за денег, особенно во время еды. Бапу, разозлившись, принимался швырять посуду. Грохот, доносившийся из кухни, было слышно во дворе. Казалось, что вот-вот угли в очаге вспыхнут сами собой. Я все время боялся, что отец ударит маму или отвесит ей оплеуху, срывая злость. После он затихал, сидел угрюмо и в конце концов ложился спать, не поужинав.

17 *Дал* — густая чечевичная подлива/похлебка.
18 *Саг* — традиционное панджабское блюдо из листьев горчицы.
19 *Баджра* — просяная культура.
20 *Гур* — сахар-сырец из тростникового сока.
21 *Маш* — бобовая культура.

В такие дни мама с грустью смотрела на брата и меня, а отца это бесило.

— Что мне теперь — пойти повеситься? Тысячу раз говорил, нет у меня денег! Каждый день одно и то же, ругаешься, жалуешься! Что, дети только твои, не мои тоже? — голос Бапу звучал и зло, и беспомощно.

— Не смотри на меня так, месяц закончился!

— Украсть мне что-нибудь что ли? Спрашивал, просил, но никто не готов платить ни пайсы, — Бапу злобно оборвал маму. Затем на него что-то нашло, и он заговорил:

—Вкалываю изо всех сил, но ничего не выходит! Судьба наша поганая такая! И за какие грехи это наказание? Лучше б не родиться вовсе — кому от этого хуже было бы? … А тут еще ты!..

— Успокойся! Хоть раз послушай других. Говорю же — завтра байсакхи[22], сходи с ними на рассвете искупаться!

Как будто капли дождя пролились на горящие угли. Бапу потеребил волосы под *ангочхой*[23] и согласился:

— Хорошо, как скажешь.

На следующее утро перед восходом солнца Бапу повел нас с Бирджу в южную часть деревни. Мы шагали молча, и луна, казалось, следовала вместе с нами. По обеим сторонам тропинки росли тростник и кусты, шелестевшие от ветерка. В какой-то момент от их перешептывания мне стало страшно, как будто волна ужаса поднялась внутри. Я нагнал старшего брата и схватил его за руку. Когда мы дошли до тропинки у деревни Джандир, из ямы, где выпаривали тростниковый сок для *гура*, выскочила собака и принялась лаять. За ней прибежали ее щенки. Бапу попытался отогнать их и остался стоять там, а нам велел уходить побыстрее.

— Ой! Больно! — мне в подошву вонзились шипы упавшей на тропинку ветки кустарника. Подвывая, я тут же сел на землю. Бапу вытащил колючки одну за другой и, положив руку мне на ногу, спросил:

— Сейчас не болит?

Чуть оглядевшись, я понял, что это то самое место, куда я прошлой весной приходил с Манги — сыном моего *тайи* и приятелями на праздник *байсакхи*. Деревенский староста установил прилавок с шариками-*голгаппа*[24]. Киччхи и Пашу раздавали воду и мыли использованную посуду. Было много торговцев сластями и пирожками-*пакора*. Юноши играли в *кабадди*[25], вокруг них полукругом стояли зрители — и молодые, и старые. У меня в ушах снова зазвучали звуки дудочки, которые я слышал, когда мы в тот раз уходили домой.

— Снимите одежду, быстро искупайтесь, и возвращаемся. Надо пшеницу убирать на полях Икбала Сингха, — распорядился Бапу. Стягивая свою старую грязную рубашку, предупредил: — Сидите здесь, у берега. Там дальше большая воронка.

Река текла с востока, окружала группы деревьев и тростниковые заросли и как будто что-то нашептывала, журча мимо нас. Луна подсвечивала гладкую поверхность воды, и мы видели, как в ней отражаются дрожащие тени деревьев и кустов.

Когда мы оделись, Бапу достал из торбы серп и срезал пять пучков тростника. Сложив руки, поклонился земле и сказал:

— О Мата[26], смилостивься, пусть у детей больше никогда не будет этой чесотки!

У нас с братом, действительно, была кожная инфекция — как собачья чесотка. Мы расчесывали себя до глубоких мокнущих ран. Дети в округе отказывались с нами играть. Даже наши домашние особо нас не выпускали, боясь, что мы кого-нибудь заразим. Мы чесались почти круглые сутки, ничего не могли с собой поделать, прямо зло брало, до слез.

22 *Байсакхи* — праздник урожая и символ наступившего нового года; отмечается 14 апреля. Один из главных сикхских праздников.

23 *Ангочха* — тонкая накидка.

24 *Голгаппа* — небольшие шарики из тонкого хрустящего теста.

25 *Кабадди* — популярная в Индии командная игра, включающая элементы борьбы.

26 *Мата* — мать.

В школе все шли каникулы, новый семестр еще не начался. Недавно объявили результаты экзаменов, и я перешел в третий класс. Случись эта болезнь во время учебы, пришлось бы сидеть дома, как моему приятелю Сохану, и нельзя было бы гулять и играть. Все эти мысли крутились у меня в голове, пока я шел домой.

Когда мы вернулись, на мамином лице появилась некоторая надежда. Она нас успокаивала:

— Все раны заживут! Только не расчесывайте их ногтями». Затем, чуть помолчав, продолжала: — Всевышний нам поможет. Мы ничего плохого Ему не сделали.

Мы все еще вели разговоры, когда от двери раздалось:

Гаурадже двенадцать исполнилось.
Парвати омовение совершает,
Шива хочет на нее любоваться…

Трое святых-*садху* в тюрбанах с павлиньими перьями — такие обычно носили астрологи — ходили от дома к дому с пением про Гауараджу[27]. Они обычно начинали с нашего дома, поскольку главная тропинка в деревне начиналась отсюда. Они звенели в колокольчики, один затягивал первую строфу, а двое других подхватывали. Их одежда казалась белоснежной, концы *дхоти* подоткнуты сзади за пояс. На плечах у них были накидки шафранового цвета.

Я отсыпал из глиняного горшка в кладовке миску муки и отправился к ним, и тут Бапу сердито сказал:

— Не мог поменьше взять? В доме зерна мало! Эти попрошайки — чем они заняты? День еще не наступил, а они уже тут — побираются!

— Кто знает, когда у них день начался, — тихо заметила мама.

— Они разместились под навесом у мельницы в Бхогпуре… Не из Наваншехра же идут! — заявил Бапу. — Эти сукины дети — наши! Сделались бхактами[28] Шивы и выпрашивают себе на жизнь тем, что распевают гимны во славу его красавицы-жены!

— Просить подаяние — это так просто? Сам бы попробовал!..

— Что я, больной что ли, подаяние просить!

На этих словах Бапу мама ушла во дворик, а я направился за *садху* к следующему дому.

Я очень внимательно слушал их песнопения. Они снова напомнили мне о цветной картинке с изображением Шивы и Парвати, закрепленной на зеркале во дворике Гурдаса — возле баньяна. Образ купающейся в пруду Парвати преследовал меня долгое время, и казалось, что в какие-то моменты я сам становлюсь Шивой. Мне это нравилось, но я никому не смел и заикнуться об этом.

Мама появилась на пороге входной двери с маленьким латунным ведерком; махнула мне рукой, чтобы я подошел, и попросила:

— Гудд, сбегай, принеси ласси[29] от Пало!

С ведерком в руке я вприпрыжку бежал к переулку, где жили джаты. Но около дома шекхчилли[30] за *гурдварой* мои ноги всегда становились ватными и плохо двигались. Я думал: Бапу смотрит за их буйволами, купает их и чистит — под солнцем и в ливень, держит их в сухом месте во время дождей, кормит их. Но когда теленок вот-вот родится, буйволица возвращается к ним. Все хочется сказать Бапу: хоть раз оставить бы нам буйволицу! Будем пить молоко и *ласси*, а я буду играть с малышами.

Иногда мне казалось, что Бапу знал об этих моих желаниях. Джат Милкха Сингх хвастался, какой его внук сильный:

— Смотри, брат, мой Точи — Тарлочан Сингх — молоко пьет и молоком мочится!

И я тоже хотел быть таким, как он, — высоким, крепким и сильным.

27 Гауараджа, Гаури («светлая»), Парвати — имена супруги бога Шивы — светлокожей красавицы.
28 *Бхакт* — последователь, поклонник.
29 *Ласси* — сладкий охлажденный напиток из разбавленной молочной сыворотки.
30 *Шекхчилли* — «глупый болтун» (прозвище семьи).

Я ставил ведерко на просторном дворе бария[31] и стоял, опустив голову. Разные мысли приходили мне на ум, подобно разбросанным в небе маленьким облачкам, и наполняли мое сердце печалью и тоской. Мне становилось противно, возникало ощущение, что я лечу в воздухе, и мое тело разваливается на части. Череда мыслей прерывалась, когда из дома звучал голос Пало:

— Гудд, зайди попозже, я только начинаю взбивать молоко!

У Пало мы брали молоко весь месяц. Первый заход к ней я делал по утрам: приносил молока — когда четверть, а когда и пол-литра. Но за *ласси* мне приходилось ходить несколько раз. А когда я не приносил его, Бапу ругал меня:

— Сейчас же иди, мама[32]! Сто раз говорил — мне нужно ласси!

— Если тебе так надо, оставь на этот раз обеих буйволиц — Мини и Бури. И тогда у детей будет еда…

— Смотри-ка — что она бормочет! А кто будет заминдарам деньги отдавать, что мы взяли на столбы для дома? Твой отец что ли?

— О чем бы ни говорил, вечно моих родителей вспомнишь! Поругаться хочешь, вот и перевираешь все!

— Целый день вкалываю как ишак, а она тут… — Бапу принялся зло бормотать, высыпая пепел из своего кальяна и снова наполняя чашечку.

Время от времени меня подмывало сказать Бапу, что не могу я идти через полдеревни за *ласси*, мне стыдно. Но следующим утром я снова брал ведерко и шел просить *ласси* то к одному дому, то к другому. Так и продолжалось изо дня в день. Было здорово пить *ласси* утром и вечером. Если не было бобовой похлебки или тушеных овощей, мы довольствовались *ласси*, оно вошло в привычку. Летом, когда коровы и буйволицы молока давали мало, с *ласси* было плохо, но нам его очень хотелось. Мы часто пили чай без молока, и Бапу пытался как-то успокоиться и бесконечно проклинал свою судьбу.

Весь в этих мыслях, я наблюдал, как *баба*[33] из Манакдхери с огромными котомками через плечо просит милостыню, следуя от дома к дому по улочке. В один прочный мешок из *кхади*[34] высыпает муку, в другой — черный нут. С *тилаком*[35] на лбу и в одежде шафранового цвета он выглядел как *садху*. Подходил к каждой двери и громко звал:

—Биби-джи[36], завтра полнолуние, а еще затмение будет!

Я по наивности удивлялся — откуда он знает про завтрашнее затмение? И только тогда понял, когда увидел у него длинную тонкую книжку, сверяясь с которой он сообщал людям то, что их интересовало. Тогда, думал я, когда он придет за милостыней в наш дом, спрошу у него — останется ли буйволица Мини у нас? Если нет, попрошу его устроить, чтобы это произошло — как он устраивает разное для тех, кто дал ему зерно. А еще спрошу его, будет ли у нас когда-нибудь большой дом и терраса, как у брахмана Ратты. Скажу ему, как в деревне говорят другие, — сделай что-нибудь, чтобы изменить нашу судьбу. Но то, что было у меня на душе, так и осталось невысказанным, потому что, выпив чаю в доме *таи* Таро (а это был джатский дом), он удалялся по соседнему переулку. Из-за этого хрупкое зеркало моей души разбивалось, и тихая боль наполняла меня, переливаясь внутри как кровь. И меня никак не оставлял вопрос: почему же этот *баба*, который превратился в *садху*, не идет в наш квартал просить подаяния?

31 Бария — здесь: джаты, переехавшие в восточную часть Панджаба из дистрикта Лайалпур (область Бар; в 1947 г. отошла Пакистану), когда в XIX в. британская колониальная администрация начала работы по строительству системы каналов в междуречьях Инда.

32 *Мама* — дядя (брат матери); также используется как обращение к молодым людям.

33 *Баба* — уважительное обращение к старшему; отец; дед.

34 *Кхади* — грубая домотканая материя.

35 *Тилак* — знак принадлежности к касте, наносимый краской на лоб.

36 *Биби* — госпожа; джи — гонорифическая частица.

Список литературы / References

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Баньян — «дерево чамаров» (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН.*2020a. № 1 (11). С. 211–225 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. The Banyan Tree of the Chamars / *Hamārā, camārõ kā bargad* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN.* 2020a. No. 1 (11). Pp. 211–225 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Моя родина — Мадхопур (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН.* 2020b. № 2 (12). С. 324–333 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *My Birthplace Madhopur / Merī janmbhūmi — mādhopur* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN.* 2020b. No. 1 (11). Pp. 324–333 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. С чистого листа: зарубки в детской памяти (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН*. 2020c. № 3 (13). С. 249–264 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *Inscriptions on a Tender Mind / Kore kāġaz kī gahrī likhat* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN.* 2020c. No. 1 (11). Pp. 249–264 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Тернистый путь (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН.*2020d. № 4 (14). С. 233–246 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *The Thorny Path / Kāṭīlī rāhõ ke rāhī* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN.* 2020d. No. 1 (11). Pp. 233–246 (in Russian)].

Madhopuri B. *Chāṅgyā Rukkh (Ātmakathā)*. New Delhi: Vani Prakashan, 2007. — 232 p.

Madhopuri B. *Chāṅgiā Rukh (Svaijīvanī)*. New Delhi: Navyug, (2002) 2019. — 236 p.

Madhopuri B. *Changiya Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi: Oxford University Press, 2010. — 248 p.

DOI: 10.18254/S268684310018017-6

«Пра-мандала» Дашлы-3: как воплотить идею о всемирном владыке в архитектурной форме*

The "Proto-Mandala" of Daschly-3: How to Embody the Idea of the World Lord in Architectural Form

© 2021 **Бурхард Брентьес** (1929–2012)

западногерманский археолог и историк-востоковед

Burchard Brentjes (1929–2012)

West German archaeologist and Asiatic scholar

Б. Брентьес описывает уникальную находку советско-афганской группы археологов во время экспедиции в Северный Афганистан — внушительную постройку Дашлы-3, напоминающую по форме мандалу. Удивительно, что найденная постройка оказалась почти на три тысячи лет старше, чем известные в то время тибетские мандалы. Автор подмечает, что сооружение с похожей архитектурой было найдено в южном Узбекистане — в поселении древних земледельцев II–I тыс. до н. э. Саппалитепа. Брентьес

* Выходные данные оригинальной публикации см.: [Brentjes, 1983]. Отдельный оттиск статьи хранится в архиве Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.
Перевод на русский: Р. Р. Аднабаева, М. А. Терехова.
The original article was published as [Brentjes, 1983]. The brochure originates from the Archive of the Department of the History of the East, Institute of Oriental Studies, RAS
Russian translation: Renata R. Adnabaeva, Maria A. Terekhova.

рассматривает значение столь исключительных по форме и размеру сооружений бронзового века в Средней Азии, рассмотрев для этого первоначальный смысл мандал в тибетской традиции и заметив, что мандалы, создававшиеся в Тибете из песка, предназначались исключительно для культовых нужд, а не в охранительных целях. Мандалы использовались однократно и уничтожались после совершения ритуалов, посвященных Будде, отчего и не обнаруживаются археологическими методами. Опираясь на труды предшественников, автор приходит к выводу, что буддийская мандала — это изображение мира с «местом мирового правителя», то есть занимающего его место ламы в момент «коронации» в центре, призванном защитить весь сущий мир от разлагающих сил. Автор описывает похожие по форме сооружения в древнем Китае, в Иране, на полуострове Индостан, где они, по мнению автора, отображают мистическую картину мира. В статье делается вывод, что рассуждать об общей основе мандал, квадратных и/или круглых поселений и строений как символов мира не представляется верным, однако открытие «мандал» Саппалитепы и Дашлы-3, так же как и округло-квадратного города, заставляет предположить, что эти сооружения были выполнены в период поздней Бактрии во II тыс. до н. э. и продолжали существовать как в древней Индии, так и в евразийской степной зоне и в Китае.

Ключевые слова: мандала, Дашлы-3, Саппалитепа, тибетские мандалы, центрические храмы, курган Аржан

Для цитирования: Брентьес Б. «Пра-мандала» Дашлы-3: как воплотить идею о всемирном владыке в архитектурной форме. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 190–208. DOI 10.18254/S268684310018017-6

Buchard Brentjes describes a unique find of the Soviet-Afghan team of archaeologists during their expedition to Northern Afghanistan — an impressive in size structure which resembled a mandala in shape. It is surprising that the discovered structure was almost three thousand years older than the Tibetan mandalas known at the time. Brentjes notes that structures with similar unusual architecture were also found in southern Uzbekistan — the settlement of ancient farmers of the 2nd–1st millennium BC, namely Sappalitepa. Brentjes focuses his paper to the question what the purpose of such exceptional structures of the Bronze Age in Central Asia was. For this purpose, the author examines the original meaning of mandalas in Tibetan religious life and confirms that the mandalas built in Tibet of sand were created exclusively for cults and not for a protective function. Mandalas were used once and destroyed after performing rituals dedicated to the Lama and the Buddha. Therefore, mandalas cannot be found in archaeological excavations. Drawing on the writings of Tucci [1972], Olschak, and Wangyal [1972], Brentjes concludes that the Lamaist mandala is a mythical representation of the world with its ruler, i.e., Lama at the moment of “coronation”. The transition of the ruler in the centre who must protect the moving world from decaying forces. And the square is an image of the world to be protected. Brentjes describes in the article similar forms of structures and objects in different countries: ancient China, Iran, on the Hindustan peninsula, depicting, according to the author, a mystical picture of the world. The author concludes that it does not make a breakthrough difference to speculate about the common basis of mandalas, square or round cities as symbols of the world, palaces, and mausoleums with a square layout and domed halls. But the discovery of the “mandalas” of Sappalitepa and Daschly-3, as well as the round-square city, allows us to make assumptions the structures were made in the later Bactrian period of the 2nd millennium BC and continued to exist in the Eurasian steppe and India, as well as in China.

Keywords: mandala, Daschly-3, Sapalitepa, mandalas in Tibet, round palace, Arzhan

For citation: Brentjes B. The “Proto-Mandala” of Daschly-3: How to Embody the Idea of the World Lord in Architectural Form. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 190–208. DOI 10.18254/S268684310018017-6

Коридоры и клетки Дашлы 3 и Саппалитепы

Во время экспедиции [Сарианиди, 1977] в Северный Афганистан советско-афганская группа археологов обнаружила руины уникального сооружения (*Илл. 1*) [**Дашлы 3**]: размеры всего комплекса составляли 88 х 84 м, а площадь внутреннего двора — 40 х 38 м. Удивительными оказались не размеры комплекса, а сама форма двора, напоминающая мандалу. Мандалы известны из большого корпуса ламаистского искусства [Tucci, 1972], однако афганская постройка почти тремя тысячелетиями старше, чем тибетские мандалы (*Илл. 3*). Основной периметр в форме квадрата имеет четыре стены, в центре каждой из которых расположен Т-образный коридор. От каждого угла квадратного зала ведут коридоры Г-образной формы, схожие с крюками. Сооружение отгорожено от внешнего мира стенами, а в юго-западном его углу находятся ворота.

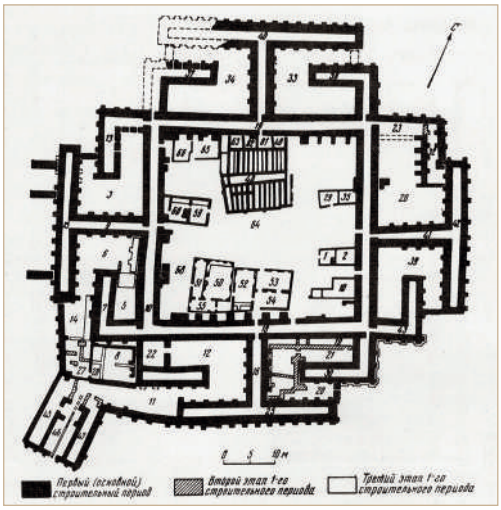
На первом этапе строительства во внутреннем дворе появился дворец, а перед ним несколько более простых построек, вероятно, служивших клетками для животных. На втором этапе квадратный двор заполнился жилыми домами, после чего сооружение наконец было преобразовано в деревню.

Археологи датируют постройку поздним бронзовым веком. Однако уже после экспедиции В. И. Сарианиди похожее сооружение, с большой вероятностью датируемое 1750–1500 гг. до н. э., было обнаружено в южном Узбекистане, — **Саппалитепа**[1] (*Илл. 2*) [Аскаров, 1977]. Это квадратичная постройка 82 х 82 м, где каждая из четырех сторон имеет по два коридора Т-образного типа, но отсутствуют Г-образные коридоры-«крюки». Предположительно, эти «крюки» по функциям и значению могли соответствовать Т-образным коридорам первого памятника. Также в Саппалитепе отсутствует коридор. Несмотря на отличия, внутренние составляющие Саппалитепы и Дашлы 3 поразительно схожи. Вход в оба памятника расположен с южной стороны, а постройки первой фазы строительства выходят на север. Последующие два этапа застройки сохраняют порядок, соблюдаемый при закладке фундамента. Можно заметить, что Т-образные коридоры рассекаются и открываются, т. е. разделяются стенами. Предположение археологов, что памятник представлял собой крепость, опровергаются ко второму этапу застройки, когда Т-образные коридоры становятся открытыми и с внешней стороны. Кроме этого, на первом этапе строительства была выполнена постройка, напоминающая конюшню.

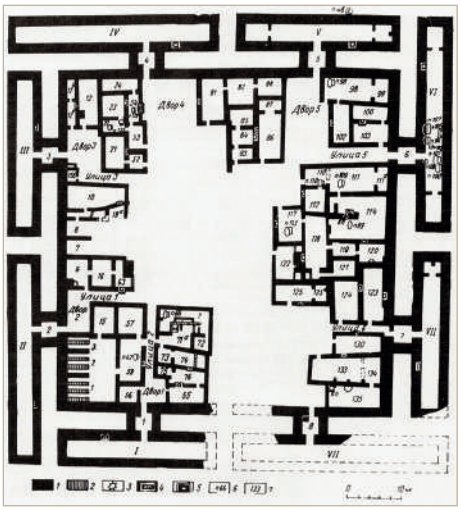
Архитектурные и «космопсихологические» мандалы

Возникает вопрос о значении подобных сооружений бронзового века в Центральной Азии, форма и размеры которых настолько необычны. Форму здания Дашлы 3 сравнивают с ранее упомянутыми эскизами мандалы, которые, однако, даже в Тибете не воздвигались столь монументальным способом, а изображались в недолговечном материале и не предназначались для физической защиты [находящихся внутри людей]. Мандалы в Тибете изображали на песке, шелке или бумаге. **Тибет славился и уникальными масляными скульптурами, сооружавшимися, как и песчаные мандалы, исключительно в культовых целях** (*Илл. 3*). Мандалы использовались всего один раз, что объясняется их функцией: в частности, при исполнении ламаистских ритуалов, они символизируют обитель небожителей, «лама отождествляет себя с божеством и получает от него желаемые силы» [Gordon, 1952, p. 91–92]. Изображает мандала также и **Калачакру** — «колесо времени», созданное, например, в 1932 г. специально для панчен-ламы в виде песочной мандалы. Тот факт, что произведения искусства того времени возникают именно в процессе религиозных обрядов и самоидентификации ламы с Буддой — и после этого унич-

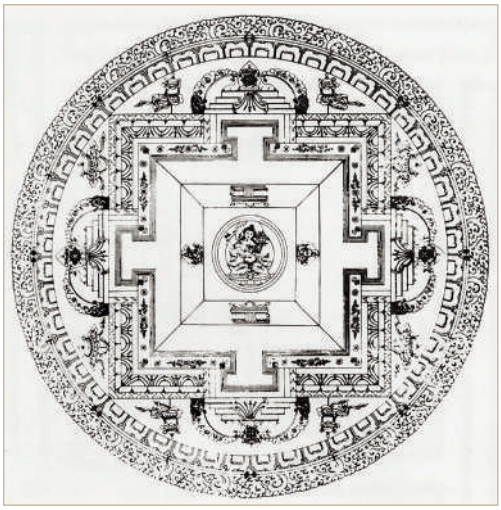
1 Поселение древних земледельцев II–I тыс. до н. э., эпохи бронзы на юге Узбекистана. — *Ред.*



Илл. 1. **«Пра-мандала» в Дашлы 3, Афганистан, конец II тыс. до н. э.**
По: [Сарианиди, 1977]



Илл. 2. **«Пра-мандала» из Саппалитепы, ок. 1500 г. до н. э.**
По: [Аскаров, 1977, рис. 4]



Илл. 3. **Классическая тибетская мандала**
По: [Olschak, Wangyal, 1972, p. 37]

тожаются, объясняет отсутствие мандал в археологии. Ольшак и Вангайаль называют мандалы прототипами священных жилищ: «Мандала и есть почти крепость силы Будды, покоящаяся на стенах мира» [Olschak, Wangyal, 1972, p. 36].

Похожие мысли выражает и Питер Потт: «Мандалы — это странные символы, благодаря четкой геометрической структуре транслирующие определенный порядок космоса, и сконструированы именно так, что их изображение строится из центра, к которому должны возвращаться… Часто такие конструкции создавались посвященным во время духовного ритуала, а после использования сразу же уничтожались» [Pott, 1964, p. 191–192].

Туччи исследовал мандалы глубже и называл их «психокосмограммами» [Tucci, 1972, p. 28]. «Это и в самом деле космограмма, важнейшая схема вселенной… не только в ее неподвижном пространственном простирании, но и в постоянной временной революции… в ней также отражается идеальный **образ царской резиденции Чакравартина** — вселенского монарха земного предания» [Tucci, 1972, p. 29]. «Сама по себе мандала» называется и «дворцом» [Tucci, 972, p. 31]. «В центре каждой из четырех сторон открываются воротца в виде буквы Т» [Tucci, 1972, p. 46]. «Это стены святого города» [Tucci, 1972, p. 47]. «**Церемония, совершаемая в мандале, — это прежде всего абхишека, или коронация, потому что она предполагает помазание путем обрызгивания водой.** Изображения Будды в мандале имели королевские одеяния и диадемы» [Tucci, 1972, p. 48].

Ламаистская мандала — это мифический образ мира с месторасположением правителя (вставшего на его место ламы) в момент «коронации», перехода к правлению в центре, призванном защитить сущий мир от разлагающих сил. Квадрат же символизирует мира, который необходимо защитить.

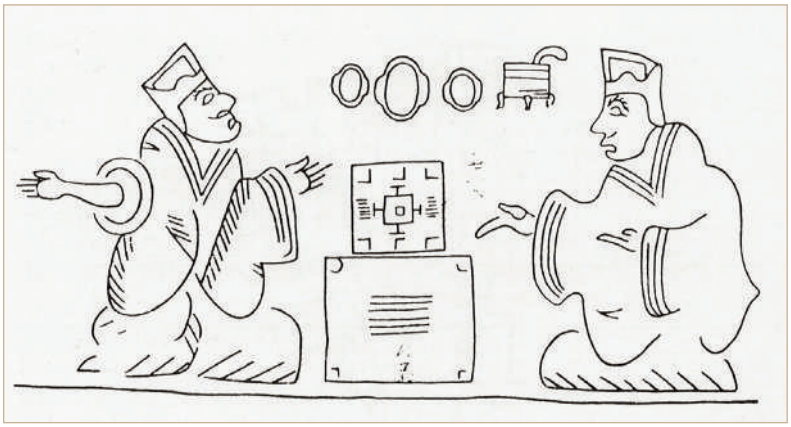
В Тибете, по-видимому, не произошло монументализации этой концепции, ушедшей глубоко в мистику и индивидуальное понимание. Но более древние проявления этих концепций сохранились в Юго-Восточной Азии. Сёдес [Coedes, 1955, p. 157] представляет **Ангкор, столицу древней Камбоджи, как изображение космоса**: «Город, где правит царь», высшее выражение государства, построенное по образцу космоса в том виде, как его представляли древние кхмеры. Этот квадратный город окружает ров, воды которого символизируют Мировой океан, затем одна стена, призванная представлять горную цепь, охватывающую весь мир. В центре возвышается храмовая пирамида как уменьшенная копия мировой горы, названная, по верованиям кхмеров, “центром мира”». Описанный Ангкор Том представляет собой гигантский квадрат длиной 3 км в периметре и располагающий воротами в центре каждой стороны.

Квадратура китайского круга

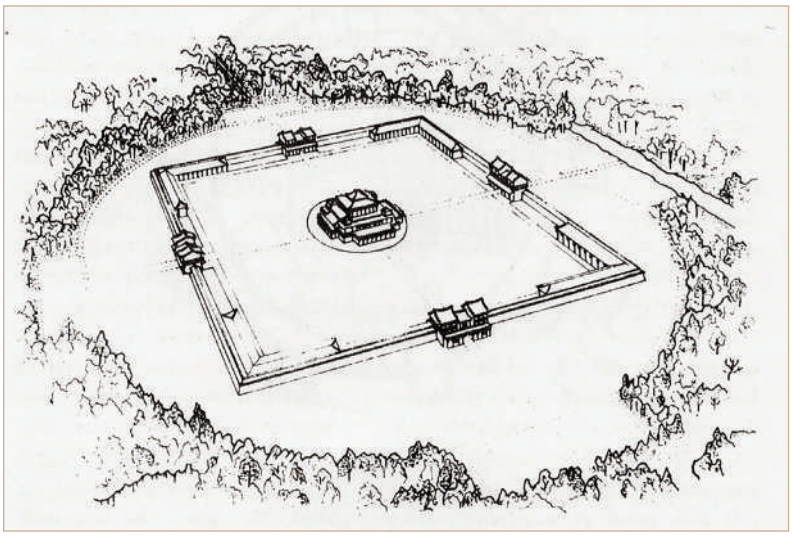
Если Ангкор как модель мира отличается по форме от мандал, то **сравнение с бронзовыми зеркалами позднего периода Чжоу и Хань** вполне очевидно. Обнаруженное под Лояном зеркало[2] представляет собой квадрат с четырьмя «Т» и восемью «крюками», не смежными с углами квадрата, как в Дашлы 3, но тем не менее предусмотренными изначально. В центре зеркала находится выступ, окруженный двенадцатью головками гвоздей. Между гвоздями закреплены иероглифы двенадцати знаков зодиака. На внешнем поле были изображены животные; их «встреча» с двенадцатью знаками зодиака ставит вопрос о существовании возможных клеток для животных в Дашлы 3.

Минао Хаяси идентифицирует похожие зеркала, а также «мандалу» на игровой доске *любо* (六博) с ханьского рельефа [Hayashi, 1973] (*Илл. 4*). Доски *любо* использовались для гаданий и как солнечные часы. Внутренний рисунок выглядит как «Мандала» и восходит, согласно

2 В комплексе историко-культурных, в том числе археологических, памятников в древней китайской столице Лоян и его окрестностях (западная часть провинции Хэнань, Китай). — *Ред.*



Илл. 4. **Игровая доска любо (六博)**
Китайское изображение Колеса времени времен династии Поздняя Чжоу (907–960)



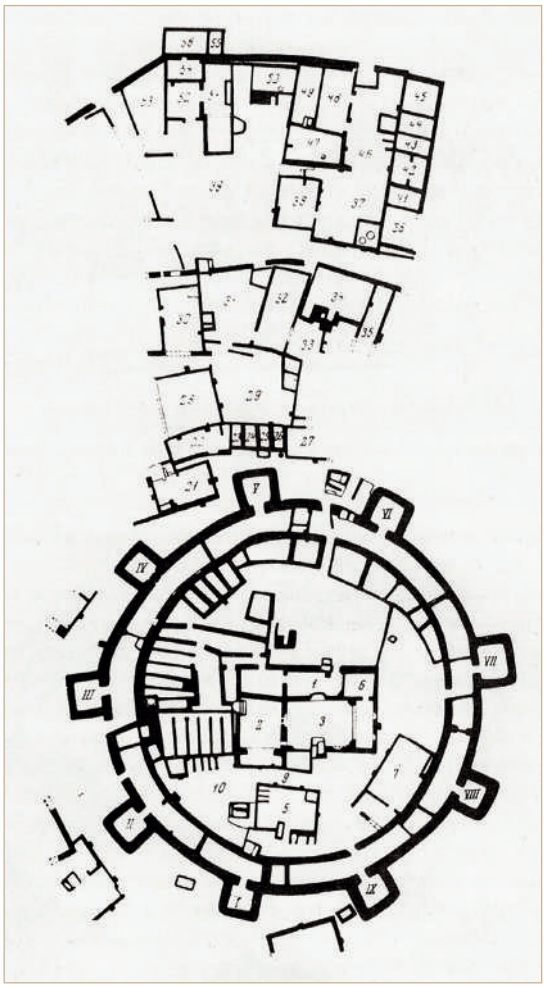
Илл. 5. **«Минтан» (明堂 — «Холм света») в Сиани, провинция Шэньси**
I в. до н. э., реконструкция
По: [Thilo, 1977, p. 118]

литературным свидетельствам, к эпохе Ранней (Западной) Чжоу.

Монументализация священного квадрата в круге известна как «Светлый зал», или «Холм света» из Сиани эпохи Хань (*Илл. 5*). Основная его конструкция напоминает структуру Дашлы 3. Но такая комбинация круга и квадрата, как в Сиани, на зеркалах и в ламаистских мандалах отсутствует в квадратичных постройках Дашлы 3 и в Ангкоре.

Однако рядом с квадратным зданием Дашлы 3 находилось здание, сочетающее в себе и круг, и квадрат, что заставляет задуматься об идее его строительства. Во этой конструкции тройное концентрическое кольцо стен вписано в квадрат стены длиной 130 (или 150) м, а внутреннее кольцо стен окружало храм огня (*Илл. 6*). Вписывание круга в квадрат достаточно «непрактично» — значит, решение не было обусловлено техническими причинами или соображениями комфорта. Скорее всего, этого требовала сформулированная заранее концепция.

Эту постройку также можно сравнить с сооружениями в Китае, «переворачивающими» взаимоотношения круга и квадрата — то есть круг помещен в квадрат как и в Дашлы 3. Классическим примером такой постройки является **комплекс Храма Неба в Пекине** [Willetts, 1970, p. 230–232], отделенный от квадратного (!) города-дворца и использовавшийся правителями Мин как символ империи — восстановленного «единства» мира, государства и человека. Храм смотрит



Илл. 6. **Дашлы 3, город, представляющий в плане квадрат, вписанный в круг**
XII в. до н. э.
По: [Сарианиди, 1977, рис. 2]

на север и с помощью аллеи соединяет два квадрата с вписанными в них кругами. На южной стороне находится сам Храм Неба — «самое священное из всех китайских сакральных сооружений» [Willetts, 1970, p. 446], где император совершал жертвоприношение в день зимнего солнцестояния. На другом конце комплекса располагалась чуть меньшая терраса сакрального комплекса с куполообразным сооружением. А между ними находится еще одно купольное сооружение — в нем располагался императорский трон. Невозможно передать мысль о мировом центре, в котором правитель выступает представителем и связующим звеном между «Богом» и человечеством более ясно. **Император правил из центра Храма Неба, в котором квадрат представлял сам мир, а круги олицетворяли сферы неба, расположенные над правителем** — и храм, и Тронный зал венчали купольные своды.

От Индии до Индонезии

Подобные представления о мистической картине мира не ограничивались Китаем, о чем свидетельствует, среди прочего, **Брихадараньяка-упанишада**[3] (II, 5, 15): «Как все спицы колеса сходятся в ступице, так и все существа, все боги,

3 Самая большая по объему и самая древняя из упанишад. Повествует об изначальных основах мироздания и подлинном тождестве человеческих существ. Содержит первое письменно зафиксированное описание природы сознания и основных состояний сознания в истории человечества. — *Ред.*

все миры, все органы, все души объединены в одной душе» [Tucci, 1972, p. 32]. Такая картина мира напоминает **иранский Каршвар, центр которого образует Хваниратха и который окружен шестью частями земли**. Хотя деталей для полного описания концепции не хватает, Виденгран пришел к выводу: «Мир Каршвара вращается как колесо, а значит, элемент *ратха* в Хваниратхе задуман как колесо в центре рисунка, от которого исходят лучами шесть частей мира. Таким образом получается картина мира, в которой границы частей Земли отходят из ступицы как спицы» [Widengren, 1961, p. 30].

«Колесообразные» города обнаружены и на территории Ирана: они обычно связаны с местом правителя, а именно задумывались как его гробницы в квадратном (!) дворце (или усыпальнице) посреди центрического города. Соответственно, дворец располагается возле круглого сооружения, в центре которого находится место поклонения. Это не соответствует представлению о определяющем судьбу Мировом колесе (или в буддийском переводе «колеса учения») в Индии и в Армении, чья остановка связана с Митрой (Солнцем) и означает конец света.

На полуострове Индостан и по всей Индонезии можно найти храмовые и гробничные сооружения в форме квадрата с восходящими к вершине воротами в центре каждой стороны. Характерно, что здесь находится гробница императора моголов Акбара, известного религиозно-философскими размышлениями и позаимствовавшего эту форму из индуистско-буддийской традиции. Стоит также упомянуть храм Пьи в Хмавзе, храм Ананда и пагоду Швесандо в Пагане, храм Дамаянджи в Нарату (все — Мьянма. — *Ред.*) и в особенности ступу Боробудур (остров Ява. — *Ред.*) — сооружение времен правления династии Шайлендра (750–850) с шестью террасами длиной более 123 м каждая. Именно ее называют отражением «всего космоса в понимании буддийской философии».

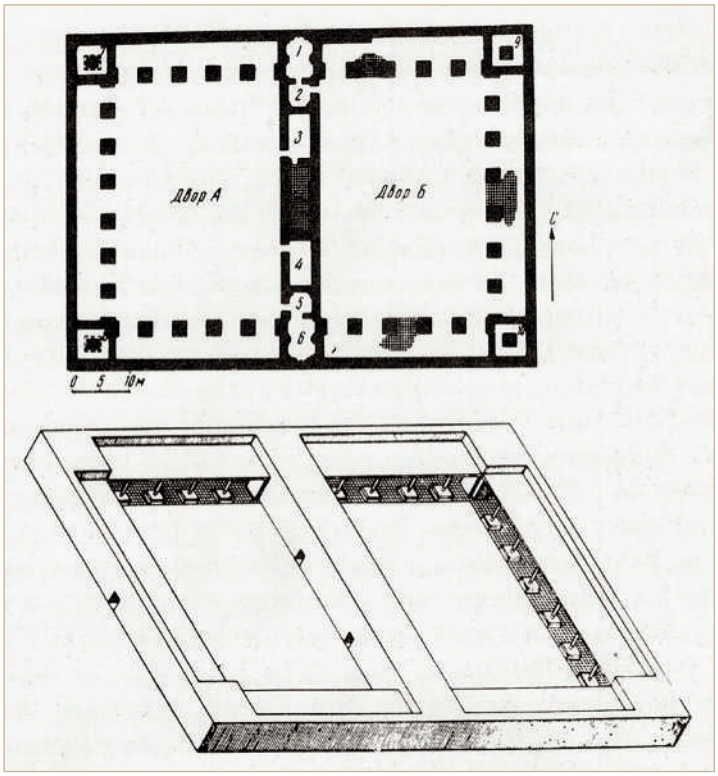
Далее следует комплекс храмов Лоро (Роро) Джонгранг (Прамбанан) в центральной части острова Ява: некоторые археологи принимают это сооружение за погребальную башню короля Ракая Кайунванджи (правил ок. 865–885. — *Ред.*). В Камбодже также появляются мандалы «Меру-горы»[4] и башни храма [императора Кхмерской империи в 877–889 гг.] Индраварманa I Преахко, а также и своеобразный храм Локешвары ([бога] весны).

Зиккураты и курганы

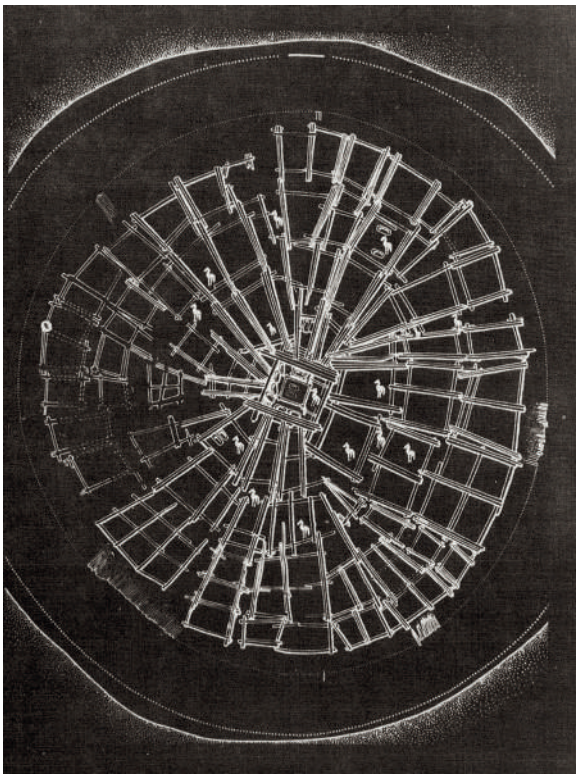
У ступ Юго-Восточной Азии на Храмовой горе есть почти близнец в западном Иране — **зиккурат Чога-Занбиль (Дур-Унташ в древнем Эламе),** построенный между 1275 и 1240 гг. до н. э., а значит, предположительно в тот же период, что и Дашлы 3. По форме он отличается от зиккуратов Месопотамии. Если «башни» месопотамского храма представляют собой поднятые ворота, ведущие к входу в надземный храм, и позволяют подниматься лишь с одной стороны, то в Чога-Занбиль все наоборот: четыре пандуса углублены в башню, поднимаются вверх со всех сторон и продолжаются на внутренней террасе. Они не ведут к «Небесному алтарю», а зиккурат представляет собой склеп Унташ-Гала, чей погребальный храм был там обнаружен. В **Хафт Тепе** (древний Элам) открыт похожий объект XV в. [до н. э.] Связь эламитов с Северным Ираном давно установлена, но их влияние на керамику и архитектуру [народов, обитавших на территории нынешней] Туркмении еще древнее (до IV и III тыс. до н. э.). Это влияние можно наблюдать в исполнении ступенчатого храма **Алтын-Депе**.

Однако в Чога-Занбиле можно увидеть и прототип другого бактрийского сооружения, на этот раз — здания с двойным двором времен Ахеменидов — Алтын-10 (*Илл. 7*), прямоугольную конструкцию размером 80 на 55 м. Прилегающие к нему с обеих сторон колонные залы и формируют прямоугольный двор. Два двора от-

4 Ме́ру (санскр.मेरु), или Сумеру («благая Меру») — священная гора в космологии индуизма и буддизма, рассматривается как центр всех материальных вселенных. Считается обителью Брахмы и дэвов. — *Ред.*



Илл. 7. **Строение I из Алтына-10. VI–V вв. до н. э.**
По: [Сарианиди, 1977, рис. 11, 4]



Илл. 8. **Курган Аржан. Тува, VIII в. до н. э.**
По: [Грязнов, 1977, с. 38–41]

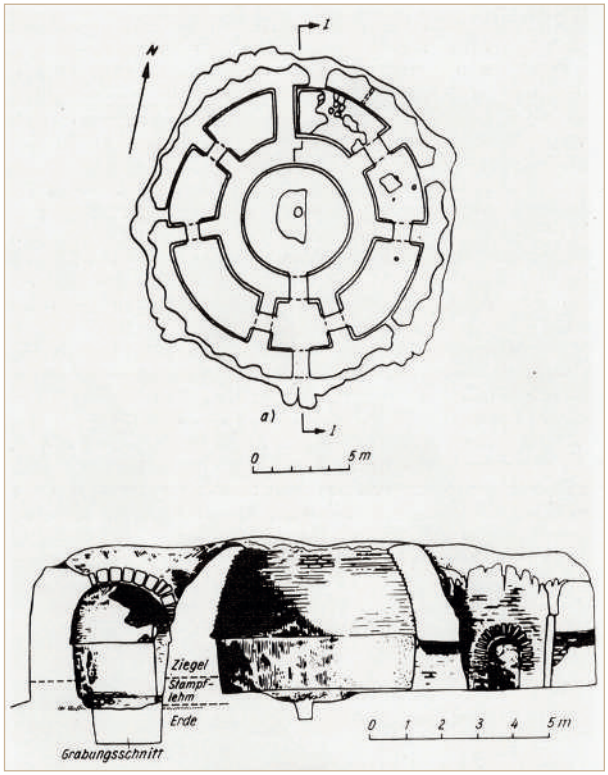
делены друг от друга крылом, в котором расположены две одинаковые группы комнат с тронным залом (?), вестибюлем и тремя проходными помещениями. Необычно, что каждый «тронный зал» соединяется через свой вестибюль только с одним из дворов, а не с другими дворами или их «тронными залами». Если обратиться к Чога-Занбилю, то расположенный рядом с «Королевскими воротами» третий «дворец» построен по тем же принципам. Второй «дворец» тоже, вероятно, имел подобную планировку, но сохранился слишком плохо, чтобы утверждать о таком же разделении придворных комплексов. Храмовой комплекс Чога-Занбиль связывают с культом мертвых, возможно, с культом умершего правителя и его преемника.

В настоящее время старейшее известное сооружение (за исключением сирийско-палестинских круглых городов, таких как **Сендширли** [культура хеттов. — *Ред.*]) — это **курган Аржан** [Грязнов, 1977, с. 38–41] — деревянная конструкция 80 м в диаметре, где деревянные камеры размещены семью кольцами вокруг квадратной внутренней комнаты. (*Илл. 8*). **Курган Аржан** представляет собой захоронение одного из степных правителей VIII в. до н. э.

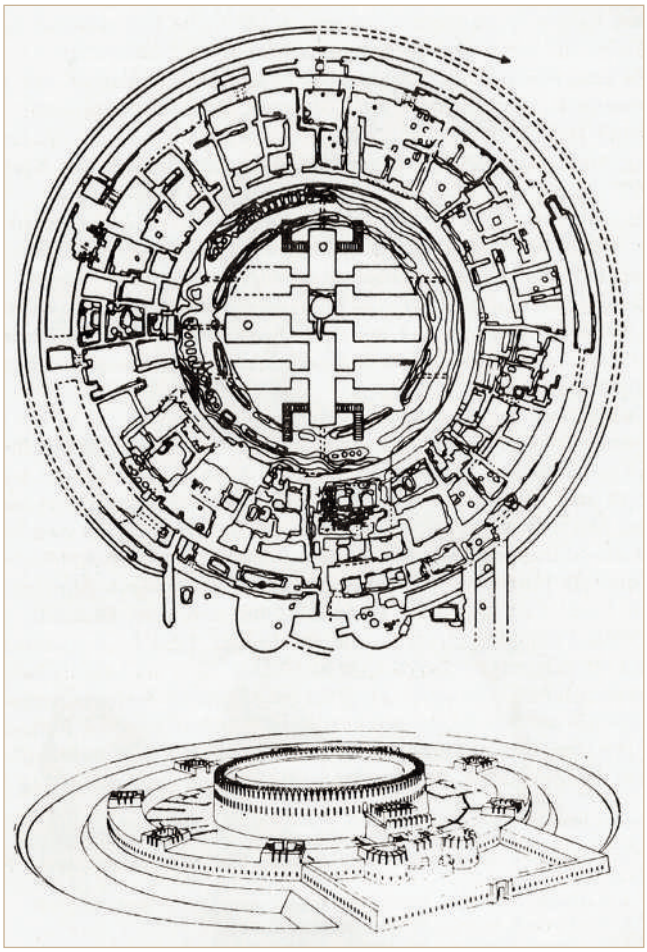
Круглые города

Это строение **подобно могильнику Тагискен** (на территории совр. Казахстана. — *Ред.*), имеет квадратную форму и увенчано центрическими сводами [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 5], которые можно сравнить с **сакским мавзолеем Баланды 2** [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 75] (*Илл. 9*), а также с огромным круглым замком-гробницей [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 69] хорезмийского царя **Кой-Крыглан-Кала** IV–I в. до н. э. (*Илл. 10*), который предположительно стал **образцом для Шахр-и Кумиса** (древний Гекатомпилос парфян. — *Ред.*) [Hansmann, Stronach, 1970].

К нему примыкают **Ктесифон** (Таки-Кисра, монументальный сасанидский дворец на берегах Тигра. — *Ред.*), **Хатра** (древний парфянский



Илл. 9. **Курган Баланди 2. Сакский мавзолей IV–II вв. до н. э.** По: [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 75]

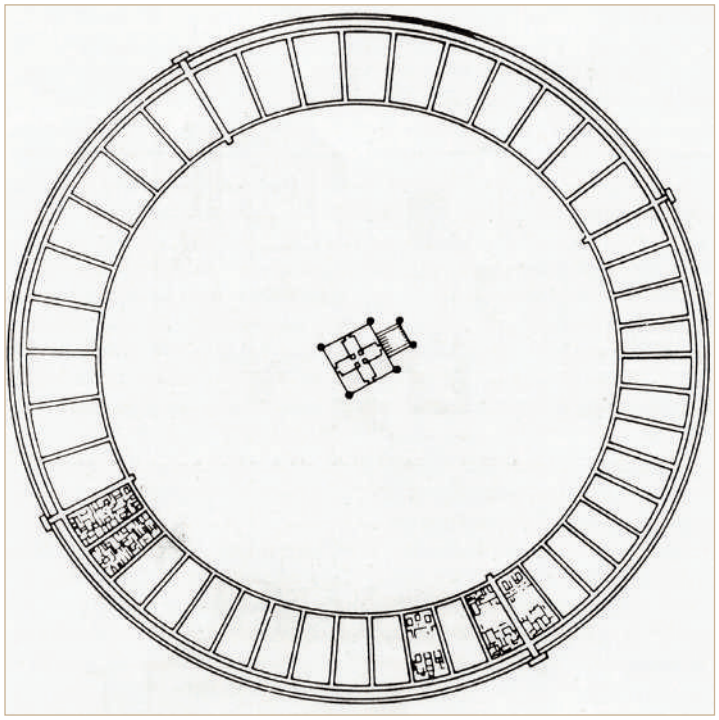


Илл. 10. **План Кой-Крылган-Кала. Хорезмийская могильная башня IV–I вв. до н. э.** По: [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 69]

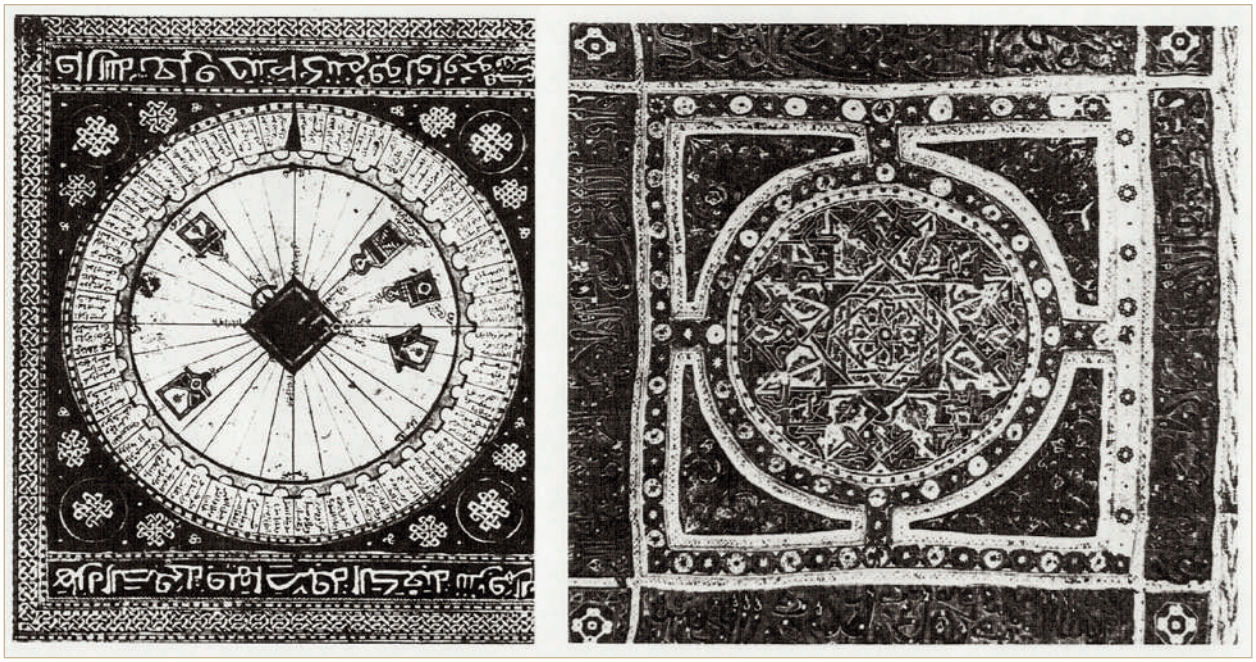
город. — *Ред.*), Гур, Дараб; часто же обсуждаемый пример — **Круглый город аль-Мансура в Багдаде** (*Илл. 11*) — теперь определенно может считаться символическим изображением мира [Cresswell, 1958, p. 172–173]. В атласе, созданном в XVI в. Мохаммедам Шарфи из Сфакса, на титульном листе изображен мир в виде колеса с квадратом Каабы в центре (*Илл. 12а*) — форма, идентичная багдадской. Однако, отдаленность от Багдада в данном случае мало о чем свидетельствует.

Знамя альмохадского халифа Абу Якуба Юсуфа II (1135–1184), в 1212 г. захваченное испанцами в Лас Навас де Толоса, может представлять собой интересное явление. На нем изображен заключенный в квадрате круг с четырьмя переходами к квадрату — внутри же мы снова видим многократно повторяющийся квадрат (*Илл. 12б*). При сравнении с изображением мира Мухаммеда Шарфи этот рисунок вызывает вопрос: «**Является ли халиф Абу Якуб владыкой мира?**».

Город Гардая в оазисе Мзаб в Алжире и сегодня является примером классического центрического города с минаретом в центре. Столица халифата Фатимидов (в 948–973 гг.) — аль-Мансурия также была круглой формы, что являлось своеобразным вызовом халифату Аббасидов, со столицей в Багдаде. В центре него располагался Круглый город аль-Мансура, бывший официальной резиденцией аббасидского халифа. Как круглый город Фатимидов стал монументальным протестом против владычества Аббасидов, так же и **Ардашир-Хваррах** стал



Илл. 11. **План Круглого города аль-Мансура в Багдаде, ок. 762 г.**
По: [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 170]



Илл. 12а. **Мир с центром — Каабой («Скатерть атлантов» Мохаммеда)**
(Национальная библиотека, Париж)
12б. **Знамя Абу Якуба Юсуфа II с картиной мира**
По: Lewis B. The World of Islam. London, 1976. P. 17. Fig. 1, 17

знаком отступления от парфянского города Фирузабада (Гур), где в качестве «Круглого города» построили большую пожарную каланчу. Дворец находится снаружи — как и в Ктесифоне, где дворце шахиншаха расположен вне кольца стен.

С другой стороны, в самом центре города **Дараба** (в Иране. — *Ред.*)[5] возвышается резиденция, в каком-то смысле связанная с центром культа. Такой вывод позволяет сделать сравнение его с идеальной картой Багдада, в центре которого находится квадратный дворец, а четыре боковых зала ведут к центральному, перекрытому куполом. Именно в нем, в (воображаемом) центре исламского мира и восседал халиф [Brentjes, 1963; Brentjes, 1964, p. 23]. Вряд ли стоит отрицать зависимость понимания мирового господства Аббасидами от персидского образца. Невозможно спорить и с тем, что план дворца Аббасидов приводит нас **к идеальному плану собора Святого Петра в Риме Браманте**. В центре сферического купола-мира, возвышающегося над квадратом «четырех частей света» располагался повелитель с всеобъемлющей властью. О том, что четырехчастное мировоззрение знакомо христианству, свидетельствует и армянская интерпретация изображения креста как символа господства Христа над четырьмя частями света.

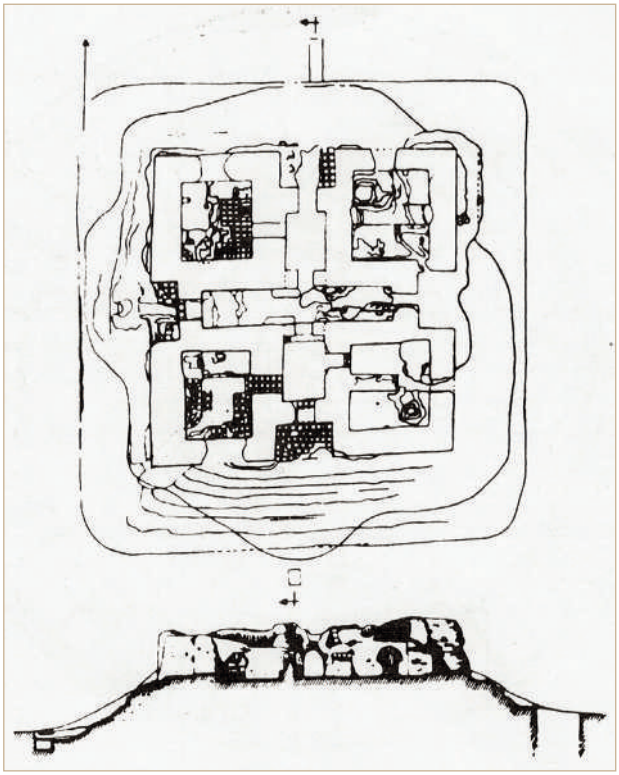
«Дворцы власти» как правопреемники идей ассирийцев, Ахеменидов и парфян

Дворец Аббасидов, уже по словам Крессуэлла [Cresswell, 1958, p. 162], восходил к «Дар аль-Имаре» («Дворцу власти». — *Ред.*) Абу Муслима (700–755) в Мерве. У него есть предшественники и в [древней] среднеазиатской архитектуре, например, гробница Бабиш-Молда 2 (*Илл. 12*) или хорезмийскую крепость [остатки крепостных укреплений кушанского периода (III–II вв. до н. э.). — *Ред.*] Аяз-Кала [Brentjes, 1964, fig. 6]. Также можно вспомнить «здания правления» в Ай-Хануме [древний город Греко-Бактрийского царства, руины которого находятся в Афганистане. — *Ред.*] [Bernard, 1974, fig. 6], основное строение в Джаусак Аль-Хакани в Самарре [Otto-Dorn, 1964] времен Аббасидов, а также дворец Бишапур и [кубическое сооружение с куполом и четырьмя арками по четырем сторонам — *Ред.*] Чахартак в государстве Сасанидов.

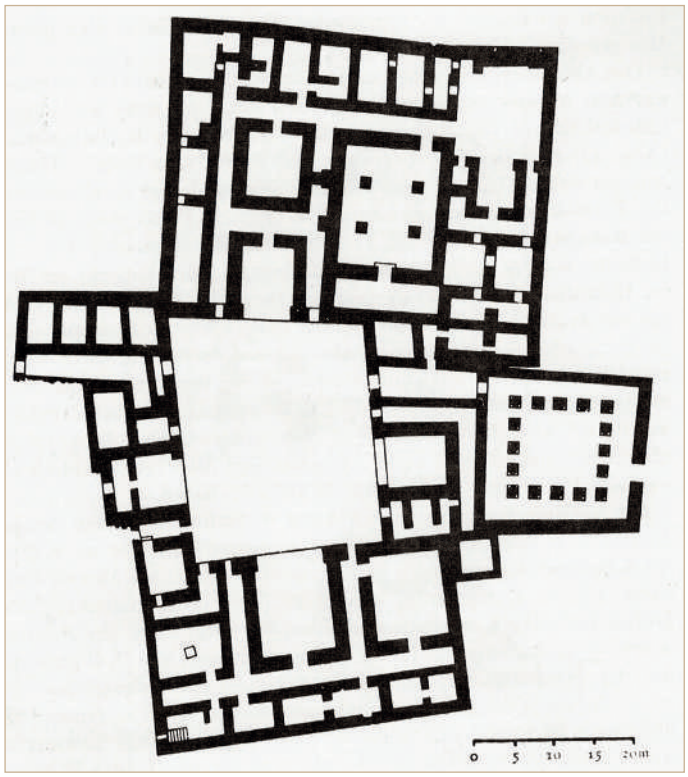
Реальный (построенный) купол в качестве замены (воображаемых) сферических куполов мира **в Храме Неба в Пекине** вызывает вопрос, не следует ли также рассматривать «**дворы с четырьмя айванами**» как типичный образ исламского медресе, парфянский дворца Ашшура [Brentjes, 1964, fig. 7, 9] (*Илл. 13*), и буддийскую вихару, как «мир», четыре части которого обозначены айванами и который покрывает небесный купол? Такие дворцы, как **Бост** (совр. поселение Кала-Бост в окрестностях г. Лашкаргах на территории Афганистана. — *Ред.*) [Brentjes, 1964, fig. 10], снова становились резиденцией мирового правителя (*Илл. 14*), причем в больших исламских комплексах вроде медресе и мечетей тоже прослеживаются древнеиранские образцы в архитектуре и в духовных практиках.

Прототипом можно считать постройки, возникавшие рядом с Ашшуром в [древнем городе Парфянского царства] Хатре — колоссальных размеров комплексе строений прямоугольной формы для совершения культов, расположенном в «круглом» городе. Он дополняет место поклонения ассирийскому богу солнца Шамашу в правительственной резиденции — **Ктесифоне**, так же, как и **Мансур-Депе** (*Илл. 15*) представляя собой город, предназначенный для отправления культа близ Нисы [в окрестностях современного Ашхабада] [Кошеленко, 1977, с. 64]. Просторные «усадьбы» парфян приходят на смену дворцам-ападанам Ахеменидов, куда съезжались представители военных «мужских союзов» для отправления культа, празднования нового года и т. д. Необходимо выяснить, насколько такие постройки, находящиеся в Ха-

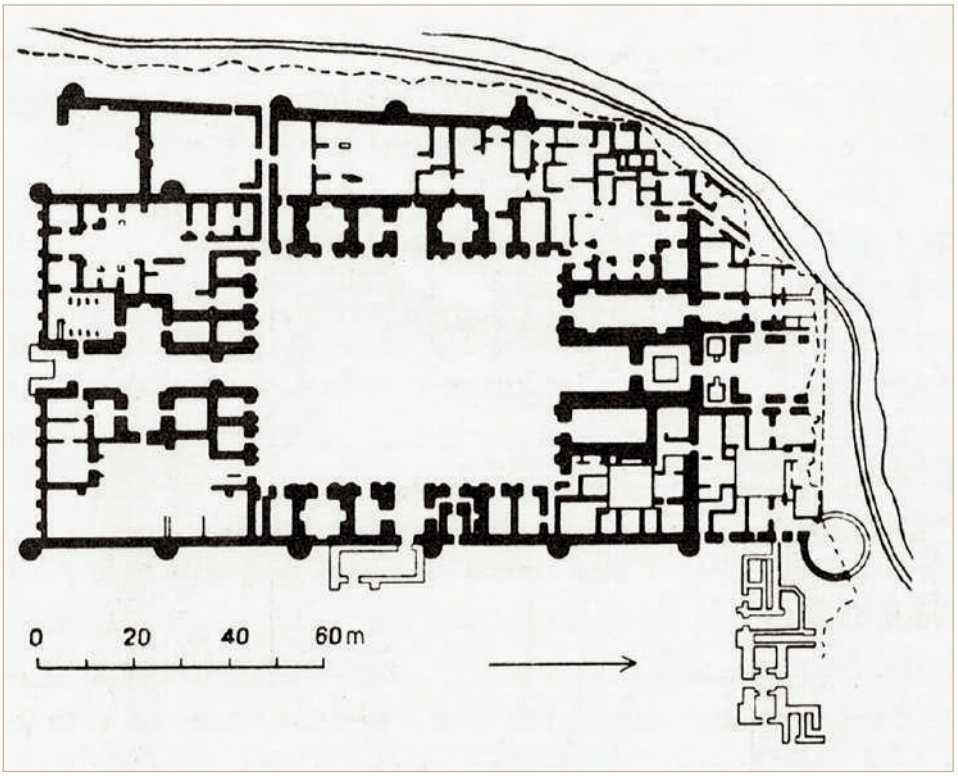
5 Оставим здесь открытой интерпретацию крепостей Гренландии, возможно, представлявших собой склады, принадлежавшие воинским союзам, ориентированным на бога Вотана (Одина). См.: [Höfler,1974].



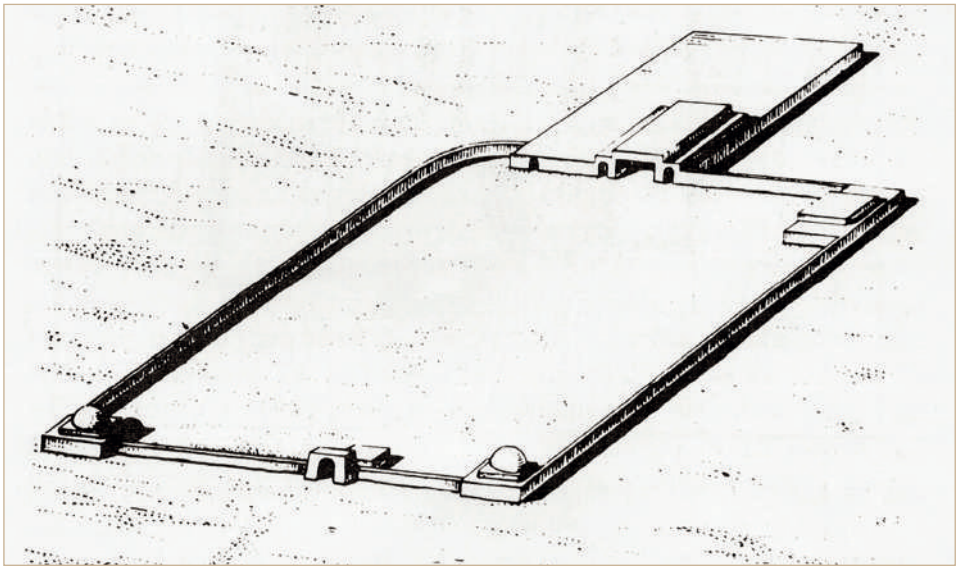
Илл. 13. **Гробница Бабиш-Молда 2, сакская культура, IV–V вв. до н. э.**
По: [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 73]



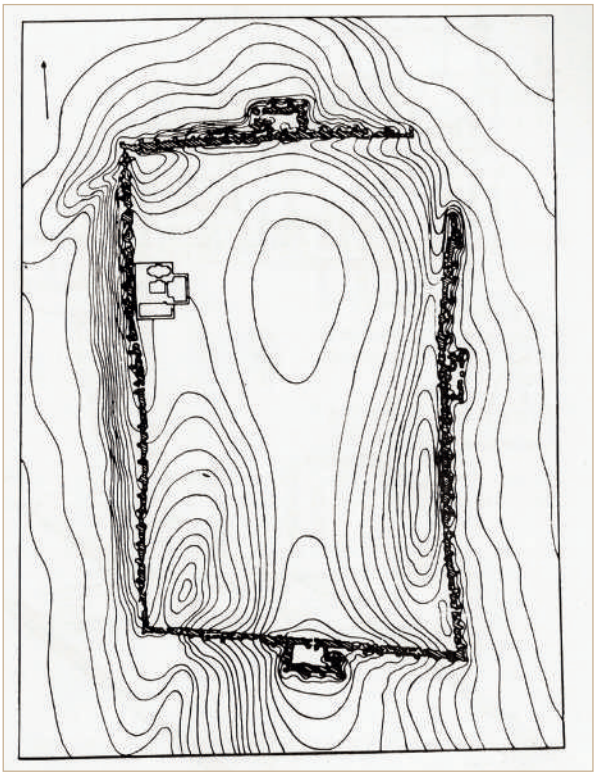
Илл. 14. **План дворца Ашшура**
По: [Andrae, 1938, fig. 79]



Илл. 15. **Дворец Бост, XI в.**
По: [Яралов, 1969, с. 354]



Илл. 16. **Мансур-Депе, культовый центр в Нисе. II–I вв. до н. э.**
По: [Кошеленко, 1977, рис. 24]



Илл. 17. **Калалы-Гыр, VI–V вв. до н. э.**
По: [Albaum, Brentjes, 1972, fig. 35]

тре, равно как и упомянутые С. П. Толстовым[6] [Wolff, 1924, p. 320–325] сооружения **Калалы-Гыр 1** [городище конца V – начала IV в. до н. э. и могильник II–IV вв. н. э. на территории совр. Туркмении] и **Кюзели-гыр** (*Илл. 16*), **связанные с первобытным царем, управлявшим миром [Сияющим] Йимой** [он же Джамшед; авест. *Yima Xšaēta*; — *«близнец»*, в иранской мифологии и эпосе — царь, четвертый правитель из династии Парадата (Пишдадидов). — *Ред.*], относятся к культу неба и солнца. Калалы-Гыр и Кюзели-гыр — это два грандиозных сооружения на столовых горах в хорезмийском регионе Дашогуз, датируемые XI–IX в. до н. э.

Сияющий Йима против вселенской зимы

Калалы-Гыр представляет собой прямоугольник размером 1100 на 700 м, а Кюзели-гыр — треугольник, вписывающийся в периметр размером 1000 на 400 м. Внутреннее пространство (двор) обоих сооружений пусто, за исключением небольшого дворца в Калалы-Гыре. «Коридоры» в нем примыкают к стенам, сравнимым с «проходами» в крепости Йимы. Вероятно, это более правильная интерпретация постройки, чем хотелось бы видеть даже автору сооружения: двор представляет собой загон для стада, а коридоры — настоящие жилые помещения. Однако понятно, что стада с числом голов, требующим постройки столь внушительных размеров, не смогут продержаться два-три дня на совершенно сухом горном плато в случае осады, почему же люди построили себе для жилья «коридоры» и оставили плато незастроенным?

Если рассмотреть крепости Йимы, места для отправления культа и проведения собраний в честь определенных праздников (с учетом того, что замок считался «миром», а обитавший там царь являл собой центр культа), то отрывки

6 Сергей Павлович Толстов (1907–1976), директор Института востоковедения АН СССР (1950–1952), открыватель древнехорезмийской цивилизации. — *Ред.*

«Видевдата»[7] (глава 2, стихи 4–30) становятся очень понятными: **Йима представляет мир как квадратное сооружение с проходами вдоль периметра для защиты от «мировой зимы» и самостоятельно наполняет этот мир огнем и светом** (глава 2). Описание из «Видевдата» вполне подходят и для характеристики хорезмийских культовых действий, ради которых племена прибывали в замок на праздник Навруз, собирались в «коридорах» на время торжеств и проводили соревнования на открытом пространстве. Только нацеленность на массовые празднества может объяснить гигантские размеры сооружения Йимы: 1100 на 700 м.

Возникает вопрос об аренах для соревнований в Центральной Азии, название которых переводится также как «дворец», причем в качестве основного значения для слова *tačar* выступает «бег, тракт, стадион»; в целом — резиденция. Подобное возможно только тогда, когда резиденция возникла из «ипподрома» — и то и другое служило местом празднования нового года (Навруза). Но возникает вопрос: «Может ли быть, что этот длинный и вероятно переполненный ипподром из девяти дорожек был упомянутой Аррианом [в «Походе Александра». — *Ред.*] Навираксой (в оригинале — Naviraxa. — *Ред.*), которая находилась в Согдиане?» [Hausschild, 1959, p. 61]. Арриан видел объект, похожий на Калалы-Гыр. Возможно, это был именно он. Коридоры Калалы-Гыра напоминают Дашлы-3, а отдаленно также Саппалитепу, но им не хватает характеристик, присущих ипподрому.

К сожалению, нам неизвестны ипподромы, для которых были обучены лошади [государства] Митанни, например, по текстам Киккули[8]. С Митанни, где гонки колесниц были постоянной практикой в рамках военной подготовки, мы возвращаемся в эпоху бактрийских построек. Распространение идеи квадратного мирового города и концепции Чакравартина, вероятно, связывали в Индии с арийским переселением в Индию в период расцвета мандал типа Дашли-Саппали.

Дашлы 3 как воплощение представлений о всемирном владыке

Бесполезно рассуждать о формировании идеи всемирного царства как общей основе мандал, квадратных или круглых городов как символов мира, дворцов и мавзолеев с квадратной планировкой и купольными залами — а именно о вероятном принятии арийцами аккадского принципа «Владыки четырех частей света» и Царя-Бога в начале II тысячелетия до н. э. Однако открытие «мандал» Саппалитепы и Дашлы 3, так же, как и города, построенного по принципу квадрата, вписанного в круг (или наоборот), заставляет предположить, что подобные сооружения зародились в позднебактрийский период во II тыс. до н. э. и распространились как в Евразийской степи и в Индии, так и в Китае.

Остаются открытыми еще два вопроса. Первый — это причина параллельного появления Саппалитепы и Дашлы 3, утративших культовое значение после сооружения и заселенных обычными людьми. Второй — это трактовка назначения «клеток» в этих сооружениях, если высказанное при раскопках предположение было верно.

Ответить на первый вопрос было бы относительно легко, если бы мы уподобили эти архитектурные мандалы ритуалам ламаизма. Последние создаются для конкретного отправления культа и поэтому частично разрушаются после завершения действия. Само культовое действие — «коронация», посвящение ламы, как просветление Бодхисатвы всего мира. Помимо этого, мандала представляет мир во времени, и

7 «Видевдат» («Видэвдад»), или «Вендидад» («закон против дэвов»), — одна из четырех составных частей священной книги древних иранцев «Авеста», содержащая преимущественно обрядовые предписания. Состоит из 22 глав (фрагардов). — *Ред.*

8 Происходивший из государства Митанни хурритский автор трактата о коневодстве и дрессировке лошадей, вероятно служивший при дворе хеттскогоцаря Суппилулиумы I (XIV в. до н. э.). — *Ред.*

если перенести эти идеи на здания Древней Бактрии, то их можно истолковать как сооружения, построенные для коронации божественного царя, а затем заброшенные и открытые уже для массовых собраний. Это означало бы, что в Бактрии можно было бы обнаружить и другие подобные сооружения.

Следом необходимо выдвигать гипотезу для объяснения постройки «клеток», что, соответственно, ставит вопрос о характере помещения, где они находились. Имущество повелителя мира еще с ахеменидских времен включает в себя зоологический сад, *paradeisos*, представляющий собой практически ассирийский зоопарк. Аммиан Марцеллин (XXIV, 5, 2) описывает сасанидский парк при описании похода войск римского императора Юлиана (363 г.) через Вавилонию: «Обширная круглая площадь, окруженная украшенной стеной, с дикими животными, предназначенными для царских спортивных занятий». Также и в императорских Пфальцах Германии имелись парки с животными — как и в китайских дворцах — стране, где «священное окружение» [Schafer, 1968; Hauck, 1963] было неотъемлемой частью императорской резиденции — как и сам образ мира, которым он повелевал.

Однако связь с мандалами позволяет еще больше расширить изучаемый вопрос. На вышеупомянутом бронзовом зеркале эпохи династии Хань названа и частично изображена система двенадцати животных китайского календаря — как связь между пространством и временем. Но являются ли животные, изображенные на зеркалах, прообразом содержания настоящих животных в зоологических садах, предназначенных для коронации? В таком случае это явление ограничилось бы только Восточной Азией, в то время как у иранцев *paradeisos* был только в натуралистичной форме, [без символичных изображений].

Подводя итоги, три сооружения, обнаруженные в горной Бактрии, вероятно, являются началом цепочки архитектурных и символических представлений о всемирном владыке, развивавшихся в Индии, в Юго-Восточной Азии, в Китае и на иранских территориях. Схожие концепции породили несколько частично взаимосвязанных друг с другом и взаимозаменяемых форм. В их основе лежало отношение к правителю как к представителю неба на земле, защищающему «мир» и обитающему в центре сферического купола мира. Резиденция правителя являлась местом отправления высшего культа: он правил и пространством, и временем, и человеком, и животными — иными словами представлял собой ритуального повелителя целого мира.

Список литературы / References

Аскаров А. А. *Древнеземледельская культура эпохи бронзы юга Узбекистана.* Ташкент: Фан, 1977. — 232 с. [Askarov A. A. Ancient Agricultural Culture of the Bronze Age in the Southern Uzbekistan. Tashkent: Fan, 1977. — 232 p. (in Russian)].

Грязнов М. П. Аржан, культура Скифо-сибирского типа. *Курьер ЮНЕСКО*. 1977. С. 38–41 [Gryaznov M. P. Arzhan, culture of the Scythian-Siberian type. Kur'yer UNESCO. 1977. Pp. 38–41 (in Russian)]

Кошеленко Г. А. *Родина Парфян*. Москва: Советский художник, 1977. — 176 с. [Koshelenko G. A. *Homeland of the Parthians*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1977. — 176 p. (in Russian)].

Сарианиди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии. *Советская Археология.* 1977. № 1. С. 203–224 [Sarianidi V. I. Monuments of the Monumental Architecture of Bactria. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1977. No. 1. Pp. 203–224 (in Russian)].

Яралов Ю. С. Архитектура страны Средиземноморья, Африки, Азии. *Всеобщая история архитектуры*. М.: Стройиздат, 1969. — 491 с. [Yaralov Y. S. Architecture of the Mediterranean, Africa, Asia. *General History of Architecture. Moscow: Stroyizdat, 1969.* — 491 p. (in Russian)].

Albaum L. I., Brentjes B. *Wächter des Goldes*. Berlin: Pi, 1972. 55 p.

Andrae W. Das wiedererstandene Assur. Leipzig: J. C. Hinrichs Verlag, 1938. — 231 p.

Bernard P. Fouilles de Ai Khanoum (Afghanistan). *Comptes rendus des Séances de l'année*. 1974. Pp. 280–308.

Brentjes B. Das »Ur-Mandala« (?) von Daschly-3. *Iranica Antiqua*. Gent, 1983. Vol. XVIII. Pp. 25–51.

Brentjes B. Medinat as-Salam — die "Runde Standt" des Mansur. *Klio*. Bd. 41. 1963. Pp. 237–256.

Brentjes B. Vorislamisch-mittelasiatische Traditionen in der Architektur des Islam. *Das Altertum*. 1964. Bd. 23. No. 2. Pp. 96–103.

Coedes G. Angkor: Die Haupstadt des alten Kambodscha — ein Abbild des Kosmos. *Saeculum*. 1955. Pp. 154–164.

Cresswell K. A. C. *A Short Account of Early Muslim Architecture*. Harmondsworth: Penguin Books, 1958. — 330 p.

Gordon A. K. *Tibetan Religious Art.* New York: Columbia University Press, 1952. — 104 p.

Hansmann J., Stronach D. Excavations at Shahr-I Qumis 1967. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1970. H. 1. Pp. 29–62.

Hauck K. Tiergärten in Pfalzbereich. *Deutsche Königsfalzen*. 1963. Pp. 30–74.

Hausschild R. Tirade der Wagenwertfahrt des Königs Haosravah und Junkers Nərəmanah. *Mitteilungen des Institutes für Orientforschung*. Bd. 7. No. 1. 1959. Pp. 1–78.

Hayashi Minao. Kankyô no zugara nisan ni Asiute. *Tôhô gakuhô*. 1973. Vol. 44. Pp. 1–65. [Hayashi Minao. On Some Questions of Han Mirrors' Ornamentation. *Tôhô gakuhô*. 1973. Vol. 44. Pp. 1–65 (in Japanese)].

Höfler O. Zwei Grundkräfte im Wodankult. *Antiquitates Indogermanicae*. 1974. Pp. 133–144.

Olschak B. C., Wangyal G. T. *Mystik und Kunst Alttibets*. Bern-Stuttgart: Hallwag, 1972. — 224 p.

Otto-Dorn K. *Kunst des Islam*. Baden-Baden: Unveränderter Nachdruck, 1964. — 250 p.

Pott P. H. Tibet. Ch. Kim, P. H. Pott, A. B. Griswold. *Burma, Korea, Tibet*. London: Menthuen, 1964.

Schafer E. H. Hunting Parks and Animals Enclosures in Ancient China. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 11. No. 3. 1968. Pp. 318–341.

Thilo T. Klassische chinesiche Baukunst. Leipzig: Koehler & Amelang, 1977. — 251 p.

Tucci G. *Geheimnis des Mandala. Theorie und Praxis*. Weilheim: O. W. Barth, 1972. — 141 p.

Widengren G. *Iranishe Geisteswelt, von den Anfängen bis zum Islam*. Baden-Baden: Holle Verlag, 1961. — 328 p.

Willetts W. *Das Buch der chinesischen Kunst*. Leipzig: Seeman Verlag, 1970. — 516 p.

Wolff F. *Avesta, Die heiligen Bücher der Parsen*. Berlin-Leipzig: Verlag von Eduard Pfeiffer, 1924. — 472 s.

DOI: 10.18254/S268684310018019-8

Искусство, любовь и драгоценности

Сокровища иранских шахов в балете «Шахерезада»

Art, Love and Jewels

Treasure of the Iranian Shahs in the "Shahrazad" Ballet

© 2021 **Лана Меджидовна Раванди-Фадаи**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия; ravandifadai@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-7964-6335

Lana M. Ravandi-Fadai

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of the Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia; ravandifadai@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-7964-6335

Используя фабулу и особенности постановки недавней балетной сенсации — балета «Шахерезада» на музыку Н. А. Римского-Корсакова, автор дает подробные характеристики и приводит историю наиболее значительных сокровищ иранской короны. Исследуется происхождение и рассматривается местонахождение двух частей знаменитого розового «столового» бриллианта — Большой алмазной скрижали, разделенной на две части (Дарья-йе-Нур и Нур-аль-Айн), прослеживается история и этапы изготовления свадебной тиары и коронационного убора Фарах Пехлеви. В статье приведены сведения о происхождении и

хранении после Исламской революции наиболее знаковых сокровищ иранской короны — от трона, на котором последним сидел Мохаммед Реза Пехлеви, до двух наиболее известных шахских корон — короны Киани и короны последнего шаха. Автор особенно отмечает важность трактовки драгоценных артефактов в балете, поставленном Алексеем Мирошниченко, для пробуждения интереса российской публики к культуре и искусству Ирана.

Ключевые слова: история Ирана, драгоценные камни, индийские бриллианты, «Шахерезада», Мохаммед Реза Пехлеви, Фарах Пехлеви, корона, бриллианты иранского шаха

Для цитирования: Раванди-Фадаи Л. М. Искусство, любовь и драгоценности. Сокровища иранских шахов в балете «Шахерезада». *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 209–219. DOI 10.18254/S268684310018019-8

Using the framework of the plot and staging peculiarities of the recent ballet sensation — “Scheherazade” to the music of Nikolai A. Rimsky-Korsakov, the author gives detailed characteristics and provides the history of the most significant treasures of the Iranian crown. The author researches the origin and the location of two parts of the famous pink ‘table’ diamond — the Big Diamond Tablet, divided into two parts (Darya-i-Nur and Nur-al-Ain), the history and stages of making the wedding tiara and the coronation headdress of Farah Pahlavi are traced. The article provides information on the origin and storage of the most iconic treasures of the Iranian crown after the Islamic Revolution — starting from the throne on which Mohammed Reza Pahlavi was the last to sit, to the two most famous shah’s crowns — the Kiani crown and the crown of the last Shah. The author especially notes the importance of the interpretation of precious artifacts in the ballet, staged by Alexei Miroshnichenko, to awaken the interest of the Russian public in the culture and art of Iran.

Keywords: history of Iran, crown jewels, Indian diamonds, Shahrazad, Mohammed Reza Pahlavi, Farah Pahlavi, crown, Iranian Shah’s diamonds

For citation: Ravandi-Fadai Lana M. Art, Love and Jewels. Treasure of the Iranian Shahs in the “Shahrazad” Ballet. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 209–219. DOI 10.18254/S268684310018019-8

В 2019 г. в Перми, Москве и Санкт-Петербурге прошла премьера балета «**Шахерезада**» на музыку Н. А. Римского-Корсакова в постановке одного из ведущих российских хореографов — главного балетмейстера Пермского театра оперы и балета Алексея Мирошниченко. В балете принимают участие звезды мировой величины — Диана Вишнева и Марсело Гомес. Мирошниченко поставил это произведение Римского-Корсакова как… биографический балет. История главной героини — это история **Шахбану Фарах Пехлеви** (فرح پهلوی, род. 14 октября 1938), жены последнего шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви (1919–1980)[1]. С одной стороны, эта история похожа на сказку, ведь Фарах — первая с VII века женщина, ставшая «шахбану» (императрицей), полноправной правительницей Ирана, а с другой стороны, ее долгая жизнь была полна трагизма и потерь (см. подробнее: [Pahlavi, 2005]).

Сюжет балета позволяет познакомиться с несколькими основными эпизодами из жизни главной героини: здесь и знакомство с шахом во Франции во время учебы, свадьба, коронация, празднование 2500-летия персидской монархии (см. [Раванди-Фадаи, 2021]) и Исламская революция 1979 г., вынудившая шахскую чету с детьми покинуть Иран [Shakibi, 2007, p. 270][2].

1 Пехлеви — правящая семья Ирана в 1925–1979 гг. Мохаммед Реза Пехлеви — последний шах Ирана (16 сентября 1941–11 февраля 1979). Полный титул — «Его Императорское Величество Шаханшах Арьянмехр» (перс. «шаханшах» — «Царь царей», Арьямехр — «Солнце Ариев»).

2 Как устроена «Шахерезада» в постановке Алексея Мирошниченко. *Арзамас* [How Works *Scheherazade* by Aleksei Miroshnichenko. *Arzamas*]. URL: https://arzamas.academy/materials/2195 (accessed 28.08.2021).

Илл. 1 (а, б). **Эскиз декораций**
Празднование 2500-летия Персидской империи и романтическая сцена на фоне стилизованного персидского ковра
Фото © Альона Пикалова
По: URL: https://arzamas.academy/materials/2179 (accessed 12.11.2021)

Драгоценности шахбану Фарах Пехлеви

Связь с историческим контекстом в балете проходит не только через сюжет, но и через удивительные декорации, костюмы, украшения и изделия народных промыслов Ирана. Например, чтобы придумать декорации для первого эпизода — грандиозного события 2500-летия Персидской монархии, создатели балета много месяцев просматривали архивные съемки, документы и видеофильмы[3]. Поэтому в этой сцене использована основная цветовая гамма этого светского торжества — гранатовый цвет и золото (*Илл. 1*).

По словам Альоны Пикаловой, художника-постановщика балета, «в эпизоде с ретроспективным характерным танцем, обозначенным как “Искусства и ремесла”, наша героиня, перелетая из Франции в Персию, в Иран, как бы знакомится со всем богатым культурным наследием своей страны — и вместе с ней знакомимся и мы. Для этого мы купили подлинные вещи, которые были вывезены из Ирана до 1979 г.: там настоящие чеканные подносы, настоящие ковры»[4].

Кроме атмосферы, созданной обилием в постановке уникальных предметов народных промыслов Ирана, исторических костюмов и прочих реальных вещей, на сцене представлены копии украшений императрицы, в том числе изделий *Van Cleef & Arpels*.

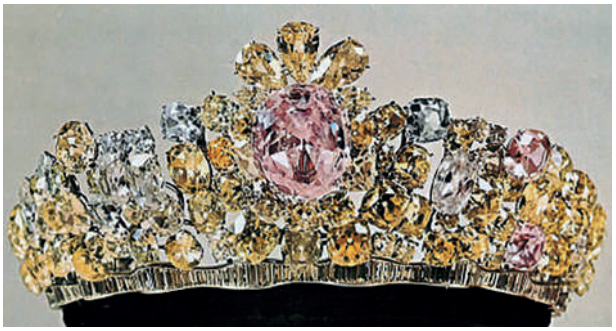
По традиции иранские монархи дарили своим избранницам роскошные украшения. Для будущей жены — несравненной Фарах шах заказал изысканную свадебную тиару у модного американского ювелира Гарри Винстона (Harry Winston)[5]. Каскад украшения в венчальной тиаре составляют 325 бриллиантов персикового, белого и голубого цвета (*Илл. 2*).

В центре роскошного украшения — редкий чистейший 60-каратный розовый бриллиант **Нур-аль-Айн** (Noor-ul-Ain; نور العين, в переводе с арабского — «свет глаз»). В 1834 г. Нур-аль-Айн был вырезан из Великого столового бриллианта «Great Table», по легенде, происходящего из

3 См. Балет «Шахерезада». Пролог. *YouTube* [The Scheherazade Ballet. Prologue. YouTube]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9B7qaDj14S4&t=3s (accessed 28.08.2021).

4 Как устроена «Шахерезада» в постановке Алексея Мирошниченко. *Арзамас* [How Works *Scheherazade* by Aleksei Miroshnichenko. *Arzamas*]. URL: https://arzamas.academy/materials/2195 (accessed 28.08.2021).

5 *Harry Winston.* URL: https://www.harrywinston.com/en (accessed 29.08.2021).



Илл. 2. **Свадебная тиара Фарах Пехлеви от Harry Winston — с розовым бриллиантом Нуар-аль-Айн в центре**
По: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Noor-ul-Ain (accessed 12.11.2021)

Илл. 3. **Дарья-йе-Нур — розовый бриллиант-побратим бриллианта Нур-аль-Айн и «сестринский бриллиант» знаменитого Кохинура**
По: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Daria-i-Noor (accessed 12.11.2021)

алмазных копей индийской Голконды в Хайдерабаде[6]. Столовый бриллиант, по-персидски — *лоух-е бозорг* (Большая скрижаль) представлял собой огромный плоский розовый бриллиант, входивший в сокровищницу императорских драгоценностей Индийского «Повелителя мира» Шах-Джахана (1627–1658). Французский геммолог Жан-Батист Таверные (Jean-Baptiste Tavernier; 1605–1689) описал этот алмаз в своей книге и дал ему название “Diamanta Grande Table” [Tavernier, 1925].

Алмаз был захвачен **Надиршахом Афшаром** (1688–1747)[7] после вторжения в Индию (1738–1740) и исчез после его убийства [Sarkar, 2019]. В 1965 г. команда канадского Королевского музея Онтарио, проводившая исследования Национальной сокровищницы драгоценностей Ирана (*Джавахерат-е мелли-йе Иран*), пришла к выводу, что два розовых алмаза **Дарья-йе-Нур** («Море света») (бóльшая часть) и **Нур-аль-Айн** (меньшая) могут происходить из той самой Большой алмазной скрижали, которая

6 Great Table Diamond. *Britannica.* URL: https://www.britannica.com/art/Great-Table-Diamond (accessed 29.08.2021).

7 Надир-шах Афшар (نادر شاه; или *Надир-кули хан*; 1688–1747) — в 1736–1747 гг. шах Персии, основатель династии Афшаридов, «Наполеон Востока». Регент и великий визирь при последнем сефевидском шахе Аббасе III, наместник ряда восточных областей Ирана в период реставрации Сефевидов.

Илл. 4. **Коронационный убор Фарах Пехлеви производства Пьера Альперса**
По: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корона_Шахбану (accessed 12.11.2021)

Илл. 5. **Фарах Пехлеви в короне и ожерелье от Пьера Альперса**
По: URL: https://zen.yandex.ru/media/gemstones/dragocennaia-korona-farah-pehlevi-5d73fca18f011100ad180d96 (accessed 12.11.2021)

после распила превратилась в два алмаза, среди множества других индийских бриллиантов присвоенных Надир-шахом и вывезенных в Иран[8]. Дарья-йе-Нур («Море света») (*Илл. 3*), впечатляющий 182-каратный бриллиант, принадлежавший Шаху Пехлеви, считается сестринским драгоценным камнем знаменитого Кох-и-Нур, или Кохинур («Гора света»), украшающего ныне корону английской королевы Елизаветы II.

Интересна история знаменитого на весь мир комплекта драгоценностей, в которых великолепная Фарах Пехлеви появилась на коронации. Украшения были изготовлены ювелиром Пьером Арпельсом (Pierre Arpels; 1916–2003). И если иранские шахи были неравнодушны к желтым бриллиантам, а, например, **шах Насреддин** (1831–1896), будучи в Индии, скупил несколько десятков желтых алмазов по 30–200 каратов каждый, то модный парижский ювелир обожал изумруды.

В 1966 г. компания *Van Cleef & Arpels* получила один из самых больших и престижных заказов за все время своего существования. Необходимо было создать несколько ювелирных наборов для уникального события — коронации Фарах, третьей жены Мохаммеда Реза Пехлеви. Интересно, что по иранским законам, драгоценные камни, коронационные регалии, и вообще любые драгоценности не могут быть вывезены из страны. На протяжении одного года Арпельс ездил в Тегеран несколько десятков раз. Из сотен тысяч камней сокровищницы Ирана Арпельс выбрал несколько потрясающих изумрудов: камень в форме раковины весом более 50 каратов и шестиугольный камень весом 150 каратов, оба с гравировкой (см. о могольских изумрудах [Пожидаева, 2020]). Всего Арпельс отобрал 143 изумруда, а также тысячи бриллиантов и множество цветных драгоценных камней.

Работа заняла не менее одиннадцати месяцев. Каркас короны был выполнен из платины и золота. В изделие вошло 1469 бриллиантов, 105 первоклассных природных жемчужин, 36 изумрудов и 34 рубина. В работе Арпельс учел и исконные традиции персидского искусства: корона не выглядит чем-то чуждым культурному контексту истории Иранского государства, не смотрится как новодел (*Илл. 5*).

Также славится великолепием и колье, в котором Фарах присутствовала на коронации. В нем

8 Great Table Diamond. *Britannica.* URL: https://www.britannica.com/art/Great-Table-Diamond (accessed 29.08.2021).

Илл. 6. **Диана Вишнева с синей лентой в сцена коронации Фарах Пехлеви из балета «Шахерезада»**
Фото © Андрей Чунтомов. По: URL: https://arzamas.academy/materials/2195 (accessed 28.08.2021)

четыре изумруда в ступенчатой огранке; по середине резной изумруд, жемчужины каплевидной формы; любимые персидскими шахами желтые бриллианты в огранке «кушон». Колье целиком инкрустировано белыми бриллиантами. На игру камней можно смотреть бесконечно! С короной Фарах надела изумрудно-бриллиантовые серьги, и весь ее торжественный наряд был украшен драгоценными камнями.

Как свидетельствует художник по костюмам Татьяна Ногинова, занимавшаяся созданием украшений и костюмов для балета «Шахерезада», «коронационные уборы, созданные для спектакля, конечно, бутафорские и сделаны из искусственного камня, то есть стекла. Но мы проделали большую работу: получили от ювелирной компании, которая изготавливала макет коронационного убора для Фарах (Van Cleef & Arpels. — *Л. Р.-Ф.*) чертежи и рисунки этого убора, а также очень хорошие, детальные фотографии свадебной парюры, которая была изготовлена специально для шахбану. Парюра — это комплект, в который входят головной убор, ожерелья, серьги, браслеты, кольца, возможно подвески. Так что копию той парюры можно увидеть на сцене. Для парадного выхода Фарах — Дианы Вишнёвой — использовались броши из чешского стекла, выполненные под бриллианты»[9] (*Илл. 6*).

Комплекты для коронации — не единственные драгоценности, хранящиеся в Национальной сокровищнице Ирана, расположенной в одном из зданий Центрального банка в Тегеране и имеющей необычную историю.

Где хранятся сокровища персидских шахов

Считается, что в 1855 г. коллекция шахских сокровищ была объединена из разрозненных частей и составила единый корпус «королевских драгоценностей». В 1937 г. шах Реза Пехлеви передал сокровища государству, их переместили в хранилища Национального Банка (ныне Центральный Банк ИРИ) и использовали в качестве обеспечения национальной золотовалютной системы.

В 1960 г. Мохаммед Реза Пехлеви велел выставить самые значимые элементы коллекции на всенародное обозрение и с тех пор экспонаты находятся в первом здании Центробанка. После Исламской революции 1979 года музей вновь открылся только в начале 1990-х гг. Сейчас коллекция носит название «**Национальная сокровищница драгоценностей Ирана**», или «Музей ювелирных изделий». Музей расположен в подвальном этаже Национального банка Ирана. Это сейф и музей одновременно, напоминающий Алмазный Фонд Московского Кремля.

История сокровищницы Ирана начинается с сефевидских шахов (1501/2–1722). Вкратце родословная коллекции такова: до Сефевидов в государственной сокровищнице хранились драгоценные предметы; согласно заметкам иностранных путешественников сефевидские правители начали собирать драгоценные камни, для чего специалисты, служившие сефевидскому правительству даже покупали драгоценности на рынках Индии, Османской империи и европейских стран, например Франции и Италии, и привозили их в Исфахан.

Таким образом, в конце правления султана Хусейна I[10] с приходом к власти в Иране низложившего его Махмуда Афгана[11], **сокровища шахского дома оказались разбросаны по стране**, а некоторые из них Махмуд Афган даже вывез за пределы Ирана. Когда Тахмасп Второй[12] вместе с Надиром (упомянутым выше Надир-

9 Как устроена «Шахерезада» в постановке Алексея Мирошниченко. *Арзамас.* URL: https://arzamas.academy/materials/2195 (accessed 28.08.2021).

10 Солтан Хусейн I (شاه سلطان حسین; 1668–1726) — фактически последний шах Персии (1694–1722) из династии Сефевидов. В 1722 г. был низложен афганскими мятежниками.

11 Мир Махмуд-шах Хотаки (1697–1725) — третий эмир Кандагара, первый шах Ирана из афганской династии Хотаки (1722–1725), старший сын Мир Вайса Хотаки, первого независимого правителя Афганского государства.

12 Тахмасп II (1704?–1740) — один из последних шахов Ирана из династии Сефевидов.

Илл. 7. **Корона последнего шаха Ирана Мохаммада Реза Пехлеви**

шахом Афшаром) заняли тогдашнюю иранскую столицу Исфахан, вывоз ценностей из страны удалось остановить, после чего Надир отправился в Индию возвращать другую часть драгоценностей (он написал индийскому двору письма, но не получил удовлетворительного ответа). После похода Надира в Индию, Мухаммад-шах[13] передал Надиру наличные деньги, драгоценности и оружие, однако на обратном пути в Иран часть имущества и казны, полученная Надиром в Индии, пропала. После возвращения в Иран Надир отправил значительную долю сокровищ в качестве подарков правителям соседних стран. Кроме того, часть драгоценностей он передал на поддержание архитектурного комплекса мавзолея восьмого шиитского имама Резы (Ар-Риды; 770–818) в городе Мешхеде [Saadat, 1976], а часть распределил среди своего войска.

После того как в 1747 г. Надир-шах был убит одним из его военачальников, казну с сокровищами Надира разграбил Ахмад-бек Афган Абдали[14]. Среди драгоценностей, больше не вернувшихся в Иран, оказался алмаз, известный как «**Кухе-нур**». После Ахмад-бека алмаз ушел к другому великому отцу-основателю — Ранджиту Сингху Панджаби[15], но когда Панджаби потерпел поражение от англичан[16], алмаз попал в руки Ост-индской компании и в 1850 г. был преподнесен королеве Виктории.

Несмотря на некоторые потери, Национальная сокровищница Ирана поражает своими размерами — **драгоценности хранятся в тридцати шести хранилищах.** Содержание этих хранилищ весьма многообразно и включает украшения, короны, браслеты, вазы, посуду, кальяны, зеркала, подсвечники, бирюзу, мечи, кинжалы, щиты, часы, различные драгоценные камни, трости, медали и даже троны.

В музее выставлена **корона,** которую использовали на **коронации Реза-хан** 25 апреля 1926 г. и его сын **Мохаммад Реза Пехлеви 26 октября 1967 г.** (копия этой короны была воссоздана в балете «Шахерезада»).

Корона выполнена из золота и серебра, украшена бриллиантами, изумрудами, сапфирами и жемчугом. Каркас короны обтянут благородным

13 Мухаммад Шах, или Насир уд-Дин Абу-л-Фатх Мухаммад (1702–1748) — правитель, падишах Империи Бабуридов в Индии (с 1719 г.).

14 Ахмад-шах Абдали, или Ахмад-шах Дуррани, (1722–1772) — основатель Дурранийской империи, представляющей собой исходную независимую территорию современного Афганистана. После убийства Надир-шаха Афшара стал эмиром Хорасана, а позже основателем и правителем собственной империи. Пуштуны Афганистана называют его Baba («отец»).

15 Ранджит Сингх (1780–1839) — первый сикхский махараджа Пенджаба, создатель независимого сикхского государства.

16 Вторая Англо-Сикхская война (1848–1849) между Сикхским государством и Британской Империей привела к завоеванию сикхов, аннексии Пенджаба и расчленению Сикхского государства.

Илл. 8. Корона Киани. Фото автора
Илл. 9. Мохаммад Али-шах (1872–1925) в короне Киани
Фото © Brooklyn Museum

красным бархатом. С четырех сторон угадываются сюжеты сцен из битв, а спереди полностью выложенное бриллиантами солнце с расширяющимися лучами и планеты. Корона выдержана в стиле корон Сасанидских правителей (226–651 гг.), вес ее составляет около двух килограммов. В короне 3380 бриллиантов (1144 карата) и 368 жемчужин (*Илл. 7*).

Еще одна величественная корона персидских шахов — так называемая «**корона Киани**» («корона царя-поэта»). Эту корону использовали правители династии Каджаров до Реза-хана Пехлеви, а выполнена она была по заказу **Фетх Али-шаха**[17] в 1796 г. Корона изготовлена из серебра, золота, инкрустирована бриллиантами, изумрудами, рубинами и жемчугом (*Илл. 8, 9*).

Кроме украшений, в сокровищнице хранятся и настоящие исторические реликвии, например, главный символ власти персидских властителей — **трон Надира.** Этот величественный трон, инкрустированный 26 733 драгоценными камнями, создали иранские мастера по указу Фетх Али-шаха. Трон состоит из 12 отдельных частей, и в последний раз его использовал Мохаммед Реза Пехлеви [Taheri, 1991, p. 169] (*Илл. 10*).

Интересны также **щит Надир-шаха**, выполненный из кожи носорога и инкрустированный драгоценными камнями, **сабля Насреддин-шаха,** сверкающая изумрудами, рубинами и алмазами и **золотой глобус**, на изготовление которого ушло 34 кг золота и множество изумрудов, сапфиров и рубинов, выполняющих роль материков и морей.

Невозможно не вспомнить и упоминавшийся выше всемирно известный **бриллиант Дарья-йе-нур («Море света»)** весом 182 карата. Это самый крупный и восхитительный уцелевший бриллиант, хранящийся в коллекции иранских шахов. С его обретением связана красивая легенда.

17 Фетх Али-Шах, он же Баба-хан (1772–1834) — второй шах Ирана из династии Каджаров, племянник и преемник основателя Каджарской династии — скопца Аги Мохаммеда.

Илл. 10. **Трон Надира.** Фото автора

У правителя Индии султана **Ала ад-Дина Хилджи**[18] (1266–1316) было три сына: Хизр-хан, Шихаб уд-дин Умар и Кутб уд-дин Мубарак. По легенде, после смерти отца ставшие претендентами на царство сыновья решили разделить всю территорию страны на три части, для чего отправились в путешествие по владениям отца. В горах путешественников застал ливень, и они решили укрыться от непогоды в близлежащей пещере. Войдя внутрь, они увидели, что пещера освещена необычным светом, исходящим от алмаза, лежащего на гранитном камне. Братья заспорили, кому он должен принадлежать и стали молиться богам: Хизр-хан — Вишну, Умар — душе мира Брахме, а Мубарак — богу-разрушителю Шиве. Шива услышал молитву Мубарака и пустил в алмаз молнию, после чего он раскололся на три части. Каждый осколок превышал по весу семьсот каратов. Хизр-хан взял себе самую крупную часть, которую назвал «Дарья-йе-нур» — «море света». Умар назвал свой камень «Кохи-нур» — «гора света», а Мубарак дал своему камню имя «Хинди-нур» — «свет Индии».

После того как братья взошли на престол, в стране начались несчастья. Голод и эпидемии уносили десятки тысяч жизней. Чтобы вызвать благорасположение Шивы, Мубарак продал свой алмаз шаху Персии. В надежде переломить злой рок, на полученные деньги он построил храм и установил у входа мраморное изваяние Шивы высотой в три человеческих роста. Но несчастья продолжались. И тогда Хизр-хан и Умар приказали каменотесам вставить алмазы «Дери-нур» и «Кохи-нур» в глазницы изваяния. После этого бедствия прекратились.

Раньше считалось, что исходный алмаз принадлежал Курушу Великому (царю Киру; 593–530 до н. э.), но после утвердилось мнение, что в 1739 г. его вывез в Иран из столицы Великих Моголов Надир-шах.

Сейчас в музее представлена самая богатая в мире коллекция драгоценностей; ни одна сокровищница в мире не может сравниться с ней. На подносах россыпью лежат бриллианты, рубины, изумруды от 30 до 250 каратов. Музей ювелирных изделий открыт для посещения: экспонаты можно посмотреть, спустившись в хранилище, правда съемка там категорически запрещена.

Для знакомства с персидскими драгоценностями не обязательно ехать в Иран, ведь теперь и в России можно полюбоваться их точными

18 Ала ад-Дин аль-Хильджи, он же Ала ад-Дин Мухаммад-шах I ибн Шихаб ад-Дин (1266–1316), султан Дели из тюрко-афганской династии Хильджи.

копиями в балете «Шахерезада» в постановке Алексея Мирошниченко.

***

Безусловно, в балете «Шахерезада» воссоздана только часть знаменитых драгоценностей и реликвий. Создатели постановки проделали огромную работу, чтобы зритель мог окунуться в атмосферу происходящего, почувствовал связь с событиями через историю, костюмы и организацию пространства, через цитирование восточных мотивов.

Спектакль не скрывает, что несмотря на сияние алмазов и утонченное переплетение узоров, история героини очень грустная. Балет заканчивается тем, что Фарах Пехлеви перерезает синюю ленту на открытии выставки. Эта лента — символ монархии, она впервые появляется на сцене после того, как Фарах стала шахбану, и возвращается как мотив на протяжении всего балета. То есть, перерезая эту ленту, императрица своими руками как бы кладет конец собственной власти. Это очень красивая, но в то же время драматичная история.

Поразила и реакция зрителей после премьеры, состоявшейся в Перми в начале апреля 2019 г., где собрались не только пермяки, но и театралы обеих российских столиц. Зритель находился под таким сильным впечатлением от красоты классического искусства Ирана, что многие захотели съездить в Иран и увидеть эту страну своими глазами.

Автор искренне советует читателям «Восточного курьера» посмотреть работу талантливого хореографа и его команды — балет «Шахерезада» о женщине-легенде — последней шахбану Ирана Фарах Пехлеви, чтобы лучше понять культуру и искусство Персии.

Список литературы / References

Пожидаева И. В. Могольский изумруд в европейском ювелирном искусстве. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 203–216 [Pozhidaeva I. V. Mughal Emerald in European Jewelry. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 203–216 (in Russian)].

Раванди-Фадаи Л. М. Самое роскошное королевское торжество в современной истории: празднование 2500-летия возникновения Персидской империи в Иране. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 1–2. С. 177–183 [Ravandi-Fadai L. M. The Most Luxurious Royal Celebration in Modern History: Celebrating 2,500th Anniversary of the Establishment of the Persian Empire in Iran. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 1–2. Pp. 177–183 (in Russian)].

Pahlavi F. *An Enduring Love: My Life with the Shah: A Memoir.* Los Andgeles: Miramax Books, 2005. — 464 p.

Saadat B. *The Holy Shrine of Imam Reza*. Vol. IV. Shiraz: Asia Institute, Pahlavi University, 1976. — 292 p.

Sarkar S. *Nadir Shah in India*. Calcutta: B.R. Publishing Corporation, 2019. — 316 p.

Shakibi Zh. *Revolutions and the Collapse of Monarchy*. London: Bloomsbury Academic, 2007. — 289 p.

Tavernier J.-B. *Travels in India*. Tr. by V. Ball. W. Crooke (Ed.). Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1925.

Taheri A. *The Unknown Life of the Shah*. London: Hutchinson, 1991. — 288 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Балет «Шахерезада». Пролог. *YouTube* [The *Scheherazade* Ballet. Prologue. *YouTube*]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9B7qaDj14S4&t=3s (accessed 28.08.2021).

Как устроена «Шахерезада» в постановке Алексея Мирошниченко. *Арзамас* [How Works *Scheherazade* by Aleksei Miroshnichenko. *Arzamas*]. URL: https://arzamas.academy/materials/2195 (accessed 28.08.2021).

Great Table Diamond. *Britannica*. URL: https://www.britannica.com/art/Great-Table-Diamond (accessed 29.08.2021).

Harry Winston. URL: https://www.harrywinston.com/en (accessed 29.08.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018029-9

Нирмахал — жемчужина Трипуры

Neermahal — the Jem of Tripura

© 2021 **Александр Александрович Столяров**

кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; astol007@gattamelata.com.
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Alexander A. Stolyarov

PhD (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; astol007@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

В публикации рассказывается о посещении летнего дворца последних правителей княжества Трипура, являющегося достопримечательностью современного штата Трипура на северо-востоке Индии. Дворец расположен на острове посреди озера Рудрасагар-лейк, попасть в него можно только на лодке. Описано современное состояние дворца как объекта культурно-исторического наследия, и озера, отнесенного к природоохранным объектам международного значения. Приведены мнения специалистов относительно мер по сохранению экологического баланса в этой части штата Трипура.

Ключевые слова: северо-восток Индии, княжество Трипура, штат Трипура, история, объект культурного наследия, природоохранный объект, водно-болотные угодья, экосистема

Для цитирования: Столяров А. А. Нирмахал — жемчужина Трипуры. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 220–229. DOI: 10.18254/S268684310018029-9

The publication tells a story about a visit to the summer palace of the last rulers of the Tripura princely state, which is now a remarkable place of interest at the Tripura state in northeastern India. The palace is located on the island in the middle of the Rudrasagar Lake and can only be reached by boat. The current state of the palace is described as an object of cultural and historical heritage, and of a lake, classified as a nature conservation object of international importance. The opinions of experts on the measures to preserve the ecological balance in this part of the state of Tripura are given.

Keywords: Northeastern India, Tripura princely state, Tripura state, history, object of cultural and historical heritage, nature conservation object, wetland, ecosystem

For citation: Alexander A. Stolyarov. Neermahal — the Jem of Tripura. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 220–229. DOI: 10.18254/S268684310018029-9

Илл. 1. **Рыбаки на озере Рудрасагар**[2]

Илл. 2. **Туристические лодки и общий вид дворца Нирмахал**

В январе 2019 г. мы приехали в Ассам, чтобы принять участие в нескольких конференциях, организованных местными университетами. Между конференциями у нас образовалась пара-тройка дней, которые мы по совету коллег решили потратить на знакомство с достопримечательностями региона. Так мы попали в Сибсагар [Столяров, Газиева, 2019; Столяров, 2020(a); Столяров, 2020(b), Столяров, 2021] и Трипуру.

Трипура — один из самых небольших штатов Индии, своими размерами превосходящий только штаты Гоа и Сикким. Он входит в восьмерку штатов, образующих северо-восток Индии. До включения в Северо-восточный совет штата Сикким, которое произошло, скорее всего, на рубеже 2002 и 2003 гг.[1], этот регион называли «Семь сестер». По инерции это название используют и до нашего времени. На карте штат Трипура выглядит выступом, вдающимся в территорию Бангладеш с востока. Действительно, с трех сторон — с севера, запада и юга он граничит с Бангладеш, и лишь с востока его соседями являются индийские штаты Ассам и Мизорам (см. *Илл. 23*).

Агартала, столица штата, расположена на крайнем его западе. Граница с Бангладеш проходит по западной границе города.

Прибыв в Агарталу, мы первым делом направились в турагентство, где без труда заказали машину с шофером, игравшим роль путеводителя: объяснить он почти ничего не мог, зато привозил в действительно интересные места. Так в одно из путешествий, после долгого и тряского пути машина, наконец, остановилась на берегу большого тихого озера. Недалеко от берега в лодках неторопливо копошились рыбаки, у причала стояли крытые лодки для туристов, а над их крышами на дальнем берегу красно-белой полосой протянулся дворец. Выглядел он поистине завораживающе: взгляд как бы поневоле притягивался к нему. Естественно, нам немедленно захотелось в него попасть (*Илл. 1, 2*).

1 Sikkim to become eighth North-East Council state soon. *Times of India.* 2002, Dec. 10. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/30893311.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed 12.09.2021).

2 Здесь и далее все фото © А. А. Столяров.

Илл. 3. **Спешащие на посадку туристы**

Илл. 4. **Рыбаки на мостках, соседствующих с причалом на Большой земле**

Озеро, к которому мы подъехали, носит название **Рудрасагар-лейк**[3], местное его название — **Тиджиликма**. Водоем тянется с юга на север, длина его около полутора километров. На южном берегу разместились небольшой сельский городок (или, скорее, большая деревня) Мелагхар. В 2017 г. здесь проживало немногим более 20 тысяч человек. Мелагхар находится примерно в 50 км к югу от Агарталы, столицы штата, и в восьми – десяти километрах от границы с Бангладеш, за которой начинается город Комилла́ с трехсоттысячным населением.

Дворец на озере Рудрасагар-лейк называется **Нирмахал** («Водный дворец»); построен он был в 30-е годы прошлого века на острове в северной части озера как летняя резиденция трипурского махараджи Бир Бикрам Кишоре Маникья Деббармана Бахадура (1908–1947) из династии Маникья, второй по долготе правления династии в мире, находившейся у власти в княжестве Трипура с 1400 по 1949 гг. Он вступил на престол пятнадцатилетним юношей в 1923 г., к началу строительства летней резиденции ему было всего 22 года[4].

Из места нашей высадки попасть на остров можно было только по воде, на лодке, поэтому мы без промедления устремились к кассам в домике поблизости от мостков, на который указал нам водитель. Билеты стоили для всех одинаково, а цена переправы оказалась относительно невысокой. Мы были не одиноки в желании обследовать чудесное строение, следом за нами образовалась небольшая очередь, но в большой лодке хватило места всем. Судна отправлялись во дворец по расписанию каждые полчаса, так что пришлось немного подождать и скоротать время, наблюдая за местными рыбаками, расположившимися на соседних мостках (*Илл. 3, 4*).

Но вот заурчал мотор, и мы тронулись в путь. Двигались плавно, не спеша. Позже мы узнали, что сам махараджа, члены его семейства и все придворные и приближенные переправлялись к дворцу на острове именно так: на лодках, но не моторных, а с лодочником, который отталкивался от дна шестом.

Погода стояла безветренная, на озере почти не было не то что волн, но даже и ряби. По мере приближения дворец постепенно увеличивался

3 Рудрасагар — океан Рудры, ведийского божества, одной из форм Шивы.

4 В Фейсбуке есть большая подборка роликов, в основном документальных, озаглавленных «История 185 государей Трипурского царства», бóльшая часть которых посвящена махарадже Бир Бикрам Кишоре См.: *The History of 185 Kings of Tripura Kingdom.* URL: https://m.facebook.com/185tripurakings/ (accessed 12.09.2021).

Илл. 5, 6. **И вот мы приближаемся: дворец увеличивался в размерах**

Илл. 7. **Центральная арка вид с озера**

Илл. 8. **Центральная арка вид с берега**

в размерах и уже не помещался целиком в кадре (*Илл. 5, 6*).

Наконец, мы добрались и высадились на берег. Дворец протянулся неровной линией по южной кромке острова с востока на запад почти на 250 метров. Центральная арка с небольшим павильоном разделяла его на две неравные половины: западную — личную, где размещался махараджа с семьей, и восточную, где был устроен импровизированный театр на открытом воздухе — здесь ставили спектакли, организовывали фестивали и прочие развлечения для княжеского семейства (*Илл. 7, 8*).

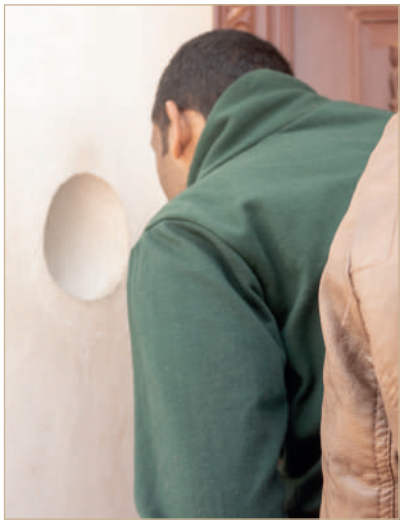
Слева от арки поднималась лестница. Она вела в западную часть дворца, и мы вместе с другими пассажирами лодки устремились туда, по пути заглядывая в резные окна и разные отверстия в стенах (*Илл. 9– 11*).

Поднявшись по лестнице и вступив на личную половину, мы попали во внутренний сад или оранжерею, разбитую на втором этаже. Здесь нас ожидали подстриженные кусты, клумбы и ухоженные дорожки, ступать на которые, правда, было нельзя: в земле копошились садовники, то ли высаживавшие новые цветы, то ли просто рыхлившие землю.

Комнаты перетекали одна в другую, но то не была анфилада, а более сложное переплетение жилых пространств: где-то надо было подниматься на одну или две ступени, где-то помещения можно было обойти по проходу наподобие балкона, а чаще всего комнаты были угловыми; некоторые из таких угловых помещений имели шестиугольную форму. Количество комнат дворца в разных публикациях оценивалось поразному: от 24 до 28.

Илл. 9. Вид из окна на север

Илл. 10. Вид из окна на юг



Илл. 11. Попытка заглянуть в яйцевидное «окошко» в стене

Илл. 12. Внутренний сад-оранжерея

Илл. 13. **Башенки по углам смотровой площадки на личной половине**

Илл. 14. **Большой сад, идущий от личной, западной половины на север**

Интерьеры дворца пустовали, стены покрыты белой штукатуркой, никаких табличек и обозначений не было. Гид нас не сопровождал, экскурсии тоже не предполагалось, поэтому приехавшие бродили кучками, предоставленные сами себе. Любоваться, впрочем, было чем: архитектура дворца представляет собой сочетание мусульманского и индуистского стилей, и выполнено оно с изрядным вкусом. Сочетание башенок, поставленных на восьмигранные основания, террас, переходов, выполненных в виде ломанных линий, балконов, с которых открываются чудесные виды, производит непередаваемое впечатление. Весьма изящно смотрятся стилизованные под минареты башенки в западной части дворца по углам смотровой площадки личной половины (*Илл. 12, 13*).

Со смотровой площадки можно спуститься вниз по лестнице в большой сад (*Илл. 14*), протянувшийся примерно на 100 метров с юга на север. Из сада и со смотровой площадки открывается превосходный вид на северную сторону дворца (*Илл. 15–17*).

Восточная, или «общественная» часть дворца, предназначенная для традиционных представлений, фестивалей, танцев и прочих увеселений, выглядит не столь живописно, как западная, «личная». Все же и в ней таилась некая загадочность — в изломанности переходов и внезапности открывающихся пространств, в видах на озеро из резных окон (*Илл. 18–20*).

Но вот пришло время возвращаться к лодке на причал. Я еще раз окинул взглядом остров и дворец и подумал: хорошо, что нам удалось побывать здесь, ведь наверняка при махарадже Бир Бикрам Кишоре Маникья Деббармане Бахадуре все выглядело совсем иначе. То, что мы увидели, — всего лишь бледная тень той роскоши и придворной жизни, что кипела здесь какие-нибудь восемь десятилетий назад. И тогда, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, я снова взлетел по ступеням наверх, чтобы сделать еще несколько самых последних кадров. Но унести взять с собой все впечатления невозможно (*Илл. 21*).

Дворцов такого типа в Индии всего два: второй — **Джалмахал** (что тоже означает «водный дворец»), расположенный в столице Раджастхана Джайпуре. Джалмахал выстроен посреди искусственного озера Мансагар-лейк, названного по имени создателя — раджи Ман Сингха I, правителя раджпутского княжества Аджмер (1550–1614). Джалмахал гораздо старше Нирмахала: он был построен в период правления раджи Джай Сингха II (1688–1743), хотя и значительно меньше Нирмахала по размерам.

Что же касается Нирмахала, то махараджа Бир Бикрам Кишоре Маникья Деббарман Бахадур и десяти лет не пользовался этим летним дворцом, поскольку скончался в мае 1947 г. В 1949 г., после

Илл. 15. Вид на северную сторону дворца

Илл. 16. Вид на дворец со смотровой площадки с запада на восток

Илл. 17. Вид на дворец со стороны основного фасада со смотровой площадки

Илл. 18. Вид из окна на западную часть дворца

Илл. 19. Местные жители на озере

Илл. 20. **Местные жители переправляются через озеро**

Илл. 21. **Спуск к причалу на острове**

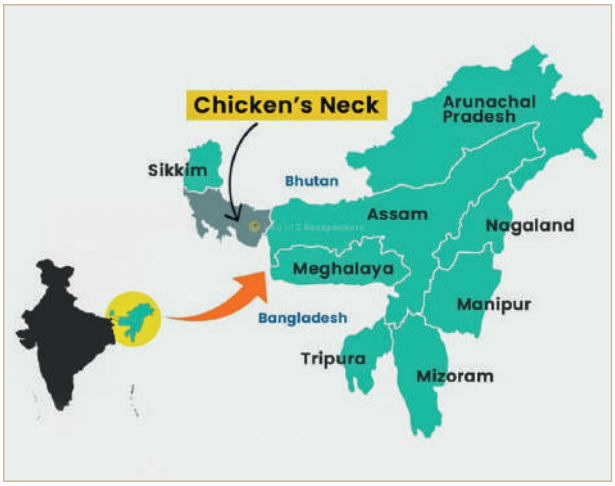
ликвидации княжества Трипура и объявления его штатом Индии, дворец перешел в ведение штата и Индии и стал постепенно разрушаться, а озеро — мелеть, уменьшаться. В сезон дождей площадь озера достигает 8.16 км^2, а в сухой сезон сокращается до 1 км^2. Соответственно и глубина его варьирует от 7.5–8.0 м в период дождей до 1.5–2.5 м в сухой период [Barman, Mandal et al, 2013, p. 1321]. За последние полвека объем озера сократился на 40 %. Это связано, в частности, со следующим обстоятельством: если в период строительства дворца в окрестностях озера Рудрасагар жили 12 семей, то к настоящему времени количество населения, проживающего в этих краях, увеличилось до 200 тысяч [Chowdhary, 2019]. В 60-е годы прошлого века власти приняли решение организовать по берегам озера сельскохозяйственное производство наряду с рыболовством. Сельскохозяйственные угодья были распределены между 600 крестьянскими семьями. Об этом рассказал Сатьябан Дас, секретарь общинного комитета местных рыбаков, добавив при этом: «Это было временное решение, и сейчас мы думаем, что оно было неверным». По его сведениям, доходы от посещения дворца в 2011–2012 гг. составили 2 400 тыс. рупий, тогда как рыболовство принесло только 1 800 тыс. рупий[5].

Со второй половины нулевых годов **озеро Рудрасагар** было включено в список Рамсарских угодий[6], имеющих международное значение. Сертификат, подтверждающий этот почетный статус, был передан в Министерство окружающей среды и лесного хозяйства Индии в феврале 2007 г. В 2013 г. группа исследователей из Колледжа рыбного хозяйства, расположенного в северном пригороде Агарталы и принадлежащего Центральному сельскохозяйственному

5 Decaying Neermahal Palace in Tripura to Be Restored. India TV, 2013, Oct. 01. URL: https://www.indiatvnews.com/news/india/decaying-neermahal-palace-in-tripura-to-be-restored-28613.html (accessed 12.09.2021).

6 Рамсарская конвенция, или Конвенция о водно-болотных угодьях (Convention on Wetlands) была принята 2 февраля 1971 г. в г. Рамсар (Иран). Конвенция представляет собой первый международный договор, целиком посвященный одному типу экосистем, или хабитатов. По состоянию на 16.05.2018 участниками Конвенции являются 170 государств, на территории которых находятся 2307 водно-болотных угодий международного значения общей площадью 228,9 млн га. Водно-болотные угодья занимают промежуточное положение между сухопутной и водной системами. См.: *Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (accessed 12.09.2021); *Convention on Wetlands of International Importance especially as Waterfowl Habitat.* Ramsar, 2 Feb. 1971. URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/scan_certified_e.pdf https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=0800000280104c20 (accessed 12.09.2021).

Илл. 22. **Спутниковый снимок дворца.** По: URL: Neermahal map. URL: https://www.google.com/maps/@23.5067601,91.3147632,384m/data=!3m1!1e3 (accessed 12.09.2021)



Илл. 23. **Карты Северо-Восточной Индии и штата Трипура**
По: Northeast India Travel Map. URL: https://www.taleof2backpackers.com/wp-content/uploads/2020/04/Northeast-India-Travel-Map.jpg
URL: Tripura district map. URL: https://tripura.gov.in/districtmap

университету Индии, опубликовала доклад о статусе озера Рудрасагар [Barman, 2013]. Авторы доклада утверждают, что решение о расселении 600 рыбацких семей из Восточного Пакистана в 15 деревень вокруг озера было принято правительством штата Трипура в 1951 г. Между тем состояние экосистемы озера, где обитают 62 вида рыб, включая несколько эндемичных, и которое является местом зимовки многих видов редких птиц, вызывает беспокойство. По состоянию на 2013 г. район озера являлся территорией с наибольшей плотностью населения в 650 человек на 1 км^2 при средней плотности населения штата в 304 человека на 1 км^2. Авторы называют несколько факторов снижения продуктивности рыболовства, главный среди которых — загрязнение среды обитания. Отрицательную оценку получили и ежегодные фестивали «Нирмахал», которые посещают до 50 тысяч гостей из разных штатов Индии. На них устраиваются многолюдные соревнования по плаванию, гонкам на лодках, играм на воде и другие. В заключении доклада сообщается, что преподаватели Колледжа рыбного хозяйства вместе со студентами разрабатывают несколько проектов консервации экосистемы озера.

P. S.

Имя махараджи Бир Бикрам Кишоре Маникья Деббармана Бахадура увековечено в названиях Аэропорта им. Махараджи Бир Бикрама, основанного им в Агартале в 1942 г. Колледжа им. Махараджи Бир Бикрама, старейшего колледжа штата, основанного там же в 1947 г. и Университета Трипуры им. Махараджи Бир Бикрама, основанного в 2015 г. На спутниковом снимке (*Илл. 22*) хорошо видно, что остров, на котором стоит дворец, соединен с берегом мостом длиной чуть более 50 м. Его возвели уже, по-видимому, в наше время для удобства местных жителей. А приезжающие туристы предпочитают добираться к дворцу на лодке, как это делали когда-то раджи: так ведь и интереснее и романтично. Как все-таки полезно строить красивые дворцы у воды!

Список литературы / References

Столяров А. А., Газиева И. А. Путешествие в Шивасагар. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2019. № 1–2. С. 186–191 [Stolyarov A. A., Gazieva I. A. En Route to Sivasagar. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2019. № 1–2. Pp. 186–191 (in Russian)].

Столяров А. А. Путешествие в Сибсагар: Три столицы Ахомского царства. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020(a). № 1–2. С. 216–242 [Stolyarov A. A. En Route to Sibsagar: Three Capitals of Ahom Kingdom. *Vostochnyi Kurier / Oriental Kurier*. 2020(a). № 1–2. Pp. 216–242 (in Russian)].

Столяров А. А. Сибсагар: встречи с прошлым и настоящим на земле Ахомского царства. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020(b). № 3–4. С. 288–310 [Stolyarov A. A. Sibsagar: Meeting the Past and the Present in the Land of Ahom Kingdom. *Vostochnyi Kurier / Oriental Kurier*. 2020(b). № 3–4. Pp. 288–310 (in Russian)].

Столяров А. А. Сибсагар: перелистывая книгу дружбы. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 1–2. С. 184–190 [Stolyarov A. A. Sibsagar: Leafing through the Book of Friendship. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 1–2. Pp. 184–190 (in Russian)].

Barman D., Mandal S. C., Bhattacharjee P., Datta S. P. Status of Rudrasagar Lake (Ramsar Site) in Tripura, India. *Environment & Ecology*. 2013. Vol. 31. No. 3. Pp. 1320–1325.

Электронные источники / Electronic Sources

Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц [*Convention on Wetlands of International Importance especially as Waterfowl Habitat* (in Russian)]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (accessed 12.09.2021).

Convention on Wetlands of International Importance especially as Waterfowl Habitat. Ramsar, 2 Feb. 1971. URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/scan_certified_e.pdf https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=0800000280104c20 (accessed 12.09.2021).

Chowdhary Ch. Neermahal or the Water Palace is an Architectural Marvel in Tripura: You Must Visit Neermahal before the Lake on Which it is Built Vanishes Completely. *India. com.* 2019, Jan. 29. URL: https://www.india.com/travel/articles/neermahal-or-the-water-palace-is-an-architectural-marvel-in-tripura-3547344/ (accessed 12.09.2021).

Decaying Neermahal Palace in Tripura to Be Restored. India TV. 2013, Oct. 01. URL: https://www.indiatvnews.com/news/india/decaying-neermahal-palace-in-tripura-to-be-restored-28613.html (accessed 12.09.2021).

The History of 185 Kings of Tripura Kingdom. URL: https://m.facebook.com/185tripurakings/ (accessed 12.09.2021).

Sikkim to become eighth North-East Council state soon. *Times of India*. 2002, Dec. 10. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/30893311.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst___(accessed 12.09.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018030-1

Бурятская мозаика: от нерп к буузам*

Buryat Mosaic: From the Seals to the Buuz

© 2021 **Мария Семеновна Круглова**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва; mashakruglova999@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8731-7702

Maria S. KRUGLOVA

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, Department of East Asian Countries of the State Academic University of Humanities, Moscow; mashakruglova999@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8731-7702

В статье дан отчет о поездке автора в Республику Бурятия и характеристика некоторых культурных и природных достопримечательностей. Автор делает попытку выявить основные тенденции культурного развития Бурятии и поднимает проблему сохранения народом Бурятии культурной идентичности. Как на благоприятный фактор сохранения культурной идентичности указывается на устойчивость национальной культуры коренного населения Бурятии, что можно проследить как на примерах из повседневного быта, в частности невосприимчивости населения к крупным сетям фастфуда, так и на внимании представителей бурятского народа к сохранению духовных традиций, внимание к которым красной нитью проходит через быт современных бурят. Однако ситуация демонстрирует и ряд негативных факторов. Главный из них — отток молодого населения в другие субъекты Российской Федерации. Так, согласно данным Бурятстата, естественный прирост населе-

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within a state assignment (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”) and prepared in the State Academic University for the Humanities (GAUGN).

ния в 2020 г. не смог компенсировать объемы отрицательной миграции. Автор приходит к выводу, что описанная ситуация, к сожалению, не уникальна, несмотря на стабильное экономическое развитие региона, в том числе, за счет роста экспорта.

Ключевые слова: Бурятия, байкальская нерпа, национальная идентичность, Байкал, буузы

Для цитирования: Круглова М. С. Бурятская мозаика: от нерп к буузам. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3-4. С. 230–241. DOI 10.18254/S268684310018030-1

The article describes about the author's scientific and tourist trip to the Republic of Buryatia, some cultural and natural attractions. An attempt is made to identify the main trends in the cultural development of Buryatia. The problem of preserving cultural identity by the people of Buryatia is raised. As a favorable factor in the preservation of cultural identity, the peculiar cultural stability of the national culture of the indigenous population of Buryatia is indicated, which can be traced both by examples from everyday life, in particular the immunity of the population to large fast-food chains, and the attention of representatives of the Buryat people to the preservation of spiritual traditions, attention to which runs through the life of modern Buryats. However, there are also negative factors. The main one is the migration of young population to other subjects of the Russian Federation. Thus natural population growth in 2020 could not compensate negative effects of migration. Despite the stable economic development of the region, including due to the growth of exports, this situation, unfortunately, is not unique.

Keywords: Buryatia, Baikal seal, national identity, Baikal, buuz

For citation: Kruglova Maria S. Buryat Mosaic: From the Seals to the Buuz. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 230–241. DOI 10.18254/S268684310018030-1

Введение

Республика Бурятия — самобытный и во многом не похожий на другие регион России. Собираясь туда в путешествие, спрашиваешь себя, что может удивить востоковеда: буддийский монастырь с нетленным ламой, «рериховские» пейзажи Байкала, нерпы на Ушканьих островах или же традиционная бурятская кухня, пригодная не для каждого желудка? Все перечисленное по отдельности, возможно, не удивляет, ибо все эти объекты являются известными всем основными культурными визитными карточками Бурятии. Но, как известно: «дьявол находится в деталях». Каждый путешественник обнаруживает что-то свое в природе и культуре этого региона — как в духовной, так и в материальной. Порой и сам не ожидаешь, что именно западет в душу, какой стороной повернется к тебе, казалось бы, самое известное культурное явление вроде обычного пейзажа или какой бочок подставит тебе нерпа, нежащаяся на камне в лучах утреннего солнца после шторма.

Статья задумана как своего рода паззл, составленный из самых ярких впечатлений автора от путешествия по Республике Бурятия и Байкалу в августе 2020 г. Задачей публикации является рассмотрение некоторых культурных явлений Республики Бурятии с целью ответить на вопрос, на сколько сильными остаются традиции в республике и удается ли бурятам сохранить свою идентичность, пусть даже поверхностно. Автор не ставит перед собой задачу полноценного исследования культуры и истории бурятского народа[1], а скорее, преследует цель выявить особенности культурного региона, которые составляют образ Бурятии для среднестатистического туриста[2]. Материалами для работы послужили наблюдения, фотографии и беседы с представителями местного населения, проведенные автором и его спутниками во время путешествия.

1 Подробнее об истории Бурятии см. [История Бурятии, 2011; Богданов, 2014].
2 Подробнее о культуре бурят см.: [Буряты, 2004].

Илл. 1. **Река Хаим**

Впечатления от Бурятии можно поделить на две группы: ожидаемые и неожиданные. В статье будут отражены особенности некоторых культурных и природных явлений, подмеченные автором в путешествии.

В первой части пойдет речь о путешествии по Байкалу, во второй о достопримечательностях Улан-Удэ и его окрестностей, а в третьей автор и читатели попробуют определить действительно ли бууза является ключом к сохранению бурятами неповторимой культуры.

Байкал великий и многоликий

Наш путь лежал от Улан-Удэ по Баргузинскому тракту до села Максимиха, где мы предполагали провести пару недель на берегу Байкала. Первым ярким и очень необычным впечатлением стали окрестности реки Хаим (*Илл. 1*)[3]. Сразу возникает вопрос, как река: текущая в Сибири, неподалеку от Байкальских берегов, может иметь еврейской название? Даже сейчас в Сибири и Забайкалье многие места носят имена первых поселенцев. Так и на этой реке в XVIII веке поселился с семьей еврей Хаим, привлеченный чистой водой, богатыми охотничьими угодьями и ягодными местами. Сейчас в реке, по словам местных рыбаков, водятся таймени, хариус, окунь.

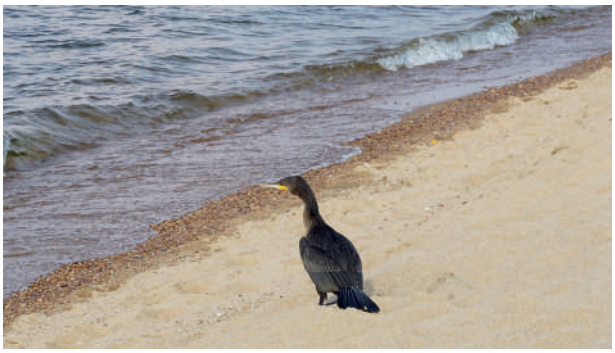
По рассказам местных жителей, Хаим прожил на берегу «своей» реки много лет, а после него на ее берегах сменилось несколько поколений этой семьи. В XIX веке жандармы жестоко расправились с ними за то, что молодежь, хорошо знавшая лесные тропы, показывала дорогу беглым каторжникам. Историю до сих пор помнят и рассказывают туристам.

Любят местные рассказывать и историю о несчастной любви местных Ромео и Джульетты — еврейской девушки и русского юноши.

Добравшись до места, мы, разумеется сразу решили искупаться в Байкале. Вода в конце августа в той части Байкала прогревается градусов до 17–18, и несмотря на то что местные утверждают, что если не желать Байкалу зла, он тебя не заморозит, а наоборот, вылечит, не каждый решится залезть в холодную воду. Селу Максимиха повезло с расположением. От бурных вод Байкала его защищает находящийся напротив полуостров Святой Нос. Здесь одно из немногих мест на Байкале, где есть песчаный пляж и комфортная для купания спокойная вода (*Илл. 2, 3*). Пейзажи поражают. **Впервые оказавшись здесь, не можешь поверить, что это**

3 Здесь и далее все фото © автора.

Илл. 2, 3. **Берег о. Байкал, пляжи села Максимиха**



Илл. 4, 5. **Ручной баклан, прикормленный местным рыбаком, село Максимиха**

Илл. 6. **Рыбаки Священного Байкала в погоне за пополнением омулевой бочки, село Максимиха**

берег Байкала, а не модный курорт на берегу Средиземного моря.

Местные утверждают, что Байкал обладает свойством забирать у тех, кто приходит к нему с добром, все плохое. Если же твоя основная цель — нажива, добра от Байкала не жди.

Бесконечно умиляет живность, обитающая в окрестностях Максимихи: отдыхающим здесь туристам (а сюда приезжают со всех уголков земли), приходится делить с ней пляж. На берегу Байкала гнездится огромное количество разнообразных птиц. Чаще всего сталкиваешься с чайками и бакланами. По рассказам местных, бакланы здесь появились совсем недавно (*Илл. 4, 5, 6*). **Маленькое семейство бакланов привез местный предприниматель из Китая, и теперь они расплодились так, что угрожают байкальской популяции омуля.** Однако через пару дней пребывания в Максимихе мы поняли, что по мнению местных популяции омуля угрожают все — бакланы, чайки, нерпы, люди и неизвестные силы природы, а сама популяция омуля действительно постоянно снижается. Эта ситуация не мешает тем же самым местным, озабоченным наполнением омулевой бочки, добывать эту драгоценную рыбу под покровом ночи и продавать туристам и дачникам. Для местных рыбаков это серьезная статья летнего дохода.

Любопытный разговор состоялся у нас с местными бурятскими бабушками. Мы фотографировали коров, отличающихся особой породой, которую не встретишь в Подмосковье (*Илл. 7, 8*). Прогуливавшиеся по берегу бурятки остановились и заулыбались, глядя в нашу сторону, а затем подошли и поинтересовались не из Москвы ли мы, мы ответили утвердительно, и, в свою очередь, поинтересовались, как они нас опознали. Женщины ответили, что москвичи живых коров не видят и, встретившись с ними впервые, начинают их фотографировать, как дикари. Пришлось нам оправдываться, что мы не дикие столичные жители, а просто в подмосковных деревнях и на фермах живут совершенно другие коровы, не похожие на бурятских. Уж и непонятно, поверили ли бурятки, но, пожелав нам доброго дня, они все же пошли по своим делам дальше, продолжая хихикать и оглядываться.

Расспросив местных, мы выяснили, что фермеры, чьи коровы так по-царски расположились на байкальских берегах, очень тщательно блюдут породную чистоту местных буренок, стараясь сохранить популяцию в первоначальном виде.

Следующим впечатлением было **путешествие на Ушканьи острова в гости к байкальской нерпе** (*Илл. 9*).

Самым ярким впечатлением были, наверное, не сами нерпы, а те, кто защищает их и бурятского соболя от браконьеров и зевак, — на *Илл. 10.* можно при желании разглядеть головы этих людей. Фотографировать их было, конечно же, нельзя. Да и не захочется фотографировать до зубов вооруженного мужчину под два метра ростом, способного при подозрении на малейшую угрозу своим пушистым подопечным стрелять без предупреждения.

На защиту бурятского соболя брошено много сил. Забайкальский заповедник, к которому относятся Ушканьи острова оборудован самыми продвинутыми средствами связи, системами видеонаблюдения и инфракрасными датчиками. Проникнуть на территорию заповедника в обход системы безопасности невозможно. Местные любят рассказывать, что во время Великой отечественной войны бурятские охотники были лучшими стрелками. Не удивительно, ведь чтобы подстрелить соболя и не повредить столь ценный мех, было необходимо попасть зверьку в глаз.

В Бурятии до сих пор сильны традиции шаманских верований[4]. Повсюду, особенно на дороге можно встретить столбы, обвязанные разноцветными лентами. **Бариса** — это специальное место, где производятся подношения духам. Обычно бариса находится возле дороги, где устанавливается каменный или деревянный столб ***сэргэ*** (*Илл. 11*). **Традиция ве-**

4 Подробнее о шаманизме в Бурятии см. [Буряты, 2004; Михайлов, 1980; Михаловский, 1892].

Илл. 7, 8. **Модельные коровы на берегу о. Байкал , село Максимиха**

Илл. 9. **Байкальская нерпа, Ушканьи острова**

Илл. 10. **Проход к лежбищу байкальской нерпы, Ушканьи острова**

Илл. 11. **Священный столб сэргэ, село Максимиха**

Илл. 12. **Улан-Удэ, вид с Лысой горы**

лит, чтобы каждый проходящий мимо путник подошел и капнул на столб что-нибудь горячительное.

Уезжая с берега Байкала, начинаешь осознавать, что ты покидаешь маленькую вселенную, где время остановилось. Атмосфера самого озера и текущей на его берегах жизни заставляет забыть о том, что существует внешний мир со всей его суетой и заботами. Местные — и русские, и буряты — всячески стараются отгородить этот мир от влияния внешнего мира, сохранить его для потомков.

К сожалению, не все получается так, как хочется. В нетронутые леса вторглась деревообрабатывающая промышленность, которая ускоренными темпами уничтожает лесной покров берегов Великого озера, используемого как источник воды и рыбы. Конечно, местные власти стараются регулировать ситуацию, но не всегда вовремя и продуманно.

Улан-Удэ и окрестности

Следующим местом нашего путешествия стала столица Республики Бурятия — город Улан-Удэ. Улан-Удэ не похож на город в привычном представлении: он больше напоминает кочевья, раскинувшиеся по берегам реки Селенги. Создается впечатление, что в любой момент этот почти игрушечный город можно сложить, погрузить на лошадей и увезти в другое место, как раньше и поступали со своими жилищами кочевники, традиционно проживавшие на этих территориях. Особенно красив Улан-Удэ на закате (*Илл. 12*).

Каждый, кто попадает в Бурятию, должен обязательно **посетить Иволгинский дацан и «навестить» известного нетленного ламу Даши-Доржо Итигэлова**[5], чтобы поклониться ему и задать вопрос, на который он даст ответ, если вы пришли с чистыми побуждениями. Со мной так

5 См. о нем, например: Моисеенко А. Нетленный лама: он и сейчас живее всех мертвых. *Комсомольская правда.* URL: https://www.kp.ru/daily/24148/364980/19.08.2008 (accessed 16.11.2021).

Илл. 13. **Замок нетленного ламы Итигэлова, Иволгинский дацан**

Илл. 14. **Неотцепляемый котенок из дворца ламы Итигэлова**

и произошло. Возможно, это совпадение, но заходя во дворец ламы (*Илл. 13*), я задала вопрос, стоит ли мне вернуть себе кошку, отданную некоторое время назад заводчице.

Зайдя во дворец, я получила ответ: откуда ни возьмись появился маленький котенок, который запрыгнул на меня, и держался так крепко, что отцепить его было невозможно (*Илл. 14*). Я расценила это как знак и, вернувшись в Москву, забрала назад свою кошку.

Еще одним ярким впечатлением нашего путешествия стала Стоянка Гэсэра на Шаманских горах. Стоянка расположена на высоком скалистом берегу реки Селенги перед мостом через реку. Это место с древних времен считается сакральным; у подножия горы до строительства автодороги сохранялись **петроглифы с изображением оленя, несущего на рогах солнце**. Комплекс состоит из оленного камня, камня с древней символикой и надписью, из столбов-коновязей и беседки Гэсэра. По легенде, **в этом месте Гэсэр-хан некогда привязывал своих небесных коней и отдыхал перед дальней дорогой**. С горы открывается широкая панорама долины реки Селенги и города Улан-Удэ. На обрыве установлена скульптурная композиция, изображающая двух оленей (*Илл. 15*).

От стоянки по левому берегу Селенги раскинулась местность Тологой. Высокие отвесные скалы, горные тропы и дороги давно привлекли внимание спортсменов — альпинистов и с недавних пор маунтин-байкеров. На протяжение десяти лет здесь проводятся соревнования по технике горного туризма и альпинизма, с прошлого года посвященные памяти известного в Бурятии альпиниста и общественного деятеля, Президента федерации спортивного туризма и альпинизма Бурятии Сергея Балданова, трагически погибшего при восхождении на пик Победы в Киргизии.

Думаете, вас уже невозможно удивить очередным памятником Ленину? Ошибаетесь. Памятник Ленину в бурятской столице останется в памяти на всю жизнь: это самая большая монументальная голова Ленина в мире (ее вес превышает 42 тонны). Высота скульптуры 7,7 метра, вместе с пьедесталом она достигает 14 метров (*Илл. 16*).

Илл. 15. **Скульптурная композиция на Шаманских горах**

Илл. 16. **Памятник В. И. Ленину в Улан-Удэ**

Основной проблемой Улан-Удэ и Республики Бурятия в целом остается не вполне стабильное экономическое положение. Несмотря на развивающуюся промышленность, как легкую, так и тяжелую, и соответственно, на создание новых рабочих мест, отток молодого населения из Бурятии с каждым годом усиливается. Жить в Бурятии стало «немодно».

Бууза — съедобное сердце Бурятии

Как пишет автор посвященной бурятской культуре статьи на популярном ресурсе *Arzamas*, бууза — настоящий символ Бурятии, и не только гастрономический. Буузы в Бурятии можно встретить абсолютно везде: в искусстве, в сувенирной продукции, в названии инстаграма бурятской «миллионницы» Вики Бузы и в кинематографе[6] (*Илл. 18, 19*).

Есть легенды, объясняющие форму и особенности приготовления бууз. По одной из них форма бууз означает склонение монгольских племен перед буддизмом, поэтому защипов должно быть 33, как складок на одеянии ламы. Столь гармоничное сплетение духовной и материальной культур весьма символично (см. *Илл. 17*)[7]. По второй легенде буузы придумали как аналогию формы юрты, через отверстие в крыше которой обеспечивается особая циркуляция воздуха. В буузах тоже есть отверстие, позволяющее выходить пару.

Блюда, подобные буузам, известны во всей Азии от Кавказа до Японии, но в Бурятии буузы затмили все исконные блюда кочевой культуры. Предположительно слово «бууза» («поза») происходит от китайского слова 包子 (*баоцзы*), где им называют приготовленную на пару пампушку из дрожжевого теста с мясной и/или овощной начинкой. В отличие от *баоцзы* в буузах в качестве начинки используется только мелко нарубленное мясо, завернутое в пресное бездрожжевое тесто. Едят позы следующим образом: надкусывают тесто сбоку, выпивают мясной сок через полученное таким образом отверстие, а затем съедают мясо с тестом. Блюдо очень сытное и относительно недорогое: одна бууза в Бурятии стоит 35–45 рублей.

Буузы невероятно популярны не только как объект гастрономического туризма, но и как обычная еда местного населения. В беседе с одним вполне состоятельным бурятом выяснилось, почему в Бурятии не приживаются сетевые рестораны общественного питания типа *McDonalds*: просто в кафе с традиционной кух-

6 Иванов В., Жамсоев А. 11 слов, помогающих понять бурятскую культуру. *Академия Арзамас.* URL: https://arzamas.academy/mag/875-buryat (accessed 14.11.2021).

7 Российские туроператоры рассказали, чем удивит туристов зимний Байкал. *Байкал-медиа.* URL: https://www.baikal-media.ru/news/baikal/372017/ (accessed 14.11.2021).

Илл. 17. **Клумба в виде лотоса-буузы**
Лысая гора, дацан Ринпоче Багша

Илл. 18. **Подставка для благовоний в виде буузы, приобретенная автором в Иволгинском дацане**

Илл. 19. **Конфеты с кедровыми орехами в виде бууз**

ней можно пообедать полноценно и недорого. Первое блюдо, пять бууз, салат и чай с молоком обойдутся вам всего в 200–250 рублей. Еда всегда свежая, буузы никогда не залеживаются. Понятно, почему ни один сетевой ресторан не сможет конкурировать с местными кафе: буузы противостоят глобализации.

В дни празднования Сагаалгана (Белого месяца) проходит фестиваль «Буузын баяр», на центральной площади располагаются по кругу несколько юрт и устраиваются настоящие кулинарные поединки по поеданию бууз[8], а недавно в Бурятии слепили мини-буузу, размер которой составил всего три миллиметра. Слепить самое маленькое национальное бурятское блюдо смогла шеф-повар одного из кафе Улан-Удэ в рамках «Шоу побратимов буузы» [9].

Таким образом, бууза действительно представляется одним из главных хранителей традиции и культуры бурят. Связь этого незаменимого блюда с буддизмом позволяет также говорить о буузе как о связующем элементе между духовной и материальной культурами Бурятии.

Заключение

Основной вопрос, который автор задавала себе, путешествуя по берегам Байкала и по самой Бурятии, состоял в том, насколько удается бурятам сохранять идентичность, «бурятскость». Наблюдения приводят к неоднозначным выводам. С одной стороны, традиционная кухня бурят, рецепты которой передаются из поколения в поколение, присутствующая во всех — даже самых модных и фешенебельных —ресторанах, не заменяемая предприятиями быстрого питания типа МакДоналдс, представляет собой основного проводника бурятской культуры в будущее. Развитие туризма способствует сохранению культурных объектов и созданию новых. Однако естественные процессы, вроде активной миграции молодого населения в другие регионы, заставляют задуматься о том, останется ли кто-то, чтобы сохранять культуру для следующих поколений. Несмотря на то, что в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах России постепенно открываются все новые бурятские рестораны и центры бурятской медицины, а по всей стране ведется популяризация бурятской культуры, на наш взгляд культуру Бурятии можно сохранить в полном объеме только в самой Бурятии, а для этого необходимо развивать регион не только культурно, но и экономически, создавать условия, чтобы молодежь не уезжала в экономически более привлекательные районы в поисках лучшей жизни.

Список литературы / References

Богданов М. Н. *Очерки истории бурят-монгольского народа*. 3-е изд. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. — 304 с. [Bogdanov M. N. *Essays on the History of the Buryat-Mongolian People*. 3rd ed. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2014. — 304 p. (in Russian)].

Буряты. Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. — 633 с [*Buryats*. Ed. by L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya; Institute of Ethnology and Anthropology named after H. H. Miklukho-Maklay. Moscow: Nauka, 2004. — 633 p. (in Russian)].

История Бурятии: в 3 т. Отв. ред. Базаров Б. В. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3: XX–XXI вв. — 461, [2] с. [*The History of Buryatia*. 3 vols. Ed. B. V. Bazarov. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 2011. Vol. 3: 20th–21st Centuries. — 461, [2] p. (in Russian)].

Михайлов Т. М. *Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.)*. Новосибирск: Наука, 1980. — 320 с. [Mikhailov T. M.

8 Фестиваль национальных традиций «Буузын Баяр» — «Праздник Буузы». *Визит Бурятия.* URL: http://www.visitburyatia.ru/holidays/item-1636/ (accessed 14.11.2021).

9 Три миллиметра: В Бурятии слепили самую маленькую буузу. *Восток Телеинформ.* URL: https://vtinform.com/news/138/128253/ (accessed 14.11.2021).

From the History of Buryat Shamanism (From Ancient Times to the 13th Century). Novosibirsk: Nauka, 1980. — 320 p. (in Russian)].

Михайловский В. М. *Шаманство (Сравнительно-этнографические очерки)*. Вып. 1. М.: Стереотип 1892. — 115 [1] с. [Mikhailovsky V. M. Shamanism. (Comparative ethnographic essays). Issue 1. Moscow: Stereotype 1892. — 115 [1] p. (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Иванов В., Жамсоев А. 11 слов, помогающих понять бурятскую культуру. *Академия Арзамас* [Ivanov V., Zhamsoev A. Eleven Words to Understand Buriat Culture. *Arzamas Academy*] URL: https://arzamas.academy/mag/875-buryat (accessed 14.11.2021).

Моисеенко А. Нетленный лама: он и сейчас живее всех мертвых. *Комсомольская правда* [Moiseenko A. The The Imperishable Lama: He Is Still More Alive than All the Dead. *Komsomolskaya Pravda*]. URL: https://www.kp.ru/daily/24148/364980/19.08.2008 (accessed 16.11.2021).

Российские туроператоры рассказали, чем удивит туристов зимний Байкал. *Байкал-медиа* [Russian Tour Operators Told How Winter Baikal Will Surprise Tourists. *Baikal-Media*]. URL: https://www.baikal-media.ru/news/baikal/372017/ (accessed 14.11.2021).

Три миллиметра: В Бурятии слепили самую маленькую буузу. *Восток Телеинформ* [Three Millimeters: The Smallest buuza Was Made in Buryatia. *Vostok Teleinform*] URL: https://vtinform.com/news/138/128253/ (accessed 14.11.2021).

Фестиваль национальных традиций «Буузын Баяр» — «Праздник Буузы». *Визит Бурятия* [Festival of National Traditions “Buuzyn Bayar” — “Buuza Fest”. *Visit Buryatia*]. URL: http://www.visitburyatia.ru/holidays/item-1636/ (accessed 14.11.2021).

DOI: 10.18254/S268684310018020-0

«Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института Востоковедения РАН (1956–1977 гг.)

"He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild": On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977)

© 2021 **Александр Иванович Яковлев**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, факультет мировой политики МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
aliv_yak@mail.ru; ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor: St. Tikhon's Orthodox University, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia; aliv_yak@mail.ru
ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Статья посвящена памяти директора Института востоковедения Российской академии наук (РАН), академика Бободжана Гафуровича Гафурова (1956–1977 гг.), его работе и деятельности Института востоковедения в 1969–1970-е годы. Автор делится воспоминаниями о Бободжане Гафуровиче и о коллективе востоковедов тех лет, тем самым воссоздавая атмосферу будней Института в конце 60-х годов. Статья раскрывает не только профессионализм директора Института востоковедения и его вклад в развитие советского востоковедения, но и личность Б. Г. Гафурова — человека сильного и влиятельного, но при этом неравнодушного и обладавшего отличным

чувством юмора. Бободжан Гафурович, доктор исторических наук и первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Таджикистана в 1946–1956 гг., был назначен на пост директора Института востоковедения РАН ввиду резко возросшей значимости Востока для партии и интереса Б. Г. Гафурова к научным исследованиям. Партийный деятель и ученый, Б. Г. Гафуров обладал дипломатическими способностями и глубоким пониманием специфики Востока. Внеся неоценимый вклад в сохранение востоковедения как важнейшей гуманитарной дисциплины, Гафуров поддерживал свободу научной дискуссии среди востоковедов, насколько это было в то время возможно.

Ключевые слова: Б. Г. Гафуров, Институт востоковедения РАН, Академия наук, М. В. Келдыш, история востоковедения, история науки

Для цитирования: Яковлев А. И. «Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института Востоковедения РАН (1956–1977 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 242–256. DOI 10.18254/S268684310018020-0

The article focuses on the memoir of the Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, academician Bobodzhan G. Gafurov (1956–1977), his work, and the activities of the Institute of Oriental Studies in 1969–1970s. The author shares his memories of Bobodzhan Gafurov and the orientalists' team of those years, thereby recreating the atmosphere of the Institute's everyday life at the end of the 60s. The article reveals not only the professionalism of the director of the Institute of Oriental Studies and his contribution to the development of Soviet Oriental studies but also the personality of B. G. Gafurov: an influential and at the same time not indifferent man with an excellent sense of humor. Bobodzhan Gafurov, Doctor of Historical Sciences and First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Tajikistan in 1946–1956, was appointed to the post of director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences given the sharply increased importance of the East for the Party and his interest in scientific research. A party leader and scientist, Gafurov possessed diplomatic skills and a deep understanding of the specifics of the East. Having made an invaluable contribution to the preservation of oriental studies as a scientific discipline, Gafurov supported the freedom of scientific discussion among orientalists, as far as possible in his time.

Keywords: Bobodzhan G. Gafurov, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences, Mstislav V. Keldysh, history of Oriental Studies, history of science

For citation: Alexander I. Yakovlev. He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild": On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 242–256. DOI 10.18254/S268684310018020-0

Спустя полвека после моего прихода в Институт востоковедения (ИВ) многое забылось, но что остается незабываемым — это память о директоре Института, академике Бободжане Гафуровиче Гафурове (*Илл. 1*).

Что рассказать о нем? Случилось так, что в июле 1967 года меня взяли на работу в Институт, а в сентябре перевели в дирекцию в качестве помощника заместителей директора Романа Тимофеевича Ахрамовича и Вадима Михайловича Солнцева, и я, мальчишка, оказался рядом с Гафуровым. Без малого десять лет я приходил по утрам, стараясь не опаздывать, в Армянский переулок, дом 2. Гафурова видел каждый рабочий день, а иногда и в выходные дни, но то была обычная рабочая текучка: телефонные звонки, посетители, бумаги.

Случались примечательные события в жизни Института, а иногда мы разговаривали не о де-

Илл. 1. **Бободжан Гафурович Гафуров, директор Института востоковедения РАН (1956–1977 гг.)**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

лах… Иногда — потому что я естественно робел и не решался спросить о том, что казалось тогда интересным, например, о его встречах со Сталиным.

Сейчас я думаю, что правильнее рассказывать о Чифе, как я называл его за глаза, одновременно с рассказом об Институте. Бободжан Гафурович не был формальным директором. Он в самом деле создал Институт в новом качестве, то было его детище, и созданная им атмосфера патриархальной общности во многом определяла жизнь сотрудников.

Армянский переулок, дом 2

Армянский переулок был столь же интересной частью старой Москвы, как Пречистенка или Арбат. Там в середине XVIII в. поселился переехавший из Персии богатый и знатный армянин Л. Н. Лазарев, возведенный Екатериной II в дворянское звание. Предприимчивый Лазарев с братьями и сыновьями покупал подмосковные деревни и устраивал там фабрики. Семья разбогатела. И. Л. Лазарев завещал брату построить училище для детей бедных армян [*Институт востоковедения — прошлое и настоящее*, 2018, с. 16–22]. Так, из идеи училища в 1815 году родился знаменитый **Лазаревский институт** (с 1848 г. — высшее учебное заведение Лазаревский институт восточных языков), для которого в 1817–1823 гг. было выстроено большое новое здание с двумя флигелями по проекту крепостных архитекторов Т. Г. Простакова и И. М. Подъячева. Здание института, приподнятое высоким цоколем, эффектно поставлено в глубине двора, окаймленного со стороны переулка красивой оградой с монументальными воротами. Великолепный шестиколонный портик выразительно оформляет центр здания. В 1982 году в саду за домом был установлен обелиск в память братьев Лазеревых, а в 1915 — в связи со столетним юбилеем Лазаревского института он был перенесен и поставлен перед фасадом здания (*Илл. 2*).

Институт востоковедения прожил по адресу «Армянский переулок, дом 2» более двадцати лет — с середины 1953 до середины 1977 года. При этом весь левый флигель занимало Постоянное представительство Армянской ССР, а первый этаж правого флигеля — Издательство восточной литературы.

Илл. 2. **Лазаревский институт (фото 1880–1914 гг.), вид на садовый фасад (фото 1933 г.) и обелиск в честь основателей Лазаревского института в саду усадьбы (фото 1911 г.)**
По: https://bogachkova1957.livejournal.com/44878.html (accessed 12.11.2021)

Поднявшись по высокой лестнице и обогнув колонны, мы попадали в обширный холл. Справа располагался гардероб, где десятки лет работали всем знакомые гардеробщицы Ульяна Александровна и нестареющая Галя — свои люди, готовые и услужить, пришив оторвавшуюся пуговицу или подав вешалку, и утешить, и сказать, кто уже пришел. Слева находились канцелярия, где царила суровая и неприступная для простых сотрудников Екатерина Александровна, и Сектор международных связей с тихим и очень внимательным заведующим Виталием Терентьевичем Веселовым. Сюда обращались по необходимости: для приема иностранцев и любого контакта с ними (для этого требовалась санкция начальства). А дальше по коридору находилось замечательное место — буфет, открытый с полудня и до вечера, но особенно заполненный в середине дня. Напротив буфета — институтское машбюро, неизвестное нынешнему молодому поколению *машинописное бюро*, в котором шесть машинисток на пишущих машинках печатали и перепечатывали всю научную продукцию ИВ. Здесь всегда стоял стрекот машинок. Впрочем, машинистка работала в каждом отделе института.

Но если свернуть направо и пойти по узкому коридору, то налево были двери актового зала, роскошного зала, разделенного узкими колоннами на две части, где, наверное, ранее проходили замечательные балы и маскарады. За ним располагались ученый секретариат, партком и профком, куда часто заглядывали с вопросами о путевках в санаторий или о готовящихся экскурсиях. Путевок и мест на экскурсии было мало, важно было не упустить момент. Направо была одна дверь — зал ученых советов с небольшим предбанником. Когда Гафуров стал директором, поначалу этот зал выполнял роль его кабинетов. Позднее заместитель директора по хозяйственной части, энергичный Аршак Христофорович Баратов выселил часть жильцов со второго этажа правого флигеля, и там были устроены достойный кабинет Гафурова, большая приемная и кабинеты двух заместителей директора.

В дирекции царил главный и единственный помощник Гафурова — **Иван Антонович Скрыль**. Среднего роста, с неприметным лицом и заметной лысиной, всегда в сером костюме с серой полоской галстука, неизменно в белой отглаженной рубашке, он одинаково сдержанно-приветливо встречал каждого, кто открывал дверь в дирекцию. Удивляло его твердое, едва ли не стальное рукопожатие. Для каждого он находил какие-то вопросы, рассказы, но одних сразу пропускал в заветную, обитую дерматином дверь, других — после высиживания, а третьих заставлял слушать себя и ласково провожал к выходу из приемной. Там я и проводил весь рабочий день.

На второй этаж вела узкая лестница, спускавшаяся и ниже, в подвал, где долго обитали несколько старых семей и постоянный комендант здания Борис Иванович, переживший в Институте все революции и войны. Оттуда наверх доносились запахи щей, жареных котлет или рыбы, и невольно тянуло в буфет.

На втором этаже налево от дирекции в закутке располагались касса, куда каждые две недели выстраивались длинные очереди сотрудников, а наискосок от дирекции находился **мемориальный кабинет академика Б. Г. Гордлевского**, уставленный высокими книжными шкафами, куда надо было спускаться на несколько ступенек. За кабинетами дирекции находились Отдел Юго-Восточной Азии, откуда постоянно доносились голоса: то обсуждали проблемы Индонезии, то молодые и веселые сотрудники отмечали чей-то день рождения или защиту диссертации. Рядом располагался сектор Технико-экономических исследований, где работали отставные военные во главе с генерал-майором Савченко. И дверь постоянно была на запоре. Далее просторно помещались библиотека с залом картотеки, двумя читальными залами и кабинетом заведующего Александра Исааковича Бендика.

Большая часть отделов находилась на третьем этаже (или втором этаже центральной части здания). Отдел кадров, а за ним по правую руку — Отдел арабских стран, Отдел литератур, Отдел языков. Чуть выше на несколько ступенек — читальный зал спецхрана, где после получения специального разрешения от заместителя директора сотрудники могли читать *Times*, *Newsweek* и некоторые **книги на английском и иных языках, отмеченные цензурной «гайкой»** — шестигранником, означающим помету «литература для специального хранения». Напротив читального зала располагались отделы Индии и Пакистана, отдел Японии, отдел аспирантуры с насмешливым Михаилом Павловичем Барановым, отдел информации, в котором заведующим был генерал-лейтенант в отставке, тихий и спокойный Артак Арменакович Вартанян, но рядом с ним шумел его заместитель, капитан первого ранга в отставке Николай Николаевич Мильграм. Рядом, в маленьком кабинете умещались заведующий Отделом международных проблем, большой и важный Григорий Львович Бондаревский и его заместитель, добрый старик Борис Моисеевич Данциг. Перед отделом поставили стол для настольного тенниса, пинг-понга, как тогда говорили, и в обеденный перерыв здесь было шумно. Заядлым игроком был завкадрами Александр Иванович Кошкин, которому некоторые молодые сотрудники на всякий случай проигрывали. Да, еще там находились Отдел Среднего Востока, Отдел соцстран Азии и Сектор конъюнктуры, вскоре преобразованный в Отдел экономики.

Там мы работали в 1960–1970-е годы, там проходила наша жизнь в три присутственных для научных сотрудников дня, с 10.00 до 18.00. Правда, в 1967 году директор ввел начало рабочего дня с 9.00, чтобы дать побольше времени для личной жизни работников Института. Но это оказалось нарушением норм Моссовета, и спустя несколько месяцев нас вернули в прежний график.

«Большой человек»: партийный деятель, ученый, директор Института

Понадобилось немало времени, для того чтобы я смог разобраться и понять характер и масштабы научной деятельности в Институте. Но с директором даже в мои 17 лет все было проще и яснее: он был *большой человек*.

Едва ли не в первые дни пребывания в дирекции мне на глаза попала фотография первой страницы газеты *Canberra Times* **с большой статьей "Russian Spy in Canberra" и фотографией Гафурова.** Там же приводилась информация о пресс-конференции, которую провел Гафуров в день своего прилета в Австралию. Он сказал, что «**для шпиона я слишком большой человек. А для того чтобы создать за три дня компартию Австралии — слишком маленький**». Вот тут-то я и понял, кто сидит за дверью с тамбуром, и вызывает звонком Ивана Антоновича, в его отсутствие которого я входил в кабинет директора.

Кабинет был просторный и уютный. Налево, перед окнами — большой диван, у стены — высокий книжный шкаф, направо — письменный стол с приставным столиком и двумя мягкими креслами. Стол был всегда завален кипами бумаг, стопками книг, верстками статей. Бободжан Га-

Илл.3. **Б. Г. Гафуров на конференции «Центральная Азия» 1972 г., Ашхабад**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

фурович, как правило, сидел за столом не в пиджаке, а в теплом пуловере, долго носил фиолетовую шерстяную кофту. Налево от него — всегда закрытый стенной шкаф, направо — покрытый зеленой материей столик с тремя телефонами, один из которых был «вертушкой», кремлевским телефоном АТС-1. В углу — громада коричневого сейфа. Что меня сначала удивило, в кабинете всегда было очень жарко, намного теплее, чем топили во всем здании. При этом директор всегда был в пиджаке, а чаще — в теплой кофте. Даже летом не разрешал проветривать. Я объяснил это любовью восточного человека к теплу, и лишь много позднее догадался о его болезни.

Довольно быстро я узнал то, что знали все. В 1956 году директором Института востоковедения АН СССР был назначен Бободжан Гафурович Гафуров, партийный деятель, занимавший пост первого секретаря ЦК КП Таджикистана в 1946–1956 гг., но при этом доктор исторических наук. В этом назначении совпало многое: резко возросшая с партийно-государственной точки зрения значимость Востока, энергия и научный багаж еще нестарого, 48-летнего Гафурова, проявленный им ранее интерес к научным исследованиям. Эти причины помогают понять, почему на пост руководителя крупного академического института был назначен партийный деятель, представитель одного из народов Средней Азии.

Само по себе наличие «вертушки» означало, что он входил в состав партийно-государственной элиты СССР; в телефонный справочник АТС-1 входило около 3 тыс. фамилий. Гафуров был награжден шестью высшими наградами СССР: орденами Ленина, Трудового красного знамени и Октябрьской революции. К слову, я лишь однажды видел его с наградами на пиджаке. К моему недоумению он даже не носил орденские колодки, в отличие от сотрудников-ветеранов войны.

В том, что он ученый, у меня сомнений не было. Кандидатом исторических наук он стал в июле 1941 года. Монография Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» [Гафуров, 1949] вышла в 1949 году, исправленное и дополненное 3-е издание [Гафуров, 1955], — в 1955-м, а 2 издание [Гафуров, 1952] было защищено им как докторская диссертация в 1952 году. 14 апреля 1951 года Б. Г. Гафуров был избран действительным членом АН Таджикской ССР. Членом-корреспондентом АН СССР он стал в 1958-м, академиком АН СССР — в 1968-м.

Много позднее мне стало известно об интересном примере неформального интереса партийного руководителя к востоковедению. 11 мая 1950 года первый секретарь ЦК КП Таджикистана направил письмо на имя секретаря

ЦК КПСС Г. М. Маленкова, бывшего вторым человеком в партии и также заместителем Председателя Совета министров СССР. В письме, в частности, говорилось: «Победа национально-освободительного движения в Китае с каждым днем оказывает все большее влияние на все страны Востока… Влияние революционного Китая особенно сказывается на положении в Индии и Пакистане. Нет никакого сомнения, что в ближайшее время мы будем свидетелями крупнейших событий в этих странах. Однако мы к этим событиям подготовлены очень плохо… Выпускники Института востоковедения и восточных факультетов плохо знают географию, историю, этнографию восточных стран и современное положение в них. Я считаю, что сейчас крайне необходимо предпринять целый ряд неотложных мер по исправлению создавшегося положения» [*Главы из истории московского…* 2014, с. 245].

Инициатива Гафурова вызвала к жизни обсуждение в ЦК КПСС проблемы подготовки востоковедных кадров. Дело шло неспешно и завершилось постановлением Совета министров СССР от 1 июля 1954 г. о закрытии Московского института востоковедения, и переводе студентов и преподавателей в МГИМО [*Главы из истории московского…* 2014, с. 248]. Нельзя исключить и того, что инициатива Гафурова была связана с известным узкому кругу партийно-государственного руководства СССР болезненным состоянием Сталина и резким падением его работоспособности с февраля 1950 года, что привело к росту реального влияния Маленкова, на которого многие делали ставку уже в 1950-м [Жуков, 2000, с. 544–550]. Обо всем этом можно только догадываться.

Но для догадок имелись основания. В квартире Гафурова на улице Горького (Тверской), в доме, стоящем наискосок от Моссовета, за стеклом серванта виднелась фотография Бободжана Гафуровича и Косыгина, в те годы — главы правительства СССР. На фото они сидели рядом за низким столиком и о чем-то неспешно беседовали.

Значимые визиты и важные гости

Вскоре для меня стало очевидным, что Гафуров не только ученый, но и политик крупного масштаба (*Илл. 4, 5, 6*). В своем кабинете он принимал послов восточных стран, из которых чаще бывали министр обороны Ирака Салих Махди Аммаш (1924–1883)[1] и посол Индии Дурга Прасад Дхар (1918–1975)[2]. С обоими отношения установились неформальные, это было видно по тому, как радушно встречал их директор на пороге кабинета и как провожал их после долгих разговоров за чашкой чая. Приезжали министры, а однажды Иван Антонович заставил ожидать в приемной Генерального секретаря Фронта национального освобождения (ФНО) Южного Йемена Абдель Фаттаха Исмаила, видимо, по его представлениям, слишком молодого и скромного. «Где гость?» — спросил Гафуров. «Там, сидит в приемной», — небрежно ответил Скрыль. «Да вы что!» — воскликнул директор, поспешил к двери, вышел и ласково повел арабского лидера в кабинет.

Всем запомнился приезд жены шаха Ирана, **красавицы Фарах Пехлеви**[3], было много журналистов и кинокамер, а несколько посещений Института сестрой шаха почти не привлекли внимания наших сотрудников.

Ближний Восток и Южная Азия постоянно находились в центре внимания Гафурова. Он не раз бывал в Индии, Иране и в арабских странах. Для меня особенно памятным стало его Аравийское турне в 1974 году. Годом ранее Гафуров стал уделять больше времени проблемам нефти, осенью 73-го следил за перипетиями нефтяного эмбарго арабских стран и реакцией США. Помню, я принес Бободжану Гафуровичу карту Аравийского полуострова, и **он долго с крас-**

1 Посол в СССР в 1980–1983 гг. — *Ред.*
2 Посол в СССР в 1969–1975 гг. — *Ред.*
3 См. о ней в этом же номере материал [Раванди-Фадаи, 2021]. — *Ред.*

Илл. 4. **Б. Г. Гафуров на встречах с премьер-министром Индии Индирой Ганди (1966–1977, 1980–1984) и с сестрой премьер-министра Индии Джавахарлала Неру (1947–1964) Лакшми Пандит**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

Илл. 5. **Б. Г. Гафуров на встрече с вице-премьером Бангладеш**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

Илл. 6. **Б. Г. Гафуров на встрече с главным редактором армянской биографической энциклопедии «Parseh TUĞLACIYAN», 1976 г.**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

ным карандашом в руке разглядывал пути транспортировки аравийской нефти через Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы.

Конечно, я многого не знал и не мог знать, но телефонные звонки, деловые бумаги, отправляемые по определенным адресам, справки, составляемые по указанию директора, кое о чем давали представление. Политико-разведывательная поездка Гафурова в Аравию, санкционированная на уровне Политбюро ЦК КПСС, с посещением официальных лиц в Кувейте, Южном Йемене и Саудовской Аравии стала своего рода прорывом. Ведь эта часть арабского мира была закрыта для СССР из-за недоверия монархических правителей исламских государств, а также их тесных связей с США. Сопровождавший Бободжана Гафуровича замечательный знаток арабского языка Саид Кямилев, в ту пору молодой научный сотрудник, мог бы много рассказать. **Бободжан Гафурович по приезде лишь показал мне золотые часы, полученные им после приема у короля Саудовской Аравии Фейсала.**

Наука и воздух свободы в восточном измерении

В работе директора политика непротиворечиво сочеталась с наукой. В свое время он,(видимо, не в одиночку) смог убедить президента АН СССР Мстислава Всеволодовича Келдыша отказаться от мысли разделить АН на Академию естественных наук и Академию общественных наук. Гафуров стал влиятельной фигурой в Отделении истории АН СССР. Перед выборами в Академию к нему приезжал не менее влиятельный Исаак Израилевич Минц, и они вдвоем за чашкой чая и рюмкой коньяка что-то обсуждали, мгновенно замолкая, когда я входил с каким-то вопросом.

Стоит вспомнить вклад Гафурова в сохранение востоковедения как особой научной дисциплины. На одном из Всемирных востоковедных конгрессов западные ученые заговорили о том, что пора разделить востоковедение на историю, экономику, филологию и социологию. Именно Гафуров при содействии восточных и западных коллег, чиновников ЮНЕСКО сумел переломить ход обсуждения и сохранить востоковедение как комплексную научную дисциплину (*Илл. 7, 8*).

Осенью 1968 года планировалось провести торжества по случаю 150-летия Института востоковедения, ведущего историю от Азиатского музея в Петербурге. Была издана брошюра Ашота Подвокановича Базиянца об истории Института [Базиянц, Кузнецова, Кулагина, 1969], на Монетном дворе выбиты специальные памятные значки, Министерство связи выпустило почтовый конверт с рисунком фасада Института. Готовилось торжественное заседание в Колонном зале и награждение Института орденом, а достойных сотрудников — орденами и медалями. Но в августе 1968 года советские войска вошли в Чехословакию, оборвав попытки реформирования социалистической модели развития. С публичным осуждением этих действий выступили несколько сотрудников нашего Института. Тут уж ни о каком юбилее и речи быть не могло. Директор смягчил административную реакцию, востоковедов-диссидентов осудили в дисциплинарном порядке. Брошюра об истории осталась, а значки, хранившиеся Иваном Антоновичем в потаенном месте, куда-то исчезли.

Тогда я не сознавал, что мне повезло попасть в либеральную по советским меркам среду. Сотрудники позволяли себе разные шалости: вполголоса мне рассказывали о выступлении Солженицына в 1966 году в нашем зале, а на моей памяти там устраивались выставки картин авангардистов и выступления С. С. Аверинцева.

Помню, как-то весной я пришел на работу и, поднявшись по лестнице, увидел на входной двери лист бумаги со словами «Ремонт. Вход с черного хода». Я послушно спустился и, обойдя здание Института со двора, поднялся по лестнице. Вскоре я увидел в окно, как во двор заехала «Волга» директора и обогнула клумбу с памятником братьям Лазаревым. Бободжан Гафурович вышел из машины и медленно (он был инвалидом и волочил правую ногу) поднялся по ступеням. Потом он снова спустился по ступе-

Илл. 7. **Б. Г. Гафуров и заведующий Отделом изучения культур ЮНЕСКО Н. Баммат. Москва, 1973 г.**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

Илл. 8. **Б. Г. Гафуров, директор Института востоковедения Академии наук Армянской ССР О. Г. Инджикян, заведующий Сектором изучения культур Центральной Азии ЮНЕСКО Лев Иванович Мирошников**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

ням и сел обратно в машину. Через несколько минут Гафуров зашел в кабинет и, вызвав меня, распорядился: «Саша, позовите Орехова». Николай Иванович Орехов, отставной полковник, был заместителем директора по хозяйственной части. Он был нечастым гостем в дирекции и пришел почти тотчас. В спешке он неплотно прикрыл дверь, и я услышал повышенный голос директора (а он редко повышал голос):

— Почему у вас в присутственный день ремонт? Что это вы придумали?

— Да нет никакого ремонта, Бободжан Гафурович, — растерянно отвечал Орехов.

— А почему тогда объявление висит, что вход с черного хода?

— Какое объявление?

— Пойдите и посмотрите!

Потом выяснилось, что это 1 апреля решил пошутить Петр Михайлович Шаститко[4].

В ИВ проводились научные конференции и дискуссии, иногда с привлечением сотрудников других академических и учебных заведений. Обсуждались проблемы деколонизации и выбора пути странами Востока, движущие силы национально-освободительной борьбы народов Ближнего Востока, развитие государственного капитализма в экономически слаборазвитых странах Востока и другие. «Правда, обсуждение некоторых вопросов на Ученом совете Института носило иногда схоластический характер, — отмечали историки ИВ, — доклады изобиловали длинными цитатами, в них подчас отсутствовали собственные выводы и соображения; и не только на докладах, но даже на выборе повесток заседаний сказывалось еще обусловленное культом личности влияние» [Базиянц, Кузнецова, Кулагина, 1969, с. 105]. На моей памяти ситуация менялась: твердокаменные сталинцы держали оборону. В Институте работали, как я сейчас понимаю, молодые люди, закончившие исторический факультет МГУ или МГИМО после 1956 года, свободные от пропагандистских штампов. Они не жонглировали цитатами из Маркса, Энгельса и Ленина, но заново вдумывались в смысл произведений классиков марксизма. Новое поколение еще работало в марксистской парадигме, но мыслило не схоластически, а творчески. В ходе обсуждений они острее и смелее выдвигали и доказывали самостоятельные точки зрения по вопросам политического развития в странах Востока, их экономического развития и отношений со странами Запада, по проблемам идейной борьбы в восточных обществах. И в этих исследованиях их поддерживал директор.

Академическая жизнь виделась идиллией лишь со стороны. В советской системе контроль за научными учреждениями, в частности, за Институтом востоковедения осуществляли Отдел науки ЦК КПСС и Международный отдел ЦК КПСС. Зав. Отделом науки Трапезников и замзав. Международным отделом Ульяновский недолюбливали Гафурова и придирчиво относились к деятельности Института. Авторитет и широкие связи Бободжана Гафуровича, наряду с дипломатическими талантами и знанием механизма партийно-административной машины, в немалой степени способствовали возникновению **особого статуса для востоковедения**, он создал для Института некий «защитный барьер».

Поэтому, в отличие от советских исследователей западных стран или России-СССР, востоковеды оказались в более свободных условиях, им больше позволялось: «специфика Востока!». Появлялись статьи и книги о госкапитализме как положительном явлении на Востоке, о неприменимости советской модели аграрных преобразований на Востоке, о неоднозначности роли буржуазии или идеологии национализма в современном развитии восточных стран. Конечно, не хватало информации, крайне ограничены были поездки в страны Востока, но живой интерес к делу многое преодолевал. Начиналось формирование нового востоковедения.

Одним из примеров этого стали **работы Нодари Александровича Симония**. Защита его

4 См. о нем главу «Институт и XX съезд КПСС. Смута Мордвинова и Шаститко» [*Институт востоковедения РАН…* 2018, с. 68–71].

Илл. 9. **Бободжан Гафурович Гафуров представляет Институт востоковедения на международном мероприятии**
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

докторской диссертации по проблемам национально-освободительного движения проходила под грифом «для служебного пользования», потому что автор позволил себе собственные, а не канонические взгляды на наследие Маркса. После выхода в 1975 году книги «**Страны Востока: пути развития**» [Симония, 1975] появилась резко критическая статья сотрудников влиятельного Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В Институте заволновались, пошли слухи о грядущих карах вольнодумного автора. Гафуров устроил публичное обсуждение книги с приглашением партийных критиков. Помню это обсуждение. Зал был набит битком. Тогда все сознавали себя участниками общего дела, и Симония был одним из нас. И я, конечно, переживал за своего научного руководителя. Несколько часов продолжалась жаркая дискуссия, жаль, что не осталось ни записи, ни стенограммы. Бободжан Гафурович вел заседание… и как вел! Он определял, кому дать слово, зная, кто как выступит, он подавал реплики, задавал вопросы, негромко, твердо выговаривая слова, заставляя себя слушать и снижая эмоции. Подводя итоги обсуждения, он указал, что автору следует учесть те замечания критиков, которые нельзя не учесть, но, поскольку книга в целом получила положительную оценку, «мы сделаем ее второе издание». Грянул гром аплодисментов. Хлопали Симонии, но и Гафурову тоже.

Помню, как много времени потратил он на **создание Отдела общих проблем социально-экономического развития стран Востока**, или ООП. Часто к нему в кабинет стали приходить Георгий Федорович Ким и Олег Константинович Дрейер, и так нередкие посетители. Приходили Нодари Александрович Симония, Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская, Владимир Федорович Ли, Алексей Иванович Левковский, Глерий Кузьмич Широков — они-то как раз бывали в дирекции редко, но в Институте пользовались авторитетом и общим уважением. Создание ООП выводило востоковедные исследования на новый уровень.

Однако в самой АН возникли препятствия для создания нового подразделения, прежде всего финансовые. И тут я увидел, как действует опытный игрок в административные игры. В субботу утром позвонил Иван Антонович и вызвал на работу. Это случалось нечасто, и я быстро пришел. Институт был пуст. Вскоре приехал директор и распорядился, чтобы я на-

крыл стол в кабинете. Из небольшой комнаты за кабинетом, загроможденной двумя сейфами, холодильником, столом и шкафом, служившей для Гафурова комнатой отдыха и кладовой, я принес белую скатерть, тарелки и приборы. Появился Иван Антонович с двумя сумками, из которых доносился вкусный запах: там оказались, в частности, куриные котлеты из ресторана поблизости. Я недоумевал, кого ожидаем: министра? Академика? Чрезвычайного и полномочного посла? Но подъехала директорская машина и из нее вышла обычная женщина средних лет. Иван Антонович ласково встретил ее и проводил в кабинет. Это была бухгалтер АН. Таким простым путем, с помощью внимания и уважения Бободжан Гафурович снял возможные препятствия в финансировании нового подразделения Института.

В середине 1970-х годов правительство Армянской ССР добилось решения центральной союзной власти о передаче всего здания по Армянскому переулку, 2 в распоряжение Армянского постпредства (нынешнего посольства). В АН СССР Институту предложили типовое здание школы на окраине Москвы, но Гафуров с этим не согласился. **Используя связи, он добился выделения двух зданий по улице Рождественка, 12, где вот уже более сорока лет и располагается Институт востоковедения.** Библиотека начала переезжать в 1976 году, а весь Институт уже при новом директоре — Примакове.

Гафуровская эпоха Чемберленовцы

Политик и ученый, Гафуров был еще и просто добрым человеком. Он хлопотал за многих, и многие получали московскую прописку, квартиру или комнату, а по тем временам это было очень трудно. Из Таджикистана ему иногда привозили фрукты, и он почти все раздаривал. Не раз я видел, как зашедший по делу сотрудник выходит из директорского кабинета смущенный и держит в руках то кисть винограда, то сверток с курагой или дыню.

Оказалось, что у Бободжана Гафуровича немалое чувство юмора, и что он даже смешлив. Помню, в мой первый год в дирекции он позвал меня и говорит: «Саша, я иду на заседание в зал, но вы меня вызовите оттуда. Скажите что-нибудь. Минут через десять». Выждал я по часам восемь минут и пошел. Поднялся на сцену под взглядами всего Института, Гафуров ко мне повернулся — а я не знаю, что сказать, врать тогда не умел. «Пора», — выдавил я и сбежал со сцены. Гафуров серьезно, понимающе кивнул и неспешно вышел за мною. Вошел я в дирекцию — звонок. Вхожу в кабинет, а Бободжан Гафурович хохочет: «Пора!.. Саша, что же вы ничего придумать не могли? Пора…».

Осенью 1968 года я получил повестку из военкомата, что послезавтра с вещами… Конечно, сказал Ивану Антоновичу, потом Бободжану Гафуровичу. «Идите, служите». Хотя он мог по вертушке позвонить хоть министру обороны, хоть начальнику Генерального штаба (и я знал, что по просьбе одной матери он так звонил), но он не позвонил. Прошло два года, я вернулся домой день в день, 18 ноября 1970 года. Вечером позвонил Иван Антонович: «Саша, вернулся? Бободжан Гафурович спрашивает, ты завтра можешь выйти на работу?» Откуда они узнали… И на следующий день я поднялся по ступеням Института.

В один из праздников директор пришел в кабинет Гордлевского, где за накрытыми столами собирался Отдел Среднего Востока. И там мы услышали от него анекдот из жизни.

В конце 1920-х годов по всей стране шла коллективизация. Затронула она и Таджикистан. Созданным колхозам давали разные названия, имени Калинина, имени Сталина, имени Клары Цеткин и т. д. Одному колхозу дали название «Наш ответ Чемберлену». Это актуальное по тем временам, но сложное название постепенно упростилось, и колхоз стали называть «имени Чемберлена». Уже в конце 1930-х годов **на одном из съездов колхозников выступал председатель этого колхоза и говорил с трибуны: «Мы, чемберленовцы, обязуемся… и обещаем…». Его прямо от трибуны и увели.**

В советское время такого рода высмеивание советской символики было чревато неприятностями, но Гафуров мог себе это позволить.

Нечасто, но видел я его и сердитым. Так, накануне заседания Ученого совета Гафурову стало известно, что готовится провал диссертации молодого дипломата, только что вернувшегося из Южного Йемена и подготовившего кандидатскую работу по уникальным материалам. Кому-то он со своей темой перешел дорогу. Бободжан Гафурович по трансляции слушал начало заседания совета, а потом отправился туда сам. В ходе обсуждения он взял слово и решительно поддержал работу «молодого и перспективного специалиста, сочетающего практическую и научную деятельность». Стоит ли говорить, что заготовленные кое-кем критические замечания после этого не прозвучали, а Игорь Александрович Мелехов позднее стал чрезвычайным и полномочным послом, доктором наук и профессором МГИМО.

Бободжан Гафурович постоянно поддерживал связи с Таджикистаном. В Институте всегда учились аспиранты из республики, приезжали и простые таджики с просьбами или подарками, а президент АН Таджикистана Мухаммед Сайфитдинович Асимов был частым гостем у нас. Однажды директор позвал в институт ансамбль таджикских артистов, в Москве была Декада таджикской культуры. На концерт собрался полный зал. Во время концерта вдруг один из сотрудников посреди номера встал и вышел из зала — всякое бывает. Но через день вижу, директор утром идет по коридору первого этажа, а навстречу тот самый сотрудник. **«Как вам не стыдно! — громко, подчеркнуто громко обратился к нему Бободжан Гафурович. — Доктор наук! Проявили такое неуважение к людям!»**

Примечательно, что за границей Бободжан Гафурович носил тюбетейку, возможно, в качестве знака принадлежности не только к советскому народу, но и к таджикам.

Летом 1977 г. в актовом зале Института, еще в Армянском переулке, состоялась панихида по Бободжану Гафуровичу, заочно, потому что он скончался на родине, в Таджикистане. И тогда я подумал, что может быть, зная о своей болезни, он и сумел съездить в Аравию и свершить хадж, обязательный для каждого мусульманина…

Народа собралось немного, присутствовали дочь Нелли Гафуровна и вдова Капитолина Александровна. От Института последнее слово сказал Глерий Кузьмич Широков, а от братских институтов — Евгений Максимович Примаков. Не помню его слов, но помню чувство печали и глубокого уважения, выраженное не формально, а искренне, сердечно. Знал ли он тогда, что сменит Гафурова на посту директора?

Так закончилась двадцатилетняя гафуровская эпоха в истории Института.

***

Гафуров был легендарной личностью. С его именем связано немало мифов и анекдотов, различных изустных историй.

Вот один из немногих рассказов Бободжана Гафуровича, когда вечером все разошлись, мы сидели вдвоем, а домой он не спешил. «Однажды были мы с Келдышем на Памире. И он меня спрашивает: “Скажите, а вам не приходило в голову всю суету оставить и вернуться сюда, в эту красоту и тишину?” Я отвечаю: “Знаете, я уже не могу жить иначе…”».

Список литературы / References

Базиянц А. П., Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. *Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР (1818–1968)*. М.: Наука, 1969. — 149 с. [Baziyants A. P., Kuznetsova N. A., Kulagina L. M. *Asian Museum — Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR (1818-1968)*. Moscow: Nauka, 1969. — 149 p. (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *История таджикского народа в кратком изложении.* Т. 1. *С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.* Брагинский И. С. (ред.) М.: Госполитиздат, 1949. — 475 с. [Gafurov B. G. *History of the Tajik People in Brief. Vol. 1. From Ancient Times to the Great October Socialist*

Revolution of 1917. Braginsky I. S. (Ed.) Moscow: Gospolitizdat, 1949. — 475 p. (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *История таджикского народа*. М.: Госполитиздат, 1952. — 488 с. [Gafurov B. G. *History of the Tajik People.* Moscow: Gospolitizdat, 1952. — 488 p. (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *История таджикского народа в кратком изложении*. Т. 1. *С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года*. Изд. 3-е. М.: Госполитиздат, 1955. — 544 с. [Gafurov B. G. *History of the Tajik People in Brief.* Vol. 1. *From Ancient Times to the Great October Socialist Revolution of 1917*. 3rd Edition. Moscow: Gospolitizdat, 1955. — 544 p. (in Russian)].

Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт — Московский институт востоковедения — МГИМО. Под ред. академика РАН Торкунова А. В. М.: Аспект Пресс, 2014. — 384 с. [*Chapters from the History of Moscow Oriental Studies. Lazarev Institute — Moscow Institute of Oriental Studies — MGIMO*. Ed. Torkunov A. V. Moscow: Aspekt Press, 2014. — 384 p. (in Russian)].

Жуков Ю. Н. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков*. М.: Терра-Книжный клуб, 2000. — 688 с. [Zhukov Y. N. *Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov.* Moscow: Terra-Knizhnyy klub, 2000. — 688 p. (in Russian)].

Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт-сост. Д. В. Дубровская; отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2018 [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Rusian History. D. V. Dubrovskaya (comp.), V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2018 (in Russian)*].

Раванди-Фадаи Л. М. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. Искусство, любовь и драгоценности. Сокровища иранских шахов в балете «Шахерезада». № 3–4. С. [Ravandi-Fadai M. V. Art, Love and Jewels. Treasure of the Iranian Shahs in the “Shahrazad” Ballet. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. (in Russian)].

Симония Н. А. *Страны Востока: пути развития.* М.: Наука, 1975. — 383 с. [Simonia N. A. *Countries of the East: Ways of Development*. Moscow: Nauka, 1975. — 383 p. (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310018031-2

Гималайский Институт научных исследований «Урусвати»: история и современность

Himalayan Institute of Academic Research 'Urusvati': History and Modernity

© 2021 **Анатолий Андреевич Лебеденко**

кандидат педагогических наук, кандидат философских наук, Международный Центр Рерихов, Москва, Россия
alebedenko1961@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9793-0869

Anatoly A. Lebedenko

PhD (Pedagogy), PhD (Philosophy), International Centre of Roerichs, Moscow, Russia; alebedenko1961@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9793-0869

Статья освещает вопросы, связанные с историей создания семейством Рерихов в Индии в 1928 г. Института «Урусвати», с его многогранной деятельностью, направлениями научных исследований, сотрудничеством с известными учеными, научными центрами, музеями и библиотеками разных стран мира. Дирекция Института стремилась ввести в научную сферу результаты обширных изысканий, открытых и собранных Рерихами в 1924–1928 гг. на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, и на этом фундаменте комплексно продолжить начатые исследования. Инициативу открытия в Индии специального научного учреждения именно русскими нельзя считать случайностью. Русские ученые-востоковеды и путешественники в XIX–XX вв. активно исследовали малоизученные просторы Азии. Круг их интересов лежал в области того древнего и прямого пути, который связывал народы Юго-Восточной Азии с Россией через Сибирь и Тибетское нагорье в направлении Индии. Изучение возможностей прямого общения России с Индией через Тибет в прошлом, настоящем и будущем все больше сближало Рерихов с индийской культурой, останавливало их внимание на проблемах, связанных с русско-индийским культурным и научным сотрудничеством. Поэтому организация на индийской территории независимого научного центра, преследующего такие цели, имела для Рерихов первостепенное значение. Несмотря на отдаленное

географическое положение «Урусвати», гималайский Институт вмещает в себя все особенности, присущие русским центрам науки и культуры. Это во многом определило его международную специфику и явило уникальный пример синтеза культур двух стран — России и Индии. Автор затрагивает проблему возрождения основанного Рерихами «города знаний» в XXI в.

Ключевые слова: семья Рерихов, Россия, Индия, Институт «Урусвати», культурное сотрудничество, город знаний, интернационализм

Для цитирования: Лебеденко А. А. Гималайский Институт научных исследований «Урусвати»: история и современность. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 257–274. DOI 10.18254/S268684310018031-2

The article covers issues related to the history of the establishment of the Urusvati Institute by the Roerichs in India in 1928, its multifaceted activities, directions of scientific research, cooperation with famous scientists, scientific centers, museums, and libraries from different countries of the world. The management of the Institute aimed to introduce into the scientific sphere the results of extensive research discovered and collected by the Roerich family in 1924–1928 on the route of the Central Asian expedition, and on this foundation to comprehensively continue the research begun. The initiative to open a special scientific institution in India by the Russians cannot be considered an accident. Russian Orientalists and Travelers in the 19th–20th centuries actively explored the little-explored expanses of Asia. The circle of their interests lay in the area of that ancient and direct path that connected the peoples of Southeast Asia with Russia through Siberia and the Tibetan plateau in the direction of India. The study of the possibilities of direct communication between Russia and India through Tibet in the past, present, and future brought the Roerichs closer to Indian culture and drew their attention to the problems associated with Russian-Indian cultural and scientific cooperation. Therefore, the organization of an independent research center on Indian territory having such goals as its object was of paramount importance for the Roerichs. Despite the remote geographical location of Urusvati from Russia, the Himalayan Institute contains all the features inherent in Russian centers of science and culture. This largely determined its international specificity and provided a unique example of the synthesis of two countries' cultures: Russian and Indian ones. The author touches upon the problem of this City of Knowledge revival in the 21st century.

Keywords: The Roerichs, Russia, India, the 'Urusvati' Institute, cultural cooperation, city of knowledge, internationalism

For citation: Anatoly A. Lebedenko. Himalayan Institute of Academic Research 'Urusvati': History and Modernity. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 257–274. DOI 10.18254/S268684310018031-2

История возникновения института

В долине Кулу в Индии семейство Рерихов *(Илл. 1)* почти 20 лет проводило в имении в Наггаре большую художественную, литературную, общественную, научную и организационную работу. 12 июля 1928 г.[1] в Дарджилинге Рерихи основали Гималайский Институт научных исследований «Урусвати». Президентом нового уникального многопрофильного научного учреждения стал основатель и председатель правления Института академик Н. К. Рерих, почетным президентом — его супруга, философ

1 В публикациях встречаются и другие даты: 24 июля 1928 г. (согласно указаниям Н. К. Рериха) и 1929 г. (начало деятельности в долине Кулу, куда институт перебазировался в декабре 1928 г.).

Илл. 1. **Семья Рерихов в Кулу**
По: Международный центр Рерихов. URL: https://icr.su/upload/medialibrary/b6c/48_.jpg (accessed 12.11.2021)

Илл. 2. **Ю. Н. Рерих у входа в институт «Урусвати». 1930-е гг.**
По: Международный центр Рерихов. URL: https://icr.su/rus/family/gnr/02.php (accessed 12.11.2021)

Елена Ивановна Рерих, в чью честь институт и получил название «Урусвати», что в переводе с санскрита означает «Свет утренней звезды». В XX в. этот символ Матери Мира был воплощен в облике Елены Ивановны, которой Махатмы дали имя Матери Агни-Йоги. Директором Института стал Юрий Николаевич Рерих — ученый, впоследствии значительно усиливший отечественную школу востоковедения *(Илл. 2)*. В декабре того же года Рерихи перебазировали Институт в долину Кулу. В Наггаре семья начала реконструкцию части бывших построек для технических нужд научного учреждения и строительство нового здания под будущую биохимическую лабораторию. Здание Института «Урусвати» *(Илл. 3, 4)* находится на высоте 1900 м над уровнем моря, а дом и сад имения Рерихов и сам Наггар — метров на 70 ниже.

В Наггаре наиболее сильно проявлен дух Рерихов в Индии, и в этой части Гималаев по сей день ощущается их влияние, почитаются труды русской семьи на благо народов всего мира. Сами же они всегда видели себя лишь скромными тружениками науки, считая свои изыскания будничным делом. У каждого члена семьи оно было свое, но общая цель — едина, и о ней С. Н. Рерих пишет из Кулу в разгар деятельности Института в письме профессору Парижского университета Георгию Гавриловичу Шкляверу от 19 апреля 1934 г.: «Живем мы здесь, как обычно, работаем, собираем материал, который со временем послужит на пользу человечеству» [Рерих, 2004, с. 52].

Илл. 3. **Здания Института «Урусвати»**
По: Международный центр Рерихов. URL: https://icr.su/rus/family/gnr/02.php (accessed 12.11.2021)
Фото © 2004 А. Клюев

Илл. 4. **Первое издание книг философского учения Живой Этики**
По: Международный центр Рерихов. URL: https://icr.su/rus/family/hir/02.php (accessed 12.11.2021)

Структура Института «Урусвати»

В первый же год деятельности в институте были созданы отделы археологии, родственных наук и искусств, отдел естественных наук и прикладных исследований, медицинский отдел, научная библиотека, музей для размещения коллекций Института [*Годовой отчет*... 2007, с. 41]. Все отделы состояли из секций —узкоспециализированных подразделений, отвечающих общему направлению его деятельности.

Отдел археологии подразделялся на секции общей истории, истории культур Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался исследованиями в области ботаники, зоологии, метеорологических и астрономических наблюдений, изучения космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе изучали древнетибетскую медицину и фармакопею, а в созданной биохимической лаборатории исследовались средства борьбы с онкологическими заболеваниями.

Цели и задачи Института

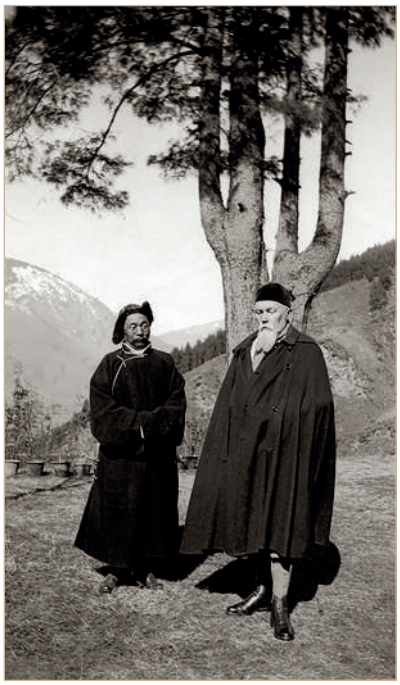
В задачу института входила обработка обширных материалов, собранных Рерихами в 1924–1928 гг. в Центрально-Азиатской экспедиции и комплексное продолжение исследований. В те годы Ю. Н. Рерих, участник Трансгималайской экспедиции отца, писал: «Осознание значимости пространства Центральной Азии и необходимости постоянного и последовательного его изучения… привело к созданию Института Гималайских исследований» [Рерих, 1998, с. 71]. Проникая в метаисторические сферы в работе научной мысли, Юрий Николаевич своеобразно продолжал научно-художественное творчество отца. На убедительном языке исторических, этнографических и лингвистических фактов он излагал идеи, отражающие культурное единство народов Центральной Азии, создавал панорамную картину их жизни.

Богатый творческий опыт Н. К. Рериха связывал археологические знание с историко-культурным и проявлялся на его картинах, в литературном наследии, помогал поддерживать преемственность и охрану лучших достижений культуры. Светоносностью картин, чистотой и ясностью мысли, искусством воображения Николай Рерих в своем творчестве созвучал с духовными трудами Е. И. Рерих, особенности философского творчества которой достойно

оценены далеко не всеми, но именно в них закладывались идеи будущей научной деятельности Института «Урусвати».

Достижения института в 30-е гг. представляли собой лишь начало пути в будущее. Называя «Урусвати» научной станцией и видя, что в перспективе институт должен развиться в многофункциональный научный комплекс, Елена Ивановна писала американским сотрудникам: «Станция должна развиться в Город Знания. Мы желаем в этом Городе дать синтез достижений, потому все области науки должны быть впоследствии представлены в нем. И так как Знание имеет своим источником [ве]сь Космос, то и участники станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям, и как Космос неделим в своих функциях, так и ученые мира должны быть неделимы в своих достижениях, то есть объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимые возможности во всех отношениях и внимание всего научного мира сейчас обращено именно на эти высоты. Изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все самое тонкое и самое ценное и мощное лежит в более чистых [сл]оях атмосферы. Не являются ли горы величайшими магнитными станциями? Не следует ли исследовать магнетизм и электричество? Исследование магнитных токов не даст ли безопасность воздухоплавания? Ведь в области изучения магнитных токов наука еще в младенческом состоянии, и современные аппараты лишь игрушки, между тем как “наблюдения и исследования привели бы к великому открытию”. Потому нам так хотелось бы начать эти наблюдения и исследования на нашей станции, “условия наш[ей] местности особенно хороши для этого”. Также разве не заслуживают внимания все метеорические осадки, осаждающиеся на снежных вершинах и несомые в долины горными потоками. Для астрономических наблюдений условия здесь совершенно исключительны, особенно в Кейланге [поселение, монастырь, на север от долины Кулу, через перевал Ротанг], где мы легко можем иметь арендованное отделение станции. Геологически Гималаи также интересны, ибо стоят свидетелями многих веков и пещеры их хранят не одну тайну для археологов, зоологов и антрополог[ов]. Количество горячих и других неисследованных источников велико, так же, как и горных озер с различными свойствами, согласно указаниям местных жителей. Переходя к ботанике, зоологии и орнитологии, Вы уже знаете из репортов ботаников и зоолог[ов], насколько они довольны результатами своих работ; все редчайшие лечебные травы сосредоточены на этих горах, и сколько новых, неизвестных видов удалось найти за короткое время. В смысле археологии, конечно, эта долина – одна из наиболее богатых, ведь культура Индии была сосредоточена на Севере. Имеются следы большой буддийской культуры. Очень примечательно здесь количество языков среди горных племен, часто две рядом [жи]вущие деревни абсолютно не понимают друг друга. Также здесь наблюдаются необычайные огненные проявления, свидетелями которых являются многие местные обитатели, и мы сами не раз видели их, о чем я уже писала. … Основание Города Синтетического Знания есть великое мировое дело, потому не просить, но требовать содействия можем мы. Не для себя работаем мы, но для человечества, ведь каждый готов приложить лучшие усилия на Общее Благо, пусть и другие поймут это чистое устремление и загорятся огнем устремления к продвижению человечества на пути к синтетическому знанию. Эта станция — первая станция на Гималаях, на которую, повторяю, обращено внимание всего ученого мира, интересующегося нахождением новых энергий» [Рерих, 1999а, с. 119–120].

Николай Рерих принимал самое непосредственное участие в деятельности Института *(Илл. 5)* и пристально следил за достижениями передовых ученых всего мира. В одном из очерков он пишет: «…мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачею мысли



Илл. 5. **Лобзанг Мингиюр Дордже и Н. К. Рерих. 1930-е гг.**
По: Международный центр Рерихов. URL: https://icr.su/upload/medialibrary/b6c/48.jpg (accessed 12.11.2021)

Илл. 6. **Ю. Н. Рерих и ученые ламы в Институте «Урусвати». 1930-е гг.**
По: Международный центр Рерихов URL: https://icr.su/upload/medialibrary/b6c/48_.jpg (accessed 12.11.2021)

на расстояние и всем сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Рейном, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными всего мира… [и] есть самое реальное научное познавание» [Рерих, 1996, с. 605]. В книге «Беспредельность» сказано: «Ведь сердце — вместилище всех тонких энергий. Тончайшие токи звучат на сердце» [*Учение Живой Этики*, 1995, с. 471].

В 30-х гг. прошлого века Институт обменивался публикациями с 285 институтами, университетами, музеями, библиотеками, научными обществами. Ежегодник «Журнал Института Гималайских исследований “Урусвати”» печатал статьи сотрудников Института, затрагивающие широкий спектр научных дисциплин. В нем выходили материалы по археологии, этнографии, ботанике, отчеты экспедиций, ежегодные годовые отчеты. Директор Института Ю. Н. Рерих вел активную научную деятельность, участвовал во многих экспедициях. Кроме исследований в Центрально-Азиатской и Маньчжурской экспедициях, Юрий Николаевич «первый произвел ряд археологических раскопок в Кулу и прилегающих областях индийских Гималаев. В Лахуле он обнаружил три типа древних погребений, по преданию, принадлежащих пришельцам с севера… В Кулу, Лахуле, Спити Ю. Н. Рерих собрал ценнейшую этнографическую коллекцию и провел лингвистическое обследование Лахуля. В старинных буддийских монастырях ему удалось собрать уникальную коллекцию тибетских рукописей и книг. Юрий Николаевич вел работу над серией “Тибетика”, посвященной древностям Тибета. Вместе с этим он упорно трудил-

ся над созданием тибетско-санскритско-русско-английского словаря» [Беликов, 1998, с. 31].

Труды Юрия Николаевича, посвященные проблемам ориенталистики, свидетельствуют о том, что он был достойным преемником отца в методологии проведения исследований, анализе полученных данных и их интерпретации. Результаты исследований Ю. Н. Рериха были всегда основаны на «истинных впечатлениях», полученных во время экспедиций, будь то археологические раскопки или изучение памятников древности, беседы с ламами или старейшинами отдаленных поселений *(Илл. 6)*. Эта методология проявлялась и при исследовании древнейших манускриптов, особенно тех, которых прежде не касалась рука европейца.

Н. К. Рерих записал в путевом дневнике о своем методе изучения Азии: «Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, не объяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности» [Рерих, 2007, с. 8]. Метод изучения истории и культуры Н. К. Рериха основывался на синтезе научного и художественного восприятия изучаемого явления, и Юрий Николаевич освоил этот метод в самом начале научной деятельности. Еще в студенческие годы Юрий Рерих заметил: «Меня очень заинтересовали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий. Если когда-нибудь мне придется писать об этом мире степей и каких-то тайных взаимодействий культуры, обязательно помещу в книге папин “Dream of the Orient” [“Сон Востока”], ибо чем больше читаю, тем больше убеждаюсь, что это лучшее картинное изображение того, что сказано в уйгурском сказании…» [Рерих, 2002, с. 32].

Свое научное кредо Николай Рерих сформулировал так: «Главная наша задача изучать факты честно. Мы должны почитать науку как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством» [Рерих, 1992, с. 24].

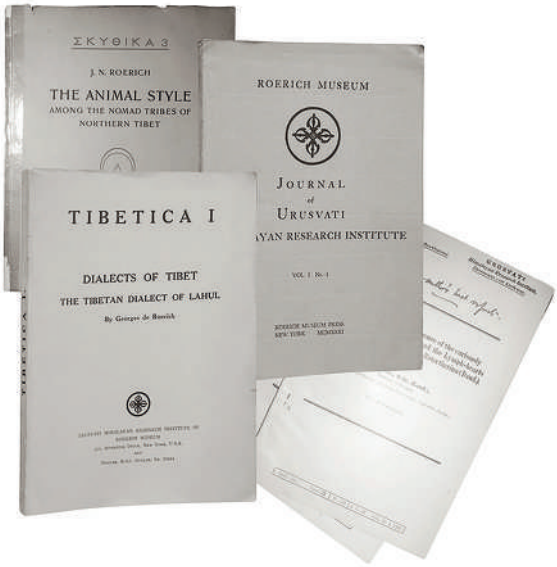
В 1934 г. младший сын Рерихов Святослав Николаевич интенсивно занимался лекарственными растениями. Несколько лет подряд он разводил, изучал и описывал лекарственное растение под названием *кут*. Это растение, в котором целебными свойствами обладает корень, очень широко известно с глубокой древности под названием *costus* и является универсальным средством, упоминаемым в санскритских источниках, у китайцев, сирийцев, арабов, греков, римлян и т. д.

В библиотеке Международного Мемориального Треста Рерихов (ММТР)[2] *(Илл. 7)* сегодня хранится целый ряд книг *(Илл. 8)*, в которых приведена информация о лекарственных растениях Гималаев. Если обобщить сведения из этих книг о корне *кут*, то можно выделить следующие области его применения: воскурения и ароматические препараты для религиозных целей, приготовление бодрящих и тонизирующих ванн, лечение маслом корней *кута* ревматизма, астмы, зубной боли; лечение нарывов и язв, даже запущенных.

Экономический кризис, охвативший западные страны в конце 1930-х гг., практически прервал финансовую поддержку деятельности Института извне. Некоторое время «Урусвати» функционировал благодаря личным средствам Рерихов, получаемым от продажи картин, но это были ничтожно малые суммы, явно недостаточные для реализации первоначальной программы исследований, а с началом Второй мировой войны их пришлось законсервировать совсем. Только в конце XX в., через несколько десятилетий после ухода из жизни родителей и старшего бра-

2 Индийско-российская организация призванная сохранять и популяризировать наследие Рерихов, укреплять культурные связи между Россией и Индией. Трест создан в 1993 г. С. Н. Рерихом. В состав ММТР вошли, наряду с индийскими деятелями, представители Российского Посольства и МЦР в лице востоковеда Л. В. Шапошниковой. См. *Международный центр Рерихов*. URL: https://icr.su (accessed 27.01.2021).

Илл. 7. **Институт «Урусвати». Библиотека**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР



Илл. 8. **Издания Института «Урусвати»**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР

та, С. Н. Рерих вернулся к идее комплексного Института, основанного на концепции Живой Этики. В 1980-е гг. он неоднократно обращался в АН СССР с предложением о «расконсервации» Института «Урусвати», однако тогда его предложение так и осталось неосуществленным.

Создавая в 1989 г. Советский Фонд Рерихов, впоследствии переименованный в Международный Центр Рерихов (МЦР), Святослав Николаевич заложил в концепцию Центра-Музея имени Н. К. Рериха в Москве широкую научную программу, предусматривающую возрождение «Урусвати». «В перспективе мне видится, — пишет Святослав Николаевич, — что Институт “Урусвати”, где, как Вам известно, в полном порядке сохраняются уникальные коллекции, может стать индийским филиалом Центра-Музея на правах совместного советско-индийского учреждения. …Конечно, окончательное решение вопроса потребует разработки многих юридических вопросов, а также приезда для приемки коллекций группы специалистов (орнитолога, зоолога, ботаника, а также, вероятно, археолога и фольклориста), — но все это вполне разрешимо» [Рерих, 2005, с. 375].

Основные особенности методологии

Новаторский комплексный, междисциплинарный исследовательский подход Института «Урусвати» опережал свое время. Важнейшей особенностью Института, как и прежде, остается концептуальная основа его деятельности — философское Учение Живой Этики, в котором, по мысли Л. В. Шапошниковой, даны новые знания «о космической эволюции человечества …причинах и роли человека в ее сложных процессах» [Шапошникова, 2005, с. 26].

Ключевую роль в формировании философии космической реальности сыграло глубокое изучение Рерихами древней культуры долины Кулу и других культурных и природных регионов Индии и Центральной Азии. Зерна этой философии Рерихи находили в культурных традици-

ях народов Индии, России и других стран, в эмпирической логике западной науки. Святослав Рерих спрашивал: «Где проходит граница между энергией и материей? — Ведь Материя — это кристаллизованная энергия на этом плане восприятия жизни» [Рерих, 2004, с. 166].

Важное место в работе Института «Урусвати» занимали экспедиции в долину Кулу и близлежащие районы Тибета. Так применялся метод *подвижности деятельности сотрудников*, позволявший Рерихам собирать обширный научный материал, дополняющий и развивающий ранние материалы Центральноазиатской экспедиции.

Комплексная междисциплинарная экспериментальная деятельность «Урусвати» требовала от ученых высокой культуры, самодисциплины и широкого кругозора, пересмотра неоправданно забытых находок прошлого в области медицины, истории, археологии, алхимии, астрологии, филологии. «…Всеобщий синтез… отвечает требованиям современной науки» и «отразил бы историческое развитие стран Востока в совокупности» [Рерих, 1999б, с. 18].

Следовало принимать во внимание, что в опытах участвует сам исследователь, на которого оказывают влияние люди и животные, место, время и другие — обычно игнорируемые — условия. Именно сами Рерихи, закладывавшие основы новой одухотворенной науки, являли пример утонченного синтеза в подходе к культурной и исследовательской деятельности. Рерихи всегда старались установить связи с российскими учеными, что было очень трудно осуществить в те годы (вспомним, например, трагическую историю академика Николая Вавилова) [Крылов, 2013].

Особенности методологического подхода семейства Рерихов естественно вытекали из новой философии философской системы Живая Этика, созданной Е. И. Рерих в Гималаях в сотрудничестве с махатмами Востока.

«Глубокая и в известной степени передовая концепция эффективного и экономичного метода исследования воплощена в этом новом аванпосте науки с символическим названием “Урусвати” (Утренняя звезда), олицетворяющем восходящий свет новой науки. Здесь обеспечены, **во-первых**, оборудование и подходящий климат для круглогодичного изучения материала, который находится в ближайшей округе, — материала, привлекающего внимание археологии, филологии, ботаники, биохимии, астрономии и метеорологии. **Во-вторых**, это будет передовой полевой штаб, откуда смогут отправляться экспедиции по районам в любом направлении, сокращая тем самым сроки и маршрут своего пути», — писал директор Института об особенностях его деятельности [Рерих, 1998, с. 71].

Направления научной деятельности института

За десять лет своей деятельности Институт на базе уникальной природы Индии, ее древнего историко-археологического и культурно-этнического наследия, а также в исключительных атмосферных условиях Гималаев провел за довольно краткий срок поистине грандиозную работу по многим научным направлениям. Особенно следует выделить: археологические исследования *(Илл. 9)*; историко-этнографические, лингвистические, культурологические изыскания *(Илл. 10)*; медицинские исследования по сбору лекарственных трав и изучение древних источников сведений по тибетской медицине *(Илл. 11)*; создание биохимической лаборатории *(Илл. 12)*, одной из задач которой было проведение исследований по применению восточной фармакопеи в практике лечения раковых заболеваний, а также разработки по многим другим курсам медицинской науки; создание в Институте физической лаборатории с целью изучения космических излучений.

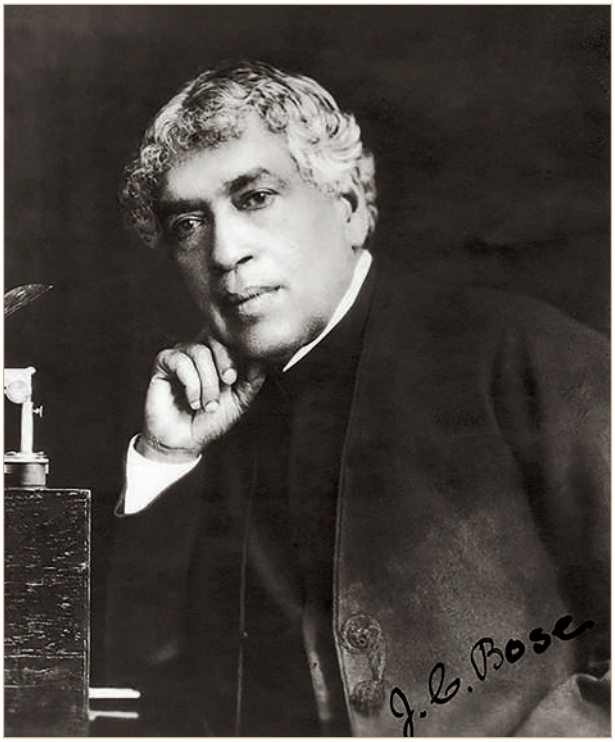
Под руководством Рерихов были собраны обширные коллекции: этнологическая, ботаническая, зоологическая, минералогическая и археологическая, представлявшие огромное научное значение, некоторые из них — в нескольких экземплярах. Часть коллекций формировалась для научных учреждений стран, сотрудничавших с «Урусвати» и поддерживавших

Илл. 9. **Камень с буддийской молитвой «Ом мани падме хум» из коллекции Института «Урусвати»**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР

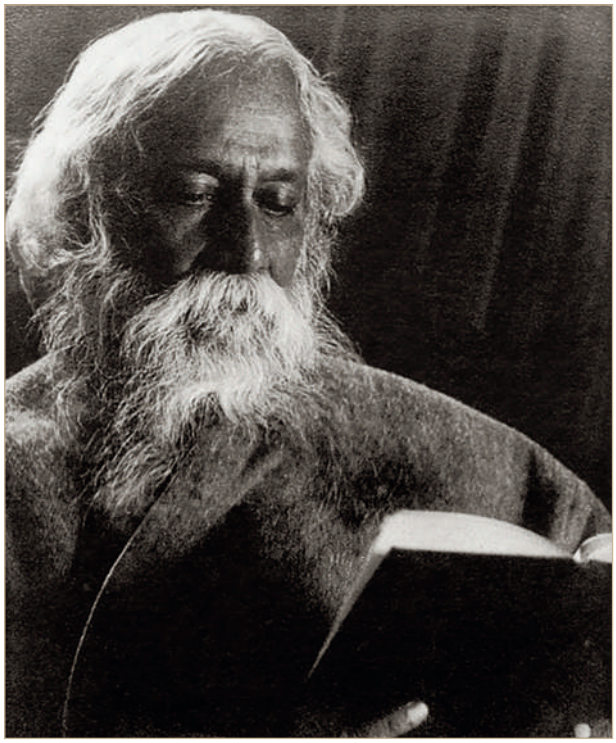
Илл. 10. **Один из кабинетов Института «Урусвати». 1930-е гг.**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР

Илл. 11. **Коллекция сборов лекарственных трав**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР

Илл. 12. **Институт Гималайских исследований «Урусвати» Биохимическая лаборатория**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР



Илл. 13. **Индийский ученый Джагадис Чандра Бос**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР



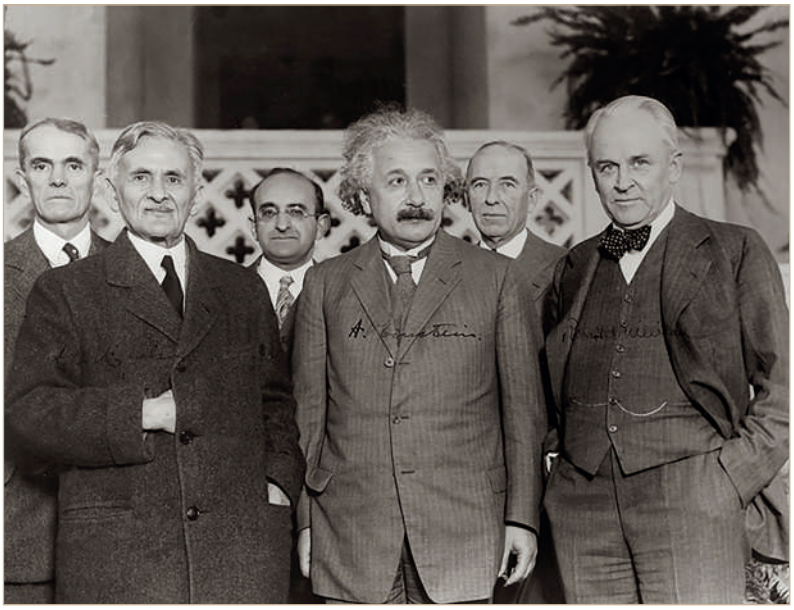
Илл. 14. **Рабиндранат Тагор**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР

его исследовательскую деятельность. Для Мичиганского университета США была собрана богатая энтомологическая коллекция и гербарий из 3700 единиц, представлявших около 1500 видов растительности; для Ботанического сада в Нью-Йорке была составлена коллекция семян и собрано 3800 образцов гималайской флоры; Национальный музей естественной истории в Париже получил около двух тысяч образцов горных растений и коллекцию семян.

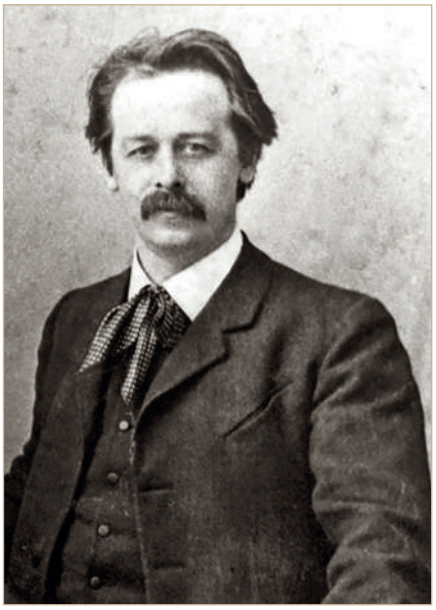
Сотрудничество с мировым научным сообществом

К работе в Институте были привлечены известные индийские ученые Чандрасекхара В. Раман, Джагадиш Чандра Бос *(Илл. 13)*, видные представители индийской литературы, философии, искусства, просвещения Рабиндранат Тагор *(Илл. 14)*, Абаниндранатх Тагор, Ашит Кумар Халдар, Сунити Кумар Чаттерджи, Рамананда Чаттерджи, Сарвепалли Радхакришнан, Свами Сатьянанд Сарасвати, Теджа Сингх, Сурендранатх Дасгупта, К. П. Падманабхам Тампи, Р. М. Равал и многие другие: список незаурядных личностей свидетельствовал об истинных возможностях Института, поднимая его творческий и научный статус в глазах представителей европейского научного сообщества.

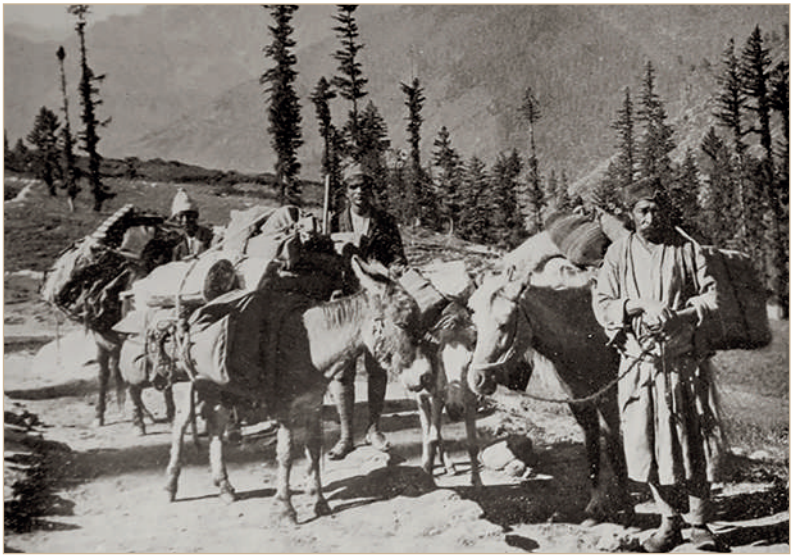
В списках почетных советников по науке, членов-корреспондентов и постоянных сотрудников Института появились имена таких известных западных ученых, как лауреаты Нобелевской премии А. Эйнштейн, Р. Милликен *(Илл. 15)*, Л. де Бройль, президент Американского археологического института Р. Магоффин, знаменитый путешественник Свен Гедин, профессор Института Пастера в Париже С. И. Метальников *(Илл. 16)*, доктор медицины К. К. Лозина-



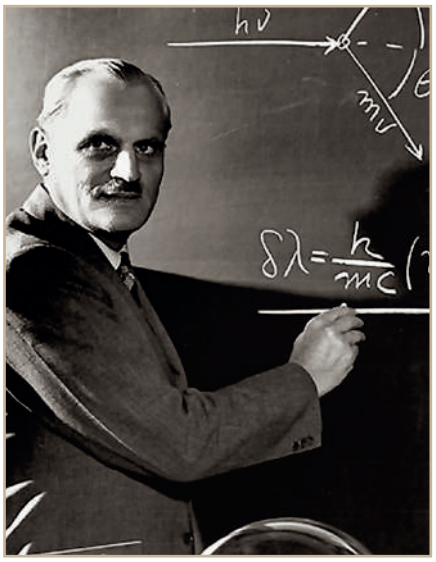
Илл. 15. **Лауреаты Нобелевской премии А. Эйнштейн и Р. Милликан (в первом ряду)**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР



Илл. 16. **Русский биолог С. И. Метальников**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР



Илл. 17. **Караван доктора Кельца. Лахуль, 1930**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР



Илл. 18. **Профессор Чикагского университета, физик Артур Холи Комптон**
Из фондов Мемориальной библиотеки Рерихов, МЦР

Лозинский, Клод Бюнссон; востоковед Чарльз Ланман, директор Ботанического сада в Нью-Йорке Э́лмер Дрю Ме́ррилл, профессор Мичиганского университета Вальтер Кельц *(Илл. 17)*, профессор Кенг (Китай), академик Н. И. Вавилов и многие другие *(Илл. 18)*.

Институт приобрел обширные научные связи в разных странах мира со многими университетами, научными центрами, музеями и библиотеками. Помимо осуществляемых совместных научных проектов, Институт обменивался публикациями и литературой с 285 научными организациями. Так, медицинский отдел Института наладил сотрудничество с биохимиками Гарвардского университета (Кембридж, США). Отчасти благодаря этому, а также в результате обширной изыскательской деятельности во многих регионах Тибета институт собрал богатую научную библиотеку, содержащую публикации западных и индийских ученых по Центральной Азии. Особую ценность представляла редчайшая коллекция тибетских рукописей и книг, в том числе манускриптов по древней тибетской медицине. По результатам научных работ институт выпускал ежегодник «Журнал Института Гималайских исследований “Урусвати”», публиковались монографии сотрудников.

Благодаря многосторонней научно-организационной и исследовательской деятельности Рерихов Институт «Урусвати» стал известным международным научным центром, в котором разворачивалось комплексное изучение Центральной Азии.

Современное состояние и перспективы развития

История Института не завершилась на довоенном периоде, — до 1941 г. — продолжается она и сегодня. Современный этап полностью наследует научным традициям работы Института «Урусвати», заложенным в 30-е гг. XX в. Суть методологии Рерихов с учетом развития философии космической реальности содержится в трудах Л. В. Шапошниковой[3] и заключается в применении принципов новой науки, подходящей к научным и культурным достижениям человечества с точки зрения выявления в них сторон внутренней и внешней, духовной и материальной; в международном характере научно-культурной деятельности, заключающейся в привлечении ученых, музейных и других специалистов из разных стран мира. Особое значение имеет сотрудничество российских и индийских ученых и культурных деятелей, подвижность научно-культурных исследований, проведение экспедиций для изучения природного и культурного многообразия Центральной Азии, претворение философских и научных представлений о культуре в практику в сфере научных исследований, изучение достижений культуры, прямое общение с народами Центральной Азии, использование уникального своеобразия долины Кулу и близлежащих районов в научных исследованиях, налаживание диалога культурных традиций.

Нижеследующие предложения по восстановлению и развитию научно-культурного центра Рерихов в Кулу обусловлены как тем, что сделано Рерихами в Институте, так и исторически сложившейся ситуацией с наследием Рерихов в Кулу.

В 2018 году исполнилось 90 лет с момента создания Института Гималайских исследований. Близких к Живой Этике мировоззренческих идей придерживались отечественные мыслители В. С. Соловьев, К. Э. Циолковский, Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский, П. А. Флоренский, А. Л. Чижевский и другие гиганты русского возрождения на рубеже XIX–XX вв. Самая актуальная тенденция современной науки — сближение естественных и гуманитарных наук, и ее провозвестником стал Институт «Урусвати», важным направлением исследований которого считалась полезность для человека флоры и фауны, их уникальные особенности в горных районах.

3 Людмила Васильевна Шапошникова (1926–2015) — востоковед, писатель, путешественник и общественный деятель, более половины творческой жизни посвятившая исследованию наследия семьи Рерихов.

Принимая во внимание необходимость преемственности, философское Учение Живой Этики и наследие Рерихов вместе с ноосферной теорией культурного ландшафта и теорией геокультур, изученных зарубежными и российскими исследователями, предполагающих изучение Гималаев (как и любой другой регион) в своей целостности, должны стать концептуальными элементами Института «Урусвати». В рамках этой концепции культура рассматривается в генетической связи с пространством и ландшафтом, а пейзаж воспринимается как результат многовекового культурного влияния.

Крупнейший ученый-востоковед, археолог и путешественник Ю. Н. Рерих писал об уникальности Гималаев, требующих тщательного исследования данного региона. Современные исследования показывают, что язык и менталитет народов тесно связаны с особенностями окружающего ландшафта — его рельефом, климатом, колоритом и площадью. Традиционный, местный взгляд всегда глубже любой поверхностной и глобалистской позиции, так как уникальная культурная традиция каждого народа укоренена в природном ландшафте.

Географическое положение Гималаев как центра Азии очень важно. Различные народы пересекали ее географическое пространство, изменяя облик планеты, взаимодействуя друг с другом, сохраняя зерна древней мудрости. Образовавшийся на перекрестке древних миграций плавильный котел трансформировал и объединял народы. В современном мире межкультурные коммуникации становятся одной из важнейших проблем, заставляя общество обсуждать вопросы сохранения и утраты идентичности, способности выборочно адаптировать нововведения, сохраняя основу каждого национального менталитета и национальной идентичности. В этом отношении Гималаи как область исследований могут дать основу для дальнейших теоретических выводов и практических разработок, способных справиться с разрушительным влиянием глобализации на локальные культуры.

Рерихи рассматривали планету Земля в неразрывной связи с Космосом, не только в смысле «энергетической вертикали», определяющей ценности и духовные идеи каждой культуры, но и в ее естественнонаучном измерении. Предполагалось изучение характеристик метеорной пыли на ледниках высокогорных трассах и плато, влияние планет Солнечной системы и влияние излучения из далекого космоса. Сегодня появились новые способы изучения космического воздействия с использованием точного научного оборудования. Так, в 80-х гг. прошлого века С. Н. Рерих обратился в Академию наук СССР с предложением о создании в Гималаях сети биосферных станций для организации системы мониторинга параметров окружающей среды.

Таким образом, возобновление деятельности Института «Урусвати» подразумевает развитие всех упомянутых направлений, объединенных в систему «Космос — Культура — Человек — Ландшафт», построенной на методологической основе, упомянутой выше.

Долговременные меры по развитию Института «Урусвати»

Главное задача настоящего времени сводится к созданию научно-лабораторной базы для проведения современных исследований, к формированию творческих коллективов для реализации стоящих перед Институтом задач и организации научных изысканий. Учитывая необходимость преемственности, концептуальной основой возобновления деятельности «Урусвати» должны стать философия Живой Этики и наследие Рерихов, а также ноосферная теория культурного ландшафта и теория геокультуры. С этой целью на основе рериховской концепции нужно начать проектирование, а затем строительство двух-трех новых зданий Института «Урусвати». В проектах следует учитывать особенность природного ландшафта, на котором могли бы гармонично располагаться Институт, современные лабораторные постройки, инженерная и социальная инфраструктура. Потребуется подобрать

руководство Института и его основных подразделений, организовывать научные группы и коллективы.

Для этого, в соответствии с принципом подвижности, следует пройти по маршрутам экспедиций Рерихов, совершенных ими в 30-е гг. в долине Кулу, штате Химачал-Прадеш, предгорьях Тибета. Задача участников — выявить, насколько изменилась флора и фауна по сравнению с прошлыми наблюдениями. Возрождая опыт российско-индийского научного взаимодействия на базе «Урусвати», необходимо предусмотреть направления сотрудничества «Урусвати» с Институтом Интегрированных Гималайских исследований при Университете Химачал-Прадеша, другими научными организациями и учреждениями Индии и запланировать публикацию «Трудов Гималайского Института научных исследований», ядро которых могли бы для начала составить труды российских и индийских ученых.

Задача международной научной станции на перспективу: совместное исследование Гималайского региона (долины Кулу и других близлежащих регионов) в контексте развития философского и научного наследия Рерихов, а также передовых достижений в области образования.

В число целей входит продолжение и развитие исследований, начатых семьей Рерихов; разработка концепции культурного ландшафта, проведение теоретических, методологических и прикладных исследований; создание системы защиты исторических памятников и культурного наследия, оставшихся в регионе, с учетом индийского и международного законодательства. Научная деятельность подразумевает философские, теоретические и методологические разработки, экспедиции, офисную работу, размещение научных результатов в международных и российских научных публикациях и в сети Интернет.

Возрожденный Институт должен опираться на международное научное сотрудничество во всех сферах. Упомянутые сферы деятельности подразумевают приглашение специалистов для проведения экспедиций по профильным направлениям, широкие исследования в этих областях и привлечение специалистов к научным проектам, организацию научных семинаров и конференций с использованием современных средств связи.

Рерихи предполагали, что институт будет работать по следующим направлениям: этнография, ботаника и медицина, биохимия, астрономия и метеорология. Следуя этой идее, на ранних этапах организационная структура Института «Урусвати» могла бы включать следующие подразделения:

1. Гуманитарные науки: философия и история культуры; антропология, этнография, лингвистика; история искусства; археология и смежные науки
2. Точные науки: экология и ландшафтные исследования; медицина; биохимия; астрономия; метеорология
3. Научную библиотеку
4. Музей культурного и природного наследия Гималаев

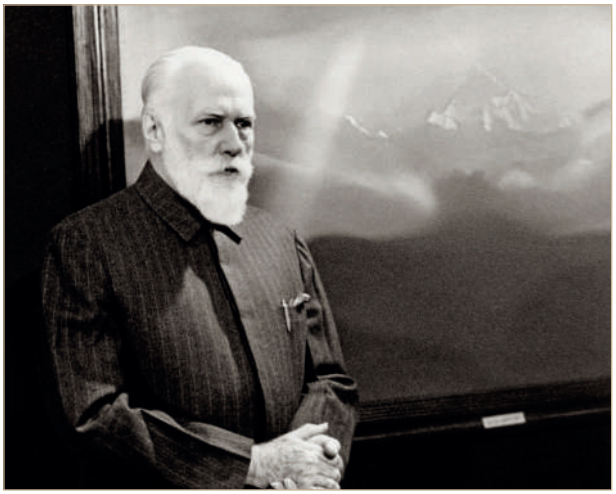
В рамках дальнейшего развития Института его структура может быть изменена и расширена.

Современное состояние дел

В последние годы МЦР уже провел серьезную работу в институте по приведению в порядок и улучшению мер по сохранению научных коллекций. В Институте «Урусвати» и некоторых регионах штата Химачал-Прадеш, по согласованию с МЦР и ММТР в течение нескольких сезонов с 2010 по 2018 гг. работали ведущие российские ученые, обследовавшие орнитологическую, териологическую и ботаническую коллекции Рерихов и проведшие несколько экспедиций по изучению флоры и фауны указанных территорий.

Сотрудник Зоологического музея МГУ имени М. В. Ломоносова к. б. н. А. А. Лисовский осуществил научную обработку орнитологической коллекции института [Лисовский, 2012, с. 92–97], сотрудники Главного ботанического сада РАН к. б. н. В. Г. Шатко и ученый секретарь Со-

Илл. 19. **Е. И. Рерих. 1930-е гг.**
По: Международный центр Рерихов.
URL: https://icr.su/upload/medialibrary/b6c/48_.jpg
(accessed 12.11.2021)



Илл. 20. **С. Н. Рерих около своей картины «Канченджанга. Тайный час» Москва. 23 октября 1984 г.**
По: Международный центр Рерихов. URL: https://icr.su/rus/family/snr/02.php (accessed 12.11.2021)

вета ботанических садов России С. А. Потапова осуществили научную обработку ботанической коллекции [Гербарий Института Урусвати… 2012; Шатко, 2013; Шатко, Потапова, 2016]. На основе рекомендаций российских ученых в мемориальном здании Института проводится систематический контроль за состоянием и условиями хранения коллекций (влажность, температурный режим, наличие грибковых инфекций и насекомых-разрушителей древесины в ящиках и помещениях, где содержатся коллекции).

Однако работа с мемориальными коллекциями Института требует накопления материалов и продолжения научной работы по систематизации и классификации библиотеки института, а также научного оборудования и артефактов; исследования и классификации коллекции медицинских продуктов (трав и веществ), собранных Рерихами. Много записей об экспонатах сделано на тибетском языке и требуют расшифровки, необходима систематизация, категоризация, описание этнографической, минералогической и археологической коллекций, проведение конференций, научных семинаров и расширению связей с учеными Индии. Вся работа по систематизации, категоризации и описанию научных коллекций, создание необходимых условий для хранения и соответствующий мониторинг проводятся специалистами МЦР, ММТР и приглашенными учеными.

Осенью 2018 г. В. Г. Шатко продолжил изучение флоры Кулу и прилегающих территорий. Идет подготовка экспозиции об изысканиях Рерихов по Западным Гималаям, продолжается работа над гербарием[4].

В настоящее время в экспозиции залов института представлены предметы из коллекций старинного оружия, бронзовой скульптуры, ритуальных масок, тибетских чайников, каменных резных изображений, собранных Рерихами. В музейных фондах ММТР хранится богатая научная библиотека, включающая более 16000 изданий на разных языках; карточки, содержа-

4 Изучение естественнонаучных коллекций Института «Урусвати». *YouTube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=zOIFzxxYUc4 (accessed: 27.01.2021).

щие лингвистические и исторические записи Ю. Н. Рериха.

На сегодняшний день научную общественность беспокоит дальнейшая судьба Гималайского Института научных исследований «Урусвати»: сбудутся ли слова Е. И. Рерих *(Илл. 19)* о «Городе Синтетического Знания»? Хочется верить, что там, куда обращены «токи нашего сердца», объединяющая в единое целое идея комплексного познания человечеством самого себя и вселенной через наш мир как часть космоса не останется недовоплощенной. Тем более что начало положено и пути развития определены. А раз так, труды Рерихов не могут остаться втуне: эволюционный процесс, начатый ими в минувшем веке, совершается и в нем «беспредельно куется сердцем жизненная цепь», следуя которой, должно настать время, когда над долиной Кулу вновь засияет свет «Урусвати» — «Свет утренней звезды».

Впереди решение огромных задач по воссозданию и развитию современного Международного научного центра Гималайского Института научных исследований «Урусвати», возрождение и широкую деятельность которого завещал С. Н. Рерих *(Илл. 20)*.

Список литературы / References

Беликов П. Ф., Шапошникова Л. В. Институт «Урусвати». *Духовное созерцание*. 1998. № 1–2. С. 23–35 [Belikov P. F., Shaposhnikova L. V. Institute ‘Urusvati’. *Spiritual Contemplation*. 1998. No. 1–2. Pp. 23–35 (in Russian)].

Гербарий Института «Урусвати» и современная флора Западных Гималаев. *Культура и время*. 2012. № 3 (45). С. 38–47 [Herbarium of the Urusvati Institute and the Modern Flora of the Western Himalayas. *Culture and Time*. 2012. No. 3 (45). Pp. 38–47 (in Russian)].

Годовой отчет Института Гималайских исследований «Урусвати» при Музее [Николая] Рериха (1929–1930). *Культура и время*. 2007. № 3. С. 40–51. [Annual Report of the Institute for Himalayan Studies ‘Urusvati’ at the Museum of [Nicholas] Roerich (1929–1930). *Culture and Time*. 2007. No. 3. Pp. 40–51 (in Russian)].

Крылов П. И. Институт «Урусвати» и академик Вавилов: грустная история в письмах. *Культура и время*. 2013. № 2. С. 96–109 [Krylov P. I. Urusvati Institute and Academician Vavilov: A Sad Story in Letters. *Culture and Time*. 2013. No. 2. Pp. 96–109 (in Russian)].

Лисовский А. А. Институт «Урусвати» и зоологические исследования западных Гималаев. *Культура и время*. 2012. № 4. С. 92–97 [Lisovskiy A. A. “Urusvati” Institute and Zoological Research of the Western Himalayas. *Culture and Time*. 2012. No. 4. Pp. 92–97 (in Russian)].

Рерих Н. К. *Держава Света. Священный дозор*. Рига: Виеда, 1992. — 287 с. [Roerich N. K. *Power of Light. Sacred Watch*. Riga: Vieda, 1992. — 287 p. (in Russian)].

Рерих Н. К. *Листы дневника*. В 3 т. Т. 3. М.: МЦР, 1996. — 688 с. [Roerich N. K. *Diary Leaves*. In 3 vols. Vol. 3. Moscow.: MCR, 1996. — 688 p. (in Russian)].

Рерих Н. К. *Сердце Азии*. Алматы, 2007. — 128 с. [Roerich N. K. *The Heart of Asia*. Almaty, 2007. — 128 p. (in Russian)].

Рерих Е. И. *Письма*. В 9 т. Т. I. М.: МЦР, 1999a. — 432 с. [Roerich E. I. *Letters*. In 9 vols. Vol. 1. Moscow.: MCR, 1999a. — 432 p. (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Новый аванпост науки. *Духовное созерцание*. 1998. № 1–2. С. 70–77 [Roerich Yu. N. New Outpost of Science. *Spiritual Contemplation*. 1998. №. 1–2. Pp. 70–77 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. *Тибет и Центральная Азия*. Самара: Агни, 1999b. — 368 с. [Roerich Yu. N. *Tibet and Central Asia*. Samara: Agni, 1999b. — 368 p. (in Russian)].

Рерих Ю. Н. *Письма*. В 2 т. Т. I. М.: МЦР, 2002. — 352 с. [Roerich Y. N. *Letters*. In 2 vols. Vol. I. Moscow: MCR, 2002. — 352 p. (in Russian)].

Рерих С. Н. *Письма*. В 2 т. Т. I. М.: МЦР, 2004. — 448 с. [Roerich S. N. *Letters*. In 2 vols. Vol. I. Moscow: MCR, 2004. — 448 p. (in Russian)].

Рерих С. Н. *Письма*. В 2 т. Т. 2. М.: МЦР, 2005. — 456 с. [Roerich S. N. *Letters*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: MCR, 2005. — 456 p. (in Russian)].

Учение Живой Этики. Беспредельность. Ч. 2. М.: МЦР, 1995. — 282 с. [*Teaching of Living Ethics. Infinity*. P. 2. Moscow: MCR., 1995. — 282 p. (in Russian)].

Шапошникова Л. В. Исторические и культурные особенности нового космического мышления. *Объединенный Научный Центр проблем космического мышления.* М.: МЦР, 2005. С. 5–41 [Shaposhnikova L. V Historical and Cultural Features of the New Cosmic Thinking. *Joint Scientific Center for the Problems of Cosmic Thinking*. M.: MCR, 2005. Pp. 5–41 (in Russian)].

Шатко В. Г., Потапова С. А., Фролов В. В. Сад в долине Куллу. *Наука в России*. 2013. № 1 (193). С. 106–112 [Shatko V. G, Potapova S. A, Frolov V. V. Garden in the Kullu Valley. *Science in Russia*. 2013. No. 1 (193). Pp. 106–112 (in Russian)].

Шатко В. Г., Потапова С. А. Гербарная коллекция Института Гималайских исследований «Урусвати» (Наггар, Индия). *Бюллетень Главного Ботанического сада*. 2016. № 2 (202). С. 43–62 [Shatko V. G., Potapova S. A. Herbarium Collection of the Institute of Himalayan Research 'Urusvati' (Naggar, India). *Bulletin of the Main Botanical Garden*. 2016. No. 2 (202). Pp. 43–62 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Изучение естественнонаучных коллекций Института «Урусвати» [Studies of the Natural Scientific Collections of the 'Urusvati' Institute. *YouTube*]. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zOIFzxxYUc4 (accessed: 27.01.2021).

Международный центр Рерихов [*International Roerich's Center*]. URL: https://icr.su (accessed 27.01.2021).

DOI 10.18254/S268684310018032-3

Особенности стрит-арта в странах Ближнего Востока

Specific Features of Middle Eastern Street-Art

© 2021 **Наталия Вячеславовна Сафонова**

аспирант, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; safonovanat@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

Natalia V. Safonova

Post graduate student, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; safonovanat@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

В статье идет речь об отличительных особенностях стрит-арта ближневосточного региона. На Ближнем Востоке формирование и развитие этого вида искусства было отличным от Запада. Если в европейских странах и США (в рамках западной культуры) стрит-арт изначально являлся способом личного самовыражения, своеобразным вызывающем заявлением в духе «здесь был я» и стал проявлением индивидуального противопоставления системе и даже ее концептуального разрушения, то на Востоке граффити свойствен коллективный или общинный характер. Надписи на стенах выступают зеркалом, отражающим жизнь города и его обитателей. Считается, что первые граффити на Ближнем Востоке, ставшие способом коммуникации, обменом новостями о злободневных событиях, появились в Палестине, но традиция нанесения надписей на стены существовала на Ближнем Востоке и раньше. Автор показывает, что в наши дни многие художники подверглись влиянию западной эстетики: одно из современных направлений развития стрит-арта — это англоязычные граффити. Автор рассматривает влияния на процесс формирования этого вида искусства на Ближнем Востоке, его основной посыл, задачи, цели и формы и делает выводы о концептуальном отличии ближневосточного стрит-арта от подобного искусства на Западе. Особый акцент делается на наиболее популярном виде стрит-арта — граффити.

Ключевые слова: стрит-арт, ближневосточное искусство, граффити, современное искусство, Ближний Восток

Для цитирования: Сафонова Н. В. Особенности стрит-арта в странах Ближнего Востока. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 275–287. DOI 10.18254/S268684310018032-3

The article focuses on the distinctive features of street-art, presented by artists from the Middle East. The origin and development of this artform in the Middle East differs from the Western one. In European countries and the United States (within the framework of Western culture) street-art was originally a way of personal self-expression, of saying «I was here», the possibility of individual opposition to the system and even its conceptual destruction. On the contrary, in the East, graffiti is characterized by a collective or communal character. It became a type of a mirror reflecting the city's life and its inhabitants. It is believed that the first graffiti, as means of communication, an exchange of current news, appeared in Palestine. But the tradition of graffiti on walls has existed in the Middle East before. Today, many artists have been influenced by Western aesthetics and one of the modern trends in the development of street art is English-language graffiti. In this article, special attention is paid to the origins and development of Middle Eastern street-art, its message, tasks and goals, and what conceptually distinguishes it from similar art in the West. Particular emphasis is placed on one type of the street art — graffiti.

Keywords: street-art, Middle Eastern art, graffiti, contemporary art, Middle East

For citation: Natalia V. Safonova. Specific Features of Middle Eastern Street-Art. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 275–287. DOI 10.18254/S268684310018032-3

Стрит-арт — один из видов современного искусства, тесно связанного с городской средой[1], тогда как граффити представляет собой одно из направлений стрит-арта наряду с муралами, плакатами, картинами на стенах, скульптурами и инсталляциями. Изначально, граффити — это процарапанные надписи и/или рисунки на любой поверхности, и только с последней четверти XX века складывается понимание граффити как одного из видов уличного искусства. Стрит-арт в целом и граффити в частности считаются способом личного самовыражения и порождением западноевропейской культуры, хотя, например, в древней Руси, как и в древнеримской Помпее, где граффити обнаруживаются на стенах бань и других общественных учреждений, сохранились граффити на древних стенах Софии Киевской.

Надписи на стенах начинают систематически появляться на стенах улиц крупных американских городов на рубеже 70-х годов. Как порождение культуры окраин, граффити стали маркером «своего» пространства в условиях строгой сегрегации городов. Так, в Нью-Йорке существовало деление на престижные и бедные районы, а в последних оно не несло в себе никакого художественного или политического посыла, это был просто жест, способ выделиться из толпы, метод маркирования собственной индивидуальности и своего места.

Первыми граффити становятся личные имена, псевдонимы, адрес, то есть те данности, с которыми ассоциировал себя участник этого уличного движения. Даже не подразумевая никакой общественной критики или политической ангажированности, художник тем не менее ставил себя в некую оппозицию, выделившись из толпы. Постепенно стрит-арт ставит себя в оппозицию мейнстримной культуре, становится частью субкультурного пространства, начинает использовать сатиру, критику и просто

1 Важным условием для попадания работы в категорию «уличного искусства» является отсутствие рекламной составляющей.

Илл. 1. **Марта Купер (Martha Cooper). Два полицейских, патрулирующих метро (Two Cops Patrolling Subway). Бронкс, Нью-Йорк, 1981**
По: URL: https://time.com/4743207/martha-cooper-subway-graffiti/ (accessed 12.11.2021)

юмор. С помощью средств уличного искусства человек выделяет себя не только как индивидуальность, но и демонстрирует принадлежность к определенной группировке, этносу, району или кварталу.

Несмотря на свой непредсказуемый характер, граффити связаны с маркированием своего места в большом городе: даже надписи на вагонах метро отмечали различные линии направления движений поездов, у каждого из которых были свои художники. Так поезда пересекали пространство города, создавая альтернативную урбанистическую реальность, наполненную зашифрованными смыслами, знаками (*Илл. 1*). Таким образом граффити превратились в своеобразную метку «Я здесь был». Как пишет французский культуролог К. Мальбранш: «Принцип граффити — нарисовать маршрут в бетонных джунглях и сообщить свое имя, чтобы показать, что такой-то был здесь в такое-то время… Справедливо в этом случае сказать “**я рисую, следовательно, я существую**”» [Мальбранш, 2011, с. 35].

Граффити отличаются друг от друга по технике и стилю выполнения надписей. Сегодня выделяют такие виды граффити, как: throw-up, bombing, writing, scratching, stencil. По манере нанесения надписей различают множество

Илл. 2. **Изображение мечети аль-Акса в Иерусалиме**
Рядом поздравления с совершением хаджа
По: URL: https://hyperallergic.com/161128/in-jerusalems-old-city-a-different-kind-of-cubism/ (accessed 12.11.2021)

стилей: объемный, динамичный, дикий, трафаретный, эклектичный, throw-up и другие[2]. Так, надписи могут выглядеть лаконично, наноситься просто и быстро, а могут представлять собой яркие массивные буквы, быть кубической формы, сочетать большое количество цветов и шрифтов, превращаться в образы и некие фигуры.

Искусство граффити, как и другие виды стрит-арта, быстро становится популярным, особенно у представителей различных субкультур[3]. Стили уличного искусства постоянно развиваются:

2 Стили и направления граффити. *Международная выставка каллиграфии.* URL: http://calligraphy-expo.com/aboutcalligraphy/kinds_of_graffiti/stili-i-napravleniya-graffiti (accessed 02.08.2021).

3 Популярность граффити в субкультурной среде понятна: они позволяют максимально отразить протестные настроения, поставить себя в оппозицию общепринятым нормам и мейнстриму. Для понимания места граффити в культу-

Илл. 3. **Номера на стенах домов в Саудовской Аравии маркируют район происхождения райтера**
По: URL: https://www.mashallahnews.com/graffiti-without-a-cause/ (accessed 12.11.2021)

эволюционируют приемы и техники и, наконец, лучшие образцы становятся востребованы арт-галереями и переходят в пространство художественных выставок.

Традиционные граффити Ближнего Востока: хадж, свадьбы и каллиграфия

На Ближнем Востоке формирование и развитие этого вида уличного искусства имело иную историю. Считается, что граффити возникли в Палестине, в оккупированной Газе как средство коммуникации: способ распространения новостей на оккупированных территориях и общения людей друг с другом, обмена новостей в условиях информационной изоляции.

Однако в странах Ближнего Востока существовала более ранняя традиция нанесения надписей на стены, существующая до сих пор и призванная сообщить о совершении жителями дома паломничества (хаджа), женитьбе или рождении ребенка. В этом случае на стены дома наносятся традиционные поздравления (*Илл. 2*).

В Саудовской Аравии до сих пор существует традиция нанесения чисел или определенных закодированных надписей, означающих регион проживания или принадлежность к конкретному племени[4] (*Илл. 3*).

Говоря об искусстве граффити, необходимо упомянуть и о другой традиции: о каллиграфии, в которой и сегодня художники на Востоке черпают вдохновение. Появился и специальный термин — **каллиграффити**[5] (*Илл. 4*). Один из самых известных и растиражированных его представителей — **Эль Сид (eL Seed)**, который

ре сегодняшней России приведем слова из интервью известного российского художника Кирилла Кто. На вопрос о том, как дальше будет развиваться этот вид искусства, он ответил: «Оно будет синтетически скрещиваться, как и весь сегодняшний культурный продукт постмодерна, со множеством других эпох и жанров. Скрещиваться с цифровыми технологиями, с классическими художественными практиками, с пониманием города, с перформансом, с политикой. Сейчас оно, например, очень хорошо подружилось с околофутбольным хулиганством. Так же как раньше оно рука об руку шло с хип-хопом». См.: Интервью с Кириллом Кто. Ч. I. *LiveJournal.* URL: https://streetart-ekb.livejournal.com/320183.html (accessed 29.08.2021).

4 Jarbou R. Graffiti without a Cause. *Mashallah News*, 2014. URL: https://www.mashallahnews.com/graffiti-without-a-cause/ (accessed 29.08.2021); Jarbou R. The Medium and the Message. *Mashallah News*, 2012. URL: https://www.mashallahnews.com/the-medium-and-the-message/ (accessed 29.08.2021).

5 Исследователи спорят, где этот вид визуального искусства появился впервые. Сегодня каллиграффити ассоциируется именно со сплетением арабской каллиграфии и принципов граффити ближневосточных художников. Известные представители: El Seed (Тунис, Франция), Yazan Halwani (Ливан), A1One (Иран), Sadequain (Пакистан), Hassan Massoudy (Ирак); в России получил известность мастер Покрас Лампас.

Илл. 4. **Эль Сид (eL Seed). Представление о Каире (Cairo Perception)**
По: URL: https://elseed-art.com/wp-content/uploads/2018/02/7.jpg (accessed 12.11.2021)

Илл. 5. **Выставка «Хуруфийя: искусство и идентичность»**
Фото: Фонд Гейдара Алиева
По: URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/6142/ (accessed 12.11.2021)

уже не является представителем бунтарской субкультуры: он выполняет заказы правительства по росписи домов и улиц, и даже сотрудничает с индустрией моды.

Другой появившийся термин — **исламские граффити**: ими обозначаются надписи религиозного или политического характера[6] — в этом случае они выполняются в стиле каллиграфического письма, на котором был написан Коран.

Арабская каллиграфия легла и в основу нового художественного движения **хуруфийя**. Это движение возникло в Северной Африке в период обретения независимости от колониальных держав и стало поиском нового языка для выражения культурной и национальной идентификации. В этом поиске художники обратились к наследию прошлого, в первую очередь, к каллиграфии[7]. Сегодня современные художники совмещают в своем творчестве принципы арабской каллиграфии и приемы современного западного искусства (*Илл. 5*)[8].

6 Чаще всего выполняются исламистами.

7 Mavrakis N. The Hurufiyah Art Movement in Middle Eastern Art. *McGill Journal of Middle East Studies Blog.* URL: https://mjmes.wordpress.com/2013/03/08/article-5/#_ftnref (accessed 06.08.2021).

8 Движения хуруфийя условно восходит к суфийской мистической доктрине начала XIV в., в которой буквы арабского и персидского алфавита (ḥurūf) служат для толкования священного текста Корана и «отражают его божественную сущность». См.: В Баку впервые прошел «Фестиваль Насими. Поэзия. Искусство. Духовность». *The Art Newspaper Russia.* 2018. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/6142/ (accessed 02.08.2021). Современные

Илл. 6. **Выполненный на стене портрет 27-летнего египетского блогера Халеда Саида, убитого в июне 2010 г. Появился в 2012 г., затем был уничтожен**
По: URL: https://www.middleeasteye.net/features/khaled-said-five-years-state-egyptian-street-art (accessed 12.11.2021)

Итак, традиция каллиграфии, знаменитые орнаменты мечетей, рукописи, получившие особое развитие на Востоке в связи со сложившимся мусульманским запретом на изображение людей и животных[9], представляют собой культурно-историческое наследие ближневосточных художников и, следовательно, одну из особенностей стрит-арта этого региона.

Трансформация граффити: от «антисглаза» к активизму

Особый вид граффити, представляющий собой не традиционные виды коммуникации, созданные по таким случаям, как хадж или женитьба, а спонтанно возникшие свободные сообщения, выражающие неприятие режима, впервые, как уже упоминалось выше, возникли в Палестине. Тогда же появилась традиция изображать мучеников, погибших за веру, в борьбе за права палестинцев. Сегодня эта традиция продолжается: самый известный случай последних лет — стихийно и повсеместно распространившееся **изображении избитого и умершего блогера Халеда Саида** в Египте, расследовавшего злоупотребления полицейских[10] (*Илл. 6*). А в самой Палестине стена, сооруженная Израилем, стала местом паломничества для райтеров со всего мира. Арабские художники здесь часто обращаются к образам западной культуры и английскому языку[11] (*Илл. 7*).

В Ливане «стихийные» граффити появились примерно в одной время с палестинскими и развивались как форма пропаганды и маркирования территориальных границ различными группами во время Гражданской войны, начавшей в 1975 г. Здесь это искусство попало под сильное влияние

художники, относящие себя к этому движению, используют арабскую графику при создании экспрессивных и абстрактных работ. В основном, они уже не имеют отношения к граффити: их живописные работы выставляются в галереях и собраниях. Яркие представители движения — группа *Al Bu'd al Wahad* (One Dimension Group), образованная в 1971 г., а также художники Ibrahim el-Salahi, Sadequain и другие.

9 Прямой отсылки на запрет изображений людей или животных в Коране нет, однако в сборниках хадисов пророку Мухаммаду приписываются изречения, в соответствии с которыми при изображении живых существ человек приравнивает себя к Аллаху, что является страшным грехом. См.: [Ислам и искусство… 2015].

10 Khaled Said Five Years on: The State of Egyptian Street Art. *Middle East Eye.* 2015. URL: https://www.middleeasteye.net/features/khaled-said-five-years-state-egyptian-street-art (accessed 09.08.2021). О граффити как форме политического активизма см.: [Стародубцева, 2020].

11 Krohn Z., Lagerweij J. Concrete Messages. *All City.* 2010. URL: https://www.allcity.fr/pdf/allcity-concrete-messages.pdf (accessed 28.08.2021).

Илл. 7. **«Метатель цветов» Бэнкси (Banksy) — часто репродуцируемый в регионе образец, впервые появившийся в Вифлееме после строительства разделительной стены между Израилем и Западным берегом реки Иордан**
По: URL: https://www.theartnewspaper.com/news/banksy-loses-flower-thrower-trademark-case-calling-his-anonymity-into-question (accessed 12.11.2021)

Илл. 8. **Граффити с защитными символами «от сглаза» на кузове грузовика в Ливане**
По: URL: https://vijainqatar.wordpress.com/2011/06/03/arabic-graffiti/ (accessed 12.11.2021)

западного стиля, хотя сама традиция нанесения граффити на стены была вполне самостоятельной: например, в 80-е годы на стены магазинов каллиграфическими шрифтами наносили описание имеющихся товаров. Знамениты и расписанные граффити грузовые машины, сначала с надписями, предохраняющими от злого глаза, а потом как средство самовыражения владельца[12] (*Илл. 8*).

Схожая традиция наблюдалась и в предреволюционном Египте (до Арабской весны), где граффити были распространены в виде поздравлений со свадьбой, с совершенным хаджем, а также в среде футбольных фанатов. Как видим, надписи здесь вписывались в рамки традиционной жизни города, влившись в существующую каллиграфическую традицию. Стихийный и политический характер они приобрели во время Арабской весны, и авторами их стали активисты, а не художники: это была попытка не только выразить личное отношение к происходящему, но и облечь протест в мирную форму.

Не напрасно художник ***Ganzeer***, **«пионер революционных граффити»**, акцентирует внимание на том, что «египетские революционные граффити не равноценны стрит-арту, потому что у наших работ была вполне конкретная цель, мы ощущали жизненную необходимость их создавать. Фрески никогда не были для художников средством самовыражения.... Все делалось ради самих работ, потому что мы слишком переживали из-за того, что происходило вокруг. Поэтому мне страшно не нравится, когда меня называют стрит-художником, — то, что я делаю, к уличному искусству имеет мало отношения»[13].

Большую популярность снискал проект ***Walls of Freedom***, где фактически законспектирована история трехлетней арабской революции в фотографиях произведений стрит-художников. Добившись развития движения стрит-арта и пережив его бум, художники стали все чаще обращаться к западным образцам, а многие их них позже покинули страну[14] (*Илл. 9*).

Проблемы легальности и анонимности

Стоит упомянуть и проблему легальности нанесения граффити. Тогда как на Западе это действие чаще всего рассматривается как форма вандализма и преследуется по закону, то на Востоке сажать в тюрьму за граффити не станут. Возможно, сказывается предшествующая традиция нанесения надписей: запрещено может быть нанесение определенных изображений и сюжетов, но не сам факт их производства.

Один из самых известных художников тунисского происхождения **Эль Сид**, родившийся и выросший в Париже, для которого арабский язык не родной, использует каллиграфию уже исключительно как средство самовыражения. Чтобы подчеркнуть преемственность с мусульманской культурой, он часто не подписывает свои работы, но его характерный стиль и так легко узнается.

На Ближнем Востоке художники-граффитисты свои работы, разумеется, не подписывали. **В Бахрейне** основным посылом местных граффити являются фразы из Корана, иронические надписи, исторические отсылки. Рана Джарбоу пишет[15]: «Имя создателя не важно, он всего лишь медиатор, передающий послание ради самого послания»[16]. Однако и медиатор, и послание становятся своего рода социологическим

12 Ближний Восток как гигантское полотно. *Международная выставка каллиграфии.* 2011. URL: http://calligraphy-expo.com/about/news/blizhniy-vostok-kak-gigantskoe-polotno (accessed 01.09.2021).

13 Египет: искусство до и после революции. Ч. I. Ganzeer. *Искусство.* 2014. URL: https://iskusstvo-info.ru/egipet-iskusstvo-do-i-posle-revolyutsii-chast-i-gazeer/ (accessed: 05.09.2021).

14 Walls of Freedom. Street Art of the Egyptian Revolution. *Walls of Freedom.* URL: http://wallsoffreedom.com/ (accessed 05.08.2021).

15 Jarbou R. Walls of the GCC. *Mashallah News,* 2017. URL: https://www.mashallahnews.com/contributors/rana-jarbou/ (accessed 29.08.2021).

16 Jarbou R. The Medium and the Message. *Mashallah News.* 2012. URL: https://www.mashallahnews.com/the-medium-and-the-message/ (accessed 29.08.2021).

Илл. 9. **Ganzeer. Армия превыше всего. 2013. Граффити на улице Каира**
По: URL: https://iskusstvo-info.ru/egipet-iskusstvo-do-i-posle-revolyutsii-chast-i-gazeer/ (accessed 12.11.2021)

Илл. 10. **Аркадия Бланк (Arcadia Blank). Мечту опустить сюда**
По: URL: https://www.mashallahnews.com/filling-dubais-blanks/ (accessed 12.11.2021)

термометром, отражающим текущие события на острове. И нынешние граффити указывают на гораздо более напряженную борьбу, которая еще впереди[17].

В Дубае граффити носят характер протеста против материальной культуры, западных ценностей. Один из самых известных представителей стрит-художников — **Аркадия Блэнк** (Arcadia Blank) арабо-европейского происхождения. Его граффити англоязычны и узнаваемы: они имеют своеобразную подпись — знак *U* (сокращенно от *you* (ты)): таким образом, художник обращается к проходящим мимо людям, активно вовлекая их в свое творчество, делает их сопричастными, со-авторами. Когда Аркадия переехал в Дубай, он счел город слишком коммерциализированным, обособленным от общества и лишенным человечности. Начав рисовать, художник попытался определить свое место в городе и дать ему определение, язык. Художник помещает надписи на временные конструкции, гуманизируя наиболее неприветливые урбанистические элементы (щиты, заборы, стройки). Сила произведений Аркадии заключается в эфемерности, идеально вписывающейся в Дубай, где вещи находятся в постоянном движении и изменении[18] (*Илл. 10*).

В заключение перечислим основные **отличия граффити в субкультурном пространстве Востока и Запада**. На Западе граффити зародилось как средство самовыражения и сейчас чаще всего является заявлением о личном протесте. На Востоке этот протест носит коллективный характер. И там и там, граффити — это средство коммуникации, но посыл (message) этой коммуникации различается: на Западе он может отсутствовать, и тогда основной смысл и задача граффити — разрушить систему через отсутствие смысла, и таким образом показать голос индивидуальности, человека, противостоящего системе и культуре. На Востоке же коммуникативный посыл присутствует всегда, и цель его заключается не в самовыражении, а в том, чтобы быть частью общинного самовыражения, то есть частью процесса гармоничного сосуществования людей друг с другом.

Когда сегодня на Востоке у художников-граффитистов наблюдается ярко выраженное индивидуальное начало, это, как правило, говорит об их западном происхождении или следовании западным образцам. Однако, даже усваивая культурные коды Запада, художники находят собственный язык, рассказывая о жизни и проблемах своего города, своего народа.

Кроме того, на искусство ближневосточных граффити сильно повлияла традиция каллиграфии, что способствовало ранней эстетизации этого вида искусства. Яркий эстетизм ближневосточных граффити стал своеобразным ноу-

17 Ближний Восток как гигантское полотно. *Международная выставка каллиграфии.* 2011. URL: http://calligraphy-expo.com/about/news/blizhniy-vostok-kak-gigantskoe-polotno (accessed 01.09.2021).

18 R. Jarbou. Filling in the Blanks on Dubai's Walls. *Mashallah News.* 2015. URL: https://www.mashallahnews.com/filling-dubais-blanks/ (accessed 29.08.2021).

хау, весьма успешным при экспорте на Запад. И сегодня мы наблюдаем растущую популярность ближневосточных художников-граффитистов в странах Запада, особенно в связи с их массовой эмиграцией после Арабской весны.

Список литературы / References

Мальбранш К. Метафизика настенного искусства. *Известия ВГПУ*. 2011. № 3. С. 33–36 [Malebranche K. Metaphysics of Wall Art. *Izvestia VSPU*. 2011. No. 3. Pp. 33–36 (in Russian)].

Ислам и искусство: от запрета изображений к сакрализации каллиграфии. *Религия и / или повседневность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16–18 апр. 2015*. Минск, 2015. С. 309–315 [Islam and Art: From Banning Images to Sacralizing Calligraphy. *Religion and / or Everyday Life: Materials of the 4th Intern. Acad.-Pract. Conf. Minsk, April 16–18. 2015*. Minsk, 2015. Pp. 309–315 (in Russian)].

Стародубцева М. В. Визуальный активизм на Ближнем Востоке: как искусство пытается изменить мир. *Восточный курьер / Oriental Courier*. № 1–2. 2020. С. 180–195 [Starodubtseva M. V. Visual Activism in the Middle East: The Way Art Tries to Change the World. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 180–195 (in Russian)].

Электронные источники / Electronic Sources

Ближний Восток как гигантское полотно. *Международная выставка каллиграфии.* 2011 [Near East as a Giant Canvas. *International Exhibition of Calligraphy.* 2011] URL: http://calligraphy-expo.com/about/news/blizhniy-vostok-kak-gigantskoe-polotno (accessed: 01.09.2021).

В Баку впервые прошел «Фестиваль Насими. Поэзия. Искусство. Духовность». *The Art Newspaper Russia.* 2018 [Baku Held “Festival Nasimi. Poetry. Art. Spirituality” for the First Time. *The Art Newspaper Russia.* 2018] URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/6142/ (accessed 02.08.2021).

Египет: искусство до и после революции. Ч. I. Ganzeer. *Искусство*. 2014. № 4 (591) [Egypt: Art before and after the Revolution. Part I. Gamzeer. *Iskusstvo*]. URL: https://iskusstvo-info.ru/egipet-iskusstvo-do-i-posle-revolyutsii-chast-i-gazeer/ (accessed 05.09.2021).

Интервью с Кириллом Кто. Ч. I. *LiveJournal* [Interview with Cyril Who. Part I. *LiveJornal*] URL: https://streetart-ekb.livejournal.com/320183.html (accessed 29.08.2021).

Стили и направления граффити. *Международная выставка каллиграфии* [Styles and Trends of Graffiti. *International Exhibiton of Calligraphy*]. URL: http://calligraphy-expo.com/aboutcalligraphy/kinds_of_graffiti/stili-i-napravleniya-graffiti (accessed 02.08.2021).

Jarbou R. Filling in the Blanks on Dubai’s Walls. 2015. *Mashallah News.* URL: https://www.mashallahnews.com/filling-dubais-blanks/ (accessed 29.08.2021).

Jarbou R. Graffiti without a Cause. *Mashallah News.* URL: https://www.mashallahnews.com/graffiti-without-a-cause/ (accessed 29.08.2021).

Jarbou R. The Medium and the Message. *Mashallah News.* URL: https://www.mashallahnews.com/the-medium-and-the-message/ (accessed 29.08.2021).

Jarbou R. Walls of the GCC. 2017. *Mashallah News.* URL: https://www.mashallahnews.com/contributors/rana-jarbou/ (accessed 29.08.2021).

Khaled Said Five Hears on: The State of Egyptian Street Art. *Middle East Eye*. 2015. URL: https://www.middleeasteye.net/features/khaled-said-five-years-state-egyptian-street-art (accessed 09.08.2021).

Krohn Z., Lagerweij J. Concrete Messages. *All City.* 2010. URL: https://www.allcity.fr/pdf/allcity-concrete-messages.pdf (accessed 28.08.2021).

Mavrakis N. The Hurufiyah Art Movement in Middle Eastern Art. *McGill Journal of Middle East Studies Blog*. https://mjmes.wordpress.com/2013/03/08/article-5/#_ftnref (accessed 06.08.2021).

Walls of Freedom. Street Art of the Egyptian Revolution. *Walls of Freedom.* URL: http://wallsofreedom.com/ (accessed 05.08.2021).

Worldwide Louis Vuitton. *eL Seed*, 2013. URL: https://elseed-art.com/projects/louis-vuitton/ (accessed 22.08.2021).

Подписано в печать 21.12.2021
Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28.43. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
119049, г. Москва, Мароновский пер., 26

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Департамент научных изданий
Научно-инновационного управления
Государственного академического
университета гуманитарных наук
e-mail: dsp@gaugn.ru
https://gaugn.ru/science/dni/

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, офис 1